This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

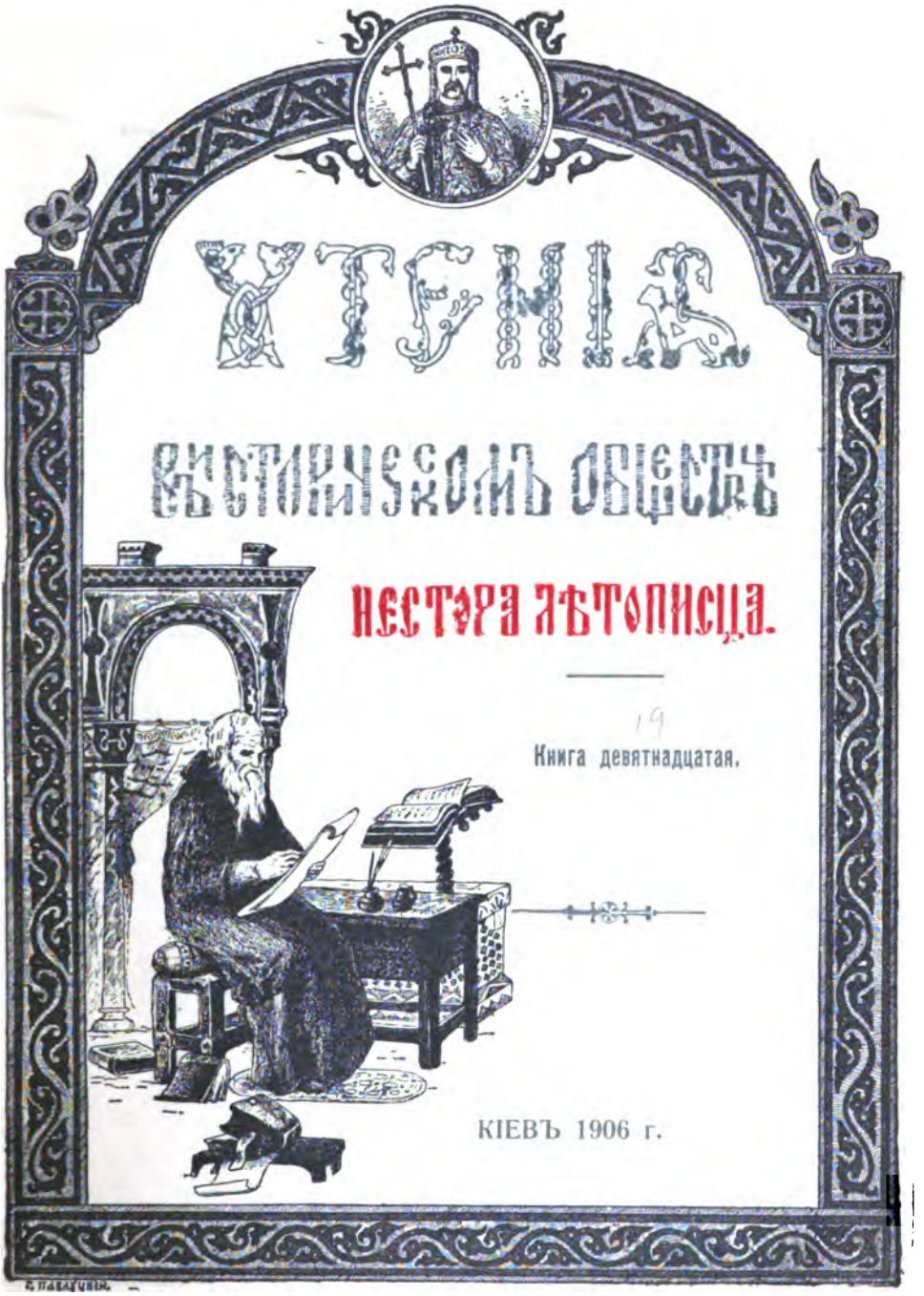
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 381.70

Harvard College
Library

FROM THE FUND BEQUEATHED BY
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY
1908–1928
DIRECTOR OF THE UNIVERSITY LIBRARY
1910–1928

Slav 25.125



ЧТЕНІЯ

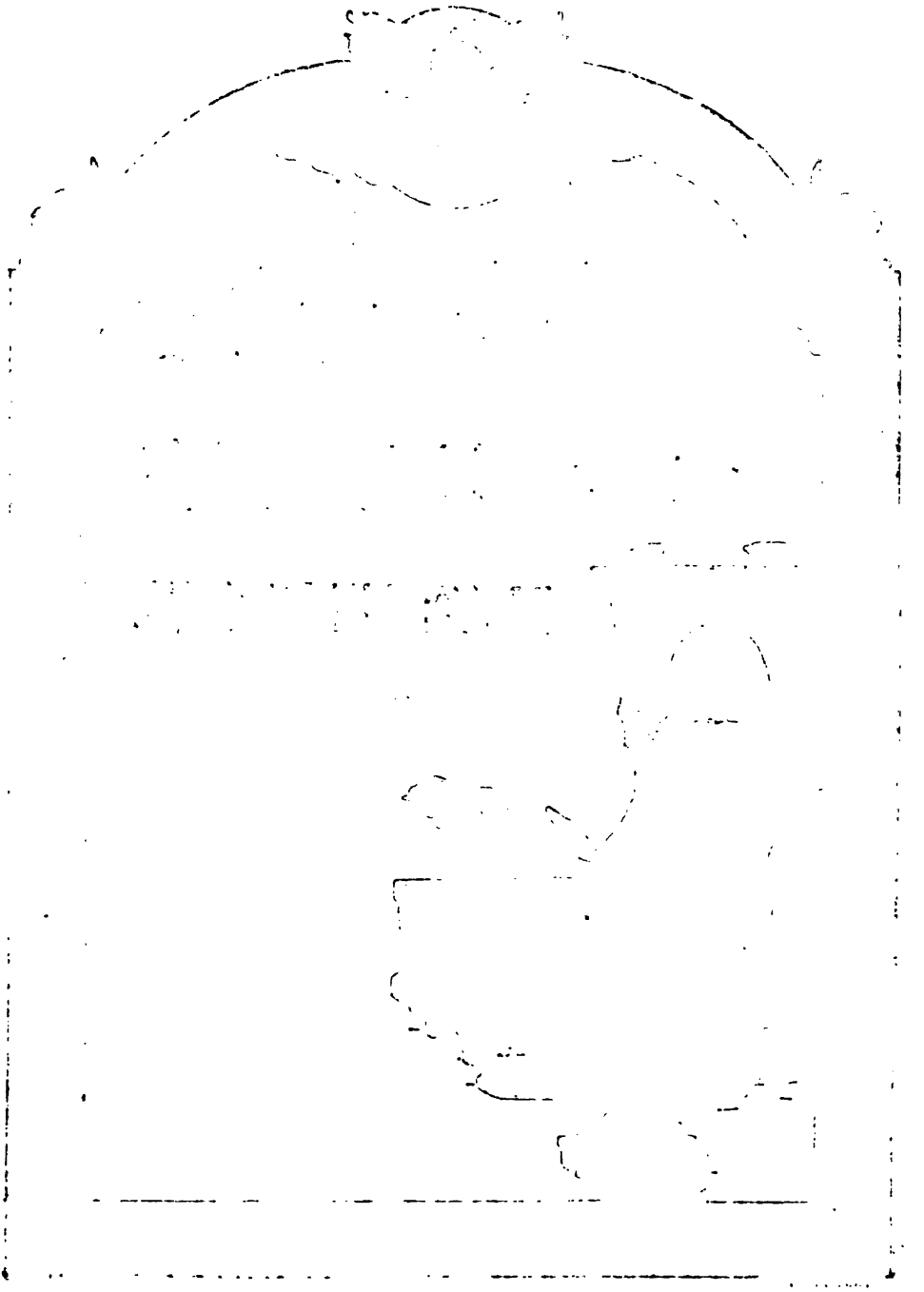
ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

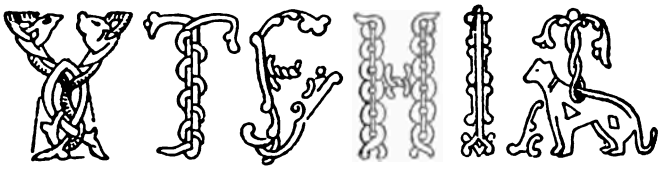
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

19

Книга девятнадцатая.

КІЕВЪ 1906 г.





ВСТОРИЧЕСКІЙ ОБЩЕСТВЪ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга девятнадцатая.

Выпускъ I.— IV

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1906.

P Slav 381.70

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
OCT 8 1951

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XIX-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

стр.

Посвященіе настоящей книги и списокъ трудовъ проф. В. С. Иконникова, съ приложеніемъ его портрета и факсимиле 1

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Сокращенное изложеніе сообщеній.

Вып. 2-й.

Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія.—*А. С. Грушевскаго* 3

Изображеніе храма въ древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ.—*Г. Г. Павлуцкаго* 4

Придорожные кресты, иконы и статуи святыхъ въ селахъ Кіевскаго уѣзда.—*И. М. Каманина* . . . 5

Дубровницкій Статутъ.—*Т. Д. Флоринскаго* 7

II

стр.

Хиландарскій синаксарь преп. Саввы Сербскаго.—*А. А. Дмитріевскаго* 10
Ученая дѣятельность А. Н. Пыпина.—*А. М. Лободы* . 11
Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина.—*В. А. Чаговца* 11
Славяно-русскій Троянъ и императоръ Траянъ.—*Н. П. Дашкевича* 13
О существованіи въ Кіевѣ латинскихъ храмовъ.—*А. В. Стороженка* 16
Новооткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ г. Кіева 1657 г.—*Н. И. Петрова* 19
О формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII в.в.—*О. И. Левицкаго* 22
О времени существованія г. Переяславля.—*П. В. Голубовскаго* 24
Олексій Поповичъ думы „про бурю на Чорному морі".—*Н. П. Дашкевича* 28
Что представляетъ собою „село" и „вервь" Русской правды?—*М. Н. Ясинскаго* 31
Основныя положенія, выработанныя особой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій.—*Ю. А. Кулаковскаго* 34
Старинныя деревянныя синагоги въ Юго-Западномъ краѣ.—*Г. Г. Павлуцкаго* 39
Докладъ коммиссіи, избранной Обществомъ по вопросу объ охранѣ древнихъ памятниковъ и зданій . 42

Вып. 3-й.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.—*А. М. Лободы* 46
Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Русскимъ.—*Н. П. Дашкевича* 56

стр.

Нѣсколько вводныхъ словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ.—*Н. П. Дашкевича* 59

Достоевскій, какъ человѣкъ и писатель.—*И. А. Сикорскаго* 63

Новая теорія о происхожденіи Руси.—*Ю. А. Кулаковскаго.* 68

Памяти историка Малороссіи Н. И. Костомарова.—*А. С. Грушевскаго* 70

„Горькая судьбина" Писемскаго и ея литературный прототипъ.—*А. М. Лободы* 73

О судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ.—*Г. М. Бараца* 74

Вып. 4-й.

Неизданная служба въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки.—*А. А. Дмитріевскаго* . . 79

Таинственный крестъ въ с. Молчанахъ (Ямпол. уѣз. Подол. губ.).—*И. М. Каманина* 80

Результаты работъ по подготовкѣ къ XIV-му Археологическому съѣзду въ г. Черниговѣ.—*граф. П. С. Уваровой* 82

О мнимомъ судѣ Божіемъ и о судѣ 12 мужей по Русской Правдѣ и по Закону Судному.—*Г. М. Бараца.* 84

Доля и Горе въ народной сказкѣ.—*А. И. Сонни* . . 88

Памятники каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полтавской губ.—*Г. Г. Павлуцкаго* . 94

„Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня.—*Ю. А. Яворскаго* . . . . . 97 и 99

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Романтическій міръ Гоголя.—*Н. П. Дашкевича* . . . 3

Вып. 2-й.

Древности г. Люблина.—*А. В. Стороженка* 35

Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ" (эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.).—*А. С. Грушевскаго* . 51

стр.

Вып. 3-й.

Судьба грамоты кн. Романа Галицкаго.—*И. М. Каманина.* 71

Вып. 4-й.

О путешествіи изъ Вѣны въ Москву въ 1655 г. Франа Гундулича.—*М. П. Петровскаго* 81

Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ, сооруженная въ 1199—1200 г.г.—*С. Т. Голубева* 88

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—*Сообщилъ П. В. Голубовскій* 1

Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни.—Сообщилъ *О. А. Фотинскій* 33

Вып. 2-й.

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 51

Изъ переписки Запорожья XVI в. съ польскими вельможами.—Сообщилъ *А. В. Стороженко* 67

Вып. 3-й.

Новыя подробности изъ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Оришовскаго—Сообщилъ *А. В. Стороженко.* 73

Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири.—Сообщилъ *П. В. Голубовскій* 81

Вып. 4-й.

Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 году.—Сообщилъ *В. Л. Модзалевскій.* 105

стр.

Отдѣлъ IV.

Вып. 1-й.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви.—*Ѳ. И. Титова* . . . 3

Вып. 2-й.

Черниговскій историко-археологическій отрывочный календарь на 1906 г.— *П. В. Голубовскаго* . . . 21

А. К. Петровъ: О подложности грамоты князя Ѳедора Коріатовича 1360 г. („Статьи по славяновѣдѣнію", изд. Императ. Академіи Наукъ).—*А. И. Соболевскаго* 25

J. T. Lubomirski: Adam Kisiel, wojewoda Kijowski. Warszawa, 1905.—*И. М. Каманина* 27

Вып. 3-й.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.—*А. В. Стороженка* . . . 31

Вып. 4-й.

Къ вопросу о народности Македонскихъ славянъ.—*Т. Д. Флоринскаго* 39

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

Библіографическій вопросъ.—*А. И. Соболевскаго* . . . 1

Вып. 2-й.

Грамматика І. Ужевича 1643 г.—*Его-же* 3

Вып. 3-й.

Конецъ Кіевскихъ календарей.—*Его-же* 6

Приходо-расходныя книги Азовскаго Предтечева монастыря, 1699—1701 г.г. (къ характеристикѣ монастырскаго быта).—*Н. Н. Оглоблина* . . . . . 11.

Въ 1905 году исполнилось 40-лѣтіе со времени выхода въ свѣтъ перваго крупнаго научнаго труда извѣстнаго нашего историка и почетнаго члена Историческаго Общества Нестора - лѣтописца, заслуженнаго профессора Университета св. Владимира, Владимира Степановича Иконникова.

Его неустанные и непрерывные труды по русской исторіографіи и по исторіи Россіи давно уже снискали автору глубокое уваженіе, благодаря отличающей автора ихъ строгой точности, добросовѣстности, объективности и обстоятельнѣйшей эрудиціи, какими могутъ похвалиться немногіе изъ нашихъ историковъ.

Равнымъ образомъ имя В. С. Иконникова пребудетъ дорого Историческому Обществу Нестора-лѣтописца въ силу того значительнаго вклада энергіи и почина, который внесъ въ организацію и дѣятельность Общества бывшій уважаемый предсѣдатель его.

Относясь за все это съ глубокою признательностью къ В. С. Иконникову, Историческое Общество рѣшило посвятить ему настоящую XIX книгу своихъ „Чтеній“, украсивъ ее портретомъ юбиляра и спискомъ его трудовъ.

Списокъ трудовъ профессора В. С. Иконникова.

1. *Максимъ Грекъ*, въ 2-хъ вып., 365 стр., in-8, Кіевъ 1865—1866, магистерская диссертація (Универс. Изв. и отд.);

2. *По поводу сочиненія Костомарова:* Кто былъ первый Лжедмитрій (Универс. Изв. 1865, №№ 2 и 3, стр. 22—56, 1—12);

3. *Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка*, Кіевъ 1866, 85 стр. in-8 (Унив. Изв. 1866, №№ 1 и 2, стр. 1—44, 1—40 и отд.);

4. *Очеркъ разработки русской исторіи въ XVIII столѣтіи*, лекція, Харьковъ, 1867, 27 стр., in-8 (Проток. Харьк. унив. 1867, т. I и отд.);

5. *Общій взглядъ на развитіе науки русской исторіи*, вступ. лекція, Кіевъ, 1868, 22 стр., in-8 (Унив. Изв. 1868; № 10 и отд.);

6. *Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи*, Кіевъ, 1869, 562 стр., in-8, докторская диссертація (Унив. Изв. 1869, № 1—12 и отд.);

7. *Моимъ критикамъ*, по поводу предшествующаго сочиненія, Кіевъ, 1870, 99+102 стр., in-8 (Унив. Изв. 1870, № 1—5 и отд.);

8. *Скептическая школа въ русской историографіи и ея противники*, Кіевъ, 1871, 106 стр., in-8 (Унив. Изв. 1871, №№ 9, 10, 11 и отд.);

9. *Мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова*, съ примѣч. (Рус. Стар. 1872);

10. *Графъ Н. С. Мордвиновъ*. Историческая монографія, составленная по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ (по фамильнымъ бумагамъ гр. Мордвинова и документамъ Рѣшетиловской библіотеки), съ портретомъ, Спб. 1873, 578 стр., in-8;

11. *Русская женщина наканунѣ реформы Петра В. и послѣ нея*. Сравнительно-историческій очеркъ (двѣ публичныя лекціи въ пользу голодающихъ Самарской губ. и недостаточныхъ студентовъ), Кіевъ, 1874, 102 стр., in-8 (Унив. Изв. 1874, №№ 5 и 6 и отд.);

12. *Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII вѣка*. Соч. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, ч. I, Ярославль, *Рецензія*, 24 стр. (Унив. Изв. 1874, № 11);

13. *Николай Ивановичъ Новиковъ*, издатель журналовъ 1769—1785 г.г., А. Незеленова, Спб. 1875. *Рецензія*, 27 стр. (Унив. Изв. 1875, № 7);

14. *Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій*. Критико-біографическій очеркъ (Древ. и Нов. Россія 1875, т. II, стр. 20—32, 129—140, 217—231, in—4, съ изображеніемъ; въ переработанномъ видѣ въ Чтеніяхъ Общества Нестора-лѣтописца, кн. I, стр. 102—173);

15. *Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія* (Вѣстникъ Европы 1876, №№ 9, 10 и 11, стр. 161—206, 492—550, 73—132, in-8);

16. *Свѣдѣнія о личномъ составѣ профессоровъ, преподавателей и учащихся въ университетѣ св. Владиміра за 1863—1875 гг.* (Унив. Извѣстія 1875 г. № 4, стр. 19—33).

17. *Перечень сочиненій, изданныхъ съ 1863 г. наличными преподавателями Университета св. Владиміра* (ibid. 1875, № 5, стр. 12—34, и № 6, стр. 33—48).

18. *Нѣсколько словъ по поводу новыхъ данныхъ о нашихъ университетахъ* (Унив. Изв. 1876, № 12, стр. 1—18);

19. *Обзоръ литературы русской исторіи за 1874, 1875 и 1876 г.г.* три статьи, 153 стр. (изъ Унив. Изв. 1875, № 8;

1876, № 5; 1877. № 7, стр. 207—248, 130—193, 235—278); нѣмецкій переводъ этихъ статей, съ согласія автора, былъ помѣщенъ въ Russische Revue 1878 г.;

20. *Обзоръ чеперіодиской литературы русской исторіи за 1874—1876* (Унив. Изв. 1878, № 6, стр. 157—278);

21. *Древности права Балтійскихъ славянъ*, соч. А. А. Котляревскаго. *Рецензія* (Сбор. Госуд. знаній, т. II, Спб. 1875, 155—162);

22. Архивъ Юго-западной Россіи, ч. II, т. II. *Рецензія* (ibid., т. IV, 1877, стр. 46—49);

23. Архивъ Правительствующаго Сената, Баранова; т. I—III, 1872, 1875, 1878; *Рецензія* (ibid., т. IV, 1878, стр. 56—68);

24. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива 1-го отд. собств. Е. И. В. канцеляріи. Вып. I. Спб. 1876, Сборникъ газеты Сибирь, Спб., 1876. *Рецензія* (Древ. и Нов. Рос. 1877, № 4, стр. 393—397);

25. *Арсеній Мацѣевичъ*, митр. Ростовскій, 1697—1772. Эпизодъ изъ исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ Россіи (Рус. Стар. 1879, № 4, 5, 6, 9 и 10, стр. 731—752, 1—34, 577—608, 1—34, 177—198, съ портретомъ);

26. *О. М. Бодянскій*, очеркъ жизни и дѣятельности (Рус. Стар. 1879, № 5, стр. 205—214);

27. *Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 г.* (Рус. Стар. 1880, №№ 2 и 3, стр. 423—452, 619—634);

28. *Графъ Н. П. Румянцевъ.* Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи (Рус. Стар. 1881, №№ 9 и 10, стр. 47—74, 225—250);

29. В. Прохоровъ. Матеріалы по исторіи рус. одеждъ и обстановки жизни народной. *Рецензія* Спб. 1881 (Кіев. Стар. 1882).

30. *Время Екатерины II.* Спец. курсъ, составленный по лекціямъ, читаннымъ въ Университетѣ св. Владиміра и на Высшихъ женскихъ курсахъ (съ подробнымъ указаніемъ литера-

туры), Кіевъ 1881—82 (литографія). 4 вып. (42 лекціи за періодъ 1761—1775 г.), стр. 509; изданіе не продолжалось.

31. К. Я. Гротъ. Моравія и Мадьяры съ полов. IX в. до нач. X в.; *рецензія* (К. Стар. 1882, 5 стр.);

32. И. Михалевичъ. Каменецъ-Подольская гимназія. Истор. записка о 50-лѣтіи ея существованія. К. Под. 1883; *рецензія* (тамъ же);

33. Акты, изд. Виленск. Археографич. Ком., т. XII. Акты Главнаго Литовскаго трибунала. В. 1883; *рецензія* (Кіев. Стар. 1883, 4 стр.);

34. А. Сапуновъ. Витебская Старина. Вит. 1883; рецензія (К. Стар. 1883, 4 стр.).

35. *Ближній бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ*, одинъ изъ предшественниковъ реформы Петра Вел. (Рус. Стар. 1883, №№ 9 и 10, стр. 17—66, 273—308);

36. *Университетская типографія*, историч. записка, съ 2 таблицами (Историко-статистичес. записки объ ученыхъ учрежденіяхъ Университета св. Владиміра), 1884, 67 стр.

37. *Редакція Универ. Извѣстій.* Историч. записка (тамъ же, 33 стр.);

38. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. *Рецензія* на соч. Д. Ѳ. Кобеко (Спб. 1885, въ Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ), 83 стр.

39. *Историческія замѣтки: Сынъ ближняго боярина Воинъ Ординъ-Нащокинъ. Н. С. Арцыбашевъ и Н. Г. Устряловъ* (Р. Архивъ 1886).

40. Рядъ біографическихъ и историческихъ статей на буквы B—G, помѣщ. въ Deutsche Encyclopädie, изд. въ Рудольфштадтѣ. 1886 и 1887 гг.

41. *Новыя изслѣдованія и матеріалы о времени Петра Вел.* (1887 Универ. Извѣстія 66 стр.)

42. *Письма С. А. Неплюева къ новобрачной дочери* (К. Стар. 1888 г., 5 стр.);

43. *Баронъ К. А. гр. Гейкингъ, 1751—1809* (Р. Стар. 1888, 4 стр.);

44. *Ссыльные и заточенные въ Соловецкомъ мон.* (Р. Стар. 1888, 8 стр.);

45. *Банкиръ Сутерландъ.* Замѣтка (Р. Стар. 1888);

46 *Еп. Моисей Гумилевскій,* историч. замѣтка о его насильственной смерти (Р. Стар. 1888);

47. *Новыя изслѣдованія и матеріалы о патр. Никонѣ* (Унив. Изв. 1888, 76 стр.);

48. *Сенатъ въ царствованіе Екатерины II* (Рус. Архивъ, 1888, 22 стр.);

49. *Н. С. Арцыбашевъ—историкъ* (Крит.-библіографич. словарь рус. писателей Венгерова, I, 1889, стр. 818—826);

50. *Бантышъ—Каменскій* (тамъ же, II, стр. 91—100);

51. *Новыя изслѣдованія по исторіи смутнаго времени:* С. Ѳ. Платонова: „Сказанія о смутномъ времени" и г. Левитскаго: „Лжедмитрій I, какъ пропагандистъ католичества" (Унив. Изв. 1889, 92 стр.);

52. *Библіографическій листокъ историческихъ книгъ,* веденный въ Рус. Старинѣ и Универ. Извѣстіяхъ съ 1875 по 1890 годъ и заключающій отзывы о 300 слишкомъ изданіяхъ;

53. *Новыя коллекціи рукописей въ Россіи.* Библіографич. замѣтки (Унив. Изв. 1890, 29 стр.);

54. *Губернскія архивныя коммиссіи* 1884—1890 (Унив. Изв. 1890, 36 стр.);

55. *Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа*—объ отмѣнѣ пытки въ Россіи (Чтен. въ Общ. Нестора-лѣтописца, кн. V, 1890);

56. *Ал. Андр. Беклемишевъ* (1743—1808), малорос. военный генер.-губер., Кіев. воен. губ., генералъ—прокуроръ (Кіев. Стар. 1890, 50 стр.);

57. *Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III* (Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтописца, кн. IV, 1890, 18 стр.);

58. *О разборѣ архива гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго,* зап. М. О. Судіенка, сообщеніе (въ Чтеніяхъ Общ. Нестора-лѣтописца, 1891, кн. VII, 5 стр.);

59. *Опытъ русской исторіографіи,* два тома свыше 2500 стр. Кіевъ 1891—92;

60. *Рецензія на соч. П. Н. Буцинскаго*: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ", Харьк. 1889 (Унив. Изв. 1892, 17 стр.);

61. *Павелъ Конюшкевичъ, митр. Тобольскій, 1758—1768* (Р. Стар. 1892, 9 стр.);

62. *Сношенія Россіи съ Франціей* (XVI—XVIII в.). Историч. очеркъ (Кіевлянинъ, 1893, и отд., 62 стр.);

63. *Кіевъ въ 1654—1855, гг.* Историч. очеркъ, приготовленный для сборника, изд. Университетомъ въ 1895 г. (напечатано было въ извлеченіи и съ измѣненіями);

64. *А. Г. Брикнеръ* († 1896). Историч. поминка (въ Чтен. Общ. Нестора-лѣтописца 1896, кн. XII, 13 стр.);

65. *Значеніе царствованія Екатерины II*, публичн. чтеніе въ Общ. Нестора-лѣтописца (Чтен. въ Общ. Нест.-лѣт. 1897 г., кн. XII, 106 стр.)

66. *Russland seit 1613 j.* Обзоръ рус. и иностр. историч. литературы за 1897 г. (*Jahresber. d. Geschichtswissenschaft*, 1898, 29 стр.);

67. *Прошеніе гражданъ г. Нѣжина* о запрещеніи евреямъ розничной торговли, 1797 г., съ примѣч. (Кіев. Стар. 1898, 4 стр.);

68. *Рецензія на соч.: „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ въ Стародубьи XVII—XVIII в. М. Лилеева.* (Унив. Изв. 1897, 21 стр.);

69. *Russland seit 1613.* Обзоръ рус. и иностран. историч. литературы за 1898—99 гг. (*Jahresber. d. Geschichtswissenschaft,* 1900, 46 стр.);

70. *К. Н. Бестужевъ—Рюминъ* († 1897), историч. поминка (Чтен. въ Общ. Нестора-лѣтописца 1898, т. XII, 13 стр.);

71. *По поводу записокъ декабриста С. Г. Волконскаго* (Р. Арх. 1899, 3 стр.);

72. *Историч. воззрѣнія Пушкина.* Монографія, приготовленная въ 1899 г. для юбилейнаго сборника, изд. университетомъ св. Владиміра (рукопись);

73. *Новый трудъ по исторіи смутнаго времени* — о соч. С. Ѳ. Платонова (Журн. Мин. Нар. Просв., 1900, 56 стр.);

74. *Борецкіе, Марѳа посадница и ея семья* (Рус. Истор. Словарь, 1903, 104 стр.);

75. *И. Н. Болтинъ.* Историческіе труды, 1908 (Слов. Рус. Истор. Общества, 40 стр.);

76. *Высшій судъ и надзоръ въ первую половину царствованія Екатерины II,* рецензія на соч. Грибовскаго (Отчетъ о присужденіи Уваров. наградъ Имп. Акад. Наукъ, 1903, 56 стр. 4°);

77. *Кіевъ въ 1654—1855 гг.* Историческій очеркъ, въ переработанномъ и пополненномъ видѣ (Кіев. Стар. 1904 г. и отд. 365 стр.);

78. *Крестьянское движеніе въ Кіевской Губ. въ 1826—27 гг., въ связи съ событіями того времени* (по архивнымъ матеріаламъ). Изъ сборника въ честь В. И. Ламанскаго. Спб. 1905, 92 стр.;

79. *Опытъ русской исторіографіи* т. II, кн. 3 и 4; отпечатано свыше 1000 стр.

Кромѣ того профессоромъ В. С. Иконниковымъ редактированы:

1) Университетскія Извѣстія съ 1873 г.—по настоящее время;

2) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. I я, К. 1879, 317 стр.;

3) а) Положеніе о Высшихъ женскихъ курсахъ, учрежд. въ Кіевѣ. К. 1881; в) Историческая записка и отчетъ о Кіевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, Кіевъ, 1884 г.

4) Юбилейныя изданія Университета св. Владиміра: а) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Унив. св. Владиміра", 816 стр. в). Историко-статистическія записки объ ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ Имп. Унив. св. Владиміра 1834—1884 гг., съ рисунк., планами и таблицами, 484 стр.; с) Академическіе списки Имп. Унив. св. Владиміра, 200 стр.; д) Юбилейный актъ Имп. Унив. св. Владиміра, 304 стр.—всѣ въ 1884 г.; е) Указатель къ оффиці-

альной и неоффиціальной частямъ Университет. Извѣстій 484 стр.;

5) Указатель къ неоффиціальной части Университета св. Владиміра 1884—96, 62 стр.;

6) Кіевъ и Университетъ св. Владиміра при Императорѣ Николаѣ I, 100 стр. 4°, съ видами, К. 1896;

7) Сборникъ сочиненій студентовъ Университета св. Владиміра (8 выпусковъ)

8) Памяти Пушкина, „Сборникъ, изд. по поводу юбилея поэта въ 1899 г., 404 стр.

Отдѣлъ I.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.

I. Засѣданіе 14 ноября 1904 г.

Въ настоящемъ засѣданіи были прочтены доклады:

а, Г-мъ **А. С. Грушевскимъ:** „*Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія*".

Тяжелыя земляныя работы, главнымъ образомъ, работы по сооруженію крѣпостей и рытью Ладожскаго канала, въ которыхъ принимали участіе и малороссы, настолько врѣзались въ память народа, что оставили слѣдъ въ его пѣсняхъ. Работы по сооруженію крѣпостей Кіево-Печерской, Дербентской, Астраханской, Царицынской и т. д. были очень тяжелы для малорусскихъ козаковъ, но еще тяжелѣ были работы по постройкѣ Ладожскаго канала, гдѣ козаки, вслѣдствіе климатическихъ условій, гибли въ большомъ количествѣ. Въ 1721 году на работы по сооруженію Ладожскаго канала было наряжено 10000 козаковъ; столько-же было наряжено и въ 1722 году; въ 1723 году отправкѣ козаковъ на каналъ помѣшали обстоятельства. Такъ какъ работы эти были очень тяжелы, то козаки, не исключая и старшины, всячески отлынивали отъ нихъ. Въ сохранившемся донесеніи Кременчугскаго сотника Ильяшенка изображены тяжелыя условія этихъ

работъ. Уже на пути къ мѣсту работъ козаки испытывали большія лишенія. Самыя работы происходили при невозможныхъ условіяхъ. Достаточно сказать, что тачекъ не было, и козаки носили мокрую землю въ своей одеждѣ. Обиліе воды сильно затрудняло работы. Лѣсъ, необходимый при работахъ, приходилось носить на самихъ себѣ. Начальствующія лица нещадно били козаковъ палками. Смертность во время работъ была очень велика: 30 процентовъ козаковъ погибло въ далекомъ краю. Объ этомъ говорятъ свѣдѣнія, собранныя въ 1723 году Малороссійской Коллегіей. Тяжесть положенія рабочихъ еще болѣе усиливалась вслѣдствіе того, что народъ не понималъ цѣли и аначенія предпринятыхъ работъ. Народъ, не исключая и старшины, полагалъ, что Петръ Великій нарочно придумалъ сооруженіе всѣхъ этихъ „фортецій“ и каналовъ, чтобы губить малорусскихъ козаковъ. Но изъ указовъ того времени ясно видно, что Петръ Великій и его правительство относились доброжелательно къ Украинѣ. Если же послѣдней приходилось тяжело, то это обусловливалось тяжестью борьбы со Швеціей и вызываемымъ ею громаднымъ напряженіемъ всѣхъ силъ государства. Недаромъ Петръ Великій указывалъ, что велико-русскому краю приходится еще тяжелѣ. Но малороссіяне все это упускали изъ виду. Они помнили только разореніе Батурина и Сѣчи и въ сооруженіяхъ, къ которымъ привлекались козаки, видѣли месть за измѣну Мазепы. Такъ думалъ ранѣе Орликъ. Эту мысль народъ влагаетъ въ уста Полуботку. Послѣднимъ слѣдомъ этого мнѣнія явились воззрѣнія на этотъ вопросъ Т. Г. Шевченка. Но затѣмъ историческая наука освѣтила эту страницу исторіи Украины.

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлано было поч. чл. В. С. Иконниковымъ.

б, Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** разсмотрѣлъ *„Изображенія храма въ древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ“*.

Какъ извѣстно, „Изборникъ“ князя Святослава Черниговскаго, относящійся къ 1073 году, имѣетъ много рисунковъ. Нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ трехглавые храмы. Совер-

шенно подобное же изображеніе находится въ Кіевской псалтири XI вѣка, недавно изданной графомъ А. А. Бобринскимъ. Ученые думаютъ, что это перспективное изображеніе пяти-главыхъ церквей. Но авторъ сообщенія съ этимъ не согласенъ: перспектива художникамъ въ то время не была извѣстна, изображали предметы такъ, какъ ихъ знали, а не какъ ихъ видѣли,—и 5-купольныя изображенія тѣхъ временъ имѣютъ всѣ 5 куполовъ. Поэтому, разъ на рисункѣ изображено 3 главы, то это значитъ, что и церковь была трехглавая. Но откуда же въ XI вѣкѣ взялись трехглавыя церкви? Докладчикъ полагаетъ, что это объясняется просто тѣмъ, что уже въ то время въ Южной Руси сооружались трех-главыя деревянныя церкви, какія во множествѣ сохранились и до сихъ поръ. Правда, сохранившіяся трехглавыя церкви относятся къ XVIII и не ранѣе XVII вѣка; но мы знаемъ, что еще въ дохристіанскую эпоху въ Кіевѣ была церковь Иліи, а лѣтопись говоритъ, что по принятіи христіанства Владиміръ святой „повелѣлъ рубити", т. е. приказалъ строить деревянные храмы.

Изъ всего этого референтъ заключаетъ, что трехглавые храмы, оставшіеся отъ XVII и XVIII вв. и представляющіе собой, по его мнѣнію, произведенія самостоятельнаго, національнаго южно-русскаго стиля, являются наслѣдіемъ древнихъ временъ. Типъ этихъ храмовъ, очевидно, выработался давно; эти храмы и изображены на миніатюрахъ XI вѣка.

Въ оживленномъ обсужденіи этого доклада приняли участіе д. чл. Ю. А. Кулаковскій, Н. Ѳ. Бѣляшевскій и В. И. Щербина.

в, Д. чл. **И. М. Каманинъ** сообщилъ о *„Придорожныхъ крестахъ, иконахъ и статуяхъ святыхъ въ селахъ Кіевскаго уѣзда"*.

По мнѣнію автора сообщенія, обычай ставить при дорогахъ и при въѣздѣ въ села кресты или иконы принадлежитъ къ отдаленнымъ временамъ. Онъ вызванъ былъ къ существованію многими причинами. Какъ при построеніи дома, во время закладки, устанавливается крестъ, такъ и

при началѣ поселенія на какомъ-нибудь пустынномъ до того мѣстѣ водружался крестъ. Впослѣдствіи значеніе придорожнаго креста увеличивалось. Если села стояли не при дорогѣ, то крестъ показывалъ, что они находятся неподалеку; если въ селѣ не было храма, то у придорожнаго креста могли совершаться какія-либо общественныя богослуженія, часто у крестовъ устраивались колодцы, служившіе мѣстомъ для освященія воды въ извѣстные праздники; наконецъ, при переходѣ крестьянъ изъ одного села въ другое, отъ одного владѣльца къ другому, они смотрѣли на кресты, потому что на нихъ владѣльцы имѣній разными способами означали число лѣтъ, въ теченіе которыхъ поселенцы освобождались отъ повинностей. Ставились кресты также въ память какого-либо событія, а также по обѣту. Въ эпоху козацкихъ войнъ кресты ставились и на мѣстѣ битвъ, на братскихъ могилахъ, гдѣ погребались павшіе. Во время возстанія 1863 года поляки стали пользоваться крестами для политическихъ цѣлей и манифестацій, что́ достигалось посредствомъ знаковъ и надписей на крестахъ. Противъ этого, разумѣется, принимались мѣры администраціей. При этомъ авторъ сообщенія изложилъ мѣры борьбы съ водруженіемъ крестовъ, а также съ постановкой у дорогъ католическихъ фигуръ и проч., мѣры, которыя принимались Кіевскими генералъ-губернаторами. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, истребованы были подробныя свѣдѣнія о всѣхъ придорожныхъ крестахъ, иконахъ и проч. Эти свѣдѣнія, касающіяся Кіевскаго уѣзда, находятся въ центральномъ архивѣ. На основаніи ихъ г. Каманинъ и сообщилъ о всѣхъ указанныхъ сооруженіяхъ въ то время на территоріи Кіевскаго уѣзда. Не смотря однако на мѣры борьбы, число крестовъ съ католическими изображеніями и надписями постоянно росло.

По окончаніи сообщенія, д. чл. В. П. Науменко отмѣтилъ то обстоятельство, что такое невинное дѣло, какъ установка придорожныхъ крестовъ, нѣкогда было предметомъ „острой“ полемики. Въ 1865 году покойнаго протоіерея П. Г. Лебединцева за защиту древняго обычая называли латы-

няниномъ, уніатомъ, іезуитомъ и т. д. Проф. Малышевскій, согласно съ П. Г. Лебединцевымъ, считалъ обычай устанавливать придорожные кресты очень древнимъ [1]).

Д. чл. Ю. А. Кулаковскій считаетъ несомнѣннымъ, что это не древній нашъ обычай, а вліяніе католическаго запада.

Д. чл. В. Н. Перетцъ указалъ, что обычай этотъ существуетъ и въ Новгородской губ., гдѣ даже устанавливаютъ настоящихъ идоловъ. Одинъ такой идолъ (въ Старой Руссѣ) чрезвычайно чтимъ въ народѣ, и борьба епархіальной власти съ этимъ явленіемъ оказалась безсильной.

II. *Засѣданіе 28 ноября 1904 г.*

Настоящее засѣданіе было открыто сообщеніемъ г. Предсѣдателя (Ю. А. Кулаковскаго) о смерти почетнаго члена Общества академика *А. Н. Пыпина* и указаніемъ на значеніе его научной дѣятельности; память покойнаго была почтена вставаніемъ присутствовавшихъ. Затѣмъ

а, Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** сдѣлалъ сообщеніе о *„Дубровницкомъ Статутѣ 1272 г.“*.

Исторія Дубровника (Рагузы), крошечнаго государства, игравшаго видную политическую и культурную роль, заслуживаетъ особаго вниманія. Она раскрывается, благодаря Юго-Славянской академіи (въ Загребѣ), издавшей большое количество историческаго матеріала. Недавно ею сдѣлано также 1-е изданіе Дубровницкаго Статута 1272 г. (Liber statutorum 1272) подъ редакціей В. Богишича и Иречка. Издатели устанавливаютъ пять редакцій Статута: 1-я, отъ 1272 года; 2-я, 1272—1358 гг.; 3-я, 1358—1448 гг.; 4-я, XV—XVI в. и 5-я, до 1589 г. Статутъ раздѣляется на восемь книгъ; въ 1-й идетъ рѣчь о должностныхъ лицахъ республики, о церкви и духовенствѣ; во 2-й—о „sacramentach“ (присягахъ); въ 3-й—о судоустройствѣ и государствѣ; въ 4-й—о семьѣ; въ 5-й—о недвижимой собственности и крестьянахъ; въ 6-й—объ уголовномъ правѣ;

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1904 г., № 12.

въ 7-й—о морскомъ правѣ; 8-я книга содержитъ въ себѣ дополнительные законы къ предшествующимъ семи книгамъ.

Вопросъ объ источникахъ Статута также разрѣшенъ издателями; важнѣйшимъ было старое право. Такъ какъ въ Дубровникѣ сталкивались два этнографическихихъ элемента: старый — романскій и болѣе новый — славянскій, то возникаетъ вопросъ, что въ этихъ обычаяхъ должно относить на долю романской и что на долю славянской народности. Славянское вліяніе началось со времени перваго появленія славянскихъ колонистовъ въ Дубровникѣ въ концѣ VII в.; въ послѣдующіе вѣка число колонистовъ увеличивалось, и въ XIV в. грекороманскій элементъ преобладалъ только въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ; остальная масса населенія была уже славянская. Быть можетъ, правильно было бы пріурочить именно къ концу XIV в. и началу XV в. окончательную славянизацію Дубровника. При всемъ томъ относительно старо-славянскаго вліянія на Дубровницкое законодательство можно сомнѣваться, потому что Дубровничане въ эпоху подчиненія Венеціи, повидимому, дорожили римскими традиціями; такъ, напр., они поддерживали романскій элементъ и не уравнивали съ нимъ въ правахъ славянскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдавали предпочтеніе латинскому и итальянскому языкамъ передъ славянскимъ; кромѣ того, Дубровничане оставляли славянамъ мѣстное самоуправленіе, съ подчиненіемъ ихъ центральной власти романскаго происхожденія, и издавали для отдѣльныхъ областей мѣстные законы. И Статутъ 1272 году не производитъ впечатлѣнія законодательнаго памятника съ рѣзко обозначенными чертами славянскаго права. Выясненіе славянской стихіи въ Статутѣ 1272 г.—задача довольно трудная и большая. Болѣе всего замѣтно присутствіе славянской стихіи въ законоположеніяхъ Статута по семейственному праву, на что указалъ В. Богишичъ еще до изданія Статута; именно, по его мнѣнію, въ Дубровницкой семьѣ стремленіе ея членовъ къ личной индивидуальности не достигло такой крайности, какъ на Западѣ; въ ней чувствуется духъ общей солидарности и взаимнаго содружества между членами. Въ

близкой связи съ семейственнымъ правомъ стоитъ наслѣдственное; здѣсь славянское вліяніе довольно замѣтно. Слабѣе было славянское вліяніе въ другихъ отдѣлахъ гражданскаго права,—въ вещномъ и обязательствахъ, а равно въ правѣ государственномъ, уголовномъ и въ процессѣ. Но и тутъ могутъ быть открыты слѣды славянскихъ правовыхъ нормъ, ясно проявляющихся въ двухъ институтахъ, сохранившихъ даже въ латинскихъ терминахъ статутовъ свои славянскія названія. Это—„станокъ“ (stanicum) и „вражда“ (vrasda). Станокъ есть собраніе по пограничнымъ дѣламъ племенъ, земель, общинъ, родъ международнаго суда по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Станки были: большой или полный, малый или слабый и общинный; большой и общинный станки созывались правительствомъ, а малый—самими тяжущимися сторонами; станки до послѣдняго времени удерживались въ Черногоріи. Слово „вражда“ означало и убійство и плату родственникамъ за убитаго. „Вражда“,какъ пеня за убійство, опредѣлялась въ 500 перперовъ и названа древнимъ обычаемъ. Въ началѣ XIV в. Дубровницкое правительство возбуждало вопросъ о замѣнѣ „вражды“ смертной казнью, но, встрѣтивъ въ народѣ протестъ, передало вопросъ на разсмотрѣніе сербскаго короля Уроша Милутина и просило его установить законъ, „Deo et hominibus et toti mundo amabilis“. Король высказался за старый обычай, и законъ о „враждѣ“ былъ вновь подтвержденъ. Такимъ образомъ, Дубровницкое населеніе стояло за славянскую старину. Позже, съ прекращеніемъ зависимости отъ Венеціи (съ 1358 г.), создаются болѣе благопріятныя условія для проведенія славянскихъ началъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ древнюю редакцію Статута вносятся болѣе или менѣе существенныя измѣненія.

По поводу этого доклада д. чл. В. З. Завитневичъ отмѣтилъ глубокій интересъ Дубровницкаго Статута и для русской исторіи, какъ любопытную аналогію къ даннымъ русскаго права и быта. Замѣчанія В. З. Завитневича поддерживалъ и д. чл. М. В. Довнаръ-Запольскій.

б. Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** разсмотрѣлъ *„Хиландарскій Синаксарь преп. Саввы Сербскаго“*.

Референтъ въ своей книгѣ: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, ч.; I, Τυπικά“ (Кіевъ, 1895), издавая въ свѣтъ ктиторскій Евергетидскій Типиконъ и устанавливая на основаніи фактическихъ сопоставленій зависимость отъ него извѣстнаго въ наукѣ Хиландарскаго Типикона преп. Саввы Сербскаго, высказалъ предположеніе, что и Синаксарь, бывшій въ употребленіи въ богослужебной практикѣ Хиландарской обители и не вошедшій въ Типикъ преп. Саввы Сербскаго, *весьма вѣроятно*, представлялъ собой переводъ Синаксаря того же Евергетидскаго Типика. Академикъ В. И. Ягичъ въ спеціальной монографіи: „Типик Хиландарски и нгов грчки изворъ (1899, Биогр.), не согласился съ этимъ предположеніемъ и указалъ на извѣстный Типикъ патріарха Константинопольскаго *Алексѣя* (1025—1043), хранящійся въ пергаменной рукописи XII в. Москов. Синодальной библіотеки № 300 –380, какъ возможный прототипъ Хиландарскаго Синаксаря, переведенный на славянскій языкъ раньше преп. Саввы Сербскаго въ одномъ изъ Святогорскихъ монастырей. Референтъ, имѣя въ виду открытый имъ въ послѣднюю поѣздку на Аѳонъ (въ 1904 г.) въ Хиландарской рукописи XIV в. „Синаксарь съ Богомъ *по Типику Іерусалимскому*, имѣе тропаре же и хондаке святіимь отъ мѣсяца септемврія до мѣсяца августа“, который онъ теперь склоненъ считать за искомый древнѣйшій Синаксарь Хиландарской обители, отказался отъ прежняго своего предположенія на этотъ счетъ, высказаннаго въ названной выше книгѣ. Но, признавъ возраженіе академика Ягича въ первой части правильнымъ, референтъ, однако же, настойчиво отказывается соглашаться съ ученымъ славистомъ по вопросу о возможности видѣть въ рукописи Москов. Синодальной библіотеки № 300—380 древнѣйшій Хиландарскій Синаксарь и вообще древне славянскій Святогорскій Типикъ. Главнымъ основаніемъ для него служитъ полное отсутствіе указаній въ немъ *на Іерусалимскую практику* обители преп. Сав-

вы Освященнаго, слѣды сильнаго вліянія въ немъ обычаевъ Великой Константинопольской церкви и практики извѣстной Константинопольской Студійской обители и, наконецъ, полное соотвѣтствіе содержанія даннаго Типика съ тѣмъ, что извѣстно намъ изъ Лѣтописи о пріобрѣтеніи изъ Константинополя преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ (около 1065 г.) для основанной имъ обители „правилъ чернечьскихъ". Научнымъ описаніемъ открытаго въ Хиландарѣ „Синаксаря по Типику Іерусалимскому" проф. Дмитріевскій пытается установить первоначальный видъ Церковнаго Устава, принятаго въ практику Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря и даннаго этому монастырю преп. Саввою Сербскимъ.

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе д. чл. Т. Д. Флоринскій и М. В. Довнаръ-Запольскій.

III. Засѣданіе 12-го декабря 1904 г.

а, **А. М. Лобода** сдѣлалъ оцѣнку *„Ученой дѣятельности А. Н. Пыпина"*.

Сущность его оцѣнки заключается въ слѣдующемъ: Отличаясь до конца дней своихъ поразительной работоспособностью и широтой своихъ интересовъ, А. Н. Пыпинъ съ обширной эрудиціей ученаго соединялъ рѣдкій даръ популяризаціи и былъ по-истинѣ воспитателемъ русскаго общества, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; по своимъ воззрѣніямъ на литературу и по тому примѣненію, какое давалъ ей въ жизни, Пыпинъ можетъ быть названъ продолжателемъ Бѣлинскаго, память котораго такъ высоко онъ чтилъ.

б, Д. чл. **В. А. Чаговецъ** указалъ на то, какъ рѣшается *„Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина"*.

Опредѣливъ значеніе А. Н. Пыпина въ развитіи самосознанія русскаго общества, референтъ отмѣчаетъ присущую ему тенденціозность, подъ которой разумѣется культъ просвѣщенія, въ силу чего А. Н. Пыпина интересовали всѣ великіе моменты пробужденія русской мысли, всѣ свѣтлыя

эпохи народной жизни; его взгляды на Россію и ея судьбы выразились въ мнѣніяхъ о славянскомъ вопросѣ. Изъ этихъ мнѣній референтъ выдѣлилъ взгляды Пыпина на малорусскій вопросъ. Вопреки мнѣнію польско-украинской партіи о связи малорусской національности съ польской, Пыпинъ категорически заявилъ, что, благодаря изслѣдованіямъ ученыхъ, принадлежность малоруссовъ къ великорусскому племени и ихъ обоихъ къ славянскому не можетъ уже вызывать никакихъ сомнѣній; между малорусской и польской народностью нѣтъ тождества и въ исторіи ихъ нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба; поэтому развитіе малорусской литературы можетъ дать опору и поддержку родственной Галиціи, а опасенія относительно сепаратизма— призрачны. Галицко-русской народности слѣдуетъ, по его мнѣнію, не удаляться, а, напротивъ, вступить въ тѣсный союзъ съ самой крупной литературой славянскихъ племенъ: южно-русскому племени наиболѣе близка литература русскаго народа. Пыпинъ горячо отстаиваетъ право на существованіе каждой національности и не раздѣляетъ взглядовъ на необходимость насильственнаго обрусенія. Въ славянскомъ вопросѣ, высоко ставя русскую литературу и русскій языкъ, онъ требуетъ, чтобы и литература и языкъ получили для остальныхъ славянскихъ племенъ притягательную силу, стали необходимостью образованія; однако, чтобы русской литературѣ занять мѣсто, достойное великаго народа, и привлечь къ себѣ умы славянъ, для этого ей необходимо свободное и широкое развитіе, какое имѣютъ литературы Запада. Глубоко симпатизируя идеѣ славянскаго единенія, Пыпинъ разбираетъ и способы его осуществленія. Объединеніе политическое, при современной розни племенъ, онъ считаетъ невозможнымъ; объединеніе же религіозное требуетъ продолжительной борьбы и споровъ о преимуществѣ Рима или Византіи, потому основнымъ условіемъ объединенія онъ ставитъ признаніе права частныхъ народностей. Но есть еще одна почва, на которой возможно единеніе. „Мы соглашаемся, говоритъ Пыпинъ, съ необходимостью и возможностью литературнаго славянскаго единства“. И во главѣ этой

федераціи должна стать нація, которой литература и просвѣщеніе стоятъ выше всего; тогда можетъ безъ насилія, безъ такъ называемой „Маккіавелевской политики", совершиться великая федерація; помочь славянскому единенію можетъ только внутреннее развитіе русскаго общества и широкіе успѣхи просвѣщенія. Между тѣмъ, въ современной Россіи Пыпинъ видѣлъ много недочетовъ. „До тѣхъ поръ, говоритъ онъ, пока наука не пріобрѣтетъ у насъ своего полнаго права, пока общественная иниціатива и здравое пониманіе національныхъ интересовъ не получитъ силы въ нашей собственной средѣ, толки о панславянскомъ единствѣ и всеславянскомъ (русскомъ) языкѣ останутся идеаломъ или фантазіей". Принимая во вниманіе вѣру Пыпина въ силу просвѣщенія, какъ основной мотивъ, проходящій черезъ всю симфонію славянскаго вопроса и черезъ всѣ сочиненія Пыпина, мы должны оцѣнить по заслугамъ тотъ великій подвигъ, который совершилъ онъ въ теченіе всей своей жизни [1]).

Въ настоящемъ засѣданіи были избраны отъ Общества Нестора-лѣтописца депутатами 1) на областной археологическій съѣздъ въ г. Владимірѣ-на-Клязьмѣ д. чл. М. Н. Сперанскій и 2) на русскій XIII-й археологическій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ: М. Н. Сперанскій, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, Вс. Г. Ляскоронскій, В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Т. Д. Флоринскій и С. Т. Голубевъ.

Въ настоящемъ—же засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены Общества *Платонъ Петровичъ Соколовъ* и *Александръ Сергѣевичъ Грушевскій* и въ члены-корреспонденты: *Владиміръ Алексѣевичъ Розовъ* и *Владиміръ Ивановичъ Пичета*.

IV. Засѣданіе 30 января 1905 г.

а. Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** сдѣлалъ сообщеніе о *„Славяно-русскомъ Троянѣ и императорѣ Траянѣ"*.

Въ ряду славянскихъ и древне-русскихъ преданій, сказанія о Троянѣ являются наименѣе разъясненными наукой.

[1]) Кіев. Газета, 1905, № 10.

Имя Троянъ упоминается въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ и въ другихъ славянскихъ литературныхъ памятникахъ. Оно давно уже обратило на себя вниманіе; еще Карамзинъ высказалъ предположеніе, что подъ Траяномъ Слова слѣдуетъ разумѣть Римскаго императора Траяна. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Тихонравовъ, высказались противъ отождествленія этихъ именъ; по мнѣнію послѣдняго, вм. Троянъ должно читать Баянъ. Максимовичъ же замѣтилъ, что всѣ четыре упоминанія въ Игоревой пѣснѣ имени Трояна вполнѣ подходятъ къ имени Римскаго императора. Потебня также думалъ, что для автора „Слова“ Троянъ представлялъ собой глубокую древность. Отождествленіе Трояна „Слова“ съ импер. Траяномъ опиралось и на словахъ лѣтописи о волохахъ, тѣснившихъ славянъ. Шафарикъ подъ волохами разумѣлъ кельтовъ; но большинство ученыхъ считало ихъ римлянами. Пыпинъ указывалъ на невозможность соотношенія нашествія волоховъ съ разселеніемъ славянъ въ Восточной Европѣ, совершившимся въ болѣе раннее время, напр., во время Геродотовой Скиѳіи. Но этимъ не устраняется возможность столкновенія римлянъ со славянами въ Дакіи при Траянѣ и занесенія оттуда преданія о Троянѣ. Въ распространеніи преданія могли имѣть значеніе и сношенія Руси съ болгарами, завязавшіяся еще до Святослава; это предположеніе даетъ опору мнѣнію В. Миллера о вліяніи болгарскихъ источниковъ на автора „Слова“, изъ коихъ могъ быть заимствованъ и Троянъ. А. Л. Погодинъ, также думаетъ, что Траянъ принялъ фантастическій характеръ. Куникъ относился скептически къ самому извѣстію Нестора объ изгнаніи славянъ съ Дуная волохами; лѣтописецъ примѣнилъ извѣстія классическихъ писателей къ древнѣйшимъ славянамъ. Е. Е. Голубинскій признаетъ Трояна „Слова“ императоромъ Траяномъ и полагаетъ, что извѣстіе о немъ распространили Уличи и Тиверцы. Другіе ученые (напр., польскій ученый Кухарскій), вмѣсто императора Траяна указывали на полководца Трояна IV в. Это мнѣніе было повторено А. С. Петрушевичемъ. Князь П. П. Вяземскій возводилъ Трояна къ античнымъ сказаніямъ о Троѣ и

троянцахъ. Въ послѣднее время г. Погодинъ указалъ, что сказаніе о Троянѣ распространено не только у южныхъ, но и у западныхъ славянъ. Въ западномъ и юго-западномъ краѣ Россіи встрѣчается нѣсколько мѣстечекъ и селеній съ именемъ Трояна (Трояновъ, Трояново и т. п.). Былъ возбужденъ вопросъ и о славянскомъ происхожденіи имени Трояна, такъ какъ въ славянскихъ языкахъ встрѣчаются слова троянка и т. п. въ смыслѣ троякій. Трояномъ называлось и одно изъ божествъ славянской миѳологіи. Но если это и славянское слово, то Троянъ „Слова“ несомнѣнно имя какой-то исторической личности и ближе всего подходитъ къ императору Траяну, о которомъ сохранились воспоминанія надолго. Такъ, напр., Трояновымъ путемъ въ Болгаріи называется Римская дорога, соединяющая Италію съ Константинополемъ черезъ Софію; развалины у г. Филиппополя называются Трояновымъ градомъ; горный проходъ въ Средней Горѣ называется Трояновыми вратами; имя Трайко до сихъ поръ въ ходу у болгаръ; Трояномъ въ XI в. назывался сынъ царя Самуила; на мѣстѣ нын. г. Эски-Загра стоялъ г. Ulpia Augusta Trajana. Существуютъ у славянскихъ народовъ сказки о Троянѣ, въ которыхъ онъ является царемъ съ нѣкоторыми физическими недостатками; словомъ, къ Трояну примѣняли то, что говорили о Мидасѣ. Троянъ „Слова“ также отличается миѳичностью и сказочностью. Личность императора Траяна могла быть обожествляема римлянами, а славяне могли застать, по мнѣнію г. Сумцова, этотъ культъ на Балканскомъ полуостровѣ; отсюда и появленіе Трояна среди славянскихъ языческихъ боговъ — естественно, и возраженія противъ этого не выдерживаютъ критики. Заслуживаютъ также вниманія воспоминанія о Траянѣ у румынъ, считающихъ его своимъ предкомъ; его именемъ называется млечный путь, многія мѣстности, развалины, сооруженія и проч.; онъ упоминается въ балладахъ и колядкахъ. Но распространеніе румынъ на занимаемой ими территоріи — фактъ довольно поздній; поэтому отъ юго-славянъ, можетъ быть отъ болгаръ, но вѣроятнѣе, отъ Угличей и Тиверцевъ, а не отъ

румынъ имя Трояна и преданія о немъ были занесены и въ Кіевскую Русь до-татарскаго періода. „Зміевы валы" этой Руси могли именоваться Трояновыми по аналогія съ носившими такое же названіе валами въ придунайскихъ земляхъ.

По поводу этого доклада поч. чл. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что культъ Траяна у славянъ, несомнѣнно, ведетъ начало отъ извѣстнаго культа римскихъ императоровъ. Н. П. Дашкевичъ возразилъ на это, что этотъ культъ носилъ характеръ обожествленія не отдѣльныхъ императоровъ, а императоровъ вообще, и потому нужно еще доказать, что императоръ Траянъ въ этомъ отношеніи почему-либо занялъ особое положеніе.

б. Д. чл. **А. В. Стороженко** разсмотрѣлъ историческія данныя *„О существованіи въ Кіевѣ латинскихъ храмовъ"*.

Къ пересмотру этого вопроса референтъ былъ приведенъ только-что вышедшей въ свѣтъ во Львовѣ книгой г. Владислава Абрагама: „Z dziejów kościoła"; двѣ главы въ этомъ сочиненіи посвящены разбору извѣстій о католическихъ храмахъ на Руси, Новгородской и Кіевской. Утвержденіе свое о существованіи въ Кіевѣ такихъ храмовъ г. Абрагамъ основываетъ: 1) на охранной грамотѣ, выданной 4 января 1242 г. аббатомъ Бенедиктинскаго кляштора въ Вѣнѣ двумъ монахамъ, бѣжавшимъ передъ татарскимъ погромомъ изъ кляштора св. Дѣвы Маріи на Руси, и 2) на житіи Іакинфа Одровонжа, въ которомъ говорится, что послѣдній въ 1222 г. прибылъ съ двумя монахами въ Кіевъ и принялъ въ свое управленіе костелъ св. Дѣвы Маріи; отождествляя костелъ, упоминаемый въ обоихъ источникахъ, авторъ приходитъ къ выводу, что бѣжавшіе монахи были изъ Кіева; они направлялись въ Ирландію потому что, по своему происхожденію, были скоттами. Въ житіи одного изъ скоттовъ, написанномъ въ 1185 г. въ г. Регенсбургѣ, есть разсказъ о другомъ скоттѣ Маврикіи, который побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ снискалъ себѣ расположеніе князя (или одного изъ Изяславичей, или Святополка, умершаго въ 1122 г., или Мсти-

[1]) Сообщеніе это будетъ напечатано въ сборникѣ статей въ честь Ю. А. Кулаковскаго.

слава, умершаго въ 1129 г.) и старѣйшинъ города и былъ ими щедро одаренъ; поэтому скотты, по мнѣнію г. Абрагама, были тѣми именно духовными, которые удовлетворяли религіозныя потребности латинянъ въ Кіевѣ въ XII в. Извѣстіе-же Длугоша (1415—1480 г. г.) объ изгнаніи изъ Кіева въ 1233 году доминиканъ кн. Владиміромъ Рюриковичемъ и упоминаніе его о храмѣ св. Дѣвы Маріи заставляетъ г. Абрагама думать, что то былъ именно тотъ храмъ, который былъ принятъ Іакинфомъ Одровонжемъ. Референтъ, разбирая достовѣрное, по его мнѣнію, извѣстіе Длугоша, думаетъ, что такъ какъ въ этомъ извѣстіи рѣчь идетъ объ общежитіи, а не о храмѣ, то послѣдняго тогда въ Кіевѣ не было; объ общежитіи, а не о храмѣ, говоритъ также и житіе Іакинфа Одровонжа; для богослуженія была, вѣроятно, приспособлена каплица. Только Одровонжъ соорудилъ храмъ въ честь Пресв. Дѣвы Маріи, конечно деревянный, который и погибъ въ пламени при разгромѣ Кіева татарами въ 1240 г.; онъ находился близъ нынѣшней Софійской улицы. При кіевскихъ князьяхъ Ольгердовичахъ—Владимирѣ, Александрѣ и Симеонѣ, католическихъ храмовъ не было въ Кіевѣ, и грамота доминиканамъ отъ имени кн. Александра несомнѣнно подложна. Только съ назначеніемъ въ Кіевъ воеводы-католика Мартина Гаштольда въ 1471 г., появляется въ Кіевѣ и его братъ, бискупъ Станиславъ Гаштольдъ: братья принимали въ замкѣ на Флоровской горѣ Венеціанскаго посла Контарини, который говоритъ, что передъ отъѣздомъ онъ слушалъ обѣдню, но не упоминаетъ о храмѣ, что̀ даетъ право предполагать существованіе лишь каплицы въ замкѣ, которую засталъ Кіевскій бискупъ Іосифъ Верещинскій; при Гоштольдѣ могли явиться въ Кіевъ и доминикане, которые и соорудили храмъ св. Троицы у подножія Замковой горы; существованіе его подтверждается люстраціей Кіева 1552 г.; каѳедральнаго католическаго собора еще въ Кіевѣ не было, и бискупы въ городѣ не жили; только Верещинскій появляется здѣсь и заботится о сооруженіи костела; онъ хотѣлъ приспособить для этой цѣли храмъ св. Софіи, но не имѣлъ для этого средствъ и посе-

лился въ Фастовѣ, заложенномъ ему въ 1560 г. земянами Ивашенцовичами-Макаровичами. Назначенный кіевскимъ бискупомъ въ 1598 г. Криштофъ Казимірскій засталъ тотъ-же деревянный небольшой костелъ. Въ 1594 г. буллой папы Климента VIII, Іоакинфъ Одровонжъ былъ причисленъ къ лику святыхъ. Современники считали развалины Вышгородской церкви остатками костела св. Дѣвы Маріи временъ Одровонжа; изъ развалинъ этой церкви они соорудили каменный костелъ во имя св. Николая; Кіевскій земскій судья Стефанъ Аксакъ устроилъ для братіи каменное общежитіе. Въ 1600 г. бискупъ Криштофъ Казимірскій жаловался королю на захватъ усадьбы близъ Щекавицы (противъ нынѣшней Ярославской улицы), развалинъ костела Успенія Пресв. Богородицы и приходскаго костела св. Екатерины. Декретомъ 21 іюня 1602 г. король присудилъ бискупу эту усадьбу, на которой послѣдній выстроилъ потомъ домъ и острогъ бискупскій. Въ 1607 г., какъ показываютъ акты Кіевскаго Центральнаго Архива, каѳедральный костелъ, еще не строился, и кн. Янушъ Збаражскій только теперь пожертвовалъ на его заложеніе нѣсколько селъ. Криштофъ Казимірскій умеръ въ 1618 г., а костелъ былъ сооруженъ лишь послѣ 1630 г. тѣмъ же Стефаномъ Аксакомъ изъ матеріала Борисоглѣбской церкви въ м. Борисполѣ (Переяславскаго уѣзда); старый костелъ св. Троицы былъ разобранъ и перенесенъ въ м. Басань (Козелецкаго уѣзда), имѣніе Черниговскаго подстолія Ѳедора Васильевича Ходыки-Крыницкаго, что могло случиться не ранѣе 1635 года, когда Черниговское воеводство перешло къ Польшѣ по Поляновскому договору. Въ 1653 г. оба костела видѣлъ Павелъ Алеппскій, т. е. костелы св. Николая и каѳедральный; бывшій же въ Кіевѣ бернардинскій костелъ близъ церкви Николая Добраго сгорѣлъ въ 1651 г. Іезуитскаго костела, о которомъ упоминаетъ Бопланъ въ своемъ „Описаніи Украины“, еще не было въ городѣ; была лишь коллегія; монахи-іезуиты исповѣдывали прихожанъ и произносили свои проповѣди въ обоихъ костелахъ.

По присоединеніи Кіева къ Россіи, каѳедральный соборъ, не поддерживаемый никѣмъ, обрушился, и матеріалъ

его разобранъ жителями. Онъ былъ расположенъ въ юго-восточномъ углу зданія бывшей духовной семинаріи. Костелъ св. Николая обращенъ въ 1690—1695 гг. въ православную церковь во имя св. апп. Петра и Павла. Новый деревянный костелъ былъ выстроенъ на Печерскѣ, близъ Ольгинской церкви, по указу императора Павла I отъ 19 апрѣля 1799 года; онъ сгорѣлъ въ 1817 году; вмѣсто него тогда-же былъ заложенъ нынѣ существующій костелъ во имя св. Александра.

V. Засѣданіе 27-го марта 1905 г.

Поч. чл. **Н. И. Петровъ** представилъ фотографическіе снимки *„Новооткрытаго альбома видовъ и рисунковъ г. Кіева 1651 г.“*.

Лѣтомъ 1651 г., во время войнъ Богд. Хмельницкаго, литовскій гетманъ князь Янушъ Радзивилъ овладѣлъ Кіевомъ и прожилъ въ немъ почти мѣсяцъ. Отъ этого времени сохранилось нѣсколько видовъ и рисунковъ Кіева, исполненныхъ для князя его художникомъ, изъ коихъ до сихъ поръ были изданы только:

1) видъ Золотыхъ Воротъ, въ 1822 году, Ѳ. Булгаринымъ въ „Сѣверномъ Архивѣ“;

2) видъ Кіева съ изображеніемъ сухопутнаго сраженія, въ „Памятникахъ“ Кіевской Археографической Коммиссіи, т. I;

3) видъ Кіева съ изображеніемъ сраженія на Днѣпрѣ, въ томъ же томѣ „Памятниковъ“;

4) видъ Кіевскаго замка на горѣ Киселевкѣ, И. Фундуклеемъ въ „Обозрѣніи Кіева въ отношеніи древностей“, и

5) въѣздъ кн. Януша Радзивила въ Кіевъ въ 1651 г., въ Атласѣ къ „Трудамъ III-го Археологическаго съѣзда“ въ Кіевѣ.

Въ настоящее время открыты новые виды и рисунки достопримѣчательностей Кіева 1651 г.; они найдены въ архивѣ Императорской Академіи Художествъ, въ собраніи рисунковъ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа; ихъ 20 таблицъ съ 23 рисунками, относящимися къ Кіеву; изъ этихъ рисунковъ только видъ Золотыхъ Воротъ изданъ Ѳ.

Булгаринымъ; подлинники ихъ, хранившіеся, вѣроятно, въ г. Несвижѣ, принадлежащемъ кн. Радзивиламъ, погибли въ войну 1812 г. Подписи подъ рисунками сдѣланы позже и не всегда вѣрно; копіи исчезнувшихъ подлинниковъ, конечно, сдѣланы тщательно и точно, такъ какъ предназначались для короля.

По частямъ города рисунки относятся: I. Къ Старому Кіеву:

1) Кіево-Софійскій соборъ, рисунокъ котораго изданъ уже въ Атласѣ къ „Трудамъ III-го Археологическаго Съѣзда", бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 году; къ общему рисунку собора относятся частные: изображеніе Ярославовой гробницы, фресковое изображеніе семьи Ярослава Мудраго (оно было при реставраціи фресокъ въ 1840 г. принято за изображеніе свв. Вѣры, Надежды, Любви и ихъ матери Софіи), изображеніе гробницы св. священномученика митрополита Макарія.

2) Видъ развалинъ Золотыхъ Воротъ, ошибочно названныхъ „Воротами св. Михаила"; рисунокъ снабженъ перспективнымъ видомъ на ближайшую часть Верхняго города.

3) Развалины Десятинной церкви съ уцѣлѣвшими фресками на стѣнахъ.

4) Кіево-Михайловскій монастырь въ нѣсколькихъ перспективныхъ видахъ, особенно же на рисункахъ, изображающихъ сухопутное и водное сраженіе 1651 г.; изъ достопримѣчательностей монастыря воспроизведена гробница св. великомученицы Варвары.

5) Ворота площади Михайловскаго монастыря — вѣроятно, крѣпостныя ворота стараго Владимірова города.

6) Величественныя развалины какого-то великокняжескаго терема, въ четыре свѣта, съ колоннами и съ изображеніями между колоннами видовъ Кіева; потомъ еще такія же развалины безъ подписи и три рисунка Кіевской академіи.

7) Развалины другого великокняжескаго терема, якобы въ верхней части. Пейзажъ въ трехъ рисункахъ; но это скорѣе остатки не терема, а храма, отъ котораго уцѣлѣли стѣ-

ны западная, сѣверная и южная. Положеніе этихъ развалинъ трудно опредѣлить; къ Печерску же ихъ нельзя относить. Развалины могли находиться лишь на Старомъ Кіевѣ вблизи Десятинной церкви, гдѣ стояли „Государственный дворъ“ и „Приказная Палата“; по всей вѣроятности, это развалины св.-Ѳеодоровскаго монастыря.

8) Литовскій замокъ на горѣ Киселевкѣ съ видами на Кудрявецъ и Кіево-Подолъ, по которымъ можно опредѣлить положеніе нѣкоторыхъ нынѣ уже не существующихъ церквей, развалины которыхъ изображены на рисункѣ.

II. Къ Печерску относятся три вида, съ изображеніями:

1) Пустынно-Никольскаго монастыря и окружающей мѣстности, на которой различаются развалины Спаса на Берестовѣ, Стефанича монастыря на Кловѣ и проч.

2) Кіево-Печерской Лавры съ восточной стороны, и

3) Лаврскихъ Пещеръ въ ихъ общемъ видѣ и состоящими надъ ними церквами.

Изъ достопримѣчательностей Лавры изображены: а) гробница св. Ѳеодосія, б) гробницы 12 каменщиковъ, строившихъ Великую Лаврскую церковь; в) мироточивыя главы; г) общій видъ пещеры съ гробницей въ ней; и д) столбъ, къ которому приковывались въ пещерахъ умалишенные ради исцѣленія.

III. Кіево-Подолъ представленъ на рисункѣ, изображающемъ сухопутное сраженіе войска кн. Радзивилла съ козаками въ 1651 г. Эта часть города представлена отъ бискупскаго замка подъ Щекавицей до Христо-Рождественской церкви включительно. Но не всѣ части рисунка могутъ быть пріурочены къ уцѣлѣвшимъ памятникамъ старины, что̀ объясняется какъ ошибками самого художника, такъ и ошибками позднѣйшихъ копіистовъ и издателей.

Кромѣ топографическихъ видовъ мѣстности и рисунковъ зданій и памятниковъ старины, въ новооткрытомъ альбомѣ разсѣяно много мелкихъ бытовыхъ и этнографическихъ деталей; чаще всего изображаются нищіе, жолнеры, козаки

конные, пѣшіе и въ лодкахъ, съ луками и ружьями, богомольцы съ котомками за плечами и т. п. [1]).

Въ настоящемъ засѣданіи была доложена телеграмма поч. чл. В. Г. Глазова съ выраженіемъ благодарности за доставленіе ему диплома на званіе почетнаго члена Общества.

На дополнительныхъ выборахъ избраны депутатами на археологическіе съѣзды: 1) въ г. Владимірѣ на Клязьмѣ: В. Т. Георгіевскій и П. П. Соколовъ и 2) въ г. Екатеринославѣ: Е. Н. Антоновичъ, О. И. Левицкій и В. И. Щербина.

VI. Засѣданіе 3-го апрѣля 1905 г.

а. Д. чл. **О. И. Левицкій** прочелъ докладъ „*О формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII вв.*“.

Въ своемъ сообщеніи референтъ, на основаніи цитированныхъ имъ въ засѣданіи актовъ и документовъ, пришелъ къ заключенію, что въ XVI и XVII вв., въ Юго-западной Россіи существовали многочисленные, во всѣхъ слояхъ общества, на ряду съ вѣнчальными, и невѣнчальные—„браки шлюбные и нешлюбные“, и гражданскія отношенія, вытекавшія какъ изъ той, такъ и другой формы брака признавались и получали санкцію представителей высшей духовной и свѣтской власти, такъ что церковное вѣнчаніе сущности брака не измѣняло и ничего не прибавляло къ гражданскому договору; церковное же вѣнчаніе, безъ исполненія обычной гражданской стороны брака, не имѣло юридической силы, а потому, напримѣръ, послѣ исполненія церковнаго вѣнчанія, часто происходившаго задолго до свадьбы, но безъ совершенія послѣдней, вслѣдствіе ли смерти жениха или по другимъ причинамъ, обвѣнчанная оффиціально оставалась дѣвицей. Въ заключеніе до-

---

[1]) См. „Труды Кіевской Духовной Академіи“ 1905 г., іюль, стр. 431—473 и „Чтенія въ Церковно-историческомъ и археологическомъ Обществѣ при Академіи“, вып VII, стр. 1—72.

кладчикъ привелъ нѣкоторыя подробности о порядкѣ заключенія браковъ и исполненія свадебныхъ обрядностей.

По поводу этого доклада д. чл. П. П. Соколовъ охарактеризовалъ подобную же борьбу церковнаго взгляда на бракъ съ юридически-бытовыми переживаніями старыхъ формъ брака въ Византіи.

Предсѣдатель Ю. А. Кулаковскій замѣтилъ, что было бы очень интересно выяснить, насколько въ данномъ случаѣ явленія юго западной жизни были оригинальными, выросшими самостоятельно на русской почвѣ и насколько они могли отражать Византійское или какое-либо иное вліяніе.

Докладчикъ и д. чл. А. М. Лобода наистаивали на томъ, что исходнымъ пунктомъ разлада между каноническими и обычными воззрѣніями на бракъ въ Юго-Западной Россіи была живучесть старыхъ народныхъ воззрѣній на бракъ.

б. Секретаремъ А. М. Лободой былъ прочтенъ рефератъ иногороднаго члена Общества **О. А. Фотинскаго** „*Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни*“ (напечатанъ въ 3-мъ и 4-мъ вып. XVIII-й книги „Чтеній“).

По поводу этого реферата д. чл. О. И. Левицкій и д. чл. В. З. Завитневичъ отмѣтили справедливость основной точки зрѣнія г. Фотинскаго; при этомъ г. Завитневичъ прибавилъ, что въ исторіи уніи въ Юго-западной Руси надо различать два періода: 1-й, когда ревностно преслѣдовалось все православное до мелочей включительно, и 2-й, когда, подъ вліяніемъ рѣзкаго отпора со стороны населенія, сторонники уніи пошли на компромиссы и во многомъ готовы были дѣлать уступку старымъ обрядамъ православной церкви; факты, изложенные г. Фотинскимъ, относятся какъ-бы къ переходной порѣ между этими двумя періодами.

VII. Засѣданіе 22-го мая 1905 г.

а. Д. чл. **М. В. Довнаръ-Запольскій** прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: „*Къ исторіи административнаго строя Южной Украины XVI в.*“

По поводу этого доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлано д. чл. О. И. Левицкимъ.

6. Секретаремъ А. М. Лободой были прочитаны два библіографическія сообщенія иногороднаго поч. члена **А. И. Соболевскаго:** 1) *„О славянской грамматикѣ Ужевича 1643 года“* и 2) *„По поводу нѣкоторыхъ изданій, отмѣченныхъ въ т. X, 1-й части „Архива Юго-Западной Россіи“*, подъ № 76 (Напечатаны въ 1-мъ и 2-мъ в. XIX-й книги „Чтеній“).

Въ обсужденіи этихъ сообщеній принимали участіе д. чл. А. М. Лобода, В. Н. Перетцъ, О. И. Левицкій и А. С. Крыловскій.

---

1) Въ настоящемъ засѣданіи было доложено письменное заявленіе д. чл. **П. В. Голубовскаго,** съ изложеніемъ его мнѣнія о времени тысячелѣтія существованія г. Переяславля, по запросу объ этомъ Полтавской ученой архивной коммиссіи.

Вопросъ о томъ, какой юбилей имѣетъ право праздновать г. Переяславль, уже дебатировался въ русской исторической наукѣ. Указывали двѣ исходныя даты для этого юбилея: 904 и 993 годъ. Въ 904 году, какъ предполагали, былъ совершенъ походъ Кіевскаго князя Олега на Царьградъ, а такъ какъ въ договорѣ 907 года этого князя съ Греками упоминается о Переяславлѣ, то слѣд. жители Переяславля должны были участвовать въ войнѣ 904 года, и такимъ образомъ Переяславль въ этомъ году впервые выступаетъ на историческую сцену. Въ 993 году, по разсказу лѣтописи, Владиміръ заложилъ городъ Переяславль; слѣдов. раньше этого года городъ не существовалъ; стало быть, онъ только съ этого момента началъ свою историческую жизнь.

Походъ Олега въ 904 г. на Царьградъ не можетъ считаться фактомъ несомнѣннымъ. Объ этомъ предпріятіи говоритъ лишь наша лѣтопись; но мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на него въ Византійскихъ источникахъ.

Какъ извѣстно, Ламбинъ хотѣлъ доказать дѣйствительность этого факта; но для этого ему пришлось выдвинуть,

хотя и остроумную, но мало доказательную гипотезу, будто въ этомъ мѣстѣ разсказъ лѣтописи представляетъ лишь разбитое по годамъ, переведенное съ греческаго языка донесеніе въ Константинополь христіанской миссіи, существовавшей въ Кіевѣ съ принятія христіанства Владиміромъ, донесеніе, найденное компиляторомъ лѣтописи въ княжескомъ архивѣ или въ устроенной Ярославомъ Софійской библіотекѣ. Между тѣмъ договоръ 907 года, признанный уже явно въ русской исторической наукѣ за несомнѣнный документъ, представляетъ изъ себя скорѣе, торговый трактатъ, чѣмъ мирный договоръ. Предполагая даже, что этотъ документъ явился результатомъ войны, мы не можемъ сказать, ограничились-ли военныя дѣйствія однимъ походомъ, или они состояли изъ цѣлаго ряда военныхъ предпріятій русскаго князя противъ Византіи, а потому и говорить о походѣ въ опредѣленномъ году у насъ нѣтъ прочнаго основанія. Важно одно, что въ договорѣ 907 года впервые выступаетъ городъ Переяславль, какъ одинъ изъ военныхъ, политическихъ и торговыхъ центровъ древней Руси.

Вотъ мѣста, относящіяся въ этомъ договорѣ къ городу Переяславлю:

„... и потомъ (обязаны Греки) дати уклады (опредѣленную сумму въ годъ) на Рускія грады: первые на Кіевъ, таже на Черниговъ *і на Переяславль*, і на Полтѣскъ, і на Ростовъ, і на Любичъ и на прочая грады, по тѣмъ бо городамъ седяху велиции князи подъ Олгомъ суще....." (Лавр. лѣтоп., стр. 30).

Русскіе князья, прибывъ въ Царьградъ, должны подвергнуться положенной переписи, „и тогда возьмутъ мѣсячное свое (содержаніе отъ Византійскаго правительства) пѣрвое отъ города Кіева, и такы ис Чернигова, и Переяславля..." (Ипатьев. лѣтоп., стр. 18).

Итакъ, Переяславль въ самомъ началѣ X в. является уже давно населеннымъ торговымъ городомъ, въ которомъ сидитъ плѣненный Сѣверянскій князекъ, признающій верховную власть великаго князя Кіевскаго Олега.

Договоръ 907 года уясняетъ намъ смыслъ разсказа лѣтописи подъ 993 годомъ о заложеніи Владиміромъ святымъ города Переяславля „на Трубежѣ на броду" (Ипатьев. лѣт. 84, 85). Городъ, существовавшій, какъ политическій населенный и торговый центръ, въ 907 году, не могъ быть основанъ въ 993 году. Мы имѣемъ здѣсь фактъ, аналогичныхъ которому можно было-бы указать нѣсколько, но я обращу вниманіе лишь на городъ Москву. По письменнымъ источникамъ этотъ городъ заложенъ Юріемъ Долгорукимъ въ половинѣ XII в., а археологическія данныя показываютъ, что онъ существовалъ, какъ поселеніе, еще въ X столѣтіи. У города Переяславля также найдены греческія монеты VI—X вв. Слѣдовательно, какъ поселеніе, Переяславль могъ существовать уже въ VI, VII, VIII и IX вѣкахъ. Очевидно, Владиміръ Святой лишь возвелъ сильныя укрѣпленія около Переяславля, какъ вольнаго поселенія, при бродѣ на рѣкѣ Трубежѣ.

Итакъ, мы имѣемъ для Переяславля слѣдующія хронологическія данныя:

1) Переяславль, весьма возможно, существовалъ въ VI, VII, VIII, IX вв.

2) Переяславль, какъ торговый пунктъ и мѣстопребываніе одного изъ племенныхъ Сѣверянскихъ князьковъ, *несомнѣнно существовалъ* въ самомъ началѣ X в.

3) Переяславль, какъ городъ съ политическимъ и торговымъ значеніемъ, *впервые выступаетъ* на историческую сцену *въ несомнѣнномъ документѣ* 907 г.

4) Около Переяславля были возведены сильныя укрѣпленія великимъ княземъ Кіевскимъ, Владиміромъ Св. въ 993 г.

Какую же изъ этихъ датъ слѣдуетъ принять въ соображеніе по вопросу о 1000-лѣтнемъ юбилеѣ города Переяславля?

Монетная дата указываетъ лишь на вѣкъ или на извѣстный промежутокъ времени, а потому исходной точки для лѣтосчисленія давать не можетъ. Стало быть, нумизматическія показанія приходится оставить.

Взять исходной точкой исторической жизни Переяславля 993-й годъ также нельзя, потому что онъ началъ жить, какъ поселеніе, гораздо раньше. Остается дата—907-й годъ.

Если мы обратимся къ другому, также дошедшему до насъ, договору Олега съ Греками 912 года, то прочтемъ въ немъ слѣдующее: „Мы (послы) . . . ные посланы отъ Олега, великого князя Русскаго, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и великихъ князь"... (Лаврентьев. лѣтоп., 32). Мы видѣли уже раньше изъ договора 907 г., что упоминаемые здѣсь „свѣтлые князья"—это племенные князья, сидѣвшіе по городамъ, въ Черниговѣ, Переяславлѣ и т. д. Такимъ образомъ, ясно, что русскіе послы считались уполномоченными не отъ одного только Кіевскаго князя, но и отъ всѣхъ, признававшихъ его верховную власть, племенныхъ князей, въ томъ числѣ, какъ видимъ, и князя города Переяславля. Слѣдовательно, въ 907 году Переяславль впервые выступаетъ какъ дѣйствующее лицо на арену исторіи: его князь оказываетъ большее или меньшее вліяніе на условіе мира съ Греками, его купцы впервые получаютъ опредѣленныя торговыя привилегіи за границей, его торговля впервые закрѣпляется и регулируется государственнымъ актомъ. Мнѣ кажется, на основаніи всего сказаннаго, что 1907-й годъ есть лучшій и самый законный моментъ для празднованія юбилея 1000-лѣтней дѣятельности города Переяславля на исторической сценѣ.

Опредѣлено: Вполнѣ соглашаясь съ вышеизложеннымъ заключеніемъ П. В. Голубовскаго, препроводить это заключеніе въ Полтавскую ученую архивную коммиссію.

2) Было доложено письмо гр. А. А. Бобринскаго, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены Общества и съ приложеніемъ его трудовъ по археологіи для библіотеки Общества.

3) Слушали сообщеніе Предварительнаго Комитета по устройству III-го областного археологическаго съѣзда въ г. Владимірѣ о томъ, что Владимірская ученая архивная коммиссія постановила отложить съѣздъ до 20 іюня 1906 г.

4) Слушали предложеніе Совѣта Общества отъ 9 апрѣля т. г., о посвященіи проф. В. С. Иконникову, въ виду истекшаго въ 1905 году 40-лѣтія его служебной и ученой дѣятельности, XIX ой книги „Чтеній".

Опредѣлили: поручить исполненіе этого предложенія Редакціонному Комитету Общества.

5) Слушали утвержденное Совѣтомъ предложеніе поч. чл. Н. П. Дашкевича и дд. членовъ: Г. Г. Павлуцкаго, И. М. Каманина, С. Т. Голубева, А. М. Лободы и М. В. Довнара-Запольскаго объ открытіи подписки на премію проф. В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца за лучшіе труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Опредѣлили: принять предложеніе и для дальнѣйшей разработки и осуществленія его избрать коммиссію изъ членовъ, подписавшихъ предложеніе, и, сверхъ того, пригласить въ нее О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, Н. П. Василенка и М. С. Грушевскаго.

VIII. Засѣданіе 11-го сентября 1905 г.

Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** изложилъ результаты своего изслѣдованія объ *„Олексіи Поповичѣ думы „про бурю на Чорному морі“*.

Древне-русскій былевой эпосъ, извѣстный по записямъ XIX в. на сѣверѣ Россіи, сложился къ XVI в.; изъ богатырей въ него входилъ рядомъ съ Ильей-Муромцемъ, Добрыней и друг. и Алеша-Поповичъ; теперь имена богатырей тамъ, на сѣверѣ, забываются; на югѣ Россіи, создавшемъ этотъ эпосъ, древнія пѣсни были извѣстны еще въ XVII в., что было установлено послѣ полемики по этому вопросу, начатой Погодинымъ и Максимовичемъ, въ которой впослѣдствіи приняли участіе Костомаровъ, Котляревскій, О. Миллеръ, Драгомановъ, Житецкій, Петровъ и, наконецъ, референтъ, указавшій болѣе 20 лѣтъ тому назадъ на прямые слѣды существованія былевого эпоса на югѣ Россіи, гдѣ извѣстны его главные герои — Илья-Муромецъ и Алеша-Поповичъ; послѣдній изъ героя былевого эпоса становится героемъ одной изъ лучшихъ малорусскихъ думъ. Мнѣніе о тождествѣ былиннаго Алеши съ Олексіемъ думы высказано было въ 1862 г. Безсоно-

вымъ, а потомъ принято референтомъ и А. Н. Веселовскимъ; но В. Б. Антоновичъ и А. А. Потебня не нашли основанія для сближенія этихъ лицъ; послѣдній предполагалъ южнославянское происхожденіе думы. Н. Ѳ. Сумцовъ подыскалъ сходный легендарный матеріалъ въ „Запискахъ“ Петра Могилы, въ „Небѣ новомъ“ Галятовскаго и въ западно-европейскихъ сказаніяхъ и предположилъ существованіе до-христіанскаго скандинавскаго первообраза. Къ мнѣнію г. Сумцова присоединились гг. Франко и Драгомановъ; первый считалъ основой легенды сказаніе о пророкѣ Іонѣ, а второй призналъ явно церковно-христіанскій характеръ легенды. По мнѣнію референта, подробности эпоса всецѣло почти покрываются подробностями думы; христіанскій или библейскій характеръ легенды — позднѣйшій мотивъ; поучительность думы — это слѣдъ вліянія „старцівъ“, а первоначально дума имѣла въ виду жалостность событія съ возможнымъ печальнымъ исходомъ для участниковъ—гибелью и неволей. Съ расцвѣтомъ подвиговъ козачества, развивается и творчество думъ. Дума объ „Олексіи“ могла явиться въ концѣ XVI в., на что указываетъ упоминаніе въ ней имени Самуила Зборовскаго, дѣйствовавшаго въ 80-хъ годахъ XVI в.; замѣчательно также сходство въ описаніи плаванія козаковъ до острова Тендры съ плаваніемъ тамъ-же отряда Зборовскаго; быть можетъ, думу сложилъ кто-нибудь изъ сподвижниковъ Зборовскаго; но онъ не могъ говорить о благополучномъ исходѣ столкновенія Зборовскаго съ турками, когда погибло много козаковъ; въ „Запискахъ“ Петра Могилы говорится о происшедшей бурѣ, о „волнахъ противныхъ“, о „злосопротивной хвилечкѣ“ думы; такимъ образомъ, эпизодъ о бурѣ—вводный, позднѣйшаго происхожденія. Когда въ думу вошелъ эпизодъ о покаяніи—трудно рѣшить: въ однихъ варіантахъ думы говорится объ одномъ грѣшникѣ, въ другихъ—о двухъ братьяхъ; первый варіантъ древнѣе второго; соединеніе былины и думы могло произойти въ болѣе позднее время. Интересно, что думы объ Олексіи поются въ Черниговщинѣ, но чаще думы про него поютъ въ Полтавщинѣ и еще чаще въ Харьковщинѣ,

т. е. на украинскомъ юго-востокѣ, по сосѣдству съ областью, гдѣ пѣлись былины. Образъ и положеніе Олексія Поповича (а также и двухъ братьевъ-грѣшниковъ изъ другого извода) созданы многовѣковымъ процессомъ христіанскаго творчества изъ матеріаловъ, накопленныхъ вѣками; напримѣръ, море не рѣдко встрѣчается въ былинахъ, между прочимъ—о Добрынѣ; гибель на морѣ также встрѣчается часто въ былинахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; море считается кладбищемъ по древней символикѣ, человѣческія жертвы морю—фактъ, распространенный въ народныхъ сказаніяхъ и житіяхъ; понятіе о преступности, приписываемой Олексію, также сложилось издавна. Такъ Олексій думы является претвореніемъ былевого Алексѣя Поповича [1]).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе д.д. члены: Ю. А. Кулаковскій, А. М. Лобода, П. П. Соколовъ и О. И. Левицкій.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Вадимъ Львовичъ Модзалевскій.* Принято было также предложеніе г. Предсѣдателя объ участіи Общества въ празднованіи юбилея В. Б. Антоновича.

IX. Засѣданіе 25-го сентября 1905 г.

По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель сообщилъ, что непосредственно предъ засѣданіемъ стало извѣстнымъ о пребываніи въ Кіевѣ одного изъ лучшихъ кобзарей, М. С. Кравченка, который въ настоящее время находится въ Университетѣ; поэтому г. Предсѣдатель поставилъ вопросъ: не найдетъ ли Общество желательнымъ ознакомиться съ нимъ теперь же или назначить для слушанія кобзаря особое засѣданіе съ допущеніемъ въ него публики.

---

[1]) См. сборникъ статей въ честь В. Б. Антоновича.

Постановлено: выслушать предварительно кобзаря, отложивъ на дальнѣйшее время вопросъ объ особомъ засѣданіи.

Въ засѣданіе былъ приглашенъ кобзарь и, по предложенію присутствовавшихъ членовъ, пропѣлъ подъ акомпаниментъ кобзы думу про побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова, про Мороза и шуточную пѣсню „Кисель".

При этомъ д. чл. А. М. Лобода сообщилъ краткія біографическія данныя о пѣвцѣ, а объясненіе къ исполненію думъ далъ д. чл. О. И. Левицкій. Этимъ же членамъ Общества поручено было обсудить вопросъ о томъ, могло-ли бы имѣть мѣсто особое засѣданіе, посвященное слушанію кобзаря, и при какихъ обстоятельствахъ.

б) Затѣмъ, д. чл. **М. Н. Ясинскій** въ своемъ рефератѣ предложилъ рѣшеніе вопроса о томъ, „*Что представляли собою „село" и „вервь" „Русской Правды?*"

Референтъ указалъ на то, что въ эпоху Русской Правды въ XI—XIII вв. существовали территоріальныя общины, составлявшія шагъ впередъ, сравнительно съ союзами на кровнахъ началахъ болѣе ранняго времени. Фактъ существованія простыхъ и болѣе сложныхъ территоріальныхъ общинъ подтверждается свидѣтельствами лѣтописей и юридическихъ памятниковъ, упоминаніемъ въ нихъ селъ, весей, вервей и погостовъ. Но доселѣ изслѣдователи не могли притти къ соглашенію, что̀ представляютъ собой упоминаемыя въ Рус. Правдѣ „село" и особенно „вервь". По мнѣнію референта, если бы, вмѣсто всѣхъ древнихъ памятниковъ, до насъ дошла бы только одна Рус. Правда Академ. списка, то мы не знали бы ни „села", ни „вервей", такъ какъ этихъ терминовъ въ Рус. Правдѣ этого изданія нѣтъ, а ихъ замѣняетъ „міръ". При этомъ референтъ прочелъ соотвѣтствующее мѣсто „Правды" (ст. 12). Но, къ счастью, до насъ дошла еще и „Правды Ярославичей" и „Пространная Правда". Въ нихъ упоминается не только „вервь", но и друг. термины. Референтъ приводитъ двѣ статьи „Русской Правды", трактующія объ отвѣтственности села и верви за кражу (ст. 80 и 88). Главная

суть первой статьи: вервь обязана найти вора или, въ противномъ случаѣ, платить штрафъ. Вторая статья указываетъ, какъ села и верви, лежащія по пути слѣда, оставленнаго воромъ, освобождаютъ себя отъ подозрѣнія въ укрывательствѣ его; при розыскѣ вора, каждое селеніе въ своихъ интересахъ должно помогать потерпѣвшему, такъ какъ предполагается, что тамъ, гдѣ теряется слѣдъ, тамъ находится и преступникъ; если же какая-либо община этого не дѣлала, то несла отвѣтственность за участіе въ кражѣ. Но бываетъ такъ, что слѣдъ теряется на большой дорогѣ или въ степи; тогда дѣла прекращаются, и отвѣтственности никто не подвергается. По дѣламъ объ убійствѣ уличенномъ отвѣчаетъ та вервь, гдѣ лежитъ трупъ убитаго, и участвуетъ въ уплатѣ виры, если убійство не предумышленное. Однимъ словомъ, „село“ и „вервь“ отвѣчаютъ за убійства и за кражи, совершенныя въ ихъ предѣлахъ. Что же, наконецъ, представляетъ собою „село“ и „вервь“? Одни изслѣдователи считаютъ „село“ и „вервь“ территоріальными общинами, различными только по объему, и думаютъ, что села—небольшія общины, входяшія въ составъ верви. Другіе ученые утверждаютъ, что „село“—только усадьба или хуторъ. Наконецъ, есть еще мнѣніе, по которому подъ „селомъ“ разумѣется воздѣланный участокъ земли. Въ періодъ Рус. Правды подъ „селомъ“ разумѣлось то же, что и въ наше время; но первоначальный смыслъ удержался въ словахъ „сельцо“ и „селище“. Въ XV и XVI вв. „сельцо“ и „селище“ означало участокъ пахатной земли, обставленный хозяйственными и жилыми постройками. Изъ западно-русскихъ актовъ видно, что „сельцомъ“ или „селищемъ“ въ Смоленской, Витебской и Кіевской земляхъ называлось въ XV и XVI вв. то же, что въ Волынской землѣ и Турово-Пинскомъ Полѣсьѣ—„дворищемъ“ и „службой“. Изъ всего вышесказаннаго видно, что „село“ Рус. Правды—то же самое, что „дворище“, „сельцо“ и „селище“ въ XV и XVI вв., т. е. участокъ усадебной и пахатной земли, находящійся во владѣніи группы лицъ, болѣе или менѣе значительной. Затѣмъ референтъ перешелъ ко второму термину „вервь“. Вервь во времена Рус. Правды, по мнѣнію

Соловьева, Лешкова, Сергѣевича и Владимірскаго-Буданова, представляла собой территоріальную общину. Но надо имѣть еще представленіе о верви, какъ территоріальной общинѣ; была ли вервь простой или сложной общиной, именовавшейся въ древности погостомъ, съ присвоеніемъ ему еще наименованія волости, подъ которой разумѣется совокупность простыхъ общинъ, союзъ селъ и деревень? Большая часть изслѣдователей неосновательно отождествляютъ вервь съ задругой; и лишь немногіе видятъ въ вервяхъ большія общины, состоящія изъ нѣсколькихъ селъ и занимающія большія территоріи; на этомъ основаніи „вервь" Рус. Правды они отождествляютъ съ погостомъ и волостью; и профессоръ Лешковъ находитъ возможнымъ утверждать, что вервь занимаетъ территорію отъ 400 до 1300 кв. вер. Это опредѣленіе территоріи „верви" референтъ считаетъ фантастичнымъ и приведенныя цифры ни на чемъ неоснованными, если принять во вниманіе естественную разрѣженность населенія и громадныя дистанціи между отдѣльно населенными пунктами, заполненныя лѣсами и болотами; кромѣ того, придется признать и рядъ положеній, вытекающихъ изъ отождествленія верви съ волостью: во-первыхъ, что Рус. Правда безъ всякой нужды возлагаетъ отвѣтственность за преступленіе на такой громадный территоріальный союзъ; во-вторыхъ, что „гоненіе слѣда", разъ всѣ „села" и „верви", лежащія на пути его, должны были „выводить слѣдъ", не могло распространяться не только на сотни, но даже и на десятки верстъ. Референтъ полагаетъ, что во всѣхъ этихъ недоумѣніяхъ не повинна Рус. Правда. Если же мы хотимъ уяснить себѣ, что такое „вервь", то должны обратиться къ свидѣтельству западно-русскихъ актовъ и законодательныхъ памятниковъ (Литов. Статута). Съ помощью этихъ памятниковъ и актовъ мы можемъ прослѣдить исторію института „гоненія слѣда" отъ эпохи Рус. Правда до XVI—XVII вв. Далѣе референтъ подробно изложилъ относящіеся къ этому институту факты актовъ и статьи Литов. Статута. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ обнаруживается полное сходство постановленій Правды,

Статута и актоваго матеріала, трактующихъ о „гоненіи слѣда". Разница въ томъ, что, вмѣсто „села" или „верви" Рус. Правды, въ Статутѣфигу рируютъ домъ и село. На основаніи этого референтъ полагаетъ, что древне русская „вервь" была не крупной территоріальной общиной, вродѣ волости или погоста, а простой территоріальной общиной, именовавшейся въ древности весью, а позже селомъ.

в) Г. Предсѣдатель **Ю. А. Кулаковскій** предложилъ на разсмотрѣніе Общества *„Основныя положенія, выработанныя особой при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій"*.

Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ возбужденъ весьма важный вопросъ объ организаціи охраны памятниковъ старины. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Государственному Совѣту, который, при разсмотрѣніи дѣла о поддержаніи древней церкви въ г. Муромѣ, обратилъ вниманіе на крайнюю недостаточность и отрывочный характеръ содержащихся въ дѣйствующемъ строительномъ уставѣ (1900 г.) постановленій, касающихся древнихъ памятниковъ и зданій. Въ виду этого Государственный Совѣтъ предоставилъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія относительно древнихъ памятниковъ и внести свои предположенія на законодательное разрѣшеніе. По утвержденіи Высочайшей властью этого мнѣнія Государственнаго Совѣта, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ образовало особую коммиссію, которая выработала основныя положенія о мѣрахъ къ охраненію памятниковъ древности, а также поставила рядъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены при участіи компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ и учрежденій. Текстъ основныхъ положеній и этихъ вопросовъ былъ разосланъ лѣтомъ этого года въ ученыя общества, состоящія въ разныхъ городахъ Россіи, съ просьбой подвергнуть обсужденію, какъ отдѣльные пуикты положенія, такъ и вопросы, чтобы, такимъ образомъ, центральная коммиссія могла опереться въ своихъ рѣшеніяхъ на сужденія обществъ,

которыя будутъ призваны къ ближайшему участію въ дѣлѣ охраны памятниковъ древности.

Комиссія предполагаетъ раздѣлить Россію на археологическіе округа, изъ которыхъ каждый будетъ обнимать нѣсколько губерній. Кіевскій округъ предположено составить въ такихъ предѣлахъ: губерніи Кіевская, Подольская, Волынская, Минская, Могилевская, Черниговская и Полтавская. Охрану памятниковъ древности въ каждомъ округѣ предположено предоставить одному изъ ученыхъ обществъ въ центральномъ городѣ даннаго района—для нашего края, въ частности, „Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, или одному изъ другихъ историко-археологическихъ обществъ г. Кіева".

Дѣйствію проектируемыхъ правилъ по охранѣ древностей должны подлежать: 1) памятники зодчества, живописи и ваянія, 2) монументы въ честь лицъ и историческихъ событій, 3) памятники письма и печати и 4) вообще всѣ памятники, замѣчательные по своей древности, художественному достоинству и археологическому или историческому значенію. Само собою разумѣется, что архивы съ ихъ матеріаломъ исключаются изъ вѣдѣнія будущей организаціи охраны памятниковъ древности, такъ какъ для нихъ уже давно вырабатывается особая общая для всей имперіи организація.

Общество или учрежденіе, которому будетъ поручена охрана памятниковъ древности, должно будетъ составить списокъ имѣющихся въ данномъ округѣ памятниковъ, подлежащихъ охранѣ, при чемъ по отношенію къ недвижимымъ памятникамъ предположено принять за общее правило, что, по истеченіи 150 лѣтъ существованія, каждый памятникъ подлежитъ охранѣ. Функціи охранительныхъ органовъ должны быть двоякаго рода: наблюдательнаго и исполнительнаго характера. Въ число функцій перваго рода входитъ: приведеніе въ извѣстность, фотографированіе, зарисовываніе, составленіе списковъ и изслѣдованіе памятниковъ древности, наблюденіе за ихъ сохранностью, а равно сообщеніе заключеній подлежащимъ вѣдомствамъ по вопросамъ ремонта и реставраціи

этихъ памятниковъ. Къ функціямъ второго рода относится обязанность непосредственно самимъ производить ремонтъ приходящихъ въ ветхость памятниковъ старины.

Само собою разумѣется, что такое сложное и трудное дѣло, какъ охрана памятниковъ старины на всемъ пространствѣ нашего отечества, вызываетъ необходимость для своей общей регламентаціи рѣшенія множества частныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ нихъ намѣчены въ коммиссіи и предложены на обсужденіе учрежденій, къ которымъ обратилось Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ, хотя коммиссія и предположила порученіе охраны памятниковъ старины ученымъ обществамъ по отдѣльнымъ районамъ, но въ тоже время, принимая въ соображеніе обширность намѣченныхъ округовъ, а также допуская возможность, что общества не согласятся принять на себя обязанности окружныхъ органовъ надзора, она ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли создать особые органы для этого дѣла по губерніямъ и какъ опредѣлить составъ этихъ органовъ? не слѣдуетъ-ли въ составъ ихъ включить архивныя коммиссіи? въ какой формѣ можно привлечь земскія и общественныя городскія учрежденія къ участію въ расходахъ, какихъ потребуетъ новое учрежденіе? Установленіе охраны памятниковъ старины повлечетъ за собою необходимость принять постановленія уголовнаго и гражданскаго характера, которыя должны быть внесены въ законъ, таковы: отвѣтственность за разрушеніе памятниковъ старины или ихъ поврежденіе, вывозъ древностей за границу, отчужденіе памятниковъ, находящихся въ частномъ владѣніи, и т. под.

Въ настоящее время существуетъ одно правительственное учрежденіе, въ функціи котораго входитъ общая забота объ охранѣ памятниковъ старины, это—Императорская Археологическая Коммиссія; но она не имѣетъ ни органовъ, ни способовъ надзора. Даже такіе вопросы, какъ реставрація древнихъ церквей, нерѣдко обходятся безъ участія Императорской Археологической Коммиссіи. Такъ, древнѣйшій храмъ на территоріи Россіи, церковь Іоанна Предтечи въ Керчи,

существующая съ VIII вѣка, была реставрирована и перестроена безъ участія Коммиссіи въ этомъ дѣлѣ. Въ 1890-хъ годахъ искаженъ и передѣланъ храмъ, сооруженный Потемкинымъ въ Херсонѣ, распоряженіемъ мѣстнаго архіерея и усердіемъ церковнаго старосты. Только въ г. Москвѣ дѣло обстоитъ лучше, гдѣ графъ Уваровъ выхлопоталъ предсѣдателю Археологическаго Общества спеціальное право властнаго голоса въ вопросахъ о ремонтѣ древнихъ сооруженій. Императорская Археологическая Коммиссія, а также Московское Археологическое Общество поднимали нѣсколько разъ вопросъ о необходимости общихъ узаконеній относительно охраны памятниковъ старины. Въ настоящее время дѣло поставлено на прочную почву, и весьма желательно, чтобы ученыя общества и заинтересованныя въ охранѣ памятниковъ старины частныя лица оказали дѣятельную помощь въ выработкѣ соотвѣтственныхъ мѣропріятій. Нашъ край богаче памятниками старины, чѣмъ многія другія мѣстности Россіи, и тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не исчезали безслѣдно и не расхищались свидѣтели и остатки культурной жизни давняго прошлаго.

На поставленный г. Предсѣдателемъ вопросъ, желательна-ли для Общества роль, которую намѣчаютъ для него „Положенія", д. чл. *Г. Г. Павлуцкій* развилъ ту мысль, что Общество само уже, по мѣрѣ возможности, стремится осуществить аналогичныя задачи въ лицѣ своей коммиссіи по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины и, слѣдовательно, съ этой стороны, можетъ лишь итти на встрѣчу „Положеніямъ"; вполнѣ основательно также, чтобы именно Обществу Нестора-лѣтописца, а не какому-другому принадлежала роль мѣстнаго руководительнаго органа, ибо составъ его и характеръ обѣщаютъ больше свободы, разносторонности и широты дѣйствій.

А. А. Дмитріевскій и *Ю. А. Кулаковскій* замѣтили, что среди памятниковъ старины есть очень много религіозныхъ, которые какъ бы спеціально входятъ въ кругъ компетенціи Кіевскаго церковно-археологическаго общества; не считаться

съ нимъ тѣмъ неудобнѣе, что въ глазахъ ближайшихъ блюстителей церковной старины—священниковъ, оно имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ Общество Нестора-лѣтописца.

Д. чл. *В. Т. Георгіевскій* прибавилъ, что, на его взглядъ, поэтому, наиболѣе желательна смѣшанная коммиссія изъ членовъ того и другого Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Георгіевскій оговорился, что „Положенія" страдаютъ излишней централизаціей, которую желательно устранить, предоставивъ больше свободы мелкимъ (губернскимъ и т. п.) ученымъ единицамъ, къ чему д. чл. *М. В. Довнаръ-Запольскій* добавилъ, что на Екатеринославскомъ археологическомъ съѣздѣ члены архивныхъ коммиссій отнеслись къ „Положеніямъ" скептически и рѣшили пересмотрѣть этотъ вопросъ на съѣздѣ въ Петербургѣ.

Д. чл. *А. М. Лобода* высказался въ томъ смыслѣ, что разъ Общество желаетъ дѣла, а не канцелярской переписки, то оно должно возбудить вопросъ о средствахъ, съ помощію которыхъ могло бы устроить фактическій контроль и охрану памятниковъ старины, ибо само Общество на это вовсе не имѣетъ средствъ.

Постановили: избрать для обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ „Положеніями", коммиссію изъ членовъ: В. Б. Антоновича, Ю. А. Кулаковскаго, Г. Г. Павлуцкаго, Н. И. Петрова, В. З. Завитневича, О. И. Левицкаго, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, В. Т. Георгіевскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго и В. И. Щербины.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены—*Дмитрій Васильевичъ Туткевичъ* и въ члены-корреспонденты *Германъ Марковичъ Барацъ*.

Въ члены Ревизіонной Коммиссіи избраны *В. С. Иконниковъ*, *Н. В. Стороженко* и *А. В. Стороженко*.

X. Засѣданіе 19-го октября 1905 г.

а) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** прочелъ сообщеніе о „*Старинныхъ деревянныхъ синагогахъ въ Юго-Западномъ краѣ*".

Настоящій рефератъ является продолженіемъ труда коммиссіи по изданію „Древностей Украины", первый выпускъ которыхъ, содержащій въ себѣ описаніе памятниковъ древняго деревяннаго зодчества въ Юго-Западномъ краѣ, недавно вышелъ въ свѣтъ. Коммиссія эта существовала при Обществѣ Нестора-лѣтописца и собирала матеріалъ для упомянутаго изданія, которое принято на свои средства Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Въ настоящее время готовится къ изданію второй выпускъ, въ который войдетъ описаніе другихъ типовъ деревянныхъ построекъ Южной Россіи, одинъ изъ которыхъ и описываетъ референтъ. Онъ началъ съ указанія на то, что всякому, бывавшему въ мѣстечкахъ Юго-Западнаго края приходилось видѣть мрачное, своеобразной архитектуры, деревянное зданіе, построенное большей частью на площади среди еврейскихъ домовъ и заѣзжихъ дворовъ; это—синагога. Деревянныя синагоги въ настоящее время рѣдкость, такъ какъ онѣ сносятся за ветхостью, а нѣкоторыя реставрируются и утрачиваютъ при этомъ все типичное. Евреи въ Польшѣ и Малороссіи могли не скрывать своихъ молитвенныхъ домовъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы. Поэтому синагоги были лучшими зданіями въ мѣстечкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ были и каменныя синагоги, тогда какъ христіане строили почти исключительно деревянные храмы. Деревянныя синагоги отличались очень оригинальной архитектурой. Четыреугольникъ образуютъ четыре мрачныхъ темныхъ стѣны, въ которыхъ высоко надъ землей вдѣланы широкія окна, и вѣнчаетъ постройку трехъ-этажная крыша. Вокругъ этого унылаго зданія тѣснятся школки, хедеры, камеры кагальныхъ заправителей; тутъ-же рядомъ еврейскіе жалкіе домишки. Внутренность синагоги—большая зала, выкрашенная краской; вмѣсто потолка—куполъ, въ основаніи

четыре-угольный, затѣмъ переходящій въ восьми-угольный. Куполъ расписанъ. Въ м. Михалполѣ (Подол. губ.) сохранился куполъ, расписанный живописью, которая представляетъ изображенія: Іерусалима, виноградника, коровы съ теленкомъ, а въ медальонахъ—рыбъ, зайцевъ, оленей, слоновъ, единорога въ борьбѣ со львомъ и т. п. Все помѣщеніе синагоги уставлено густо скамьями. Противъ входа у противоположной стѣны помѣщается „уренъ-койдешъ"—деревянный кіотъ или шкафикъ; это—алтарь, въ которомъ хранится тора; онъ помѣщается на нѣкоторомъ возвышеніи. Передъ алтаремъ находится эстрада, „бима", на которой стоятъ столъ, предназначенный для развертыванія торы въ богослужебные дни. Здѣсь-же помѣщаются и хоры для пѣвчихъ. Референту извѣстны синагоги въ Погребищахъ (Бердичев. у.), въ Ярмолинцахъ и Шаровкѣ (Проскуров. у.), въ Михалполѣ (Летичев. у. Подол. губ.), въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, въ Узланахъ (Минск. губ.), въ Заблудовѣ (Гродненъ. губ.). При постройкѣ синагогъ евреи сохранили стилевую связь съ христіанскимъ деревяннымъ зодчествомъ. Можно утверждать, что синагоги это деревянныя исчезнувшія шляхетскія хоромы. Матвѣй Берсонъ, извѣстный изслѣдователь деревянныхъ синагогъ въ Польшѣ, предполагаетъ, что онѣ—лучшія произведенія еврейскаго зодчества. Съ нимъ несогласны польскіе историки, по мнѣнію которыхъ евреи не могли принесть съ собой изъ Іудеи деревяннаго зодчества, такъ какъ тамъ не было лѣсовъ. Образцомъ для синагогъ бралась самая красивая свѣтская постройка; этой постройкой былъ шляхетскій домъ, или будынокъ, съ высокой готической крышей, что ясно видно изъ разсмотрѣнія рисунковъ, помѣщенныхъ въ „Tygodniku Illustrowanym". Отличительнымъ признакомъ польскаго будынка были пристройки по угламъ, которыя имѣли пирамидальныя крыши. Эту-же особенность представляютъ и синагоги въ Заблудовѣ, Насѣльскѣ, Вольцѣ и Погребищахъ, а также и въ тѣхъ синагогахъ, которыя референтъ лично осматривалъ въ Михалполѣ и Хмельникѣ (Подол. губ.). Вторая особен-

ность деревянныхъ синагогъ—крыши; если изучать разныя сельско-хозяйственныя постройки въ Польшѣ и Малороссіи, то можно установить нѣсколько типовъ крышъ: 1) пирамидальная крыша на небольшой квадратной постройкѣ (въ с. Печановкѣ придѣлы деревянной церкви имѣютъ такія же крыши); 2) крыша съ дымниками, для выхода дыма на узкихъ сторонахъ крыши; такіе-же дымники раньше устраивались въ хатахъ съ соломенными крышами такъ: на верхушкѣ четырехскатной крыши кладется для лучшаго держанія сноповъ покрышка изъ того-же матеріала, а на фронтахъ оставляются отверстія для дыма; хата сѣнями раздѣляется на двѣ половины; въ обѣихъ печи, въ которыхъ трубъ нѣтъ, и потому дымъ идетъ въ сѣни, а изъ сѣней—ия чердакъ и, наконецъ, въ дымники (хаты у гуцуловъ); 3) дымники постепенно увеличиваются и закрываются щитомъ, украшеннымъ орнаментомъ; такія крыши можно видѣть въ мѣстечкахъ на еврейскихъ домахъ (хаты Закопянскаго стиля, хаты въ Силезіи, у гуцуловъ, паперти въ деревянныхъ церквахъ въ Винницѣ, Малыхъ Хуторахъ и въ Привитовѣ); 4) крыша, совершенно обрѣзанная по фронту—двускатная крыша; 5) четырехскатная барочная крыша съ двойнымъ заломомъ, такъ называемая польская мансарда, которая ведетъ свое происхожденіе отъ французской мансарды. Крыши съ заломомъ мы встрѣчаемъ и въ Кіевѣ: трапезная церковь въ Михайловскомъ монастырѣ, митрополитанскій домъ и духовное училище въ оградѣ Софійскаго собора, корпуса келій въ Печерской лаврѣ; такую же форму крыши имѣетъ въ Заславлѣ замокъ. На синагогахъ встрѣчаются всѣ эти типы кровель, особенно же часто встрѣчается крыша со щитомъ и барочная крыша съ заломомъ. Резюмируя все вышесказанное, референтъ пришелъ къ заключенію, что памятники этого рода очень важны для исторіи малорусскаго искусства, такъ какъ они являются послѣдними уже исчезающими и въ то-же время консервативными памятниками нашего деревяннаго зодчества, и высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ, кто только можетъ, собирали и опубликовывали бы рисунки этихъ памятниковъ.

По поводу этого доклада д. чл. О. И. Левицкій обратилъ вниманіе референта на видѣнныя имъ синагоги въ Луцкѣ, Острогѣ и Любомлѣ, а д. чл. В. Т Георгіевскій—на синагогу въ Чернобылѣ; онъ же замѣтилъ, что двойная крыша съ заломомъ, быть можетъ, ведетъ свое начало не съ запада (французскія мансарды), а отъ способа покрытія соломенныхъ крышъ, что̀ поддерживалъ и г. Левицкій, указавъ, что, насколько онъ знаетъ изъ личныхъ воспоминаній, такія двойныя крыши часто первоначально были крыты соломой, а потомъ уже перекрывались деревомъ или желѣзомъ.

б) По окончаніи дебатовъ, вызванныхъ вышеизложеннымъ рефератомъ, былъ прочтенъ докладъ Коммиссіи, избранной въ предшествовавшемъ засѣданіи, по вопросу объ охранѣ древнихъ памятниковъ и зданій, возбужденному особой коммиссіей при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

1) По вопросу о центральномъ охранительномъ органѣ коммиссія Общества Нестора-лѣтописца высказала пожеланіе, чтобы этотъ органъ состоялъ изъ представителей ученыхъ учрежденій С.-Петербурга, имѣющихъ отношеніе къ археологіи.

2) Функціи окружныхъ охранительныхъ органовъ могутъ быть предоставляемы мѣстнымъ историко-археологическимъ обществамъ.

3) Дѣятельность охранительныхъ органовъ не должна быть ограничиваема степенью древности памятниковъ и зданій.

4) Въ Кіевскомъ археологическомъ округѣ функціи окружного органа Общество Нестора-лѣтописца принимаетъ на себя, входя для этой цѣли въ сношенія съ губернскими учеными архивными коммиссіями и церковно-археологическими обществами.

Губерніи Минская и Могилевская должны быть отнесены къ Виленскому округу, съ которымъ онѣ больше связаны и своимъ историческимъ прошлымъ, и этнографическимъ составомъ.

5) Обществу Нестора-лѣтописца должны быть предоставлены матеріальныя средства на расходы, связанные съ исполненіемъ имъ охранительныхъ функцій.

6) Право охраненія должно распространяться и на памятники, принадлежащіе частнымъ лицамъ.

7) Участіе земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій въ расходахъ по охраненію памятниковъ и зданій желательно.

По выслушаніи и обсужденіи заключеній своей коммиссіи (при чемъ произошелъ между членами обмѣнъ мнѣніями), Общество Нестора-лѣтописца постановило препроводить эти заключенія въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

По случаю исполнившагося 35-лѣтія служебной и научной дѣятельности почет. члена Общества *Н. И. Петрова* и 25-лѣтія поч. члена *Н. Ѳ. Сумцова* постановили уполномочить О. И. Левицкаго и А. М. Лободу принести поздравленіе Н. И. Петрову и послать привѣтствіе Н. Ѳ. Сумцову.

Назначенные на 16-е октября выборы должностныхъ лицъ Общества Нестора-лѣтописца на новое трехлѣтіе на мѣсто выбывающихъ, за истеченіемъ срока ихъ полномочій, не состоялись вслѣдствіе закрытія Университета.

По той же причинѣ не состоялось и годичное торжественное собраніе Общества 27-го октября 1905 года.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го ноября 1905 г. по 19-е марта 1906 г.

I. Засѣданіе 27-го ноября 1905 г.

Настоящее засѣданіе, вслѣдствіе того, что въ половинѣ октября, не состоялись выборы должностныхъ лицъ по случаю закрытія Университета было посвящено избранію членовъ бюро на новое трехлѣтіе на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій.

По произведенной баллотировкѣ избранными оказались, по октябрь 1908 г., въ должности:

Предсѣдателя—*Н. П. Дашкевичъ.*

Товарища предсѣдателя—*А. А. Дмитріевскій.*

Секретаря—*А. М. Лобода.*

Казначея—*Г. Г. Павлуцкій.*

Библіотекаря и помощника секретаря—*И. М. Каманинъ.*

II. Засѣданіе 15-го января 1906 г.

Настоящее годичное собраніе было открыто краткой рѣчью г. Предсѣдателя, указавшаго на важность возобновленія занятій Общества историческимъ изученіемъ прошлой жизни народа теперь, въ виду развитія общественнаго самосознанія и самопознанія. Затѣмъ г. Секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ составленный имъ

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 33-й годъ его существованія, съ 27-го октября 1904 г. по 27-е октября 1905 г.

Годичный кругъ занятій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца заканчивается 27-го октября каждаго года, и обычно въ этотъ день бывали годичныя собранія Общества, въ которыхъ оно подводило итогъ своей дѣятельности за истекавшій отчетный годъ.

Нынѣ, по не зависящимъ отъ Общества обстоятельствамъ, пришлось пропустить этотъ традиціонный день, и только въ настоящемъ засѣданіи Общество имѣетъ возможность представить отчетъ о своемъ состояніи и дѣятельности за 33-ій годъ своего существованія, съ 27-го октября 1904 г.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября 1904 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 152 членовъ: 25 почетныхъ, 124 дѣйствительныхъ и 3 членовъ-корреспондентовъ; 1—почетный членъ былъ избранъ въ засѣданіи 27-го октября 1904 г.

Изъ нихъ Общество *лишилось* почетнаго члена, академика Александра Николаевича Пыпина, и дѣйствительнаго члена, графа Григорія Александровича Милорадовича.

Имя Пыпина всѣмъ извѣстно; труды его поражаютъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ; его разысканія въ области старинныхъ русскихъ повѣстей и сказокъ, исторія русской этнографіи, исторія славянскихъ литературъ, исторія русской литературы, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изслѣдованія о Бѣлинскомъ и Некрасовѣ—являются настольными книгами для всякаго интересующагося этими вопросами; обширныя познанія въ немъ соединялись съ рѣдкимъ популяризаторскимъ талантомъ, такъ что въ лицѣ покойнаго не только наука понесла тяжелую утрату,

но и русское общество лишилось незамѣнимаго воспитателя въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Графъ Григорій Александровичъ Милорадовичъ былъ однимъ изъ видныхъ общественныхъ и ученыхъ дѣятелей нашего края. Принадлежа къ родовитому малорусскому дворянству, онъ особенно интересовался исторіей своего сословія и оставилъ въ этой области рядъ крупныхъ работъ; заслуживаетъ упоминанія также его изданіе стихотвореній Туманскаго съ цѣнными біограф. данными.

Новыхъ членовъ было *избрано* 7: 4 дѣйствительныхъ—проф. П. П. Соколовъ, магистрантъ по каѳедрѣ рус. исторіи А. С. Грушевскій, поручикъ В. Л. Модзалевскій и членъ суд. палаты Д. В. Туткевичъ; 3 члена-корреспондента—присяжный повѣренный Г. М. Барацъ, преподаватель исторіи В. И. Пичета и профессорскій стипендіатъ по каѳедрѣ рус. языка и словесности В. А. Розовъ.

Такимъ образомъ, *къ концу отчетнаго года*, въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца *числилось всего* 158 членовъ: 25 почетныхъ, 127 дѣйствительныхъ и 6 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ 80, а именно: 6 почетныхъ, 71 дѣйствительный и 3 члена-корреспондента находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Въ октябрѣ отчетнаго года истекъ срокъ полномочій членамъ *Бюро* Общества: предсѣдателю, его товарищу, секретарю, казначею и библіотекарю, исполняющему вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности помощника секретаря. Назначенное на 16-е октября собраніе для выбора означенныхъ должностныхъ лицъ на новое трехлѣтіе не состоялось, и выборы въ отчетномъ году не могли быть вовсе произведены, такъ что составъ Бюро Общества къ концу отчетнаго года оставался прежній: предсѣдатель д. чл. Ю. А. Кулаковскій, товарищъ предсѣдателя д. чл. О. И. Левицкій, секретарь д. чл. А. М. Лобода, казначей д. чл. Г. Г. Павлуцкій, библіотекарь и помощникъ секретаря д. чл. И. М. Каманинъ.

Равнымъ образомъ оставался въ прежнемъ составѣ и *Совѣтъ* Общества, членами коего были: 1) вышепоименован-

ные предсѣдатель Общества, его товарищъ, секретарь и казначей, 2) члены-учредители, поч. члены: В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ и Н. И. Петровъ; 3) восемь членовъ по избранію: поч. члены М. Ф. Владимірскій-Будановъ и Н. П. Дашкевичъ, дѣйств. члены: Г. Е. Аѳанасьевъ, В. З. Завитневичъ, А. І. Степовичъ, Т. Д. Флоринскій, С. Т. Голубевъ и И. М. Каманинъ.

Изъ нихъ членами Редакціоннаго Комитета при Совѣтѣ состоятъ названныя четыре должностныхъ лица Общества и, по избранію Совѣта, поч. члены В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. П. Дашкевичъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 4, а засѣданій Редакціоннаго Комитета—3.

Свѣдѣнія о кассѣ Общества.

1) Къ 27-му октября 1905 года въ кассѣ оставалось	2726 р. 08 к.
(Изъ нихъ неприкосновеннаго капитала 2400 р. и наличными деньгами 326 р. 18 к.).	
2) Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ Общества	1409 р. 42 к.
(болѣе прошлогодняго на 138 р. 11 к.).	

и въ томъ числѣ:

а) правительственной субсидіи	800 р. — к.
б) членскихъ взносовъ (отъ 41 члена) .	203 р. 91 к.
(болѣе прошлогодняго на 103 р. 78 к.)	
в) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету	127 р. 18 к.
(болѣе прошлогодняго на 13 р. 70 к.)	
г) отъ продажи изданій Общества . . .	78 р. 33 к.
(болѣе прошлогодняго на 52 р. 8 к.)	
д) пособія отъ Правленія Университета .	200 р. — к.

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, находившихся въ кассѣ Общества въ отчетномъ году, составляетъ		4135 р. 60 к.
(болѣе прошлогодняго на 211 р. 50 к.)		
Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:		
1) на изданія Общества:		
а) на изданіе 2 вып. XVIII кн. „Чтеній“	468 р. 50 к.	1028 р. 5 к.
б) на изданіе 3 и 4 вып. той же книги	559 р. 55 к.	
2) на устройство засѣданій		44 р. 25 к.
3) на прислугу		69 р. — к.
4) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы		71 р. 42 к.
Всего же израсходовано		1212 р. 72 к.
(болѣе прошлогодняго на 14 р. 80 к.)		
Слѣдовательно, къ 27 октября 1905 года въ кассѣ Общества осталось въ наличности .		2922 р. 88 к.
(Изъ нихъ неприкосновеннаго капитала— 2538 руб. и наличными деньгами 384 р. 88 к.)		
(болѣе прошлогодняго на 196 р. 70 к.)		

Свѣдѣнія о библіотекѣ Общества.

а) *Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ* библіотеки Общества къ 27-му октября 1904 г. было: 2670 названій въ 5982 томахъ и брошюрахъ. Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 106 названій въ 235 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27-му октября 1905 г. числится всего 2776 названій въ 6217 томахъ и брошюрахъ.

Въ означенномъ числѣ вновь поступившихъ книгъ заслуживаютъ вниманія:

а) Изданный Император. Археографич. Коммиссіей (въ Спб.) 1-й томъ „*Литовской Метрики*“.

б) Пожертвованные гр. *А. А. Бобринскимъ,* поч. чл. нашего Общества, всѣ его труды по археологіи Южной Россіи.

в) *Лицевой иконописный подлинникъ:* иконографія Господа-Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, съ изслѣдованіемъ къ нему академика Н. Кондакова.

г) *Утвержденная грамота* объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова, изданная фототипіей Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ по поводу столѣтія существованія Общества, и

д) *Тріодіонъ,* си есть „Трипѣснецъ", изданный во Львовѣ Михаиломъ Слезкой въ 1642 году, пожертвованный студентомъ Университета св. Владиміра В. М. Щербаковскимъ.

2) *Въ отдѣлѣ рукописей* къ 27-му октября 1904 г. было:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 14

б) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

в) отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ 2 связки.

г) рукописныхъ сочиненій XIX в. въ формѣ книгъ 7

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта и поч. членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года поступила одна рукопись, именно: „Книга дѣяній апостольскихъ" конца XVII в. [1]). Рукопись пожертвована студентомъ Университета св. Владиміра Николаемъ Терновскимъ. Въ палеографическомъ отношеніи рукопись представляетъ собой образецъ скорописнаго устава старательной, однако, работы.

---

[1]) Водный знакъ книги встрѣчается въ актовыхъ книгахъ Волыни не ранѣе 1683 г.; характеръ же письма, подобный характеру данной рукописи, встрѣчается и въ Подоліи; въ одной изъ этихъ мѣстностей и могла писаться „Книга дѣяній апостольскихъ".

Такимъ образомъ къ 27-му октября 1905 г. въ отдѣлѣ рукописей имѣется:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ до конца XVIII в. 15

б) рукописныхъ книгъ XIX в. 7

в) фотографическихъ снимковъ съ древнихъ рукописей 2

г) отдѣльныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ 2 связки.

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованная сестрой поэта, поч. чл. нашего Общества О. В. Головней.

3) Въ небольшой *музей Общества,* до сихъ поръ не выходящій изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій въ теченіе отчетнаго года не было.

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историческаго Общества Нестора-лѣтописца выражалась, по примѣру прежнихъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году всѣхъ засѣданій Общества было 10 (противъ 14 за прошлый годъ). Въ нихъ доложены были сообщенія слѣдующихъ 15 членовъ Общества: Н. П. Дашкевича, Г. Г. Павлуцкаго, А. И. Соболевскаго (по 2 сообщенія), А. С. Грушевскаго, А. А. Дмитріевскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, И. М. Каманина, О. И. Левицкаго, А. М. Лободы, Н. И. Петрова, А. В. Стороженка, Т. Д. Флоринскаго, О. А. Фотинскаго, В. А. Чаговца и М. Н. Ясинскаго; кромѣ того, были доложены и подвергались обсужденію въ открытомъ засѣданіи „Основныя положенія, выработанныя особой коммиссіей при Мин. Вн. Д. по пересмотру постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій“, какъ равно и докладъ коммиссіи изъ членовъ Общества, избранный для выясненія возбужденнаго этими положеніями вопроса.

Всего сообщеній было предложено такимъ образомъ 20 (противъ 34, предложенныхъ въ прошломъ году 23 членами и сторонними посѣтителями).

Большинство изъ нихъ было посвящено вопросамъ южнорусской старины и народности, и прежде всего здѣсь должно быть отмѣчено разсмотрѣніе только что упомянутыхъ „Основныхъ положеній по пересмотру дѣйствующихъ постановленій объ охраненіи древнихъ памятниковъ и зданій". То, что въ другихъ государствахъ составляетъ предметъ національной гордости и особенной заботливости, у насъ, за рѣдкими исключеніями, оказывается въ полномъ пренебреженіи, разрушается, расхищается, приспособляется для совершенно неподходящихъ цѣлей или варварски „обновляется". Въ частности, сколько такимъ образомъ погибло памятниковъ старины въ нашемъ Юго-Западномъ краѣ! При подобныхъ обстоятельствахъ вполнѣ естественно то сочувствіе, съ какимъ въ Обществѣ Нестора-лѣтописца была встрѣчена мысль Министерства Вн. Дѣлъ упорядочить это дѣло и, для болѣе дѣйствительной охраны памятниковъ старины, привлечь къ широкому участію мѣстныя ученыя Общества. Въ частности, для Общества Нестора-лѣтописца „Основныя положенія" намѣтили роль окружнаго наблюдательнаго органа губерній: Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Могилевской, Черниговской и Полтавской; выражая готовность на извѣстныхъ условіяхъ принять на себя эту роль, Общество Нестора-лѣтописца находитъ, однако, что губерніи Минская и Могилевская скорѣе могутъ быть отнесены къ Виленскому округу, къ которому онѣ болѣе тяготѣютъ по своему историческому прошлому и этнографическому составу населенія.

Обществу Нестора-лѣтописца тѣмъ ближе новая предназначаемая для него дѣятельность, что оно само уже, по мѣрѣ возможности, стремится осуществить аналогическія задачи въ лицѣ своей Коммиссіи по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины. Предсѣдатель этой Коммиссіи, д. чл. Общества Г. Г. Павлуцкій, продолжая свои

разысканія въ области старинной деревянной южно-русской архитектуры, демонстрировалъ „Изображеніе храма на древнѣйшихъ южно-русскихъ миніатюрахъ", въ дополненіе къ своему предыдущему реферату о деревянной церковной архитектурѣ Юго-Западнаго края и въ подтвержденіе его основныхъ положеній, а затѣмъ познакомилъ съ архитектурой „Старинныхъ деревянныхъ синагогъ въ Юго-Западномъ краѣ".

Къ той же серіи докладовъ, посвященныхъ памятникамъ нашей старины, относятся: сообщеніе поч. члена Н. И. Петрова о „Новооткрытомъ альбомѣ видовъ и рисунковъ достопримѣчательностей Кіева 1651 г,", д. члена А. В. Стороженка: „О существовавшихъ въ Кіевѣ латинскихъ храмахъ" и д. члена И. М. Каманина: „Придорожные кресты, иконы и статуи святыхъ въ селахъ Кіевскаго у."

Административной и общественной жизни края касались доклады: д. члена А. С. Грушевскаго, обрисовавшаго „Вызовъ людей изъ Малороссіи Петромъ В. на работы и отношеніе къ этому мѣстнаго населенія", затѣмъ—д. чл. О. А. Фотинскаго, представившаго нѣсколько новыхъ данныхъ „Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни", д. чл. О. И. Левицкаго—„О порядкѣ и формахъ заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVII и XVIII вв.", отмѣченныхъ любопытной борьбой церковнаго взгляда на бракъ съ юридическо-бытовыми переживаніями старыхъ, народныхъ формъ брака; далѣе, д. чл. М. В. Довнаръ-Запольскаго—„Къ исторіи административнаго строя южной Украины XVI в.", и д. чл. М. Н. Ясинскаго, подвергшаго новому пересмотру вопросъ о „верви" Р. Правды въ связи съ соотвѣтствующими актовыми данными XV—XVI вв.

Южно-русской книжной старинѣ посвящены двѣ библіографическія замѣтки поч. чл. А. И. Соболевскаго.

Къ области южно-русской народной словесности относится разборъ поч. членомъ Н. П. Дашкевичемъ думы про Олексія Пирятинскаго, въ которой одни видѣли пережитокъ стараго южно-русскаго былевого эпоса на почвѣ позднѣйшихъ историческихъ и бытовыхъ явленій, а другіе—простой

варіантъ популярнаго бродячаго мотива; то или иное рѣшеніе этого вопроса подводитъ насъ къ выясненію основного вопроса о взаимоотношеніи стараго былевого эпоса и позднѣйшихъ южно-русскихъ думъ и о составѣ послѣднихъ.

„Славяно-русскій Троянъ и римскій императоръ Траянъ", того же автора, вводятъ насъ въ область римскаго воздѣйствія на славяно-русское народное творчество.

Славянскія правовыя воззрѣнія въ „Дубровицкомъ Статутѣ 1272 г." отмѣтилъ д. членъ Т. Д. Флоринскій; „Хиландарскому Синаксарю преп. Саввы Освященнаго" посвященъ былъ докладъ д. члена А. А. Дмитріевскаго.

Дань уваженія Общества умершему поч. члену А. Н. Пыпину—поминки д. чл. А. М. Лободы: „Ученая дѣятельность А. Н. Пыпина" и д. члена В. А. Чаговца: „Славянскій вопросъ въ трудахъ А. Н. Пыпина".

Въ заключеніе обзора дѣятельности Общества, остается отмѣтить, что въ одномъ изъ засѣданій члены Общества имѣли возможность ознакомиться со старинными мотивами малорусскихъ думъ въ исполненіи кобзаря Кравченка, по поводу котораго сдѣлано нѣсколько разъясненій д. членами О. И. Левицкимъ и А. М. Лободой.

Доклады, прочитанные въ засѣданіяхъ Общества, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, полностію или въ сокращеніи печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ", по 4 выпуска ежегодно.

Въ отчетномъ году вышли 2, 3, 4 выпуски (послѣдніе два въ одной книгѣ) XVIII-ой книги „Чтеній" и печатался 1-ый выпускъ XIX-ой. Общество вынуждено нѣсколько задерживать изданіе „Чтеній" за недостаткомъ средствъ.

Помимо этой своей дѣятельности, Общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, принимало участіе въ занятіяхъ XIII-го Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ, также въ разрѣшеніи вопроса о времени чествованія тысячелѣтняго юбилея г. Переяславля (Полтавскаго) и, по предложенію тогдашняго своего предсѣдателя, д. чл. Ю. А. Кулаковскаго, предполагало организовать публичныя лекціи

объ основаніяхъ и исторіи представительнаго правленія на Западѣ и въ Россіи; къ сожалѣнію, эта мысль осуществленія не получила.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и тѣхъ скромныхъ торжествъ науки, которыми ознаменовалась жизнь Общества за истекшій отчетный годъ. Въ виду общеизвѣстныхъ заслугъ поч. члена проф. В. Б. Антоновича, 35 лѣтъ профессорской дѣятельности, котораго исполнилось въ минувшемъ сентябрѣ, (а въ нынѣшнемъ году исполняется 45-лѣтіе литературнаго служенія наукѣ и краю) и который за это время воспиталъ цѣлый рядъ изслѣдователей-учениковъ, явился однимъ изъ членовъ-учредителей Общества Нестора-лѣтописца и неоднократно былъ предсѣдателемъ его, послѣднее постановило открыть подписку на премію имени В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца за труды по южно-русской археологіи и исторіи, а также принять участіе въ чествованіи юбиляра.

Другому члену-учредителю Общества, также его почетному члену, трижды исполнявшему обязанности его предсѣдателя, проф. В. С. Иконникову въ отчетномъ году исполнилось 40-лѣтіе служебной дѣятельности, ознаменованной трудами, доставившими юбиляру званіе члена-корреспондента Академіи Наукъ; и Общество сочло своимъ долгомъ посвятить ему очередную XIX-ую книгу своихъ „Чтеній“.

Общество также чрезъ особую депутацію принесло поздравленіе своему поч. члену, члену-учредителю Н. И. Петрову, по случаю истеченія 40 лѣтія его научной дѣятельности, и привѣтствовало телеграммой поч. члена Н. Ѳ. Сумцова.

Такова дѣятельность Общества за истекшій отчетный годъ. По сравненію съ прошлымъ, она нѣсколько сократилась, но Общество и при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ стремилось и стремится посильно осуществлять свои основныя задачи—служить родному краю, разработкою ли его прошлаго и настоящаго, или вообще поддержаніемъ въ немъ духа знанія и той мирной работы, которая

всегда была и будетъ однимъ изъ главныхъ рычаговъ прогресса.

Въ заключеніе, Предсѣдатель Общества **Н. П. Дашкевичъ** произнесъ рѣчь: *„Смѣны вѣковыхъ традицій въ отношеніяхъ народовъ Запада къ Руси“*. Вмѣсто того, чтобы въ мирѣ и единеніи стремиться къ осуществленію идеаловъ ученія Христа, христіанскій міръ находился въ постоянной враждѣ и раздѣленіи. Въ этомъ отношеніи основная мысль сочиненія В. И. Ламанскаго: „Объ историческомъ изученіи грекославянскаго міра въ Европѣ“ не лишена значительной доли правды. На европейско-азіатскомъ материкѣ онъ различаетъ три великихъ міра: средину ихъ занимаетъ Россія и славянство; міръ собственно европейскій постоянно обособлялся; Русь представлялась послѣднему какъ своего рода „чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй“. Интересно, какъ сложились такія представленія съ отдаленнаго времени. Напримѣръ, во французскихъ былевыхъ пѣсняхъ XI и слѣд. вѣковъ русскіе являются враждебными язычниками; въ нѣмецкомъ эпосѣ славяне, особенно восточные, упоминаются, какъ люди чужіе, поганые, невѣрные; даже въ отдаленную Англію зашли подобныя-же мысли о Руси; лишь скандинавскія саги интересуются русской страной, какъ мѣстомъ подвиговъ сѣверныхъ витязей, знаютъ вѣру русскихъ и не отличаютъ ихъ по нравамъ. Остальному Западу славянство представлялось людьми, чуждыми цивилизованной Европѣ; на Ліонскомъ соборѣ 1245 г. папа выразился такъ, какъ будто греки не были христіане; одинаково смотрѣли на православное славянство и остальные католики; подобная нетерпимость встрѣчается даже у католическихъ славянъ, лучше знавшихъ Русь (письмо Краковскаго епископа Матвѣя къ Бернарду Клервоскому); Викентій Кадлубекъ изображаетъ русскихъ народомъ лѣнивымъ, любящимъ охоту и пьянство; русскіе, составлявшіе какъ-бы второй міръ, приравниваются и у чеховъ XIII вѣка къ идолопоклонникамъ, несмотря на соприкосновеніе съ Русью при Даніилѣ Галицкомъ; въ грамотѣ папы Іоанна XXII, рисующей упадокъ Польши, русскіе опять приравниваются къ „пога-

нымъ", схизматикамъ (рукопись XIV в.), не подчиняющимся Римской церкви, въ силу чего ихъ храмы называются синагогами. Конечно, и нѣкоторые русскіе платили католикамъ той же монетой, что̀ особенно проявилось въ полемической литературѣ противъ латинянъ; но со стороны Юго-Западной Руси не было фанатической ненависти даже къ католической святынѣ. Уже съ того времени папство стремилось подчинить себѣ русскихъ и не разъ накликало грозныхъ враговъ съ Запада вмѣсто поддержки Руси въ борьбѣ съ восточными врагами. Русь предоставлена была самой себѣ всецѣло и оставалась въ одиночествѣ. Мало того, католическій Западъ предпринималъ наступательныя дѣйствія противъ Руси: папы Григорій IX и Иннокентій IV надѣялись, что нѣмецкому ордену удастся завладѣть нѣкоторыми частями Руси; привлеченіе кн. Даніила Галицкаго подъ покровительство̀ св. Петра и папъ охранило на время его владѣнія отъ покушенія нѣмецкаго ордена и угровъ, но когда кн. Даніилъ отрекся отъ подчиненія папѣ Александру IV, то послѣдній поставилъ ему на видъ, что онъ вступаетъ на путь погибели. Юго-Западная Русь была форпостомъ православнаго русскаго міра, противъ котораго папы проповѣдывали крестовые походы; русскіе именовались врагами католическихъ народовъ и „infideles", и враждебныя дѣйствія противъ нихъ считались богоугоднымъ дѣломъ; прибавимъ, что на Западѣ выработалась доктрина о необходимости рабства, о рабствѣ по природѣ; русскіе рабы попадали въ Руссильонъ и Каталонію. Таковы были отношенія Запада къ Руси до XVI в,; они обусловливались въ огромной степени религіознымъ фанатизмомъ. Съ XVI в. обнаруживается на Западѣ живой интересъ къ міру русскаго Востока: московиты упоминаются у Раблэ и даже въ трагедіи Кальдерона. Начиная съ Герберштейна, о Россіи повторяютъ удивительныя небылицы на ряду со справедливымъ осужденіемъ такихъ печальныхъ явленій, какъ тиранія Грознаго; большинство иностранцевъ относилось къ московитамъ, какъ къ варварамъ; Олеарій считаетъ наше правленіе близкимъ къ тираническому; одинъ датскій посланникъ характе-

ризовалъ русскихъ, какъ народъ лукавый, изворотливый, упрямый, разнузданный, безстыдный, наклонный ко всякому злу, живущій насиліемъ, не признающій разума и утратившій признаки какихъ-либо добродѣтелей. Другой иностранецъ утверждалъ, что величайшее счастіе для русской жены быть избитой мужемъ: Флетчеръ особенно распространялся о холопствѣ и вѣроломствѣ русскихъ. Такимъ образомъ, въ XVI и XVII вв. религіозный фанатизмъ смѣняется высокомѣріемъ; иностранцы смотрятъ на насъ съ высоты своего культурнаго превосходства, не пытаясь вникнуть въ явленія русской жизни безъотносительно къ своимъ шаблонамъ. Съ Петра Вел., съ XVIII в., традиціонное презрительное отношеніе Запада къ Руси начинаетъ измѣняться; особенно заинтересовался Западъ личностію Петра. Въ то время какъ французскіе писатели продолжали относиться къ русскимъ высокомѣрно и сомнѣваться въ ихъ способности стать цивилизованнымъ народомъ (Руссо, Монтескье), нѣмецкіе, какъ, напр., Гердеръ усматриваютъ уже въ русскихъ добрые задатки, которые нуждаются только въ развитіи и усовершенствованіи; вообще въ XVIII в. мы встрѣчаемъ лишь немногіе свѣтлые оазисы въ сужденіяхъ о Россіи иностранцевъ, какъ напр. у вождей французскаго просвѣщенія второй половины XVIII в. о Екатеринѣ II, у Вольтера и Дидро. Къ традиціонному недружелюбію въ отношеніи къ русскимъ, какъ къ варварамъ, въ XVIII в. прибавилось еще недовѣріе къ возраставшему ихъ политическому могуществу и опасеніе, какъ бы это могущество не послужило ко вреду Запада, о чемъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе Фридриха Вел. Дружба Россіи съ Англіей, начавшаяся-было со временъ Елисаветы, вѣковая дружба съ Пруссіей со временъ Петра III и съ Австріей со временъ Іосифа II смѣнились въ XIX в. открытымъ присоединеніемъ Англіи къ Наполеону III въ эпоху Крымской войны, угрожающимъ поведеніемъ Австріи и подозрительною корректностью Пруссіи; въ особенности больно рѣзало наше сердце нерасположеніе, сказавшееся въ недавніе тяжелые дни русско-японской войны; оно мало разнилось

отъ того, которое приносило много горя въ годы Крымской войны. Злорадство, омрачавшее наши дни, завершаетъ многовѣковой рядъ обидъ, нанесенныхъ русскому національному самолюбію, и побуждаетъ внимательнѣе прислушаться къ обвиненіямъ, предъявляемымъ нашему отечеству, такъ какъ сужденія иностранцевъ, несомнѣнно, могутъ имѣть цѣну подъ условіемъ, чтобы они основывались на внимательномъ и безпристрастномъ наблюденіи и изученіи русской жизни.

III. Засѣданіе 29-го января 1906 г.

Г. Предсѣдателемъ **Н. П. Дашкевичемъ** было сказано *нѣсколько вводныхъ словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ и Н. И. Костомаровѣ:*

„Нынѣшнее и слѣдующее собранія Историческаго Общества Нестора-лѣтописца будутъ посвящены чествованію памяти двухъ достойныхъ постояннаго вниманія дѣятелей русскаго самопознанія и творческаго возсозданія русскаго самосознанія,—писателей, произведенія которыхъ доселѣ не утратили своей свѣжести.

Одинъ изъ нихъ—*Ѳ. М. Достоевскій*—съ замѣчательною проницательностью, хотя и не съ соотвѣтствовавшею ей художественностію, возсоздавалъ, съ одной стороны, неприглядность нашей жизни, людей бѣдныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ въ нашемъ обществѣ, его пасынковъ, а съ другой, выражалъ возвышенные и также размашистые порывы и чаянія русской души. Западноевропейская критика долго и понапрасну отъ Тургенева, обвинявшаго Достоевскаго въ „больничномъ ковыряніи", „ожидала разъясненія той загадки, которая называется Россіей", какъ выразился Ю. Шмидтъ, одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ критиковъ того времени. Западноевропейская критика впервые стала находить разрѣшеніе этой загадки у Достоевскаго. Знакомясь съ произведеніями послѣдняго, она оцѣнила въ немъ то, чего не нашла у Тургенева, откровенія русской души, черты славянской психологіи, напр.

какъ выразился Hennequin, „родъ мечтательной доброты, которая, повидимому, отличаетъ славянскую расу". Конечно, эта критика нерѣдко приводила къ ложнымъ представленіямъ о русскомъ характерѣ и русской жизни.

Второй изъ поминаемыхъ нынѣ—*Н. И. Костомаровъ*—также не былъ чуждъ художественнаго творчества, какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на малорусскомъ нарѣчіи, но снискалъ славу преимущественно на поприщѣ художественно-историческаго возсозданія прошлыхъ судебъ русской земли.

Оба эти мыслителя и писателя выступили вполнѣ сознательными дѣятелями въ одну и ту же пору русской жизни, въ царствованіе императора Николая I, оба тяготѣли къ народу и обездоленнымъ людямъ, оба пострадали почти одновременно за свои благородные молодые порывы, но, вышедши изъ школы тяжелыхъ испытаній, казалось, далеко разошлись въ разныя стороны мысли и творчества. Рисуя, подобно Гоголю, ужасно печальныя картины русской дѣйствительности, преимущественно образы глубокаго паденія русской души и неясныхъ ея блужданій и поисковъ, Достоевскій какъ-бы выполнилъ геніальный русскій завѣтъ современному писателю, преподанный въ такихъ выраженіяхъ: „Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣни передъ Богомъ,—и проси у него гнѣва и любви! Гнѣва противъ того, что̀ губитъ человѣка, любви къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Достоевскій унаслѣдовалъ отъ Гоголя особую вѣру въ высокое призваніе русскаго народа, мессіанизмъ, аналогичный тому, который провозглашали величайшіе польскіе писатели, и до извѣстной степени родственный тому, который проглядываетъ въ одномъ изъ послѣднихъ трактатовъ Толстого: „Великій грѣхъ".

Достоевскій, одушевляясь этой вѣрой, стремился къ обновленію русской души не изувѣрствомъ о. Ѳерапонта (въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"), а между прочимъ евангеліемъ состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Ранѣе Л. Н. Толстого Достоевскій провозгласилъ: „спасеніе въ васъ са-

михъ!" и своимъ „Преступленіемъ и наказаніемъ" предварилъ „Воскресеніе" Толстого; но только у Достоевскаго исторія совѣсти кающагося раскрыта безпримѣрно тоньше, „борьба теоретической мысли съ исконными законами истинно-человѣческой природы" проведена съ необычайною обстотельностію, проблема добра и зла въ человѣческой душѣ, безсознательныя атавистическія и животныя силы послѣдней выслѣжены съ чрезвычайною глубиною анализа. Въ ряду русскихъ писателей XIX в. до Толстого не знаемъ другого писателя, который сослужилъ бы такую великую службу возрожденію идеализма въ нашей жизни, какъ Достоевскій.

Костомаровъ пошелъ иною дорогою въ изученіи и созерцаніи характера и судебъ русскаго народа и въ воздѣйствіи на современность. Онъ не интересовался въ своей поэзіи проблемами нравственнаго совершенствованія личности, искалъ откровеній не въ глубокомъ психологическомъ анализѣ людей всевозможныхъ классовъ народа; онъ открывалъ выраженіе народнаго міровоззрѣнія въ народной поэзіи и въ общественныхъ движеніяхъ русскаго народа на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ, начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ и оканчивая XIX в. Костомаровъ развѣнчалъ многое въ исторіи Моск. Руси, впервые выдвинувшей идеи и формы жизни, дорогія славянофильству. Но при этомъ, вдохновляясь мыслью о значеніи народа въ исторіи, незадолго до него намѣченною, онъ ярко освѣтилъ иныя стороны въ прошлой русской жизни, которыя не были выдѣляемы до него съ такою отчетливостью, напр., древне-русскія народоправства. Конечно, онъ былъ неправъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ основныхъ воззрѣній, не говоря уже о неточностяхъ въ подробностяхъ ихъ обоснованія. Теоріи о федеративномъ строѣ древней Руси, о двухъ русскихъ народностяхъ были въ свое время весьма заманчивы и плодотворны по возбужденному ими виженію мысли, но не выдерживаютъ критики строго-научной и объективной. Несомнѣнно впадалъ Костомаровъ и въ односторонность взгляда, когда писалъ И. С. Аксакову: „Не думаю, чтобъ русскій человѣкъ чуждался лжи и неправды, а напротивъ и въ исторіи и въ настоящей жизни

только и вижу, что ложь и неправду, и вполнѣ раздѣляю геніальное изреченіе Хворостинина: „Русская земля оретъ все рожью, а живетъ все ложью".

Такимъ образомъ, соединяя имена Достоевскаго и Костомарова въ совмѣстномъ чествованіи, Историческое Общество какъ бы ставитъ рядомъ и два олицетворяемыя ими столь несходныя повидимому воззрѣнія на русскую жизнь въ ея прошломъ и настоящемъ.

Но такое сопоставленіе, помимо чистой случайности, имѣетъ и внутренній смыслъ: имъ не только лучше освѣщаются односторонности каждаго изъ двухъ основныхъ направленій нашей исторической мысли XIX в.; но, при тщательномъ разсмотрѣніи, открываются и точки соприкосновенія ихъ.

Достоевскій былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ писателей, соединявшихъ въ своей мысли національнзмъ съ всечеловѣчествомъ. Въ своей творческой дѣятельности онъ былъ далекъ отъ обычныхъ шаблоновъ и, воспринявъ до извѣстной степени пріемы Стэндаля, аналитика исключительныхъ и полупатологическихъ состояній, и другихъ западныхъ реалистовъ, сочеталъ ихъ съ русскимъ своеобразнымъ идеалистическимъ реализмомъ, съ неизмѣримо глубокимъ пониманіемъ человѣческой души вообще и ея страданій даже въ самой безднѣ нравственнаго паденія, что̀ видимъ, напр., въ Мармеладовѣ, и въ частности—„русской души, измученной трудомъ и горемъ, а, главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и міровымъ". Равно и Костомаровъ, не будучи славянофиломъ и „почвенникомъ", поставилъ въ крупную заслугу Константину Аксакову то, что послѣдній „обратилъ вниманіе на древнее начало въ русской исторіи—общинное, вѣчевое... Онъ возвѣстилъ плодотворную мысль удалиться отъ русскаго подражанія западнымъ теоріямъ, обратиться къ разработкѣ народной жизни, и вмѣсто чуждыхъ наносныхъ взглядовъ, поискать своихъ народныхъ".

„Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности", сказалъ Пушкинъ. Однимъ изъ проявленій

такого неуваженія является одностороннее либо превратное истолкованіе ихъ личности и дѣятельности.

Такое истолкованіе въ особенности возможно въ отношеніи къ Достоевскому. Если и Гёте не избѣжалъ попытокъ современной научной моды открывать анормальности даже въ величайшихъ геніяхъ человѣчества, то что сказать о Достоевскомъ, у котораго иногда уже Бѣлинскій находилъ „нервическую чепуху" и въ которомъ и иные не разъ замѣчали много болѣзненнаго, узко-личнаго.

Въ виду этого, намъ въ особенности будетъ интересно выслушать о личности Достоевскаго сужденіе нашего сочлена, извѣстнаго психолога И. А. Сикорскаго.

Проф. И. А. Сикорскимъ былъ охарактеризованъ „Ѳ. М. Достоевскій, какъ человѣкъ и писатель".

Художественное и поэтическое творчество—не развлеченіе, не забава, не одно простое удовольствіе, но глубокая жизненная потребность людей. Поэты и художники своими произведеніями удовлетворяютъ этой потребности, и въ этомъ ихъ высокое назначеніе, ихъ великая цѣнность для общества. Будучи нравственно ясновидящими по своему таланту, они открываютъ намъ тѣ факты, которые недоступны нравственному взору обыкновеннаго человѣка. Какъ въ мірѣ физическаго воспріятія микроскопы, микрофоны, Пашеновскіе гальванометры расширяютъ физическіе горизонты; такъ художественное чутье поэта открываетъ намъ новый, незримый міръ нравственныхъ явленій. Художники и поэты являются живыми инструментами, расширяющими нашъ кругозоръ и углубляющими наше зрѣніе.

Сюжеты поэтовъ и художниковъ касаются то изображенія внѣшней природы и ея дѣйствія на человѣка; то рисуютъ *сильныя чувства и бури*, происходящія въ душѣ человѣка съ ихъ крайней точкой—гибелью человѣка; то изображаютъ медленное постепенное *перерожденіе человѣка* подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для личностей условій, которыя подобно яду, подобно отравѣ и заразѣ, медленно подтачиваютъ нравственную жизнь, какъ злая хроническая

болѣзнь; и, наконецъ, поэты и художники изображаютъ *гнетъ и давленіе*, подъ дѣйствіемъ котораго нравственная жизнь атрофируется, чахнетъ и замираетъ.

Въ изображеніи внѣшней природы писатель руководится настроеніемъ, которое онъ изображаетъ и которое отражается и на самомъ отношеніи человѣка къ природѣ. Этого рода художественные сюжеты свойственны многимъ писателямъ. Представителемъ второго типа художественныхъ произведеній является Шекспиръ. Шекспиру по преимуществу свойственно изображеніе сильныхъ чувствъ и потрясающихъ душевныхъ бурь. Этимъ въ особенности характеризуется третій періодъ его творческой дѣятельности.

Нравственное вырожденіе личности (опошленіе) и нравственная атрофія подъ вліяніемъ гнета и давленія нашли для себя выдающихся изобразителей въ Гоголѣ и Достоевскомъ. Въ превосходной сценѣ, изображенной въ разговорѣ Чичикова съ Муразовымъ въ тюрьмѣ, представлено нравственное разложеніе человѣка, бывшаго недюженнымъ отъ природы. Но Гоголь только великій діагностъ: онъ изображаетъ самый процессъ паденія человѣка отъ начала до конца; Достоевскій идетъ дальше: онъ не только *діагностъ*, но и *цѣлитель* нравственнаго зла. Главнымъ мотивомъ творческой дѣятельности Достоевскаго является стремленіе не только распознать опошленную, преступную или угнетенную личность, но и найти путь къ ея исцѣленію.

Какъ исцѣляться отъ нравственнаго зла? Съ чего начать? Гдѣ спасеніе? На эти вопросы Достоевскій даетъ отвѣтъ своей жизнью и своими произведеніями. Важнѣйшія изъ нихъ: 1, Бѣдные люди; 2, Записки изъ Мертваго дома; 3, Униженные и оскорбленные; 4, Преступленіе и наказаніе; 5, Братья Карамазовы.

Достоевскій такъ много говоритъ о страданіи, о возмездіи, о раскаяніи, что его даже упрекали за чрезмѣрный ригоризмъ. Но лучшимъ оправданіемъ Достоевскому служитъ философскій афоризмъ, что радость и страданіе представляютъ собою равноправныя стихіи жизни, и не напрасно

Пушкинъ сказалъ: „*я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать*“.

Достоевскій изображаетъ людей, которыхъ легко унизить и оскорбить, раздавить и погубить, которые легко могутъ сдѣлать преступленіе. Всѣмъ имъ недостаетъ нравственныхъ идеаловъ, и отсюда ихъ нравственная нестойкость.

Задавшись цѣлью открыть путь нравственной реабилитаціи человѣка, Достоевскій болѣе всего останавливается на изображеніи чувства раскаянія. Процессы совѣсти, ея очищенія, находятъ себѣ въ Достоевскомъ глубочайшаго аналитика. Въ великихъ драмахъ Шекспира изображены многія сильнѣйшія чувства и душевныя состоянія. Но чувство раскаянія и совѣсть оставались не разъясненными и не раскрытыми художественно, пока на исполненіе этой задачи не выступилъ „писатель-психологъ“, какъ справедливо называютъ Достоевскаго. Въ изображеніи раскаянія и нравственнаго возстановленія—одна изъ самыхъ крупныхъ заслугъ Достоевскаго! Въ чувствѣ совѣсти и въ раскаяніи содержатся основы нравственнаго самосохраненія и нравственнаго прогресса: не безъ основанія извѣстный психологъ Гефтингъ называетъ терзанія совѣсти „*муками рожденія нравственнаго долга*“. Эти муки художественно раскрыты подъ перомъ Достоевскаго. Въ Преступленіи и Наказаніи изображены муки совѣсти. Въ Братьяхъ Карамазовыхъ показано, что *всѣ виноваты за всѣхъ, вина каждаго должна раздѣляться на всѣхъ*, но, въ свою очередь, *раскаяніе каждаго исправляетъ всѣхъ*. Въ этомъ соотношеніи кроется основа нравственнаго застрахованія каждаго усиліями всѣхъ и охраненіе всѣхъ нравственными подвигами отдѣльныхъ личностей.

Тонкія наблюденія Достоевскаго надъ процессами нравственнаго самосохраненія и нравственной реабилитаціи содержатся въ его Запискахъ изъ Мертваго Дома. Какъ спасти себя отъ нравственной гибели? На этотъ вопросъ писатель-психологъ отвѣчаетъ намъ, что у каждаго человѣка остается искра добра, какъ бы ни было глубоко его нравственное паденіе, и эту искру писатель-мученикъ отыскиваетъ въ от-

верженныхъ и каторжныхъ, съ которыми провелъ вмѣстѣ многіе годы въ стѣнахъ каторжной тюрьмы. Эти люди *„полны гнѣва, безстыдства, лѣни и смрада“*, но и они не лишены искры добра. Воспоминанія изъ періода ранняго дѣтства, когда душа чиста и когда радости чисты, переносятъ этихъ людей въ иной міръ, когда душа была еще чиста и умѣла видѣть добро („чистые сердцемъ видятъ Бога“). И вотъ, въ этихъ воспоминаніяхъ ранняго дѣтства содержится для падшаго человѣка первый толчекъ на путь нравственнаго исправленія. Значеніе періода дѣтской чистоты тонко подмѣчено Достоевскимъ, отсюда его любовь къ дѣтямъ, какъ къ возрасту, въ которомъ скрыто хрустально-чистое ядро человѣческой совѣсти.

Второй (послѣ воспоминаній дѣтства) отличительный психологическій фактъ, замѣченный Достоевскимъ въ обитателѣ Мертваго дома—„это инстинктивное стремленіе“ *къ соблюденію себя*, т. е. къ охраненію своего нравственнаго достоинства. Эти падшіе люди, болѣе чѣмъ обыкновенный человѣкъ, чувствовали опасность не сдержать себя, потерять нравственную опору, впасть въ гнѣвъ, въ лѣнь, въ страсть.

Изучая преступнаго человѣка, Достоевскій естественно логическимъ путемъ пришелъ къ особенной сознательной глубокой любви въ отношеніи русскаго народа. Это не славянофильство, въ которомъ иногда упрекали Достоевскаго, и не дешевый національнизмъ, но продуманная и глубокая любовь къ народу, который наивенъ, какъ дитя, и который обнаруживаетъ столь поразившее Ренана и Брандеса глубокое нравственное чутье, соединенное съ жаждой идеаловъ и съ потребностью мученичества и страданій. Эти естественныя природныя черты русскаго народнаго генія содержатъ въ себѣ готовый унаслѣдованный циклъ тѣхъ именно нравственныхъ свойствъ, которыми обезпечивается нравственная незыблемость расы, ея устойчивость и основы ея духовнаго самосохраненія и прогресса.

Такимъ образомъ у Достоевскаго, въ его художественномъ анализѣ строго логически и съ глубокой послѣдова-

тельностью объединились факты дѣтской души, факты народно-русскаго нравственнаго сознанія и факты нравственнаго паденія и нравственнаго возстанія человѣка. Всѣ они вошли въ единый цѣлый циклъ его художественнаго анализа и объединились со всей его личностью. Отсюда его аскетизмъ, его наивное и въ то же время строгое отношеніе къ такимъ невиннымъ развлеченіямъ, какъ игра въ карты, за которую онъ такъ сурово осуждалъ Бѣлинскаго. Въ этомъ сказалась глубокая натура его творчества.

Достоевскій является самымъ полнымъ олицетвореніемъ русскаго народнаго типа и коллективной народной совѣсти. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, лежитъ причина глубокой общественной симпатіи, которою былъ окруженъ великій писатель въ послѣдніе годы его жизни. А его похороны сопровождались проявленіями рѣдкихъ единодушныхъ чувствъ. Если сравнить эти похороны съ похоронами Тургенева (нѣсколько лѣтъ спустя), то разница получится существенная. Похороны Тургенева были величественны и торжественны; похороны Достоевскаго были полны сердечности и слезъ умиленія: тамъ хоронили великаго писателя—гордость страны, здѣсь погребали страдальца, мученика, задушевнаго человѣка, великаго носителя народной совѣсти и ея проникновеннаго чтеца.

Въ кругу близкихъ людей Достоевскій изрѣдка передавалъ свои чувства и ощущенія въ тяжкія минуты, когда онъ, осужденный на казнь, ждалъ ея исполненія на Семеновскомъ плацу въ 1849 году. Въ этомъ разсказѣ сказался весь Достоевскій и весь великій русскій народъ съ его особливыми чертами, столь поражающими иностранцевъ.

Два слова о болѣзни Достоевскаго: многіе склонны были думать, что онъ самъ душевно ненормальный человѣкъ; но это глубокая неправда. Референтъ имѣлъ счастье близко знать Достоевскаго и, какъ психіатръ, можетъ удостовѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что Достоевскій былъ психически здоровъ. Правда, онъ былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни, подобно Магомету

и Наполеону I, но это не мѣшало ему быть въ умственномъ и нравственномъ отношеніи совершенно здоровымъ.

Изученіе Достоевскаго еще ждетъ своей очереди!

Второй рефератъ, д. чл. А. С. Грушевскаго, посвященный памяти покойнаго историка Малороссіи Н. И. Костомарова, былъ отложенъ, за позднимъ временемъ, до слѣдующаго засѣданія.

Въ настоящемъ засѣданіи, вслѣдствіе предложенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, командированы, въ Москву, въ качествѣ депутатовъ Общества Нестора-лѣтописца въ Предварительный Комитетъ по устройству XIV-го Археологическаго Съѣзда дѣйст. члены *Г. Г. Павлуцкій и В. Г. Ляскоронскій.*

IV. Засѣданіе 19-го февраля 1906 г.

а, Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** изложилъ *„Новую теорію о происхожденіи „Руси"*.

Наиболѣе распространенное въ настоящее время толкованіе происхожденія имени Русь таково: Финны называли шведовъ Ruotsi, Rotsi. Это слово перешло къ славянамъ, отъ нихъ усвоили его тюркскіе народы побережья Чернаго моря и черезъ посредство этихъ послѣднихъ узнали его византійцы и арабы, которые и стали называть такъ шведскихъ викинговъ, когда они стали появляться на югѣ. Марквардтъ думаетъ, что ему удалось встрѣтить слово Росъ въ значеніи этническаго термина въ сочиненіи одного сирійца,—сочиненіи, время составленія котораго относится къ 555 году нашей эры. Сочиненіе это приписывается Захарію, митрополиту Митилены, и содержитъ въ себѣ исторію церкви. Въ послѣдней его книгѣ (12 ой) данъ географическій обзоръ вселенной по Птоломею и затѣмъ сдѣлано перечисленіе разныхъ народовъ. Вслѣдъ за именами кочевыхъ тюркскихъ народовъ, которые являются здѣсь въ формѣ, сходной съ той, какая намъ извѣстна изъ Проко-

пія (VI вѣка), помянуты амазонки и сосѣдній съ ними народъ Hros. Амазонки издавна помѣщались древними географами въ прикавказскихъ странахъ; туда-же придется отнести и сосѣднихъ съ ними Hros. Марквардтъ дѣлаетъ попытку пріурочить имя Hros къ германской народности Эруламъ, обитавшей въ приазовскихъ мѣстностяхъ въ эпоху нашествія Гунновъ. Раздѣляя теорію германскаго ученаго Леве, онъ полагаетъ, что извѣстные намъ изъ Прокопія Готы-тетракситы на переднемъ Кавказѣ (Тамань-Анапа) были не Готы, а Эрулы. Къ Эруламъ Марквардтъ пріурочиваетъ также имя Rosomoni, сохраненное Іорданомъ въ сказаніи о смерти царя Остготовъ Эрманриха. Основаніемъ для такого пріуроченія служатъ отголоски германской саги, сохранившіеся въ разныхъ источникахъ, и эпическіе образы героевъ германскаго эпоса. Имя *Hros* или *Ros* жило, по мнѣнію Марквардта въ Приазовьи и приложено было къ шведскимъ викингамъ, когда они явились въ тѣ предѣлы изъ родной Эруламъ далекой земли. Остановившись въ своемъ докладѣ на болѣе важныхъ моментахъ въ аргументаціи Марквардта, докладчикъ находилъ его теорію весьма сомнительной и самую аргументацію довольно слабой. Въ помянутомъ у Захаріи народѣ Hros врядъ-ли можно видѣть подлинное этническое имя, уже по самой связи этого народа относящееся къ области сказаній объ амазонкахъ. Въ заключеніе референтъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, дальнѣйшіе поиски изслѣдователей германской саги, а также и оріенталистовъ откроютъ намъ новыя данныя, которыя приблизятъ насъ къ разгадкѣ той загадки, какой является наше родное имя.

По поводу этого сообщенія В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что отмѣченная въ докладѣ теорія исходитъ изъ стремленія отыскивать имя Руси среди германскихъ племенъ, что весьма проблематично; однако въ изложенной теоріи заслуживаетъ вниманія прикрѣпленіе племени Русь къ Меотидѣ, гдѣ, вѣроятно и дѣйствительно, можетъ быть, нужно искать родину тѣхъ, кому мы обязаны именемъ „Русь“.

6, Д. чл. **А. С. Грушевскій** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти историка Малороссіи Н. И. Костомарова“ (1886—1905).* Въ первой, біографической, части своего чтенія референтъ изложилъ основные моменты жизни Костомарова, кончая его выходомъ изъ среды профессоровъ Петербургскаго университета въ 1862 г. Главное вниманіе референтъ сосредоточилъ на выясненіи вліяній извнѣ, опредѣлявшихъ и намѣчавшихъ развитіе симпатій и взглядовъ будущаго историка: такъ для дѣтства указанъ былъ контрастъ между религіозною, искренно-вѣрующею матерью и отцомъ, вольтерьянцемъ типа раціоналистовъ XVIII в. Для студенчества—на фонѣ общаго оскудѣнія историческихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ — намѣченъ свѣтлый образъ талантливаго профессора-историка Лунина, далѣе отмѣчено вліяніе Срезневскаго и, наконецъ—въ Кіевѣ уже—спеціальныя и политическія воззрѣнія Кирилло-Меѳодіевскаго братства. Во второй части референтъ остановился на выясненіи основныхъ чертъ историческаго міросозерцанія Костомарова. Указавъ на характерныя особенности творчества, снискавшія и упрочившія навсегда за Костомаровымъ имя историка-художника, авторъ перешелъ къ выясненію демократическаго пониманія исторіи и критическихъ пріемовъ Костомарова, отмѣтивши предварительно, что если народникъ Костомаровъ былъ яркимъ и вліятельнымъ новаторомъ, то Костомаровъ-критикъ уже у младшихъ своихъ современниковъ вызывалъ упреки въ излишнемъ довѣріи къ мутнымъ и подозрительнымъ источникамъ. А между тѣмъ и всѣ эти критическіе пріемы Костомаровъ усвоилъ не сразу, а лишь постепенно освобождаясь отъ своей довѣрчивости: такъ въ Харьковѣ онъ все еще полагался на фальсификаты „Запорожской Старины“, какъ и на указанія „Исторіи Руссовъ“; постепенное развитіе критицизма можно прослѣдить по послѣдовательнымъ изданіямъ „Богдана Хмельницкаго“, котораго Костомаровъ при каждомъ новомъ изданіи заботливо пересматривалъ и очищалъ отъ „навоза“ (началъ работать надъ Богданомъ Хмельницкимъ Костомаровъ еще въ Харьковѣ; первый очеркъ го-

товъ уже былъ въ Кіевѣ передъ катастрофою, но свѣтъ увидѣлъ лишь второй очеркъ, написанный въ Саратовѣ; изданъ онъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1857 г.). За то демократическое пониманіе исторіи, усвоеніе народнымъ массамъ рѣшающей роли въ минувшихъ судьбахъ, развилось у Костомарова подъ вліяніемъ увлеченія народностью очень рано (сквозитъ это вполнѣ ясно уже въ первой диссертаціи о значеніи Уніи) и осталось на всю жизнь характернымъ признакомъ его научнаго міросозерцанія.

V. Засѣданіе 5-го марта 1906 г.

а, Д. чл. **А. В. Стороженко** прочелъ свой докладъ о *„Прогулкѣ по Люблину"* (напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й кн. „Чтеній" подъ заглавіемъ: „Древности г. Люблина").

По поводу этого доклада О. И. Левицкій замѣтилъ, что если бы не свидѣтельство Длугоша (XV в.), то можно было бы признать частицу древа св. Креста въ Люблинскомъ костелѣ за унесенную въ XVI в. изъ Луцка; что касается до разсказа о появленіи ея въ Люблинѣ, то онъ маловѣроятенъ, на что указали также В. Т. Георгіевскій и Н. П. Дашкевичъ. Затѣмъ О. И. Левицкій отмѣтилъ, что въ католическомъ костелѣ Люблина фрески—Византійскаго православнаго типа; высокій интересъ этихъ фресокъ подчеркнулъ и В. Т. Георгіевскій. Далѣе Н. П. Дашкевичъ указалъ на то, что разсказъ Длугоша о завоеваніи Люблина кн. Даніиломъ Галицкимъ заподозрѣнъ не безъ основанія.

б, Д. чл. **П. В. Голубовскій** представилъ критическій разборъ *„Черниговскаго историко-археологическаго календаря 1906 г."* (напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й кн. „Чтеній").

в, Г. Секретарь (А. М. Лобода) прочелъ докладъ иногороднаго поч. чл. Общества **А. И. Соболевскаго:** *„Конецъ Кіевскихъ календарей"* (напечатанъ въ настоящемъ выпускѣ „Чтеній").

Слушали: Предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества принять участіе въ подготовительныхъ работахъ по устройству XIV-го Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 году.

Постановили: оповѣстить всѣхъ членовъ Общества и составить Предварительный Комитетъ, пригласивъ къ участію въ немъ мѣстное историко археологическое церковное общество при Академіи и частныхъ лицъ по усмотрѣнію Комитета.

Слушали: Сообщеніе Правленія Университета св. Владиміра, отъ 24 февраля за № 117, о разрѣшеніи открыть публичную подписку на премію имени В. Б. Антоновича при Обществѣ Нестора-лѣтописца.

Постановили: принять мѣры къ осуществленію этой подписки.

Слушали и *одобрили* составленный Н. П. Дашкевичемъ и принятый Совѣтомъ Общества проектъ адреса В. Б. Антоновичу отъ Общества Нестора-лѣтописца по поводу исполнившагося 35-лѣтія его профессорской дѣятельности.

Слушали сообщеніе г. Предсѣдателя о томъ, что въ настоящее время заканчивается печатаніемъ 1-й вып. XIX-й книги „Чтеній", посвященной поч. чл. *В. С. Иконникову* въ ознаменованіе 35-лѣтія его профессорской дѣятельности, поднесеніе котораго поручено членамъ бюро Общества; желающіе принять участіе въ поднесеніи члены благоволятъ присоединиться къ бюро въ назначенный для того особой повѣсткой день.

Въ настоящемъ засѣданіи была произведена баллотировка новыхъ членовъ Совѣта Общества на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій; избранными оказались *М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. В. Завитневичъ, А. В. Стороженко* и *М. Н. Ясинскій.*

Въ дѣйствительные члены Общества избраны: *Алексѣй Ивановичъ Покровскій, Александръ Митрофановичъ Лукьяненко* и *Юліанъ Андреевичъ Яворскій.*

VI. Засѣданіе 19-го марта 1906 г.

а, Д. чл. **А. М. Лобода** сдѣлалъ сообщеніе о *„Горькой судьбинѣ" Писемского и ея литературномъ прототипѣ"*. По словамъ Анненкова, „основа ея не была выдумана художникомъ: Писемскій встрѣтился съ подобнымъ происшествіемъ въ 1848 г., будучи еще чиновникомъ особыхъ порученій при Костромскомъ губернаторѣ. Онъ имѣлъ въ рукахъ подлинное дѣло точно такого же содержанія и въ качествѣ слѣдователя, командированнаго губернаторомъ, принималъ участіе въ его разборѣ самъ". Изложивъ содержаніе этого уголовнаго дѣла и указавъ на сходство его съ сюжетомъ драмы, референтъ отмѣтилъ, что авторомъ заимствованы даже имена дѣла: имя Елисаветы — героини драмы и фамилія зятя Чеглова, Золотилова; но между дѣломъ и драмой оказывается существенная разница: характеры героинь различны, въ драмѣ помѣщикъ увлекаетъ героиню, въ дѣлѣ онъ въ сторонѣ, и разладъ семейный обусловленъ личными несогласіями супруговъ. Миловидовъ предполагалъ вліяніе также другого дѣла 1857 г. той же мѣстности, но и это послѣднее рисуетъ намъ совсѣмъ не ту героиню, не ту связь ея съ помѣщикомъ, какія мы знаемъ въ драмѣ. По мнѣнію референта, „Горькая судьбина", кромѣ дѣла, отражаетъ еще вліяніе полѣсской повѣсти І. Крашевскаго „Ulana", напечатанной въ 1843 г. Сходство заключается въ характерахъ героевъ Тадеуша и Чеглова, въ подробностяхъ сближенія помѣщика съ крестьянкой, въ характерѣ и судьбѣ героинь, Елисаветы и Ульяны. Возможность вліянія Крашевскаго на Писемскаго тѣмъ вѣроятнѣе, что въ „Библіотекѣ для чтенія", гдѣ ближайшимъ сотрудникомъ, а съ 1858 г. даже редакторомъ, былъ Писемскій, въ 1858 г. въ № 10 данъ переводъ „Ульяны", а въ № 11 за 1859 годъ тамъ же появляется и „Горькая судьбина".

По поводу этого доклада Н. П. Дашкевичемъ было отмѣчено, что параллели, указанныя докладчикомъ, дѣлаютъ

вѣроятнымъ предположеніе о вліяніи Крашевскаго на Писемскаго.

б, Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** прочелъ докладъ *„О судебныхъ доказательствахъ въ Русской Правдѣ“*. Имѣя предметомъ своихъ работъ реставрацію подлинныхъ чертъ и истолкованіе истиннаго смысла древнерусскихъ памятниковъ, особенно правовыхъ, референтъ въ своемъ докладѣ представилъ критико-сравнительный анализъ постановленій Русской Правды, относящихся къ ученію о судебныхъ доказательствахъ. Первой такой статьей въ Русской Правдѣ является ст. 15-я „о поклепной вирѣ“; она читается такъ: „аще будетъ на кого поклепная вира, то оже будетъ послуховъ (въ 17 спискахъ Правды; послухъ) 7, то ти вывѣдуть (во мног. спискахъ: выведеть) виру (то ти имуть вѣру); паки ли варягъ, или кто инъ, то два“. По мнѣнію проф. Фогеля, ложно обвиняемый въ убійствѣ, чтобы избавиться отъ виры (штрафа за убійство), долженъ представить 7 свидѣтелей, а иностранецъ—2, и эти свидѣтели получали виру. По мнѣнію г. Ланге, при представленіи 7 свидѣтелей вира не взыскивается; слова же: „то ти имуть виру“—не принадлежатъ подлиннику. По мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и проф. Мрочка-Дроздовскаго, слова „то ти имуть виру“ должны быть выпущены, и ст. 15 имѣетъ тотъ смыслъ, что свидѣтелей долженъ представить не обвиняемый, а обвинитель, и его обвиненіе считается доказаннымъ, причемъ свидѣтели здѣсь не очевидцы преступленія, а помощники отвѣтчика или истца, его „соприсяжники“. Референтъ находитъ, что текстъ 15-й статьи крайне искаженъ вставками и поправками, изъ коихъ главнѣйшая заключается въ замѣнѣ слова „вѣра“ (въ значеніи „присяга“) словомъ „вира“, происшедшей отъ того, что разбираемая (15-я) статья помѣщена въ недалекомъ разстояніи отъ ст. 7 и ст. 8 Карамз., трактующихъ „о вирахъ“. По исправленіи допущенныхъ переписчикомъ искаженій, 15-я статья явится въ такомъ видѣ: „Аще будетъ на кого поклепъ, то оже будетъ послухъ... паки ли варягъ или кто инъ, то ти (въ другихъ спискахъ: же, чит. оже) выведуть

два, то ти имуть [виру] (исправлено: вѣру)". Т. е. „О поклепѣ и присягѣ. Если кто предъявитъ на кого нибудь бездоказательный искъ или обвиненіе и поставитъ одного свидѣтеля, или, если это будетъ варягъ или вообще иностранецъ и они поставятъ двухъ свидѣтелей, то истецъ или обвинительтуземецъ или варягъ (иностранецъ) допускаются къ подтвержденію своего иска или обвиненія присягой". Обосновывая такое свое чтеніе ст. 15-й Русской Правды, референтъ замѣтилъ, что при разнообразіи заглавія въ разныхъ спискахъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ: „поклепъ" и „вѣра". Относительно исключенія числа 7 (послуховъ): 1) нигдѣ въ источникахъ древнерусскаго права не требуется семи свидѣтелей; 2) какъ по западно-европейскимъ, такъ и по польскому, литовскому и общерусскому законодательствамъ въ дѣлахъ туземцевъ съ иноземцами всегда требовалось больше, нерѣдко вдвое больше свидѣтелей противъ опредѣленнаго числа ихъ въ дѣлахъ туземцевъ между собой (напр. привилегія Богем. князя Собѣслава около 1095 г. поселенцамъ-нѣмцамъ въ Пражскомъ форштадтѣ; Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 іюля 1828 г. см. 2-е Полн. Собр. Зак. № 2134; договоръ Смолен. кн. Мстислава съ Ригой въ 1229 г.); присутствіе въ ст. 15-й цифры 7 референтъ объясняетъ тѣмъ, что составитель Карамз. списка Правды перепуталъ ст. 15-ую со статьями 7, 8, 108 и 118. Разсматриваемая статья Правды вполнѣ аналогична съ постановленіями Литов. Статута и Магдебург. Права (Porządek sądow y spraw mieyskich"), основанными на Пятикнижіи Моисея; при чемъ Porządek прямо ссылается на Ветхій Завѣтъ.

Выраженіе той же ст. 15-й: „А по костех и по мертвецих не платить верви, еже имени не вѣдають, ни знаютъ его", по мнѣнію референта, не имѣетъ ничего общаго съ начальной частью ст. 15, а составляетъ окончаніе ст. 3-й Карамз., трактующей о такъ называемой „дикой вирѣ", т. е. круговой порукѣ и отвѣтственности общины за совершенное на ея территоріи

убійство, и коренятся въ Моисеевомъ законѣ, какъ это установилъ Фр.-Авг. Бимеръ и издатель 1-й части „Рус. Достопамятностей", а, по мнѣнію референта, въ Моисеево-талмудическомъ правѣ.

Далѣе, г. Барацомъ была разсмотрѣна ст. 16 Рус. Правды „О сверженіи виры", которая по Карамз. списку читается такъ: „Аже свержетъ виру, то гривна куна сметная отроку, а кто поклепалъ, тому дати другая гривна. А отъ виры помочного 9 кунъ".

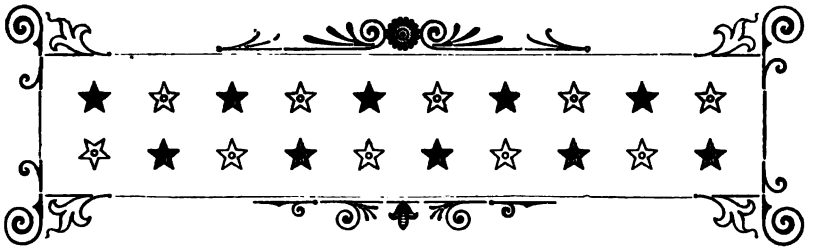
Фразу: „аже свержетъ виру" изслѣдователи толкуютъ въ смыслѣ: если обвиняемый очиститъ себя отъ виры, т. е. если будетъ оправданъ; но такое толкованіе искусственно, какъ и то, чтобы и оправданный обвиняемый и ложный обвинитель одинаково платили судебныя издержки. Ст. 16-я предстанетъ въ другомъ освѣщеніи, если вмѣсто „вира", читать „вѣра", а, вмѣсто „исклепалъ", читать „исклепанъ" и если принять во вниманіе, что „сверженіе вѣры"— рабскій переводъ талмудич. „гилгулъ шебуа" (devolutio juramenti, т. е. переносъ присяги съ одной стороны на другую). Смыслъ этой статьи тогда будетъ таковъ: если истецъ-поклепщикъ сброситъ присягу (отдастъ ее на душу своему противнику), то онъ платитъ гривну сметную (сметать-сбросить) отроку, а другую гривну тому, кто исклепанъ (т. е. отвѣтчику или обвиняемому). При такомъ пониманіи ст. 16-й, она вполнѣ гармонируетъ со ст. 99 и 100 Рус. Правды. Второе предложеніе ст. 16-й: „а отъ виры помочного 9 кунъ", объясняемое изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что оправданный обвиняемый платитъ за оказанную ему помощь (помочное) при оправданіи (кому, не извѣстно) 9 кунъ; между тѣмъ, если вмѣсто „виры" читать „вѣры" (присяги), то все это выраженіе окажется лишь ошибочнымъ повтореніемъ ст. 118 („о судебныхъ уроцѣхъ"): „а се уроци судебные отъ виры (чит. „вѣры", присяги)—9 кунъ, подобно тому, какъ въ XIV—XVI вв. по уставнымъ грамотамъ полагалась особая

пошлина за „правду“ (напр., грамота Переяславскимъ рыболовамъ 1506 г.). *)

Въ разборѣ этого доклада принимали участіе Н. П. Дашкевичъ, А. М. Лобода и А. М. Лукьяненко.

---

*) Настоящій рефератъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣстникъ Права“ за 1906 г., кн. II-я.



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 16-го апрѣля по 9-е октября 1906 года.

VII. Засѣданіе 16-го апрѣля 1906 г.

Открывая засѣданіе, г. Товарищъ предсѣдателя А. А. Дмитріевскій привѣтствовалъ присутствіе гр. *П. С. Уваровой* и предложилъ просить графиню быть почетнымъ предсѣдателемъ настоящаго собранія, что́ было единодушно поддержано всѣми присутствующими.

а, Затѣмъ, имъ же, **А. А. Дмитріевскимъ** былъ, прочтенъ докладъ о *„Неизданной службѣ въ честь Византійскаго императора Никифора Фоки"*. Служба эта появилась на страницахъ „Byzantinische Zeitschrift" (Band XIII, Heft 3 und 4, s. 398—420) подъ редакціей о. Л. Пти, до сихъ поръ неизданная, хотя давно уже извѣстная. Она открыта была еще Чигиринскимъ епископомъ Порфиріемъ Успенскимъ, а потомъ стала знакома и другимъ византологамъ. Найденный о. Пти списокъ „Службы" находится въ пергаментномъ кодексѣ библіотеки лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго подъ № 124; кодексъ съ дефектами, онъ относится къ XI или XII в. Дефекты текста „Службы" о. Пти легко восполняются спискомъ „Службы" XI в., открытымъ еписк. Порфиріемъ и скопированнымъ референтомъ въ 1887 г. съ Аѳоно-Симоно-Петрской рукописи. Из-

давая „Службу", аббатъ Пти разрѣшаетъ и вопросъ объ авторѣ этого гимнографическаго творенія X—XI в. Мнѣнія библіотекаря лавры о. Хрисостома о принадлежности „Службы" перу Критскаго митрополита Никифора—о. Пти не раздѣляетъ, а также не соглашается съ мнѣніемъ референта и епископа Порфирія, что авторомъ „Службы" былъ Аѳонскій инокъ, не соглашается потому, что будто бы новелла 964 г. противъ монастырей и ихъ имуществъ создала враговъ императору Никифору среди монашества; вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, о. Пти ищетъ автора „Службы" среди жителей г. Константинополя и останавливается на Мителенскомъ митрополитѣ Іоаннѣ Киріатѣ и діаконѣ Ѳеодосіи, какъ талантливыхъ гимнографахъ и почитателяхъ императора. Но референтъ и теперь не находитъ возможнымъ отказаться отъ своего прежняго мнѣнія объ авторѣ „Службы" и утверждаетъ, что, во 1-хъ, новелла 964 г., не касаясь монашества на Аѳонѣ, не могла вызвать здѣсь недовольства императоромъ; во 2-хъ, императоръ Фока находился въ самыхъ дружественныхъ, интимныхъ отношеніяхъ съ Аѳонскими подвижниками и среди нихъ нашелъ себѣ не только горячихъ почитателей, но и настоящихъ панегиристовъ, и потому ночное разбойническое нападеніе Іоанна Цимисхія, находившагося въ заговорѣ съ вѣроломной и развратной супругой императрицей Ѳеофаной, на спящаго мирно подъ иноческою мантіею императора Никифора, въ глазахъ иноковъ и преп. Аѳанасія Аѳонскаго, было для императора поистинѣ мученическимъ концомъ. Поэтому референтъ попрежнему думаетъ, что составителемъ „Службы" могъ быть только инокъ лавры преп. Аѳанасія Аѳонскаго. Въ заключеніе референтъ указалъ на составъ „Службы", которая, подобно другимъ службамъ, состоитъ изъ каноновъ, главнымъ образомъ, и предваряется каѳизмами, значащими то же, что и тропари или стихиры, и заключается эксапостиларіемъ [1]).

б, Д. чл. **И. М. Каманинъ** далъ разъясненіе *„Таинственнаго креста въ с. Молчанахъ (Ямпол. у. Подол. губ.)"* Сту-

[1]) См. „Труды Кіев. Дух. Акад.", 1906 г., февраль, стр. 237—252.

дентъ Университета св. Владиміра г. Л. Бялковскій въ письмѣ къ референту сообщаетъ о существованіи въ с. Молчанахъ (Ямпол. у. Подол. губ.) 4-хъ каменныхъ крестовъ, изъ коихъ три находятся въ самомъ селѣ, а четвертый внѣ его, среди полей. Этотъ послѣдній замѣчателенъ тѣмъ, что имѣетъ на себѣ надпись (остальные кресты безъ надписей) слѣдующаго содержанія: *„Року Боже. 1626 м. ген. 23, на семъ мѣсти усѣченъ бысть рабъ божій"*; на задней сторонѣ отъ надписи имени, вѣроятно, усѣченнаго сохранились буквы *н* и *д*. Для рѣшенія вопроса о томъ, кто могъ быть въ указанное выше время казненъ въ этомъ мѣстѣ, референтъ обратился за справкой къ историческимъ матеріаламъ. Изъ нихъ видно, что въ 20-хъ годахъ XVII в. въ м. Шаргородѣ, отъ котораго въ 15 верстахъ находится с. Молчаны, былъ убитъ казаками Шаргородскій протопопъ-уніатъ. Упоминаніе объ убійствѣ встрѣчается въ „Supplementum Synopsis" 1632 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ находятся 1, въ грамотѣ Львовскаго и Каменецкаго епископа Іереміи Тисаровскаго Шаргородскимъ мѣщанамъ 1618 г. и 2, въ письмѣ уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго къ о. Георгію Майеру, регенту іезуитской Августанской коллегіи 1622 г.—Въ первомъ изъ этихъ документовъ епископъ Іеремія приказываетъ мѣщанамъ не подчиняться, мѣстнымъ священникамъ, какъ уніатамъ, и не признавать ихъ за духовныхъ своихъ пастырей, а во второмъ митрополитъ Іосифъ разсказываетъ, какъ Шаргородскіе мѣщане призвали козаковъ и вмѣстѣ съ ними отсѣкли голову одному священнику, готовясь сдѣлать тоже и съ другими; явившійся вскорѣ съ отрядомъ жолнеровъ староста разбилъ козаковъ, схватилъ ихъ сотника и, выведя его за городъ, вмѣстѣ съ другими схваченными казаками, казнилъ всѣхъ отсѣченіемъ головы въ 15 верстахъ отъ Шаргорода. На мѣстахъ казни сотника и козаковъ, вѣроятно, и поставлены были кресты; тамъ позже основалось село Молчаны; основателемъ его называютъ козака Молчана. Документы, указанные выше (грамота еписк. Іереміи и письмо митропол. Рутскаго) дошли до насъ въ копіяхъ, съ искаженными датами; надпись же на крестѣ

даетъ точную дату, которая и должна быть принята за дѣйствительное время совершившагося въ Шаргородѣ событія [1]).

По поводу этого доклада О. И. Левицкій замѣтилъ, что кресты подобнаго рода (г. докладчикомъ было демонстрировано изображеніе таинственнаго креста), хотя и не съ такой ранней датировкой, встрѣчаются въ нашемъ краѣ въ большомъ количествѣ.

Въ закрытой части засѣданія **граф. П. С. Уваровой** было сдѣлано сообщеніе о результатахъ работъ по подготовкѣ къ XIV Археологическому съѣзду въ Черниговѣ и о задачахъ, намѣченныхъ для съѣзда въ программахъ, составленныхъ Черниговской губернской ученой архивной коммиссіей и профессорами: Д. И. Багалѣемъ, Н. В. Покровскимъ, В. З. Завитневичемъ и Д. Я. Самоквасовымъ [2]). По этимъ программамъ Москов. Археологическимъ Обществомъ намѣчено къ исполненію на 1906 г. производство археологич. развѣдокъ въ южной части Черниговской губ., именно въ уѣздахъ: Остерскомъ, Козелецкомъ, Нѣжинскомъ, Борзенскомъ и Конотопскомъ, а равно въ Полтавской губ., въ уѣздахъ: Роменскомъ, Гадячскомъ, Прилукскомъ, Пирятинскомъ, Лубенскомъ, Переяславскомъ и Золотоношскомъ.

Археологическія развѣдки по Днѣпру отъ устьевъ Десны до Любеча и по Деснѣ до Моровска поручены В. В. Хвойкѣ.

Археологич. развѣдки въ Роменскомъ уѣздѣ и восточнѣе до истоковъ Сулы поручены г. Городцову.

Такія же развѣдки по Сулѣ отъ Глинска до устья этой рѣки имѣется въ виду поручить г. Еременку.

В. Г. Ляскоронскій выразилъ согласіе продолжать разысканія городищъ, кургановъ и валовъ въ области лѣвой стороны Днѣпровской долины отъ устьевъ Трубежа до

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1906 г. №№ 3—4, стр. 73—77.

[2]) См. „Правила XIV-го Археолог. съѣзда въ Черниговѣ".

устьевъ Орели и Самары, по теченію Орели, въ области между Орелью и Самарой и въ области южнаго пограничья Черниговской земли (южные уѣзды Черниговской и сѣверные Полтавской губ.).

Далѣе, гр. Уварова доложила программу въ области религіознаго и гражданскаго искусства для XIV Археологич. съѣзда. Къ этой программѣ нѣсколько дополненій сдѣланы Н. И. Петровымъ, А. А. Дмитріевскимъ, О. И. Левицкимъ и А. Н. Балабухой.

Обслѣдованіе съ этой стороны Черниговской губ. взяли на себя проф. Айналовъ и Горностаевъ; къ нимъ присоединились Н. И. Петровъ и Г. Г. Павлуцкій для обслѣдованія Полтавской губ.

За симъ было организовано Кіевское отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIV-го Археологич. съѣзда. Въ составъ его выразили готовность вступить: Н. И. Петровъ, Г. Г. Павлуцкій, Ю. А. Кулаковскій, А. А. Дмитріевскій, В. Б. Антоновичъ, Е. Н. Антоновичъ, И. М. Каманинъ, В. А. Кордтъ, О. И. Левицкій, В. Г. Ляскоронскій, Д. В. Туткевичъ, о. І. Н. Корольковъ, о. Ѳ. И. Титовъ, В. Т. Георгіевскій, А. В. Стороженко, М. П. Истоминъ, В. П. Каньшинъ, П. В. Голубовскій, А. М. Лобода, М. В. Довнаръ-Запольскій, Н. Ѳ. Бѣляшевскій, В. В. Хвойка и К. В. Болсуновскій.

При этомъ была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ по запискамъ въ должности предсѣдателя и секретаря отдѣленія; избранными оказались въ должность предсѣдателя—Г. Г. Павлуцкій и въ должность секретаря—В. Г. Ляскоронскій.

Наконецъ, депутатами отъ Общества на Археологич. съѣздъ въ г. Владимірѣ (губернскомъ) изъявили желаніе отправиться: А. А. Дмитріевскій, Г. Г. Павлуцкій, В. Т. Георгіевскій и В. П. Каньшинъ.

VIII. Засѣданіе 30-го апрѣля 1906 г.

а) Чл.-кор. **Г. М. Барацъ** сдѣлалъ сообщеніе *„О мнимомъ судѣ Божіемъ и о судѣ 12 мужей по Русской Правдѣ и по Закону Судному"* [1]).

О судѣ Божіемъ, по мнѣнію изслѣдователей, трактуетъ ст. 17 Карамзин. списка Русской Правды:

„Искавъ же ли послуха и не налѣзеть, а истца начнеть головою клепати, томоу дати исправа желѣзо; тако же и въ всѣхъ тяжахъ и въ татбѣ, и въ поклепѣ, оже не бадеть ли исца (лица), тогда дати емоу исправоу желѣзо изъ неволи до полугривнѣ злота; оже ли и мене, то на водоу, али до двою гривну; аще ли мене, то ротѣ емоу ити по свои куны".

Смыслъ этой статьи, по мнѣнію проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, таковъ: „За неимѣніемъ свидѣтелей по обвиненію въ смертоубійствѣ, прямо назначается высшій судъ Божій—желѣзо, минуя низшіе: роту (присягу) и воду. Въ дѣлахъ же о преступленіяхъ противъ правъ собственности способы доказательствъ чередуются по степени ихъ важности, сообразно цѣнѣ иска: въ искахъ менѣе двухъ гривенъ допускается рота, въ искахъ же отъ двухъ гривенъ до полугривны золота—испытаніе водой; въ искахъ свыше полугривны золота—желѣзо".

Референтъ находитъ, что статья эта искажена переписчиками, которые многія слова прочли неправильно, а другія переставили съ одного мѣста на другое. Послѣ сдѣланныхъ имъ исправленій, ст. 17 „Рус. Правды" принимаетъ такую форму:

Ст. 17. „И въ (чит. *И о)поклепъ*. Искавъ же ли истца (по друг. спискамъ: *истецъ*) *двою* послуха и налѣзеть а и начнеть головою клепати. томоу (чит.: то ему) дати неправа съ желѣзомъ *на полъ*; также и въ всѣхъ тяжихъ и въ татбѣ (.....), оже не боудеть ли исца (по друг. спискамъ: *лица*-, тогда дати емоу исправа *изъ* (чит.: *съ*) желѣза(омъ) на поли до полугривнѣ -варіан.: до (....) гривны- злата; оже ли и мене то *на водоу* (ошибочно, вмѣсто: *на ротоу*) (варіан: аще ли (али) мене, то ротѣ ити ему по свои куны)".

[1]) См. „Вѣстникъ Права" 1906 г., кн. II-я.

Смыслъ этой статьи, по мнѣнію референта, слѣдующій:

О поклепѣ (бездоказательномъ обвиненіи). Если истецъ, искавшій *двухъ* свидѣтелей, найдетъ только *одного* и будетъ обвинять въ убійствѣ, то предоставить ему развѣдаться *на полѣ* поединкомъ на мечахъ; точно также и относительно кражи и во всѣхъ судныхъ дѣлахъ, если не будетъ несомнѣнныхъ доводовъ, то допускается расправа посредствомъ поединка на полѣ, но лишь по дѣламъ до полугривны (по другому варіанту – до гривны золота); по дѣламъ же на меньшую сумму истецъ долженъ доказывать свои исковыя требованія присягою".

Далѣе авторъ подробно мотивировалъ свои исправленія и толкованія темныхъ мѣстъ этой статьи, и приходитъ къ заключенію, что въ ней нѣтъ рѣчи объ ордаліяхъ посредствомъ испытанія раскаленнымъ желѣзомъ или водою, а говорится только о желѣзѣ, въ значеніи судебнаго боя, поля.

О судѣ Божіемъ посредствомъ испытанія желѣзомъ, какъ предполагаютъ изслѣдователи, говорятъ ст. 99 и 100 Рус. Правды по Карамз. списку.

Ст. 100:—Съ первого же взгляда на эту статью видно, что она состоитъ изъ двухъ частей, которыя референтъ обозначаетъ буквами *а* и *б:*

а, „А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полъгривны дѣтьскому; то ти желѣзные оуроки, кто си въ чемь поемлеть.

б, А еже емлеть на желѣзо на свободныхъ людей рѣчи, либо ли зана напь будеть (ли запна не будеть), любо прохоженіе нощное, или кимь (кімъ) любо образомъ оже не ожьжется (отжджеться), то про то муки не платити ему, нъ (но) едино желѣзное, кто и будеть ялъ".

Правильное чтеніе обѣихъ статей по списку Карамзинскому, съ принятіемъ въ соображеніе варіантовъ по списку Пушкинскому и по напечатанному г. Дубенскимъ („Русскія Достопамятности" т. 2-я, стр. 62—63) списку будетъ таково:

Ст. 99: „А тѣ тяжи вси соудять съ послухы съ свободными: будетъ ли послухъ холопъ, то на правду холопоу не вылазити; но ожа хощетъ истецъ или иметъ нарекати тако: по сего рѣчи азъ емлю тя (.....) и емлять на желѣзо, оже обинить, и той емлеть на немъ свое;

не обинить ли его, а платити ему за моуку гривна, зане по холные рѣчи ялъ и".

Ст. 100: „А кто си въ чемъ емлеть а (чит.: до) полъ-гривны по свободныхъ людей рѣчи, любо ли запа (чит.: закупъ) пань будеть, а ие холопъ (послѣднія слова ваяты изъ предыдущей 99-й статьи), ли занна не будетъ (этой фразы въ Пушкин. сп. вовсе нѣтъ), или нощное прохожденіе образомъ а еже емлеть на желѣзо, любо кимъ (чит.. кіемъ), то, оже не ожжется, то про то мукы не платити ему (чит.: тому), кто и будеть ялъ, поединку желѣзное. А желѣзного платити 40 кунъ мечнику, а 5 кунъ (.. .) дѣтьскому: то ти желѣзные оурокы"..:

Представивъ далѣе объясненіе употребленныхъ въ этихъ статьяхъ словъ и оборотовъ, авторъ, даетъ полный переводъ этихъ статей на современный русскій языкъ.

Затѣмъ референтъ перешелъ къ анализу статей Русской Правды, упоминающихъ о судѣ 12-ти мужей, а именно:

Ст. 14 Академ.: „Аще кто взыщетъ на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка, да еще боудетъ обидя не вдалъ, боудетъ достоино емоу свои скотъ, а за обидоу 3 гривнѣ".

Ст. 44 Карам.: „Аще кто взыщетъ коунъ на друзѣ, а онъ ся оучне запирати, то оже на нь послуси выведетъ, то ти наидуть на роту, а онъ възметь коуны своя; занеже не далъ ему есть за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны".

По предположенію референта, всѣ мнѣнія объ этихъ статьяхъ основаны на „недоразумѣніи".

Референтъ произвелъ надъ ними хирургическія операціи пересадки и усѣченія, и послѣ этихъ измѣненій, обѣ статьи являются въ слѣдующемъ видѣ:

Ст. 14 Акад. „Аще гдѣ взыщеть на дроузѣ.... (коунъ), а онъ ся запирати почнеть, то ити ему.... предъ видоци. в (два) ї (вм. или) при (чит.: три) человѣка.... (и) будетъ достоино емоу свой скотъ (имати)". Т. е.: Всякій денежный искъ, хотя бы оспариваемый отвѣтчикомъ, подлежитъ удовлетворенію, если онъ будетъ подтвержденъ двумя или тремя сторонними людьми, удостовѣряющими спорныя обстоятельства—„видоками".

Ст. 44 Кар. „Аще кто взыщеть коунъ на друзѣ (оу варяга лыбо кольбяга), а онъ ся оучне запирати, то оже нань послуси выведеть, то

тии поидуть (чит.: тыи поидеть) нл ротоу, а (въ друг. спискахъ: ионъ възметь коуны свои". Т. е., по денежнымъ спорамъ, возникающимъ между туземцами и иностранцами, истецъ долженъ подтвердить свое требованіе свидѣтелями и, сверхъ того, личною присягою,—въ отличіе отъ дѣлъ по спорамъ туземцевъ между собою, въ каковыхъ дѣлахъ отъ истца требовалась присяга лишь въ томъ случаѣ, когда онъ, вмѣсто двухъ или больше свидѣтелей, выставлялъ только одного.

Итакъ, въ разсматриваемыхъ статьяхъ рѣчь идетъ вовсе не о коммиссіи въ составѣ 12 мужей, представителей общины, разбиравшихъ, въ качествѣ присяжныхъ, почему-то лишь споры по долговымъ обязательствамъ, а о простыхъ свидѣтеляхъ факта въ числѣ двухъ или трехъ, согласно съ правиломъ Моисеева Закона: „при оустѣхъ двою свидѣтелей да станетъ всякъ глаголъ".

Въ подтверженіе легендарныхъ „12-ти человѣка" краткой Рус. Правды ученые ссылаются на двѣ статьи обширной редакціи такъ наз. „Судебника царя Константина", или „Закона Суднаго людемъ": на ст. „о послушествѣ" (или „о поповскомъ послушествѣ"), и на ст.—„о судьи и о послусѣхъ" (или просто: о послусѣхъ).

Сличая послѣднюю статью съ постановленіями Моисеево-талмудическаго права, какъ оно воспроизведено въ Кодексѣ Маймонида и сводѣ Іосифа Коро: „Хошанъ—Мошпатъ", оказывается, что эта статья Закона Суднаго дѣйствительно заимствована изъ Моисеево-талмудическаго права, ибо иначе какъ объяснить присутствіе въ ней тѣхъ же самыхъ словъ и оборотовъ, какіе употребляются и въ Талмудѣ и въ извлеченіяхъ изъ него; эта статья, такимъ образомъ, каковъ-бы ни былъ ея источникъ и какъ бы ее не истолковывали, не имѣетъ даже и отдаленной связи со статьей Русской Правды, трактующей будто бы объ „изводѣ" „предъ 12 человѣка", такъ какъ въ первой числовыя обозначенія 11 или 18 относятся не къ послухамъ—свидѣтелямъ, а къ послухамъ—судьямъ.

б, Секретаремъ А. М. Лободой былъ прочтенъ докладъ иногороднаго д. чл. **Н. Н. Оглоблина:** „Приходо-расходная

книга Азовскаго Предтечева монастыря 1699—1801 гг." (напечатанъ въ 1-мъ вып. XIX книги „Чтеній").

Въ закрытой части засѣданія былъ заслушанъ и одобренъ текстъ извѣщенія объ открытіи публичной подписки на премію имени проф. В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдателемъ было доложено о выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска XIX-й книги „Чтеній", посвященной проф. В. С. Иконникову, и собраніемъ постановлено: поднести этотъ выпускъ В. С. Иконникову 7-го сего мая.

IX. Засѣданіе 14-го мая 1906 г.

Д. чл. **А. И. Соболевскій** прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ *„Доля и Горе въ народной сказкѣ"* [1]).

Древнерусскую повѣсть о Горѣ-Злосчастіи открылъ А. Н. Пыпинъ и передалъ ее для напечатанія Н. И. Костомарову, который объявилъ Горе древнимъ миѳологическимъ существомъ; еще Шевыревъ призналъ Горе богиней и помѣстилъ ее на славянскомъ Олимпѣ; Ѳ. И. Буслаевъ считалъ его лишь поэтическимъ образомъ, и вѣра въ судьбу не даетъ права смотрѣть на Горе, какъ на божество; А. А. Потебня отождествлялъ Горе съ Долей, Недолей, Бѣдой, Нуждой, Кручиной, Злыднями, считалъ ихъ очень древними и видѣлъ на нихъ слѣды зооморфизма; къ его мнѣнію примыкаетъ А. Н. Аѳанасьевъ, называя всѣ виды Горя „дѣвами судьбы"; если Потебня держится метеорологической теоріи Куна и Шварца, то А. Н. Веселовскій стоитъ на болѣе современной анимистической теоріи: образы Доли и Горя возникли еще въ пору первобытнаго анимизма. Онъ приписываетъ, вопреки историку Прокопію, славянамъ идею рока, вѣру въ судьбу личную и родовую; путемъ логическихъ и психологическихъ наведеній онъ устанавливаетъ генетическую связь культа родителей или предковъ съ позднѣй-

[1]) См. „Eranos" — Сборникъ въ честь проф. Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1906 г.

шими олицетвореніями идеи судьбы: Родомъ-Домовымъ, Рожаницей, Сулицей (Орисницей, Наречницей), Долей; эта идея у славянъ развилась въ судьбу случайную и судьбу прирожденную. Но референтъ считаетъ методъ логическихъ и психологическихъ наведеній недостаточнымъ и неточнымъ, рѣзко противополагающимъ другъ другу элементы народные и литературные и произвольно разграничивающимъ понятія о народномъ и постороннемъ, наносномъ, такъ какъ въ современной фольклористикѣ теорія заимствованій и бродячихъ мотивовъ завоевываетъ съ каждымъ днемъ все большія права. Попытка А. Н. Веселовскаго приписать славянамъ самобытную, независимую отъ представленій другихъ народовъ, идею судьбы и прослѣдить ея генетическое развитіе внѣ посторонніхъ вліяній лишена реальнаго фундамента; поэтому единственнымъ надежнымъ путемъ кажется референту методъ аналитическій.

Устанавливая связь между Долею и Горемъ, изслѣдователи ссылаются на великорусскую сказку. Содержаніе ея таково: противополагаются другъ другу счастливецъ и несчастный; первый во всемъ имѣетъ удачу и безъ всякаго труда богатѣетъ; второй, несмотря на всѣ усилія и труды, бѣднѣетъ и впадаетъ въ нищету; неудачникъ узнаетъ, что это различіе въ ихъ судьбѣ происходитъ отъ противоположнаго отношенія къ нимъ какихъ-то существъ, олицетворяющихъ счастье или долю того и другого. Доля богатаго неустанно на него работаетъ, Доля же бѣдняка враждебна ему и бездѣйствуетъ; бѣднякъ дѣлаетъ ей внушеніе и заставляетъ ее исправиться; Доля совѣтуетъ ему перемѣнить родъ занятій (хлѣбопашество), переѣхать въ городъ и заняться торговлей; переѣзжая въ городъ, бѣднякъ услышалъ плачущую свою Долю, просившую и ее взять съ собой; бѣднякъ заперъ ее въ сундукъ и зарылъ въ лѣсу въ землю; въ городѣ бѣднякъ разбогатѣлъ; богачъ, узнавъ причину счастія бѣдняка, изъ зависти освободилъ Горе и совѣтуетъ ему снова разорить бѣдняка; но Горе, благодарное за освобожденіе, остается при богачѣ и разоряетъ его до нищеты.

По мнѣнію референта, здѣсь соединены два разсказа: о двухъ Доляхъ и о Горѣ, разоряющемъ богача, не смотря на заботы о немъ его Доли. Оба разсказа дѣйствительно и встрѣчаются отдѣльно, напр., въ бѣлорусской сказкѣ. Обѣ Доли встрѣчаются въ разныхъ формахъ; Доля богача—молодая, красивая женщина, вся въ бѣломъ; Доля бѣдняка—голая старуха; иногда онѣ являются въ видѣ мужчинъ, животныхъ, птицъ, пресмыкающихся; въ нѣкоторыхъ варіантахъ бѣднякъ богатѣетъ отъ какого-либо подарка его Доли. Разсказъ о двухъ Доляхъ встрѣчается не только вездѣ въ Россіи, но и у многихъ другихъ народовъ; существуютъ разсказы Грузинскій, Сербскій, Неаполитанскій, Андалузскій; одинъ разсказъ, напоминающій преданіе о покупкѣ царемъ Тарквиніемъ Гордымъ Сивиллиныхъ книгъ, помѣщенъ Итальянскимъ гуманистомъ Лавр. Абстеніемъ въ сборникъ 1499 г.; есть народныя подобныя же сказки въ Калабріи, Сициліи, современной Греціи и въ Византійской поэмѣ, въ рукописи XVI в.; въ сѣверо-западной Европѣ сказка, повидимому, неизвѣстна. Всѣ варіанты ея, по своему содержанію, составляютъ два извода; къ первому относятся разсказы русскіе и грузинскій, второй — составляютъ остальные разсказы. Сравненіе обоихъ изводовъ не даетъ никакого указанія на исторію разсказа; онъ могъ появиться только у народа, вѣрующаго въ личную долю человѣка; въ Малороссіи встрѣчается вѣра въ долю, но она не связана съ народнымъ міросозерцаніемъ и есть слѣдствіе распространенія разсказа о двухъ Доляхъ; естественнымъ является вѣрованіе такое лишь въ римской религіи, въ которой спеціализируются функціи отдѣльныхъ божествъ; древняя богиня Фортуна, почитавшаяся сначала подательницей урожая и приплода у земледѣльцевъ, стала у горожанъ вообще богиней счастія; она распалась тамъ на необозримое множество отдѣльныхъ спеціальныхъ фортунъ; въ Италіи и могъ сложиться разсказъ; время составленія его — неизвѣстно, но несомнѣнно до изданія Абстенія и только на почвѣ Римской культуры. Второй разсказъ о пойманномъ и вновь выпущенномъ Горѣ, называемомъ иначе

Нуждой, Бѣдой, Кручиной, Злыднями, также распространенъ въ Россіи; схема разсказа бываетъ расширена посторонними мотивами; въ польскомъ разсказѣ фигурируетъ демонъ Искрицкій, имѣющій связь съ огнемъ, подобно русскому домовому и нѣмецкому кобальду; образъ его имѣетъ сходство съ Aufhoker'омъ—кошмаромъ; непремѣнное его качество — неотвязчивость и способность сокращать свой объемъ до минимальныхъ размѣровъ; утопленіе демона повторяется во многихъ варіантахъ; мотивъ освобожденія Горя также имѣетъ многочисленныя параллели: мотивъ о роковой благодарности его очень древній и встрѣчается уже у Сотіака, проповѣдника практической морали въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., ссылавшагося на Ливійскую басню (Ливія—страна чудесъ и чудовищъ); Горе (Λύπη) живетъ въ Ливіи и предпочитаетъ остаться у того, кто его кормитъ, питаетъ; образъ этотъ имѣетъ глубокій смыслъ, если подъ горемъ разумѣть печаль въ субъективномъ значеніи: первоначальная печаль, въ смыслѣ субъективнаго чувства, была замѣнена несчастьемъ въ смыслѣ объективной силы; въ этомъ отношеніи русская сказка стоитъ очень близко къ древнегреческой; переходъ субъективнаго Горя въ объективное Несчастіе сдѣлалъ возможнымъ мотивъ о благодарности Горя. Такимъ образомъ, сказка о Горѣ, какъ и сказка о двухъ Доляхъ, не содержитъ въ себѣ ничего, что восходило бы къ миѳологическимъ представленіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ древнихъ славянъ. Ядро разсказа ведетъ свое начало изъ античной древности,

Кромѣ сказокъ, есть цѣлый рядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ выступаетъ Горе не въ смыслѣ личнаго чувства, а въ значеніи объективнаго несчастія. Злой демонъ привязывается къ человѣку со дня его рожденія и не оставляетъ своей жертвы; чтобы избѣжать или настичь другъ друга, они оборачиваются звѣрями, птицами и рыбами; мотивъ заключенія и освобожденія Горя встрѣчается въ сѣверныхъ причитаніяхъ; Горе вездѣ въ пѣсняхъ является стихійной силой, въ малорусскихъ же пѣсняхъ мы находимъ смѣ-

шеніе личной доли и демона несчастія; къ личной долѣ относится мотивъ неотвязнаго преслѣдованія; эта черта переносится потомъ на Долю—счастье; малорусскія пѣсни не могутъ служить доказательствомъ исконнаго тождества образовъ Доли и Горя; образъ Горя несомнѣнно взятъ изъ великорусской народной пѣсни; вообще зависимость повѣсти отъ народной пѣсни вполнѣ очевидна; ничѣмъ не мотивированное появленіе Горя въ повѣсти объясняется вліяніемъ пѣсни, гдѣ зарожденіе Горя опредѣленно и поэтично; не мотивировано появленіе молодца на пиру, что въ пѣснѣ объяснено уходомъ отъ Горя; кромѣ того, составитель повѣсти, цѣли: преслѣдованіе Горя вызвано прегрѣшеніемъ молодца: его неповиновеніемъ волѣ родителей; такимъ образомъ, демонъ народной пѣсни принялъ обликъ христіанскаго врага-искусителя, отъ котораго спасеніе возможно только въ монастырѣ; произвольный актъ сліянія авторомъ повѣсти образа Горя съ христіанскимъ дьяволомъ привелъ къ тому, что явились и пѣсни подобнаго же содержанія; воздѣйствію повѣсти подпала и сказка, особенно малорусская, гдѣ Горе представлено демоническимъ бражникомъ, соблазняющимъ молодца,—черта свойственная средневѣковому дьяволу.

Въ заключеніе авторъ высказалъ положеніе, что прежде чѣмъ строить эволюціонно-генетическія системы и теоріи, необходимо произведенія народнаго творчества подвергнуть критическому анализу и сравнительному изученію, какъ со стороны всей ихъ структуры, такъ и со стороны отдѣльныхъ мотивовъ; модное нынѣ въ изученіи фольклора антропологическое направленіе, провозглашающее, что одни и тѣ же мотивы возникаютъ самостоятельно у разныхъ народовъ въ силу однородности человѣческаго духа и развиваются одинаково по общимъ законамъ эволюціи,—слишкомъ пренебрегаетъ сравнительнымъ изученіемъ.

X. Засѣданіе 14-го сентября 1906 г.

Въ началѣ засѣданія г. предсѣдатель напомнилъ о крупной утратѣ, понесенной наукой въ лицѣ проф. *М. И. Соколова*, состоявшаго дѣйств. членомъ Общества Нестора-лѣтописца. Память почившаго была почтена вставаніемъ.

а, Затѣмъ, г. предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ былъ прочитанъ докладъ отсутствующаго поч. чл. **А. И. Соболевскаго:** *„По поводу этюда А. Л. Петрова: „О подложности грамоты Ѳедора Коріатовича 1360 г.“* (Напечатано во 2-мъ вып. XIX книги „Чтеній“).

Съ своей стороны, Н. П. Дашкевичъ присоединился къ мнѣнію г. Соболевскаго, замѣтивъ, что даже, быть можетъ, и датировку не за чѣмъ исправлять, въ виду возможности пребыванія Коріатовича въ Мункачѣ въ 60-хъ годахъ XIV-го в.

б, Г. секретаремъ А. М. Лободой былъ прочитанъ докладъ отсутствовавшаго д. чл. **А. С. Грушевскаго:** *„Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ (эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.“)*“. (Напечатанъ во 2-мъ вып. XIX-й книги „Чтеній“).

По поводу этого доклада Н. И. Петровъ обратилъ вниманіе на необходимость провѣрить древнѣйшіе списки „Исторіи Руссовъ“, а В. З. Завитневичъ указалъ на то, что о. Ѳ. И. Титову удалось найти сундукъ съ рукописями Георгія Конисскаго, чтó, быть можетъ, прольетъ свѣтъ и на „Исторіи Руссовъ“. Кромѣ того, по мнѣнію г. Завитневича, интересно было бы прослѣдить традицію той тенденціи, которая выражена авторомъ „Исторіи Руссовъ“.

Въ закрытой части засѣданія г. Предсѣдатель доложилъ, что ходатайство объ увеличеніи субсидіи Обществу Нестора лѣтописца для изданія его трудовъ, представленное г. Министру Народнаго Просвѣщенія бывшимъ предсѣдателемъ Общества Ю. А. Кулаковскимъ, удовлетворено лишь въ томъ

смыслѣ, что Обществу выдана на нынѣшній годъ добавочная субсидія въ 500 руб.

Постановили: выразить благодарность Ю. А. Кулаковскому за его хлопоты.

XI, Засѣданіе 24-го сентября 1906 г.

а, Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** прочелъ сообщеніе объ изслѣдованныхъ имъ *„Памятникахъ каменной церковной архитектуры стиля „empire" въ Полтавской губерніи"*.

Время Екатерины II и Александра I, какъ блестящая эпоха русской архитектуры, заслуживаетъ тщательнаго изученія; въ царствованіе Екатерины II господствовалъ въ Россіи классическій стиль, а при Александрѣ I—стиль, извѣстный подъ именемъ „stile de l'empire", являющійся продолженіемъ классическаго; принесенный съ Запада, онъ вскорѣ сталъ истинно-русскимъ стилемъ, и подъ выраженіемъ „старинный русскій барскій домъ" разумѣется не что иное, какъ стиль „empire": бѣлый домъ съ нѣсколькими колоннами на фасадѣ или съ двумя крыльями вправо и влѣво отъ подъѣзда. Западное вліяніе въ Россіи начинается съ Петра I и вытѣсняетъ древне-русское зодчество, составляющее смѣсь Византійскаго и русскаго стилей, и образуетъ новую архитектурную смѣсь западно-византійско-русскую; при императрицѣ Елисаветѣ появляется, благодаря Растрелли стиль „барокко"; стиль Екатерины II—это нашъ „Louis XVI", искусство временъ Александра I—нашъ „empire"; западное вліяніе усиливается съ учрежденіемъ Академіи художествъ. Классицизмъ выросъ на развалинахъ стиля Людовика XV—„рококо" и снесенъ былъ революціей, воскресившей мрачный и суровый дорическій стиль; архитекторы временъ Наполеона I создали „stile de l'empire". Такимъ образомъ искусство каждаго періода есть зеркало современности. Памятниками класическаго стиля особенно богаты Москва и Петербургъ; но они встрѣчаются и въ другихъ городахъ; напр., въ Кіевѣ къ

классическому стилю относятся: Контрактовый домъ, церковь на Аскольдовой могилѣ, церковь Рождества Христова на Александровской улицѣ, зданіе почты, старое зданіе Государственнаго банка и Университетъ. Занесенъ былъ классическій стиль и въ Полтавскую губернію; напр., Николаевская церковь въ г. Хоролѣ и около него въ с. Вишнякахъ—Троицкая. Николаевская церковь заложена въ 1779 г., а окончена въ 1790 году, Троицкая сооружена помѣщикомъ Пламенацомъ въ 1794 г. Обѣ церкви имѣютъ крестообразный планъ; подражаніе выразилось здѣсь въ упрощенной декораціи: фасады украшены лишь пилястрами, колонны отсутствуютъ; нѣкоторыя детали заимствованы отъ барокскаго стиля. Троицкая церковь въ с. Вишнякахъ напоминаетъ домъ на Воздвиженкѣ, бывшій графа Разумовскаго, а теперь графа Шереметева. Эпохѣ Александра I въ г. Хоролѣ принадлежатъ двѣ церкви: соборная Успенская и Воскресенская на базарной площади; онѣ сооружены были купцами Чеботаревымъ и Мѣсняевымъ: эти купцы думали сначала построить одну церковь на общія средства, но потомъ разошлись въ вопросѣ о мѣстѣ, и Чеботаревъ построилъ Успенскій храмъ близъ своего дома, а Мѣсняевъ Воскресенскую церковь на базарной площади; обѣ церкви очень сходны между собой и въ близкомъ сосѣдствѣ. Соборная церковь окончена въ 1808 г.; она имѣетъ лѣпныя украшенія по античному образцу: внутри этой церкви вверху стѣнъ и въ куполѣ, на капители пилястровъ и на барабанѣ купола; круглыя большія скульптурныя розетки на стѣнкахъ портиковъ, большія вазы въ нишахъ на наружныхъ стѣнахъ и т. п. Въ 60 годахъ прошлаго вѣка обѣ церкви подверглись передѣлкѣ и искаженію, портики съ колоннами были сломаны, и къ церквамъ пристроены колокольни Московскаго типа XVII в. съ шатровымъ верхомъ; въ этихъ храмахъ стиля „empire“ переднюю часть фасада образуетъ портикъ съ дорическими колоннами; такіе портики устраивались съ трехъ сторонъ: сѣверной, южной и западной; нижняя часть стѣнъ обработана рустами, верхняя—гладкая; колонны, грустики, куполъ—

яйцевидной формы на подобіе купола св. Петра въ Римѣ или Парижскаго Пантеона; дорическія колонны часто не имѣютъ базъ—это черта русскаго „empire".

Николаевскому времени принадлежитъ храмъ въ стилѣ „empire" въ г. Ромнахъ; это—Николаевская церковь, построенная въ 1830 годахъ помѣщикомъ Майенеромъ. Здѣсь дорическія колонны окружаютъ даже алтарный выступъ; колонны безъ базъ; декорація — дорическій фризъ вокругъ всего зданія; въ передней части пристроена колокольня въ видѣ четыреугольной башни со шпицемъ въ нѣмецко голландскомъ стилѣ временъ Петра I, сдѣлавшимся излюбленнымъ мотивомъ. Къ стилю „empire" принадлежатъ еще церкви въ с. Енькахъ и въ с. Вергунахъ (круглая), Хорольскаго уѣзда, и наконецъ церковь въ г. Лубнахъ.

Въ Полтавской губерніи всѣ эти храмы „empire" замѣнили собою старинныя деревянныя церкви малорусскаго стиля, образчикомъ котораго является церковь Кальнишевскаго въ г. Ромнахъ. Вліяніе стиля „empire" дѣйствительно такъ сильно, что даже старинныя деревянныя церкви приспособлялись къ „empire", напр., въ с. Погребищахъ (Кіевской губ.); здѣсь къ церкви пристроенъ въ началѣ XIX вѣка портикъ съ деревянными колоннами.

По поводу этого сообщенія Н. В. Стороженко замѣтилъ, что стиль „empire" былъ довольно распространенъ въ Малороссіи; памятниковъ его въ видѣ разныхъ построекъ еще довольно много сохранилось въ Малороссіи, хотя число ихъ все болѣе сокращается; важно было бы собрать ихъ къ предстоящему археологическому съѣзду. Въ распространеніи въ Малороссіи стилей временъ Елисаветы и Екатерины видную роль могли играть ученики Академіи Художествъ изъ малороссовъ, которые появлялись тамъ, благодаря, вѣроятно, покровительству и поддержкѣ сановниковъ-меценатовъ XVIII в.

В. Т. Георгіевскій привѣтствовалъ вниманіе докладчика къ памятникамъ стиля, доселѣ пренебрегавшагося незаслуженно; построеніе церквей по этому стилю, быть можетъ, объясняется также вліяніемъ альбомовъ Св. Синода.

На это послѣднее замѣчаніе Г. Г. Павлуцкій и А. А. Дмитріевскій возразили, что такіе альбомы появляются лишь въ 20-хъ годахъ XIX в.

б, Д. чл. **Ю. А. Яворскій** прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „*Три старца Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня*".

Какъ западно-европейская, такъ и русская критика не оцѣнила должнымъ образомъ „Народныхъ разсказовъ" Л. Н. Толстого; такое отношеніе къ нимъ несправедливо, потому что писатель проявилъ въ нихъ усвоеніе имъ не только народнаго міросозерцанія, но даже стиля и языка, и русская литература должна ими дорожить и гордиться; вмѣстѣ съ тѣмъ, они составляютъ подлинное и цѣнное народное произведеніе. Эти „Народные разсказы" не подвергались еще сравнительному историко-литературному разбору, исключая разсказъ: „Чѣмъ люди живы?", изслѣдованный проф. Сумцовымъ. Референтъ подвергаетъ такому же изслѣдованію разсказъ „Три старца". Изложивъ основную идею разсказа, онъ остановился на вопросѣ, откуда разсказъ заимствованъ Толстымъ. По сообщенію В. Розанова, со словъ самого Л. Н. Толстого, источникъ разсказа—дѣйствительный фактъ, совершившійся на глазахъ самóго писателя; этотъ фактъ и переданъ г. Розановымъ въ „Нов. Времени" (1903 г. № 9901); сомнѣваться въ точности факта нѣтъ основанія; по мнѣнію референта, этотъ фактъ могъ повліять лишь на выборъ Толстымъ сюжета, самый же сюжетъ и идею разсказа дала народная словесность. Непосредственный великорусскій народный оригиналъ разсказа Толстого до сихъ поръ не обнародованъ, но бѣлорусскіе и малорусскіе варіанты его—извѣстны. Референтъ указалъ на ту бѣлорусскую легенду, которая записана въ Новогрод. уѣздѣ Минской губ. и напечатана П. Шейномъ въ его „Матеріалахъ для изуче. нія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края" (Спб. 1873, II, стр. 373—374, № 218), отмѣчая ея отличія отъ разсказа Толстого: одинъ пустынникъ вмѣсто трехъ, прыганіе черезъ колоду, погруженіе въ воду пустынника на об-

ратномъ пути черезъ рѣку. Изъ подобныхъ же малорусскихъ легендъ извѣстны двѣ: одна издана въ нѣмецкомъ переводѣ А. Н. Веселовскимъ въ „Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Ruslands", 1874, V, 288 (Zwei kleinrusische Legenden zu Rabelais") и другая, совершенно подобная первой и, быть можетъ, ея оригиналъ, напечатана М. П. Драгомановымъ въ его „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ" (1876 г. 141—142, № 35) и записана имъ въ Черниговской губ.; такой же варіантъ записанъ въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губ. Б. Д. Гринченкомъ въ его „Этнографическихъ матеріалахъ" (1895 г., I, 73—74, № 95); но болѣе всего подходитъ къ бѣлорусской легендѣ та, которую записалъ М. П. Драгомановъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ. („Малорус. народ. пред.", 142—143). Есть еще Кіевскій разсказъ о пустынникѣ, напечатанный въ „Кіевской Старинѣ" (1888 г., XII, 267—268). Харьков. варіантъ пріуроченъ къ земнымъ странствованіямъ апостола Петра, съ тѣмъ отличіемъ, что здѣсь Петръ, а не пустынникъ погружается въ воду (П. Ивановъ: „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ" въ Этнограф. обозрѣніи, V, 155—156), Галицко-русскій разсказъ (Дрогобич. у.) приближается къ типу Бѣлорусскому и Черниговскимъ („Жите и Слово", 1894, II, 349—350, № 21, статья И. Я. Франка). Параллели этой легенды встрѣчаются также у славянъ и въ Запад. Европѣ. Въ Познан. области разсказъ отличается тѣмъ, что вмѣсто лѣса является море; человѣкъ дикъ и не имѣетъ понятія о Богѣ; получивъ сознаніе божества, онъ теряетъ прежнюю свою силу (Dr. M. Toeppen: Aberglauben aus Mazuren. 1867, 123). Сербо-хорватскіе варіанты также пріурочиваютъ разсказъ къ плаванію и связываютъ его съ именемъ св. Николая (Вук. С. Караджић: Српске народне приповијтке. Држ. изд. 1897, 330—331—и Majut Stajanowic: Puêka propoviaduè i piesnie 1867, 225) Въ болгарской легендѣ (К. А. Шапкаревъ: „Сборникъ отъ болгарски народни умотворения", 1892, VIII, 108—109, № 86) состязаются праведники, повѣсивъ платки съ водой и горячими углями; побѣда остается за мельникомъ, живущимъ въ

семьѣ, надъ пустынникомъ, живущимъ въ уединеніи; состязаются такимъ образомъ всѣми признаваемый праведникъ съ непризнаннымъ, и побѣда остается за послѣднимъ. Въ Западной Европѣ легенда о св. пустынникѣ уже не встрѣчается; но она входитъ въ составъ многихъ легендарныхъ сборниковъ, напр. въ сборникъ Іоганнеса Паули: „Schimpf und Ernst (изд. въ 1519 г.); легенда пріурочена къ св. Амвросію и сходна съ сюжетомъ Толстого; она находится и въ другихъ сборникахъ, перечисляемыхъ г. Эстерлеемъ въ примѣчаніяхъ къ сборнику Паули; всѣ легенды восходятъ къ одному древнему оригиналу, который, въ свою очередь, исходитъ изъ древне-восточной легенды.

б, Д. чл. **А. В. Стороженко** сообщилъ *„Новыя подробности къ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Оришовскаго"* (Напечатано въ 3-мъ вып. XIX книги „Чтеній").

Въ настоящемъ засѣданіи, по единогласному рѣшенію, былъ возведенъ въ почетные члены Общества Нестора-лѣтописца д. чл. *Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій.*

Для повѣрки кассы и библіотеки Общества за истекающій академическій годъ избраны въ члены Ревизіонной Коммиссіи: *Ю. А. Кулаковскій, А. В. Стороженко и Н. В. Стороженко.*

XII. Засѣданіе 8-го октября 1906 г.

а) Д. чл. **Ю. А. Яворскій** закончилъ свой рефератъ: *„Три старца" Л. Н. Толстого и ихъ народно-литературная родня".*

Эта легенда соединена съ другой родственной легендой, которая составляетъ отдѣльный вводный мотивъ ея. Напр. въ галицко-русскомъ варіантѣ Бучацкаго уѣзда, гдѣ пустынникъ, наученный молиться священникомъ, идетъ въ церковь и видитъ ангела и дьявола, записывающихъ праведниковъ и грѣшниковъ; научившій же священникъ уѣзжаетъ на кораблѣ;

съ этимъ варіантомъ сходенъ варіантъ Старосамборскаго уѣзда; здѣсь особенно подробна вторая часть легенды о посѣщеніи церкви; тоже можно сказать о Бѣлорусскомъ варіантѣ Минскаго уѣзда; въ польской Краков. легендѣ является мальчикъ и попъ, вмѣсто священника, приведшій мальчика въ церковь; въ сербскомъ варіантѣ легенда пріурочена къ Спасителю и ап. Петру, ходившимъ по землѣ; здѣсь мальчикъ, выйдя изъ церкви поплылъ на своемъ кафтанѣ, а ап. Петръ, научая его молиться, сердился за забывчивость, и Христосъ сказалъ ему: „не уста молятся, а сердце"; въ Поморской легендѣ встрѣчается пастухъ, который, согрѣшивъ въ церкви, больше уже никогда туда не ходилъ. Изъ разсмотрѣнія сводныхъ редакцій легендъ видно, что связующимъ между ними звеномъ былъ разсказъ о хожденіи по водѣ. Легенда о дьяволѣ, соблазнившемъ праведника въ церкви, въ соединеніи съ легендой о св. пустынникѣ случайна и рѣдка: чаще всего обѣ легенды существуютъ отдѣльно и самостоятельно. Такъ, напр., это встрѣчается въ Смоленской легендѣ; въ варіантѣ Сокольскаго уѣзда, Гродненской губ., пристегнутъ анекдотъ объ одураченномъ чортѣ. Значительно шире и обстоятельнѣе развиты малорусскіе варіанты, какъ, напр., Каневскій и Черниговскій; здѣсь прибавленъ эпизодъ о побѣдѣ святаго старика надъ чертями. Варіантъ изъ Скользкихъ горъ въ Галичинѣ примыкаетъ ближе къ западнымъ легендамъ. Въ этихъ варіантахъ замѣчательно усиленіе мотива о потерѣ святости (хожденіе по водѣ и ясновидѣніе). Въ Великороссіи эта легенда неизвѣстна. Изъ польскихъ варіантовъ извѣстны три: 1-й—Познанскій; 2-й варіантъ, въ которомъ соблазненный святой окончательно становится грѣшникомъ и попадаетъ въ адъ, что̀ сближаетъ его съ сербо-лужицкой и нѣмецкой группами варіантовъ; третій варіантъ изъ Мысленицкаго уѣзда въ Галичинѣ соединенъ со сказкой о мальчикѣ-силачѣ. Латышскій варіантъ выдвигаетъ идею *о* превосходствѣ въ святости нищаго и праведника надъ священникомъ; въ другомъ латышскомъ варіантѣ праведникъ молится на мельницу, принявъ ее за церковь; въ сербскомъ варіантѣ согрѣшившій

святой раскаивается и очищается отъ грѣха; въ Болгаро-Македонскомъ варіантѣ чортъ замѣняется видѣніемъ: праведникъ сидѣлъ на спинахъ людей; Сербо-Лужицкій варіантъ отражаетъ нѣмецкое вліяніе: святой вѣшалъ одежду на лучахъ солнца, топталъ крошки хлѣба, а потомъ сталъ носиться на возу по воздуху въ наказаніе; входящая въ эти варіанты легенда о чортѣ, записывающемъ на кожѣ грѣхи, распространена повсюду; подобный разсказъ встрѣчается у нѣмцевъ въ Лужицѣ и Сѣверной Чехіи; въ западно-европейскихъ литературахъ эта легенда не встрѣчается въ ея цѣльной славянской редакціи; встрѣчаются лишь отдѣльные эпизоды въ посторонніихъ литературныхъ рамкахъ; образъ діавола, записывающаго въ церкви человѣческіе грѣхи, широко распространенъ и восходитъ къ средневѣковой литературѣ. Самое древнее объ этомъ преданіе находится въ Sermones vulgares кардинала Якова де-Vitriaco первой половины XIII в.; разрозненность мотивовъ не противорѣчитъ предположенію о полной и цѣльной легендѣ, существовавшей на Западѣ; отъ нѣмецкихъ варіантовъ легенды произошли славянскіе. Проводникомъ легенды съ запада въ народную славянскую словесность, особенно польскую, служили: проповѣди (напр. проповѣди Мацѣя изъ Грахова), быть можетъ какой-нибудь полный средневѣковой текстъ, воспринятый народной словесностью, и устный путь перехода; основная идея легенды о преимуществѣ праведной жизни въ мірѣ надъ внѣшнимъ благочестіемъ проводится какъ въ Евангеліи, такъ и въ духовной литературѣ; оттуда же заимствованъ разсказъ о хожденіи пустынника по водѣ; первообразъ бѣлорусскаго варіанта встрѣчается въ Талмудѣ. За отсутствіемъ посредствующихъ звеньевъ референтъ не рѣшился изслѣдовать литературы древняго Востока; однако, сходство между евангельскимъ разсказомъ, нашей легендой и древне-индійской легендой Панчатантры существуетъ несомнѣнно, и, быть можетъ, индійскій прототипъ является основой нашей легенды, но разсказы Евангелія и Панчатантры могли возникнуть и независимо другъ отъ друга. Стараясь выяснить мотивъ легенды

о прыганіи черезъ колоду или ручей, какъ способъ молитвы, авторъ обратилъ вниманіе на молитвенные обряды сектъ: прыгуновъ, хлыстовъ и божьихъ людей, отвергающихъ церковную внѣшность и обрядность, опредѣлилъ ихъ полное сходство съ молитвеннымъ прыганіемъ отшельниковъ въ легендѣ, сходство, полное даже въ деталяхъ; онъ думаетъ, что легенда, зародясь на Западѣ, перешла въ русскую народную словесность и проникла въ сектантскую среду; передѣлавшись здѣсь, она распространилась на Руси и проникла даже въ Галицію. Народная легенда со всѣми подробностями передана въ разсказѣ Толстого, исключившаго только рѣзкія сектантско-тенденціозныя черты, какъ прыганіе черезъ колоду, вмѣсто молитвы, въ чемъ, какъ нельзя лучше, обнаруживается художественный и философскій тактъ, который изъ простой и скромной народной бродячей легенды создалъ глубокое и прекрасное художественное произведеніе.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Романтическій міръ Гоголя.

Въ изученіи, пониманіи и воспроизведеніи дѣйствительности Гоголь постоянно выказывалъ удивительную наблюдательность[1]), оригинальность[2]) и самобытность. Это одинъ изъ

[1]) Приведемъ слова Пушкина: „Я просто пораженъ наблюдательностью нашего молчальника-хохла, — хохолъ все видитъ, все слышитъ, схватываетъ неуловимые оттѣнки, особенно все смѣшное. Но онъ не только смѣется: онъ бываетъ и грустенъ; онъ разсмѣшитъ, но заставитъ и плакать. И помяните мое слово—раньше десяти лѣтъ будетъ русскимъ Сократомъ". Въ этихъ словахъ, если только они вѣрно воспроизведены, Пушкинъ со свойственною ему удивительною мѣткостію сужденія очертилъ особенности таланта Гоголя вплоть до Сократовской мудрости, за которую потомъ досталось Гоголю отъ софистовъ XIX-го вѣка.

[2]) Теперь уже въ достаточной степени установлены соотношенія произведеній Гоголя съ произведеніями какъ западно-европейскихъ литературъ, такъ и русской. Анализъ этихъ соотношеній показываетъ, что, при кажущейся внѣшней зависимости нѣкоторыхъ произведеній Гоголя отъ образовъ, картинъ и даже мелочей, закрѣпленныхъ творчествомъ до него, внутренно первые не утрачиваютъ отъ того своей оригинальности, вполнѣ согласуясь съ душевною жизнью нашего поэта и входя въ нее какъ бы путемъ подбора.

первыхъ по времени и достоинству русскихъ вполнѣ самобытныхъ поэтовъ, стоявшихъ на уровнѣ литературнаго развитія, достигнутомъ Западною Европою, но шедшихъ своею дорогою. Этою чертой, характеризующею геніальныя натуры, Гоголь, продолжавшій дѣло Пушкина, поднялся отчасти надъ послѣднимъ, какъ и надъ Лермонтовымъ и надъ Тургеневымъ. Ею-же опредѣляется мѣсто Гоголя въ міровой литературѣ. Это одинъ изъ самыхъ раннихъ и лучшихъ представителей новаго реализма въ европейскихъ литературахъ XIX вѣка и при томъ реализма русскаго, сочетавающагося со своеобразнымъ романтизмомъ.

Послѣдній былъ постоянно присущъ нашему поэту.

Въ молодости Гоголь на ряду съ рано развившеюся въ немъ наклонностію къ наблюденію и реализму примыкалъ нѣкоторое время въ сильной степени и къ модному тогда романтизму родному и чужому. Потомъ, удержавъ нѣкоторыя изъ основныхъ ученій этого романтизма, Гоголь поднялся до романтизма болѣе оригинальнаго.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ опредѣленій романтизма, представленныхъ различными критиками. Мы ограничимся краткимъ изъясненіемъ этого историко-литературнаго термина, кажущимся намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Подъ романтизмомъ мы понимаемъ постоянное, крайне индивидуалистическое и субъективное, смутное и безграничное недовольство, неудовлетворенность прозаическимъ пониманіемъ жизни и обычнымъ, шаблоннымъ воспроизведеніемъ ея, стремленіе къ невѣдомому, иногда таинственному,—въ ширь, даль и безпредѣльность, и потому витаніе преимущественно въ области чувства и воображенія[3]). Подъ такое изъясненіе романтизма подойдутъ столь не-

[3]) Воззрѣнія *М. А. Тростникова* въ статьѣ: „О романтизмѣ вообще и романтизмѣ Жуковскаго въ частности“ (Педагогическій сборникъ 1903, №№ 1 и 2) будутъ разсмотрѣны мною въ другомъ мѣстѣ,—въ ряду мнѣній о сущности романтизма.

сходные и въ иномъ даже прямо противоположные другъ другу представители его, какъ сентиментальный романтикъ Жуковскій и Ламартинъ съ одной стороны и Байронъ и Лермонтовъ съ другой.

Къ романтизму предрасполагала Гоголя уже его душевная организація, черты которой можно наблюдать на протяженіи всей его жизни: предрасполагали его „сердце, можетъ быть единственное, по крайней мѣрѣ рѣдкое въ мірѣ, чистая, пламенѣющая любовью ко всему высокому и прекрасному душа“, его „гордость“ и „гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ“[4]). Изначала это было существо особое, во многомъ отличное отъ обычныхъ людей, жившее особою внутреннею жизнью. На 19-мъ году жизни Гоголь просилъ у матери прощенія „въ словахъ и поступкахъ, которые никогда не выливались отъ сердца, но которые были невольныя выскочки словъ; когда въ умѣ бродили другія мысли, вы знали, что я былъ часто болтливый и въ одно время раздумчивый, если чего мой разговоръ не касался“[5]).

Недаромъ и позднѣе К. Аксаковъ отмѣтилъ въ Гоголѣ, что, „будучи погруженъ въ совсѣмъ другія мысли, разбуженный какъ будто отъ сна, онъ иногда самъ не зналъ, что отвѣчать и что говорить, лишь бы только отдѣлаться отъ докучливаго вопроса“... Эта особенность Гоголя была обусловлена тѣмъ, что онъ весьма рано выработалъ свой особенный внутренній міръ и постоянно съ точки зрѣнія послѣдняго обсуждалъ міръ, его окружавшій и пребывавшій внѣ его. Потому-то уже въ Нѣжинѣ Гоголь, по его собственнымъ словамъ,[6]) „почитался загадкой для всѣхъ“[7]). Свои „долговременныя думы“ онъ „затаилъ въ себѣ. Не довѣр-

[4]) П., I, 130, 137, 136; ср. 139.
[5]) П., I, 87.
[6]) П., I, 98.
[7]) Тамъ же.

чивый ни къ кому, скрытный", онъ „никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій"[8]). Много лѣтъ спустя онъ сознавался: „Мнѣ всегда приписывали скрытность. Отчасти она есть во мнѣ"[9]). Гоголь имѣлъ друзей во всѣ періоды своей жизни, но въ общемъ это была натура, склонная не столько къ экспансивности, сколько къ уединенію.

Вотъ объясненіе одного изъ казавшихся несимпатичными качествъ Гоголя, которыми не разъ попрекали его, забывая,—скажемъ его собственными словами,—что „тотъ, кто созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души... тотъ долженъ быть страненъ во многомъ"[10]). Гоголь же постоянно творилъ въ глубинѣ души и потому бывалъ страненъ, но, встрѣчаясь съ этими странностями его, не надо забывать, что корень ихъ—въ „вѣчно неумолкаемыхъ желаніяхъ души, которыя, говорилъ Гоголь, одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, не насытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта"[11]). „Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе", писалъ Гоголь полтора года спустя[12]).

„Вѣчно-неумолкаемыя желанія души" и „ненасытимая жажда", постоянно отличавшія Гоголя,—непремѣнная принадлежность романтика, какъ и невозможность „навострить лыжи въ скромность недальнихъ чувствъ и удовольниться ничтожностью, почти вѣчною"[13]), а равно и мечтательность, которую признавалъ въ себѣ и самъ Гоголь[14]) и которую усматривали въ немъ и другіе[15]).

---

[8]) Тамъ же, 89.

[9]) П., II, 419

[10]) П., II, 215.

[11]) П., I, 124.

[12]) П., I, 172.

[13]) П.. I, 79.

[14]) П., I, 78: „Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни".

[15]) Въ юношескихъ письмахъ Гоголя нерѣдко ведется рѣчь о томъ.

Оттуда отчасти постоянное недовольство Нѣжиномъ, порыванія въ Петербургъ, а по оставленіи Нѣжина помыслы о заграничной поѣздкѣ[16]) и постоянныя странствованія потомъ до 1848 г. включительно. Въ связь съ романтическими предрасположеніями надо поставить и „проклятое желаніе быть оригинальнымъ“[17]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ это была личность, способная къ подвигамъ крѣпкой воли[18]) и шедшая „къ достиженію своей цѣли съ неизмѣнною непоколебимостью“[19]). „Насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть (sic) въ предположенномъ начертаніи“[20]). Гоголь говоритъ намъ, что „всегда достигалъ своихъ намѣреній“[21]). Онъ возлагалъ надежды на свою „неусыпность, желѣзное терпѣніе, непоколебимое намѣреніе къ достиженію цѣли, съ которымъ можно все побѣждать“[22]), на „свою настойчивость и терпѣніе, которыми прежде мало обладалъ“[23]). Послѣ перваго крупнаго „перелома“ въ нравственномъ складѣ своемъ Гоголь писалъ: „какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей“[24])! Эту твердость, по его словамъ, онъ проявилъ и защищаясь отъ любви: „у меня есть

---

[16]) П., I, 105: „Я ѣду въ Петербургъ въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ“ и т. д.

[17]) П., I, 237.

[18]) На первыхъ порахъ Гоголь называлъ это упрямствомъ: „корень характера-злое упрямство“ (П., I, 85). Въ слѣдующемъ письмѣ опять читаемъ о „настойчивомъ упрямствѣ, которое рѣзко означило характеръ мой“ (П., I, 86). „Упрямство“ признавалъ въ себѣ Гоголь и въ письмѣ 13 августа 1829 (П., I, 130); 1834: „мое упрямство требуетъ этого“ (П., I, 302).

[19]) П., I, 86.

[20]) П., I, 90.

[21]) П., I, 94.

[22]) Тамъ же, 95.

[23]) П., I, 107.

[24]) П., I, 172.

твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть“[25]). „На что человѣку дается характеръ и желѣзная сила души? къ чорту лѣнь, да и концы въ воду“![26]). „Я далъ себѣ слово, и твердое слово; стало быть, все кончено: нѣтъ гранита, котораго бы не пробили человѣческая сила и желаніе“[27]).

Какъ натура романтическая, индивидуалистическая, Гоголь стремился постоянно къ славѣ на романтическій ладъ. „Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы“, писалъ онъ въ 1833 г.[28]).

Романтическія порыванія, обусловленныя сейчасъ указанными предрасположеніями, развились въ Гоголѣ уже въ годы дѣтства и юности. Сообщая касательно слышаннаго отъ матери разсказа о страшномъ судѣ, Гоголь такъ вспоминалъ о томъ: „это потрясло и разбудило во мнѣ всю *чувствительность*, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ *самыя высокія мысли*“[29]).

Въ Нѣжинѣ Гоголь рано развилъ въ себѣ эстетическое чувство[30]) и соотвѣтственный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ окружавшая его дѣйствительность должна была казаться ему столь же неприглядною, какъ и Ганцу Кюхельгартену его обычная обстановка. „Я отказываю себѣ, читаемъ въ одномъ изъ Нѣжинскихъ писемъ, въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей *жаждѣ видѣть и чувствовать прекрасное*[31]). Для

[25]) П., I, 232.
[26]) П., I, 276.
[27]) П., I, 306.
[28]) П., I, 245.
[29]) П., I, 260.
[30]) Оттуда, между проч., любовь къ живописи, сказавшаяся въ занятіяхъ рисованіемъ, и къ архитектурѣ (см. П., I, 158, прим. 3, и 142, прим. 1).
[31]) Слово „прекрасное“ подчеркнуто самимъ Гоголемъ.

него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги, весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь *нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею пріятностью*. Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ отличнаго... Удивительно, какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго... Мечтаніе достать его смущаетъ сонъ мой... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не могъ чувствовать отъ этого радости: я бы умеръ отъ тоски и скуки". Въ радужныхъ краскахъ 18-тилѣтнему Гоголю, страстному любителю природы, рисовалось при этомъ лишь деревенское житье: „опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю Ивановскую. Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша"![32]) „Можетъ быть, нѣтъ въ мірѣ другого, влюбленнаго съ такимъ изступленіемъ въ природу какъ я"[33]), писалъ потомъ Гоголь. „Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю всѣ движенія ея и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе открываю въ ней неуловимыхъ прелестей". Зарождалось въ тѣ годы и романтическое стремленіе къ славѣ. Гоголь боялся, какъ бы „неумолимое веретено судьбы" не „зашвырнуло" его „съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности," и не „отвело черной квартиры неизвѣстности въ мірѣ"[34]). „Я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть государству малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ

[32]) П., I, 69—70.
[33]) П., I, 223.
[34]) П., I, 78; затѣмъ—89.

при мысли, что, можетъ-быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно"...

Эти предрасположенія къ романтическимъ настроеніямъ укрѣплялись знакомствомъ съ романтическими произведеніями, начинавшими уже наводнять нашу литературу. Нѣсколько лѣтъ спустя Гоголь писалъ Шевыреву: „Я васъ люблю почти десять лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать „Московскій Вѣстникъ", который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не развернулось". И такъ въ Гоголѣ началъ возникать романтическій индивидуализмъ, подъ которымъ надо разумѣть усвоеніе первенствующаго значенія душевному міру личности и сосредоточеніе въ послѣдней высшихъ интересовъ и задачъ. Въ литературѣ XIX-го вѣка начало индивидуализму положилъ именно романтизмъ, унаслѣдовавшій эти индивидуалистическія влеченія еще отъ XVIII-го вѣка, но значительно усилившій ихъ между прочимъ подъ вліяніемъ возрожденія христіанскаго настроенія. Вѣдь христіанство искони развивало своеобразный индивидуализмъ, вполнѣ мирящійся со служеніемъ ближнимъ и любовью къ нимъ. Индивидуализмъ Гоголя примыкалъ къ такому христіанскому самоуглубленію, сохраняя въ то же время всѣ существенныя черты романтическаго самососредоточенія личности[35]).

---

[35]) Уже 16-лѣтнимъ юношею Гоголь, потерявъ отца, „перенесъ сей ударъ съ твердостью истиннаго христіанина". „благословлялъ священную вѣру", въ которой находилъ „источникъ утѣшенія и утоленія своей горести" (П, I, 26), и въ то же время говорилъ, что совершитъ „свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ буду стараться сколько возможно быть таковымъ" (П., I, 34), слѣдовательно задавался выработкою въ себѣ человѣчности.

Гоголь былъ христіански-романтическимъ индивидуалистомъ. Въ личной своей жизни онъ рано сталъ отдѣлять себя отъ „толпы самодовольной черни“[36]), отъ „существователей“, которые задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка“[37]); Гоголь называлъ себя „иноземцемъ, забредшимъ на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ“[38]), „уединялся совершенно отъ всѣхъ, оспротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ Нѣжинѣ“[39]), „затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія“[40]). Съ 17-го года своей жизни[41]) Гоголь былъ занятъ прежде всего нетерпѣливымъ и неустаннымъ стремленіемъ впередъ,—къ тому, что онъ называлъ сначала неопредѣленно „счастіемъ“, уже и тогда разумѣя подъ послѣднимъ развитіе своихъ „силъ для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ, для блага жизни подобныхъ“[42]). Потомъ, на 20-мъ году жизни, отрекшись отъ личнаго счастія, Гоголь сталъ цѣль своихъ стремленій именовать „воспитаніемъ“ себя для блага другихъ. Уже въ 1829 г. Гоголь писалъ: Богъ „указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ *воспиталъ* свои страсти въ тишинѣ, въ

---

[36]) П., I, 78.

[37]) II., I, 75.

[38]) П., I, 74. Ср. сходную идею Лермонтова.

[39]) Тамъ же.

[40]) П., I, 90.

[41]) П., I, 55 (17 января 1827): „Зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? Зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь—нетерпѣнье“. П., I, 90: „*около трехъ* лѣтъ неуклонно держится одной цѣли“.

[42]) П., I, 68; ср. I, 124: „работать на пользу міра“. См. еще I, 89: „Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства“; „буду истинно полезенъ для человѣчества“; 128: „для счастія и блага себѣ подобныхъ“...

уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенькамъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“[43]). Въ маѣ 1836 г. Гоголь повторялъ въ сущности то же воззрѣніе на задачу своей личной жизни: „...всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое *воспитаніе*“[44]).

Въ своемъ творчествѣ Гоголь, не чуждый высокопарности въ юности[45]), рано началъ слѣдовать принципу Мольера: „il faut peindre d'après nature“, но при этомъ его постоянно занималъ психологизмъ личности, и нерѣдко самъ поэтъ заявлялъ себя романтическимъ лиризмомъ согласно съ принятымъ имъ отъ романтиковъ ученіемъ, что „литература вовсе не есть слѣдствіе ума, а слѣдствіе чувства,—такимъ самымъ образомъ, какъ и музыка, какъ и живопись“[46]). Субъективный лиризмъ однако не помѣшалъ Гоголю рано выработать трезвый взглядъ на міръ и людей. „Свѣтъ скоро хладѣетъ въ глазахъ мечтателя. Онъ видитъ надежды, его подстрекавшія, несбыточными, ожиданія неисполненными, и жаръ наслажденія отлетаетъ отъ сердца“... писалъ 17-лѣтній Гоголь[47]), и послѣ того всякій разъ все менѣе и менѣе

---

[43]) П., I, 124; 171—172: „Иному во всю жизнь не случалось имѣть такого разнообразія. Время это было для меня наилучшимъ *воспитаніемъ*, какого я думаю рѣдкій царь могъ имѣть. Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе—польза“.

[44]) П., I, 378.

[45]) Потомъ онъ осмѣивалъ ее въ Кукольникѣ (см. П., I, 211).

[46]) П., I, 343.

[47]) П., I, 43. См. далѣе I, 60: „лѣта кипучаго возраста охлаждались безпрерывно измѣнчивою невѣрностью счастія настоящаго. Я холодѣлъ постепенно и разучался принимать жарко къ себѣ все сбывающееся“; I, 72: „Всегда нужно проклятой судьбѣ на самомъ удовольствіи покоя зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостью горя“. См. еще I, 97—98 о вынесенномъ горѣ отъ людей.

предавался „задумчивости“[48]) и мечтамъ[49]). Въ 20 лѣтъ онъ писалъ: „я имѣю достаточный запасъ сомнѣнія во всемъ, могущемъ случиться“[50]). Уже въ лѣта юности свойственное послѣдней „кипучее желаніе веселости таилось“ въ Гоголѣ „подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, и другимъ казался“ онъ „печальнымъ, они хотѣли видѣть“ въ немъ „признаки сентиментальной мечтательности“[51]). Уже тогда, какъ и въ послѣдніе годы своей жизни, онъ былъ „съ виду холодный, но въ сердцѣ пламенный къ чувствамъ дружбы“[52]), предавался иногда „пасмурнымъ думамъ“[53]), между проч.—о „невѣрности счастія“[54]); „подъ внѣшнимъ видомъ упрямства могло биться сердце, отворотившееся всего, носящаго названіе злого“[55]). Гоголь довольно рано

...радость жизни пережилъ
и грусть зазвалъ на новоселье,

сталъ „угрюмъ“ и „тосковалъ въ тишинѣ одинъ“[56]).

Еще не достигши 20 лѣтъ, Гоголь впадалъ иногда въ хандру[57]), и такое настроеніе повторялось въ немъ не разъ

---

[48]) П., I, 58: „въ часы задумчивости ; I, 87: „раздумчивый“.

[49]) П., I, 58: „Къ числу мечтательностей своихъ“...; I, 63: „мечта“; I, 71: „только мечта“ и проч.; I, 78: „ужели нельзя хотя помечтать о будущемъ“; I, 86: „утружденныя мечты“; I, 98 Гоголь возражаетъ противъ указанія на его мечтательность: „нѣтъ, я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ“.

[50]) П., I, 121. Ср. *П. Анненкова* Воспоминанія о Гоголѣ: „Извѣстно, что житейской мудрости въ немъ было почти столько же, сколько и таланта“ (Библ. для чт. 1857, № 2, стр. 124).

[51]) П., I, 58.

[52]) П., I, 60.

[53]) П., I, 71.

[54]) П., I, 72.

[55]) П., I, 86.

[56]) См. стихотв.: „Непогода“—С., VI, 1 и 542—543.

[57]) П., I, 91 (октябрь 1827 въ Нѣжинѣ): „вообразите себя въ совершенномъ уединеніи, гдѣ рѣдко улыбка заглядываетъ въ лицо“. См. затѣмъ первое Петербургское письмо (П., I, 114): „На меня напала

потомъ, нисколько не свидѣтельствуя о болѣзненности его духовной организаціи, хотя онъ и жаловался иногда, что былъ боленъ душою[58]). Мрачное настроеніе было вызываемо большею частью житейскими неудачами[59]), или же вообще романтическимъ міровоззрѣніемъ Гоголя, приближавшимся къ представленному выше опредѣленію романтизма. Всякій разъ однако Гоголь торжествовалъ надъ мрачнымъ настроеніемъ, обращаясь къ оптимизму, вытекавшему изъ религіозно-философскаго міросозерцанія[60]). Идея водительства со стороны Промысла Божія во всѣхъ даже мельчайшихъ обстоятельствахъ жизни рано начинаетъ выступать со всею отчетливостью въ перепискѣ Гоголя[61]).

хандра, или другое подобное, и я уже около недѣли сижу, поджавши руки, и ничего не дѣлаю. Не отъ неудачъ ли это, которыя меня совершенно обравнодушили ко всему"?

[58]) Напр., уже въ августѣ 1829 г.: „тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ... время, здѣсь проведенное, было бы для меня очень пріятно, если бы я только такъ же былъ здоровъ душою, какъ теперь тѣломъ" (П., I, 134, 135). 1-го сентября 1830 г.: „Я пишу такъ несвязно и мало, и неудовлетворительно, что вы безъ сомнѣнія не будете довольны; но теперешнее письмо мое есть выраженіе душевныхъ безпокойствъ" (П., I, 162).

[59]) См. указаніе на неудачи выше въ прим. 56. См. далѣе П., I, 134: „Объ одномъ только прошу Бога, чтобъ ниспослалъ вамъ драгоцѣнное *спокойствіе*, которое *не можетъ обитать въ груди моей*. По крайней мѣрѣ я теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность и надѣюсь, что новыя занятія дадутъ силу душѣ моей быть *равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ*". Годъ спустя Гоголь опять упоминаетъ о крайности и нуждѣ, и голодѣ и всѣхъ непріятностяхъ въ свѣтѣ" (П., I, 161—162).

[60]) Напр., П., I, 162: „мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе"; 171: „Вѣрьте, что Богъ ничего намъ не готовитъ въ будущемъ, кромѣ благополучія и счастія"; 197: „Кто можетъ постигнуть вышнія намѣренія? не нужно поэтому и намъ сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будетъ хорошая погода".

[61]) См., напр., П., I, 124—125: „Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго.. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій? не явно ли Онъ нака-

Дѣло въ томъ, что онъ сочетавалъ въ себѣ и въ своей философской мысли романтическій индивидуализмъ съ подчиненіемъ личности категорическому императиву Канта и Шиллера.

Какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ типичныхъ выраженій романтизма является личность Байронова Манфреда, мятежнаго героя, ведущаго борьбу съ цѣлымъ міромъ и съ силой, создавшей этотъ міръ и въ частности человѣка. Не зная предѣловъ въ своей мысли, Манфредъ долженъ мириться съ ограниченнымъ существованіемъ и потому не можетъ быть чтителемъ Божества, поставившаго его въ такія противорѣчія, и подобно Фаусту направляется въ сторону адской силы, кажущейся олицетвореніемъ протеста разума противъ слѣпой вѣры.

Гоголь уже въ годы процвѣтанія романтизма, предваряя конецъ XIX в., силою своего проницательнаго ума, понялъ тщету усилій науки постигнуть міровую загадку и суетность романтическаго протеста противъ кажущихся намъ непонятными вѣчныхъ законовъ міровой жизни. Оттуда отзывъ о Байронѣ, какъ о поэтѣ, „такъ чудно обхватившемъ гигантскою мрачною душою всю жизнь міра и такъ дерзостно насмѣявшемся надъ нею, можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе“, и—какъ о „гордо одинокой душѣ, исполински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутаго, собственный, ею же созданный нестройный и чудный міръ“[62]). Оттуда же отсутствіе у нашего поэта рѣзко очерченныхъ мятежныхъ типовъ протеста въ родѣ Чацкаго,

---

зывалъ меня этими всѣми неудачами, въ намѣреніи обратить на путь истинный“? Въ слѣдующемъ письмѣ проскальзываетъ интересное признаніе: „напрасно *старался* я увѣрить самого себя, что принужденъ былъ повиноваться волѣ Того, Который управляетъ нами свыше“. Ср. еще 134: „какъ будто отъ самого Бога посѣщаетъ меня мысль“... См., далѣе, стр. 162, 172, 216.

[62]) С., VI, 2—3. („О поэзіи Козлова“, статья, написанная не ранѣе 1829 г., можетъ быть въ 1835 или въ 1836 г.: тамъ же, 544—545).

Онѣгина, Печорина и т. п. Тѣмъ менѣе у Гоголя могли быть возможны демоническіе типы. Личность Андрея въ „Тарасѣ Бульбѣ", какъ увидимъ,—иного пошиба и не есть выраженіе идеаловъ самого Гоголя.

Будучи воспитанъ съ дѣтства въ духѣ христіанства, Гоголь въ противоположность Ницше не видѣлъ иллюзіи въ нравственныхъ нормахъ; въ морали любви къ ближнимъ, имѣющей религіозное основаніе, Гоголь не усматривалъ преграды свободному развитію личности во всѣхъ направленіяхъ, какъ Ницше. Гоголь собственными усиліями подошелъ къ признанію Божественнаго начала жизни, а также къ исповѣданію нравственнаго долга и старался подчинить послѣднему какъ свою жизнь, такъ и свое творчество, въ особенности со времени окончательнаго установленія идеи „Мертвыхъ Душъ".

Но, пока Гоголь подошелъ къ окончательному подчиненію романтическаго индивидуализма нравственной идеѣ и къ одухотворенію ею реализма, онъ долженъ былъ пройти стадію преобладающаго увлеченія романтизмомъ.

Это мы замѣчаемъ въ послѣдній годъ пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ и въ годы, слѣдовавшіе за оставленіемъ Нѣжина, словомъ въ годы созданія „Ганца Кюхельгартена", „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" и нѣкоторыхъ повѣстей „Миргорода".

Въ эти годы печальная дѣйствительность удручала Гоголя въ такой же мѣрѣ, какъ и потомъ. „Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало сердце"[63]) поэта. Но и другія явленія жизни рисовались ему въ неприглядномъ освѣщеніи. Ему не нравились Нѣжинскіе „существователи", которые „задавили корою своей земности, ничтожнаго самодоволія великое назначеніе

[63]) II., I, 89.

человѣка",[64]) люди „недальнихъ чувствъ", которые „удовольнились ничтожностью, почти вѣчною"[65]). Гоголь испытывалъ „мертвое усыпленіе, ядовитое истомленіе, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки", находясь подъ „игомъ школьнаго педантизма"[66]) въ Нѣжинѣ, но и Петербургъ повергъ его весьма скоро въ подобное же разочарованіе. „Каждая столица, писалъ Гоголь, вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургѣ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, объиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ"[67]). Петербургское чиновничество теряло время на глупыя занятія, „переписывая старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч."[68]). Гоголь негодовалъ на то, что ему пришлось „пресмыкаться въ столицѣ между служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно".[69]) „Смѣшны мнѣ очень петербургскіе молодые люди: они безпрестанно кричатъ, что они служатъ совершенно не для чиновъ и не для того, чтобы выслужиться... Еще глупѣе тѣ, которые оставляютъ отдаленныя провинціи" и т. д.[70]).

Словомъ, проза жизни постоянно обращала на себя вниманіе и приводила поэта въ огорченіе. Былъ онъ недоволенъ также и самимъ собою. Уже въ Нѣжинѣ Гоголю приходилось задумываться о своемъ характерѣ, встрѣчая самые разнородные, иногда весьма не лестные, отзывы о немъ со стороны разныхъ лицъ. [71])

---

[64]) П. I, 75.
[65]) П. I, 79.
[66]) Тамъ же.
[67]) П. I, 117.
[68]) П. I, 122.
[69]) П. I, 124.
[70]) П. I, 125.
[71]) См. напр., письмо отъ 1 марта 1828 г.

Въ первый же годъ пребыванія въ Петербургѣ самонаблюденіе и самокритика усиливаются и вызываютъ иногда печальныя признанія,[72]) и Гоголь уже съ того времени начинаетъ приводить въ связь „работу на пользу міра“ съ заботой надъ претвореніемъ самого себя: Богъ „указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы тамъ *воспиталъ* свои *страсти* въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“.[73])

Въ этомъ признаніи для насъ интересно приведеніе въ связь нравственнаго подъема съ удаленіемъ „въ землю чуждую“ и „воспитаніемъ“ тамъ страстей „въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности“.

Это чисто романтическая греза,[74])—отчасти та самая, которою увлекся-было и поэтическій герой юношеской поры творчества Гоголя, Ганцъ Кюхельгартенъ.

Ганцъ подобно Гоголю задавался вопросами:

. . . . . ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?
И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславно въ жертву?
При жизни быть для міра мертву?
Душой ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить? и т. д.[75])

---

[72]) П., I, 127 и 130; 134.

[73]) П., I, 124. Ср. I, 167: „обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ“.

[74]) Самъ Гоголь, вспоминая впослѣдствіи о своей первой заграничной поѣздкѣ, писалъ: „Можетъ быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края“... (С. IV, 260).

[75]) С., V, 22.

Подобно Ганцу и Гоголь

Въ страну чужую путь направилъ,[76])

потому что

Ему казалось душно, пыльно
Въ сей позаброшенной странѣ,
И сердце билось сильно, сильно
По дальней, дальней сторонѣ[77]).

Гоголя, какъ и Ганца, волновали

Доселѣ бывшія загадкой
Разнообразныя мечты[78]).

Но только Гоголя манила чарующимъ призракомъ не столько

Земля классическихъ, прекрасныхъ созиданій
И славныхъ дѣлъ, и вольности земля[79]),

и не страна Пери, сколько Германія,

Страна высокихъ помышленій!
Воздушныхъ призраковъ страна!
О, какъ тобой душа полна!
Тебя обнявъ, какъ нѣкій геній,
Великій Гетте бережетъ
И чуднымъ строемъ пѣснопѣній
Свѣваетъ облако заботъ,

пѣлъ Гоголь въ концѣ своей поэмы о Кюхельгартенѣ. Въ такихъ прочувствованныхъ стихахъ онъ „съ невольнымъ умиленьемъ пѣсню тихую“ свою слагалъ „съ неразгаданнымъ волненьемъ“ про „Германію свою“,[80]) т. е. Германію, какая въ то время рисовалась мечтамъ его и многихъ французовъ, Германію великаго Гёте и тѣхъ другихъ писателей ея, которыми увлекался и Кюхельгартенъ, какъ то видно изъ описанія комнаты послѣдняго:

[76]) Ib., 28.
[77]) Ib., 15.
[78]) Ib , 12.
[79]) C., V, 13.
[80]) C., V, 43.

Лежитъ, въ густой пыли, тамъ давній
Платонъ и Шиллеръ своенравный,
Петрарка, Тикъ, Аристофанъ,
Да позабытый Винкельманъ.[81])

Авторъ Кюхельгартена, создавшій послѣдняго
Въ уединеніи, въ пустынѣ,
Въ никѣмъ незнаемой глуши,[82])

надѣялся „въ тишинѣ, въ уединеніи“[83]) Германіи подняться на высшую ступень, „откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо“, какъ и Ганцъ, „земной поклонникъ красоты“,[84]) мечтавшій о „земли роскошныхъ краяхъ“ въ своемъ „тѣсномъ углу“:[85])

Лучистой, дальнею звѣздой
Его влекла, тянула слава.[86])

Потомъ, 9 лѣтъ спустя Гоголь разочаровался въ Германіи. „Я сомнѣваюсь“, писалъ Гоголь въ 1838 г., „та ли теперь эта Германія, какою ее мы представляемъ себѣ. Не кажется ли она намъ такою въ сказкахъ Гофмана? Я по крайней мѣрѣ въ ней ничего не видѣлъ, кромѣ скучныхъ табльдотовъ и вѣчныхъ, на одно и то же лицо состряпанныхъ кельнеровъ и безконечныхъ толковъ о томъ, изъ какихъ блюдъ былъ обѣдъ и въ которомъ городѣ лучше ѣдятъ; а та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ, такъ, какъ исчезаетъ прелестный

---

[81]) С., V, 27.

[82]) С., V, 53. Не заключаютъ ли эти стихи намека на писаніе „идилліи“ въ Васильевкѣ вскорѣ послѣ „конца ученья“ и разлуки „съ семьей своихъ товарищей“, о которой говорится въ концѣ XVIII картины?

[83]) П., I, 124.

[84]) С., V, 42.

[85]) Тамъ же 22—23.

[86]) Тамъ же 37.

голубой колоритъ дали, когда мы приближаемся къ ней близко. Я знаю, есть эта земля, гдѣ все чудно и не такъ, какъ здѣсь; но къ этой землѣ не всякіе знаютъ дорогу".[87])

Одновременно съ Германіей Гоголя уже влекла и Италія:

Земля любви и море чарованій!
Блистательный мірской пустыни садъ!
Тотъ садъ, гдѣ въ облакѣ мечтаній
Еще живутъ Рафаэль и Торкватъ!
Узрю-ль тебя я, полный ожиданій?

вопрошалъ поэтъ въ стихотвореніи „Италія", вышедшемъ въ свѣтъ двумя мѣсяцами ранѣе „Ганца Кюхельгартена" и выражавшемъ также тоску души поэта, охваченной всецѣло эстетическими порываніями романтизма.[88])

Ганцъ—вполнѣ романтическій герой, созданный въ значительной степени подъ вліяніемъ душевныхъ томленій самого поэта[89]). Характеристика Ганца даетъ право считать его романтикомъ:

Мой Ганцъ страхъ боленъ; день и ночь
Все ходитъ къ сумрачному морю;
Все не по немъ, всему не радъ,
Самъ говоритъ съ собой, къ намъ скученъ;
Спросить—отвѣтитъ не впопадъ,
И весь ужасно какъ измученъ,

свѣтуетъ невѣста Ганца Луиза, впервые знакомя читателя съ лич-

---

[87]) П., I, 542—543.

[88]) С., V, 44—45.

[89]) Какъ давно уже выяснено, „Ганцъ Кюхельгартенъ" написанъ подъ вліяніемъ поэмы Фосса „Луизы", но, что касается личностей жениховъ, Вальтера у Фосса и Ганца у Гоголя, то онѣ не сходны, и Ганцъ своими стремленіями рѣзко отличается отъ нѣмецкаго оригинала, будучи созданъ Гоголемъ самостоятельно, не безъ воздѣйствія, впрочемъ, другихъ образцовъ.

ностію своего жениха[90]). Объясненіе данной обрисовки представляетъ далѣе самъ поэтъ:

Волнуемъ *думой не понятной*,
Нашъ Ганцъ разсѣянно глядѣлъ
На міръ великій, необъятный,
На свой незнаемый удѣлъ.[91])

. . . . . тайная печаль
Имъ овладѣла; взоръ туманенъ;
И часто смотритъ онъ *на даль*,
И *безпокоенъ* весь и страненъ.

Чего-то смѣло ищетъ умъ,
Чего-то тайно негодуетъ;
Душа, въ волненьи *темныхъ* думъ,
О чемъ-то, *скорбная*, *тоскуетъ*

Онъ какъ прикованный сидитъ,
На море буйное глядитъ;
Въ мечтаньи все кого-то слышитъ
При стройномъ шумѣ ветхихъ водъ...

Или въ долинѣ ходитъ *думный;*
Глаза торжественно блестятъ,
Когда несется вѣтеръ шумный
И громы жарко говорятъ....

Иль въ часъ полночи, въ часъ мечтаній
Сидитъ за книгою преданій...

---

[90]) С., V, 8—9. Потомъ она говоритъ Ганцу (стр. 20):

Зачѣмъ одинъ съ какой-то книгой
Ты ночь сидишь?...
Зачѣмъ дичишься всѣхъ?
Зачѣмъ грустишь?

[91]) С., V, 9

Глаголятъ въ нихъ вѣка сѣдые...[92])
Назадъ далеко онъ живетъ,
Чудесной мыслью очарованъ...[93])
Души прекрасной впечатлѣнья
На немъ лежали; но чего,
Въ волненьяхъ сердца своего,
Искалъ онъ *думою неясной*,
Чего желалъ, чего хотѣлъ,
Къ чему такъ пламенно летѣлъ
Душой и жадною, и страстной,
Какъ будто міръ желалъ обнять.—
Того и *самъ не могъ понять.*
. . . . сердце жаждало прильнуть
Къ своей мечтѣ, *мечтѣ не ясной.*[94])

Изъ этихъ характеристикъ ясно, что Ганцъ „и день и ночь мечтами скованъ“, страдалъ отъ какихъ-то неясныхъ думъ, печальныхъ сомнѣній и „тоски“[95]) по славѣ въ мірѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ „отмѣтить существованіе“ свое, и по дальней сторонѣ, которая рисовалась ему въ чарующихъ очертаніяхъ античныхъ Аѳинъ и роскошной природы Востока;[96]) родная же страна, „уголъ тѣсный, и лѣсъ, и поле, лугъ“, въ сопоставленіи съ тѣми „райскими мѣстами“, казались ему „пустыней.“[97])

Во всѣхъ этихъ „мечтахъ“ юнаго Ганца нельзя не узнать вліянія тѣхъ книгъ, въ особенности Шиллера, Тика и Винкель-

---

[92]) С., V, 11. Ср. 21: На башнѣ бьетъ часъ полуночный.
Такъ, это часъ, часъ думъ урочный,
Какъ Ганцъ одинъ всегда сидитъ.

[93]) С., V, 12.
[94]) С., V, 15.
[95]) С., V, 20.
[96]) Картины III и IV.
[97]) С.. V, 22—23.

мана, съ которыми онъ проводилъ время, а также и не названныхъ Гоголемъ поэтовъ романтизма. Такъ, прощаніе Ганца съ родиной напоминаетъ отдѣльными чертами такую же разлуку Чайльдъ-Гарольда, стихи:

Шуми-жъ, мой океанъ широкій!
Неси корабль мой одинокій![98])

картина Аѳинъ составилась не безъ вліянія той же поэмы Байрона,[99]) а райскія мѣста Востока разрисованы красками поэмы Мура. Картина (VII-я) спокойнаго, тихаго вечера, быть можетъ, нарисована не безъ вліянія соотвѣтственнаго мѣста „Потеряннаго Рая“ и т. д. Но интереснѣе всего, что нашъ поэтъ, въ такой сильной степени испытывавшій вліяніе корифеевъ романтики, изобразивъ „мечтательнаго Ганца“,[100]) самъ же и почти тотчасъ же развѣнчалъ „мрачный, неспокойный видъ“ „души глубокой“,[101]) и то

Перо, которымъ, полнъ отваги,
Передавалъ свои мечты[102])

Гоголь, изобразило намъ, какъ при видѣ „печальныхъ древностей Аѳинъ“,

Облокотясь на мраморъ хладный,
Напрасно путникъ алчетъ жадный
Въ душѣ былое воскресить...
Невыразимая печаль
Мгновенно путника объемлетъ;
Души онъ нѣжный ропотъ внемлетъ;

---

[98]) С., V, 23.

[99]) Не вполнѣ преклоняющійся взглядъ Гоголя на Байрона см. въ письмахъ къ Пушкину 21 августа 1831 и др. П., I, 186, 232 („Да зачѣмъ ты нападаешь на Пушкина, что онъ прикидывался? мнѣ кажется, что Байронъ скорѣе“), 274.

[100]) С., V, 35.

[101]) С., V, 24.

[102]) С., V, 27.

Ему и горестно, и жаль,
Зачѣмъ онъ путь сюда направилъ.
Не для истлѣвшихъ ли могилъ
Кровъ безмятежный свой оставилъ,
Покой свой тихій позабылъ?

Увы! „Воздушныя мечты“, волновавшія „сердце зерцаломъ чистой красоты“, „и убійственно, и хладно разворожились“:

Безжалостно и безпощадно
Предъ нимъ захлопнули вы дверь,
Сыны существенности жалкой, [103])
Дверь въ тихій міръ мечтаній, жаркой!
И грустно, медленной стопой
Руины путникъ покидаетъ[104]).

Онъ понялъ свое заблужденіе, тщету увлеченья „пустымъ блескомъ“, вѣры въ „свѣтъ ненавистный, слабоумный“ и въ „злыя предпріятья“ людей, влеченія къ „ложному чаду“ и „горькой блестящей отравѣ“ славы:

Какъ гробы холодны они;
Какъ тварь презрѣннѣйшая, низки;
Корысть и почести одни
Имъ лишь и дороги и близки.
Они позорятъ дивный даръ:
И попираютъ вдохновенье,
И презираютъ откровенье;
Ихъ холоденъ притворный жаръ,
И гибельно ихъ пробужденье и т. д. [105])

Ганцъ называетъ себя теперь „безумнымъ, безтолковымъ“.

И спалъ страданій тяжкій сонъ

---

[103]) Ср. П., I, 75: „ты знаешь всѣхъ нашихъ *существователей*“.
[104]) С., V, 32--33.
[105]) С., V, 37.

Съ его души; живой, спокойный,
Переродился снова онъ,
На время бурей возмущенъ...
И васъ, коварныя мечты,
Боготворить ужъ онъ не станетъ.[106])

Подъ „коварными мечтами“ разумѣются тѣ, которыя

Взволнуютъ жаждой яркой доли,
А нѣтъ въ душѣ желѣзной воли,
Нѣтъ силъ стоять средь суеты...

Гоголь осудилъ очевидно въ лицѣ Ганца романтическихъ мечтателей эстетическаго пошиба, которому былъ не причастенъ и самъ даже позднѣе. Онъ понялъ, въ концѣ работы надъ исторіей Ганца, что грезы, основанныя на суетныхъ ожиданіяхъ отъ міра и людей, которымъ раньше онъ и самъ предавался, не создадутъ еще истиннаго счастія. Оно возможно лишь тогда,

Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра;
Его трудамъ великимъ учитъ
Для нихъ онъ жизни не щадитъ[107]).

---

[106]) С., V, 41—42.

[107]) С., V, 38. Ср. П., I, 127—128: „Нѣтъ, мнѣ нужно передѣлать себя, *переродиться*, оживиться новою жизнью, расцвѣсть силою души

Въ этихъ стихахъ мы слышимъ прощанье юнаго поэта съ первою порою его романтизма, съ юношески незрѣлыми, неопредѣленными и неясными порываніями и чаяніями, съ грезою о личномъ счастіи[108]) и рѣшеніе принять за путеводное начало не грезы о славѣ, но *мысль крѣпкую* совмѣстно съ „желаніемъ блага и добра“, при которой подъемлются „великіе труды“ безкорыстные. Гоголь „переродился“, какъ его Ганцъ. Въ немъ совершился приблизительно такой же какъ и въ Ганцѣ „переломъ“, какъ выразился самъ поэтъ въ письмѣ къ матери отъ 24 іюля 1829 г.[109]) послѣ неудачи, постигшей его идиллію, подвергшуюся разгрому со стороны критики.

Такимъ образомъ, Гоголь началъ свою литературную дѣятельность въ печати съ чисто эстетическаго романтизма, усвоившаго, между прочимъ, нѣкоторыя черты одной изъ лучшихъ и возвышеннѣйшихъ формъ того движенія—Байронической. Оттуда неудовлетворенность заурядным существованіемъ, какая снѣдала душу Ганца и толкала его въ дальнія страны, въ мѣста высшей античной культуры и красотъ роскошной природы, къ чему такъ долго питалъ влеченіе самъ Гоголь[110]) начиная съ первой поѣздки въ Германію вплоть до возвращенія изъ Святой земли.

Ганцъ вернулся на родину, „печальный, извѣдавъ и узнавъ много истинъ“, вернулся въ прежнюю обстановку

въ *вѣчномъ трудѣ* и дѣятельности, и если я не могу быть счастливъ, по крайней мѣрѣ всю жизнь посвящу для счастія и блага себѣ подобныхъ“.

[108]) П., I, 127: „нѣтъ, я никогда не буду счастливъ для себя“.

[109]) Тамъ же: „Этотъ переломъ для меня необходимъ.“

[110]) Гоголь собирался за границу еще до выѣзда въ Петербургъ, съ осени 1828 г. См. П., I, 105 и 106: „Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края... Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе“...

. . . . . въ тишинѣ укромной
По полю жизни протекать,
Семьей довольствоваться скромной
И шуму свѣта не внимать.[111])

Гоголь также возвратился въ Петербургъ послѣ кратковременной поѣздки за границу, причемъ „Богъ унизилъ гордость“ его, и его „измѣнили и передѣлали горя;“ онъ чувствовалъ себя „теперь въ силахъ занять въ Петербургѣ предлагаемую должность“[112]) и „надѣялся, что новыя занятія дадутъ силу душѣ быть равнодушнѣе и невнимательнѣе къ мірскимъ горечамъ.“[113]) И дѣйствительно, теперь Гоголь, „посвятившій себя всего пользѣ, обработывающій себя въ тишинѣ для благородныхъ подвиговъ,“[114]) сталъ значительно выше тѣхъ горестей, начавъ уразумѣвать свое истинное призваніе преимущественно къ высшему труду въ свѣтломъ мірѣ мысли и творчества. „Литературныя мои занятія и участіе въ журналахъ, писалъ Гоголь 3 іюня 1830 г., я давно оставилъ, хотя одна изъ статей моихъ доставила мнѣ мѣсто, нынѣ мною занимаемое. Теперь я собираю матеріалы только и въ тишинѣ обдумываю свой обширный трудъ... Занятій моихъ литературныхъ хотя я и не прекратилъ, однакожъ, какъ они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, какъ по истеченіи довольно продолжительнаго времени... Послѣ обѣда въ 5 часовъ отправляюсь я въ классъ, въ академію художествъ, гдѣ занимаюсь живописью, которую я никакъ не въ состояніи оставить,—тѣмъ болѣе, что здѣсь есть всѣ средства совершенствоваться въ ней, и всѣ они, кромѣ труда и старанія, ничего не требуютъ“[115]). „Въ тиши

[111]) С., V, 37—38.

[112]) П., I, 137. 112 Ср. П., I, 131: „Я въ Петербургѣ могу имѣть должность, которую и прежде хотѣлъ, но какія-то глупыя людскія предубѣжденія и предразсудки меня останавливали“.

[113]) П., I, 134.

[114]) П., I, 167.

[115]) П., I, 157, 160, 158.

уединенія я готовлю запасъ, котораго порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ", извѣщалъ Гоголь мать и годомъ раньше, уже 24-го іюля 1829 г., тотчасъ же послѣ неудачи, постигшей „Ганца Кюхельгартена"[116]).

Очевидно, немедленно по созданіи послѣдняго, Гоголь началъ окончательно лелѣять мелькавшую у него и ранѣе мысль о романтическихъ разсказахъ изъ хорошо знакомой ему малороссійской жизни на основѣ „повѣрій въ нѣкоторыхъ нашихъ хуторахъ, разныхъ повѣстей, разсказываемыхъ простолюдинами, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые"[117]), „страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ, и проч., и проч."[118]). Въ эти разсказы должны были войти и „обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ", между проч. сохранившіеся „у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ"[119]). Какъ нѣкогда Боккаччіо, и Гоголя занимали самые разнообразные „анекдоты и исторіи: смѣшные, забавные, печальные и ужасные"[120]).

Такимъ образомъ, послѣ эстетическаго романтизма, носившаго космополитическій характеръ[121]), вниманіе Гоголя привлекли, согласно съ постоянною наклонностію его къ реализму, романтическіе сюжеты родной страны и старины, и Гоголь перешелъ къ болѣе зрѣлой романтикѣ, находившей твердую опору въ народ-

---

[116]) П., I, 128.

[117]) П., I, 123 (22 мая 1829 г.).

[118]) П., I, 120 (30 апрѣля 1829 г.).

[119]) П., I, 119 (30 апрѣля 1829 г.), 145 (2 февраля 1830 г.).

[120]) П., I, 145.

[121]) Космополитизмъ ожилъ на время въ Гоголѣ, когда послѣдній сталъ заниматься всеобщей исторіею: „Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее—стороннее", писалъ Гоголь 10 января 1833 г. (П., I, 234); заниматься русскою исторіею у него тогда не было „желанія" (П., I, 303).

ности[122]) и, слѣдовательно, болѣе реальной. Стремленіе къ реализму выступаетъ ясно уже въ просьбахъ касательно сообщенія *точныхъ* свѣдѣній о малороссійскихъ нарядахъ[123]) и т. п.

Выраженіемъ этого новаго романтизма Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", первая часть которыхъ была сдана въ печать въ маѣ 1831 г. Гоголь работалъ надъ ними не спѣша, со свойственною ему добросовѣстностію: „занятія мои, которыя еще большую принесутъ мнѣ извѣстность, совершаются мною втиши, въ моей уединенной комнаткѣ: для нихъ теперь времени много", писалъ Гоголь[124]) черезъ годъ послѣ перваго извѣщенія о томъ, что онъ „собираетъ матеріалы только и въ тишинѣ обдумываетъ свой обширный трудъ"[125]), и спустя два года съ лишнимъ послѣ первоначальнаго замысла. Первымъ изъ этихъ разсказовъ въ печати явился „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", помѣщенный въ „Отечественныхъ За-

---

[122]) По поводу сказокъ Жуковскаго и Пушкина Гоголь, посылая первому экземпляръ I-го тома „Вечеровъ на хуторѣ", писалъ 10 сентября 1831 г.: „Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи... Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе"! (П., I, 189; ср. I, 196 (2 ноября 1831 г.): „У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, однѣ экзаметрами, другія просто четырехстопными стихами, и—чудное дѣло!—Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ, и уже чисто русскій; ничего германскаго и прежняго".

[123]) П., I, 119: „названіе *точное* и *вѣрное* платья, носимаго до временъ гетманскихъ"...; 128: „мнѣ нужна точность"...; 145: „не пренебрегайте ничѣмъ: все имѣетъ для меня цѣну; 167: „Еслибы я писалъ что нибудь въ этомъ родѣ, то, вѣрно бы, я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страны и людей, которыхъ я не знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій". Гоголю были посылаемы матерью принадлежности малороссійскаго костюма въ натурѣ. См., напр., П., I, 246 (мартъ 1833 г.).

[124]) П., I, 174—175 (16 апрѣля 1831 г.).

[125]) См. цитованное выше (пр. 115) письмо отъ 3-го іюня 1830 г.; ср. 164.

пискахъ" Свиньина подъ заглавіемъ „Басаврюкъ", какое произвольно далъ этой повѣсти редакторъ журнала.

По внѣшности въ этой своей новой работѣ Гоголь съ перваго взгляда примыкалъ къ фантастикѣ романтизма во вкусѣ Жуковскаго. На это предрасположеніе какъ будто намекаетъ онъ самъ въ письмѣ къ послѣднему отъ 10 сентября 1831 г.: „...съ какимъ бы я... восторгомъ... ловилъ бы жаднымъ ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу"[126]). Но разсказъ о Шпонькѣ представлялъ уже нѣчто совершенно отмѣнное, какъ равно отличались и „Повѣсти, служащія продолженіемъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", и получившія названіе „Миргорода". Правда, онѣ также были написаны не передъ самымъ появленіемъ въ свѣтъ, а исподоволь: посылая экземпляръ ихъ матери 12 апрѣля 1835 г., Гоголь писалъ, что это—„довольно давнія" произведенія его[127]). И онѣ въ своихъ первыхъ очертаніяхъ относились къ порѣ, когда авторъ находился еще подъ значительнымъ постороннимъ вліяніемъ. Въ литературахъ того времени были въ ходу романтическія сказочныя повѣствованія, въ которыхъ поэты отдавались игрѣ воображенія, напоминавшей фантастику сновидѣній и беззаботность, съ какою дѣти готовы перелетать отъ одного отождествленія къ другому. Въ „Вечерахъ на хуторѣ" есть еще, какъ и въ „Ганцѣ", припоминанія изъ произведеній иностранныхъ литературъ. Такъ, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы" напоминаетъ разсказъ Тика „Чары любви"[128]). „Страшная месть" представляетъ нѣкоторыя сходства съ повѣстью того же

---

[126]) П., I, 188.
[127]) П., I, 344.
[128]) С., I, 527.

Тика „Пьетро Апоне“[129]). Въ описаніи собранія вѣдьмъ встрѣчаются какъ будто черты Вальпургіевой ночи Гете. Замѣчаются слѣды вліянія и русской художественной литературы наряду съ весьма многочисленными параллелями въ народной словесности[130]). Напр., изображеніе Петруся: „часто дико подымается, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его...“[131]) сходно съ изображеніемъ Гирея въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ Пушкина. Повѣсть „Тарасъ Бульба“ вылилась не только изъ занятій автора южно-русской исторіею и поэзію[132]), но и изъ чтенія Вальтеръ Скотта, за вторичное перечитываніе котораго цѣликомъ принялся Гоголь осенью 1836 г.[133]) Описаніе боя во время вылазки поляковъ изъ Дубна запечатлѣно чертами Гомеровскаго эпоса, и т. д. Тѣмъ не менѣе литературныя воздѣйствія на повѣсти Гоголя изъ малороссійскаго быта и исторіи уже не особенно значительны и не простирались на внутреннюю сторону художественныхъ замысловъ, выказывающую огромную долю самостоятельнаго таланта нашего художника.

Гоголь явился однимъ изъ первыхъ дѣятелей по сооруженію „огромнаго зданія чисто русской поэзіи“[134]) и обновленію нашей литературы чисто народнымъ содержаніемъ,—обновленію,

---

[129]) Русская старина 1902 г., № 3, ст. „Страшная месть Гоголя“ и повѣсть Тика „Пьетро Апоне“.

[130]) Къ даннымъ, подобраннымъ въ статьѣ *Н. И. Петрова*: „Южно-Русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя“ (Чт. въ Ист. Общ. Нестора—лѣт.“, кн. XVI), можно бы прибавить множество другихъ, отпущенныхъ авторомъ.

[131]) С., I, 49.

[132]) См. ст. *И. М. Каманина*: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“—Чтенія въ Ист. Общ. Нест.—лѣт.“, Кн. XVI, К. 1902 и отдѣльный оттискъ.

[133]) П., I, 396: „Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта“.

[134]) П., I, 189: см. прим. 122.

къ которому направлялась русская литература уже съ конца XVIII-го вѣка, но которое дотолѣ не было въ такой степени осуществляемо ни Жуковскимъ, ни даже Пушкинымъ. Въ этомъ дѣлѣ Гоголемъ заправляла несомнѣнная любовь къ родинѣ, тоска по ней и малороссійскій патріотизмъ[135]). Все это, отрицаемое Кирпичниковымъ[136]), ясно сказывается въ перепискѣ Гоголя и въ его повѣстяхъ изъ украинской жизни.

Н. Дашкевичъ.

---

[135]) См., между проч., послѣднюю (XIX-ю) главу книжки *Шенрока*: „Ученическіе годы Гоголя, изданіе второе, исправленное и дополненное, М. 1898": „Національныя симпатіи Гоголя; ихъ зарожденіе и укрѣпленіе подъ вліяніемъ впечатлѣній молодости", и статью *О. А Мончаловскаго*: „Украинофильство Гоголя"—въ Научно-литературномъ сборникѣ „Галицко-русской Матицы", т. III, кн. 3, Львовъ 1904 года.

[136]) Извѣстія отд. р. яз. и слов., 1900, кн. 2, стр. 608.

Древности г. Люблина.

Остатки старины въ Люблинѣ столь разнообразны и многозначительны, что надолго могутъ приковать къ себѣ вниманіе даже мало пытливаго изслѣдователя археологическихъ вопросовъ. Въ старой части города, въ которую можно проникнуть только черезъ одни изъ трехъ воротъ—черезъ Краковскія, Гродскія или Тринитарскія, доступныя лишь для пѣшеходовъ, каждая мелочь напоминаетъ о давно угасшей жизни. Вотъ посреди упраздненнаго Рынка массивное зданіе, гдѣ съ 1578 г. отправлялъ правосудіе Люблинскій трибуналъ. Тѣсную площадь со всѣхъ сторонъ обступили ряды домовъ безъ въѣздныхъ воротъ, съ одними сводчатыми корридорами для входа во внутренніе дворики. На углу Рынка и Олейной улицы почти безъ перемѣнъ съ XVI вѣка сохранился трехъэтажный домъ, принадлежавшій стихотворцу Севастіану-Фабіану Клёновицу, къ сожалѣнію не отмѣченный никакою памятною таблицею. Говорятъ, что Люблинскіе любители старины хлопотали передъ мѣстною администраціею о разрѣшеніи украсить домъ соотвѣтствующею надписью, но почему-то не получили на это ея согласія. Вокругъ внутренняго дворика дома Клёновица уцѣлѣли

открытыя галлереи на сводахъ, какъ слѣдъ итальянскаго архитектурнаго вліянія. Есть еще два дома въ Люблинѣ съ остатками такихъ же галлерей. На противоположной сторонѣ Рынка выдѣляется домъ, окна котораго обрамлены лѣпными колонками причудливыхъ рисунковъ. Это первоначальное жилище рода Собѣсскихъ, обзаведшихся потомъ роскошнымъ палацомъ на Бернардинской улицѣ. Почти каждый домъ въ этой части города имѣетъ свою многовѣковую исторію; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли даже мелкіе слѣды глубокой старины, въ родѣ напр. висячихъ молоточковъ у дверей, которыми стучали, чтобы извѣстить о прибытіи, когда еще не пришли къ мысли о теперешнихъ звонкахъ.

Конечно, болѣе всего даютъ пищи любознательности археолога Люблинскіе костелы. Благочестивый духъ старины выразилъ себя здѣсь въ цѣломъ рядѣ величественныхъ костеловъ, размѣщенныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ [1]). Когда-то въ центрѣ стараго города высился ведшій начало отъ XIII вѣка костелъ св. Михаила, разобранный за ветхостью между 1853—1858 гг. Мѣсто его теперь выравнено и занято грязнымъ скверикомъ; нѣтъ даже памятника, напоминающаго о существовавшемъ на семъ мѣстѣ домѣ Божіемъ.

Въ той же старой части города, въ концѣ улицы Злотой, впоперекъ ея, расположился величественный костелъ св. Станислава, основанный въ 1342 г. королемъ Казимиромъ Великимъ и принадлежавшій нѣкогда монахамъ доминиканскаго ордена. Къ нему примыкаютъ громадныя зданія бывшаго доминиканскаго кляштора. Костелъ вмѣстѣ съ кляштором занимаетъ площадь около 1/4 десятины и является самымъ обширнымъ зданіемъ въ цѣломъ Люблинѣ. Главнѣйшую достопримѣчательность костела составляетъ хранящаяся въ немъ часть древа Животворящаго Креста Господня—свя-

[1]) Теперь въ Люблинѣ 10 костеловъ, кромѣ костела св. Тройцы въ Замкѣ; но ранѣе число ихъ доходило до 25.

тыня, судьба которой связана съ Кіевомъ. Церковные историки сообщаютъ о ней слѣдующія свѣдѣнія: [1])

Послѣ обрѣтенія Креста Господня царицею Еленою, она отправила часть св. Древа сыну своему Константину Великому, который раздѣлилъ ее на три части: одну отправилъ въ Римъ папѣ Сильвестру I, другую помѣстилъ въ колонну, поставленную на одной изъ Цареградскихъ площадей, а третью отдалъ на сохраненіе въ императорскую сокровищницу. Разновременно отъ этой послѣдней части отдѣлялись кусочки для приношеній государямъ и храмамъ Западной Европы, но все-таки значительный остатокъ ея продолжалъ сохраняться въ императорской сокровищницѣ. Когда сестра императоровъ Василія и Константина Анна вышла замужъ за Кіевскаго князя Владимира, то братья благословили ее этою оставшеюся частицею Животворящаго Креста, и такимъ образомъ святыня перевезена была въ Кіевъ. Здѣсь она хранилась при устроенной Владимиромъ Десятинной церкви, а послѣ разрушенія послѣдней татарами — при св. Софіи. Въ началѣ XV вѣка святыня перевезена была въ Люблинъ и сдѣлалась достояніемъ доминиканскаго костела св. Станислава. Объ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ появленію святыни въ Люблинѣ, существуетъ два сказанія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Первое сказаніе ведетъ свое начало отъ записи, сдѣланной въ 1432 г. въ принадлежавшей костелу св. Станислава пергаментной книгѣ хораловъ (in magno libro chorali ex pergameno manuscripto Anno Domini 1432), и впервые было издано въ Краковѣ въ 1537 г. въ книжкѣ: „Historia perbrevis quo pacto videlicet magna portio Crucis Christi in oppidum Lublin pervenit“, составленной доминиканцемъ Матвѣемъ Валеріаномъ (Mathaeus Valerianus). Въ 1618 г. изданіе Валеріана

[1]) См. статью ксендза Карла Денбинскаго: „Drzewo Krzyża Świętego, w kościele ś. Stanisława B. i M. w Lublinie“ въ журналѣ „Przegląd Katolicki za r. 1895“, №№ 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 и 38.

было повторено въ Краковѣ Ѳомою Ціанавеномъ изъ Аскула (Thomas Cianavenus de Asculo) подъ заглавіемъ: „Historia brevi descripta compendio de sacratissimoac salutifero Crucis Dominicae Ligno qualiter Hierosolymis Constantinopolim, inde vero Kijoviam, Kijovia Lublinum translatum Ordinisque Praedicatorum patribus miraculose est donatum". Въ этомъ же году появился въ печати и переводъ сказанія на польскій языкъ ксендза Гавріила Годзимирскаго.

По первому сказанію дѣло было такъ:

Главнымъ виновникомъ перенесенія святыни въ Люблинъ былъ Кіевскій бискупъ Андрей, принадлежавшій къ ордену доминиканцевъ [1]). Онъ получилъ Древо Господне въ даръ отъ мѣстнаго князя Ивони, или Ивана, и долгое время бережно хранилъ у себя святую драгоцѣнность. Когда татары въ 1416 г. разорили Кіевъ [2]) и бискупъ Андрей долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, то онъ захватилъ святыню съ собою и рѣшилъ спрятать ее въ Краковѣ, гдѣ она могла храниться въ полной безопасности. Чтобы дорогою никто не попытался отнять ее, бискупъ обернулъ ее въ шелковую матерію и спряталъ въ

---

[1]) У насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы допускать возможность существованія въ Кіевѣ въ началѣ XV вѣка прочно установленной римско-католической іерархіи и постояннаго пребыванія въ немъ римско-католическаго епископа. Напротивъ, всѣ доводы складываются въ пользу того мнѣнія, что въ эту эпоху не было въ Кіевѣ ни костела, ни какихъ-либо римско-католическихъ учрежденій. Самая принадлежность бискупа Андрея къ ордену доминиканцевъ показываетъ, что это былъ, по всей вѣроятности, странствующій монахъ, носившій только титулярно званіе бискупа Кіевскаго. Въ томъ, что передъ 1416 г. онъ проживалъ въ Кіевѣ и могъ быть близокъ къ одному изъ князей Гольшанскихъ (къ нимъ мы причисляемъ загадочнаго князя Ивоню-Григорія), нѣтъ ничего исторически недопустимаго.

[2]) Набѣгъ татаръ на Кіевъ въ этомъ году отмѣченъ и въ русскихъ лѣтописяхъ; напр. въ Никоновской лѣтописи: „Того же лѣта Татарове воеваша около Кіева и монастырь Печерскій пограбиша и пожгоша" (П. С. Р. Л., т. XI, стр. 231); въ лѣтописи Авраамки: „Того лѣта Татарове воеваша около Кыева, и Печерьскый монастырь пожьгоша" (П. С. Р. Л., т. XVI, стр. 163).

деревянную подвѣшенную подъ каретой мазницу, которая не могла привлечь вниманія разбойниковъ. Путь изъ Кіева въ Краковъ лежалъ черезъ Люблинъ. По прибытіи сюда, бискупъ остановился на отдыхъ въ доминиканскомъ кляшторѣ и спряталъ Древо Господне въ костелѣ св. Станислава. Отдохнувши въ Люблинѣ, бискупъ Андрей опять уложилъ святыню по-прежнему и сѣлъ въ карету, чтобы ѣхать далѣе въ Краковъ. Впряженныя въ карету лошади, не смотря на всѣ усилія возницы, понукавшаго ихъ кнутомъ, не могли тронуться съ мѣста и такимъ образомъ бискупъ лишенъ былъ возможности продолжать путь. Когда бискупъ съ Древомъ Господнимъ выходилъ изъ кареты, лошади свободно ее двигали; какъ только онъ опять въ нее садился, лошади становились безсильными тронуть ее съ мѣста. Для всѣхъ стало ясно, что святыня не желаетъ покинуть костелъ св. Станислава. Такимъ образомъ, бискупу Андрею поневолѣ пришлось опять положить ее на сохраненіе въ тотъ же доминиканскій храмъ. Между тѣмъ къ бискупу нѣсколько разъ обращался съ просьбой настоятель каѳедральнаго костела св. Михаила въ Люблинѣ, чтобы бискупъ отдѣлилъ часть Древа Господня для этого костела. Тогда бискупъ Андрей рѣшилъ раздѣлить привезенную изъ Кіева частицу Креста Господня на три части: одну оставить въ костелѣ св. Станислава, другую отдать въ костелъ св. Михаила и третью увезти съ собою въ Краковъ. Когда бискупъ взялъ долото, чтобы расколоть имъ частицу Креста Господня, то вдругъ долото соскочило и глубоко вонзилось въ руку бискупа; Древо же Господне осталось ненарушеннымъ. Долота нельзя было вынуть изъ раны, пока бискупъ въ горячей молитвѣ предъ святыней не далъ обѣта, что онъ оставитъ святыню въ костелѣ св. Станислава; тогда долото свободно выпало изъ раны и послѣдняя сама собою зажила. Бискупъ Андрей остался навсегда въ Люблинѣ и скончался здѣсь ранѣе 1432 г., когда впервые записана была въ пергаментной книгѣ хораловъ исторія перенесенія въ Люблинъ частицы древа Креста Господня. Нѣсколько времени спустя, прибылъ въ Люблинъ и благо-

честивый князь Ивоня, или Иванъ, съ супругою своею Мариною и сыномъ Игнатіемъ. Онъ поселился въ королевскомъ замкѣ и послѣ смерти былъ похороненъ въ костелѣ св. Станислава рядомъ съ могилою бискупа Андрея.

Второе сказаніе принадлежитъ знаменитому Длугошу, долго жившему въ Люблинскомъ замкѣ въ 1474 г. вмѣстѣ со своими воспитанниками, сыновьями короля Казимира [1]). Оно находится въ сочиненіи Длугоша „Liber beneficiorum dioecesis Cracoviensis“ [2]). Вотъ дословный переводъ его съ латинскаго:

„Слѣдуетъ отмѣтить, что монастырь ордена проповѣдниковъ во имя св. Станислава въ Люблинѣ владѣетъ частицею Древа Господня, широкой и кругловатой формы, и при томъ столь объемистою, что ни Римъ, ни Іерусалимъ, ни Константинополь, ни Ахенъ, ни какой-либо другой городъ въ цѣломъ католическомъ мірѣ не владѣютъ, кажется, подобнымъ значительнымъ отломкомъ отъ массы древа Креста Господня. Частица эта хранится въ монастырѣ св. Станислава въ Люблинѣ и благоговѣйно почитается вѣрными христіанами; черезъ нее Божественное Милосердіе проявляетъ многія чудеса и знаменія при исцѣленіи недужныхъ. Случай же, какимъ столь знаменитая частица Древа Господня появилась въ монастырѣ св. Станислава, произошелъ, говорятъ, такъ: жилъ какой-то знатный князь Григорій, чтившій справедливость и прилежавшій истинѣ; ради своихъ прекрасныхъ добродѣтелей и ради характера кроткаго, благороднаго и возвышеннаго онъ сдѣлался ненавистнымъ, тяжкимъ и обременительнымъ для князей, намѣстниковъ и дворянъ. Онъ былъ изгнанъ изъ своего княжества и столицы своей вмѣстѣ съ супругой Мариной и сыномъ Игнатіемъ. Изгнанный, онъ нашелъ убѣжище вмѣстѣ съ супругой и родными у Казимира,

---

[1]) См. Zeissberg, Die Polnische Geschichtschreibung des Mittelalters, Leipzig, 1873, S. 237.

[2]) См. изданіе Пржездзѣцкаго, т. III (1864), стр. 460—461.

который принялъ его благосклонно и почетно, далъ всѣмъ имъ приличное мѣсто для жительства въ городѣ и въ замкѣ Люблинскомъ, и до самой смерти содержалъ на своемъ великолѣпномъ и щедромъ иждивеніи самого князя, его супругу и сына Игнатія. Такимъ образомъ, пока еще упомянутый князь Григорій проживалъ въ своемъ княжествѣ, то онъ, вмѣстѣ съ супругой Мариной и сыномъ ихъ Игнатіемъ, а также съ соправителемъ своимъ по княжеству Кіевскому Ѳеодоромъ обдѣлывалъ и украшалъ Древо Господне серебромъ и золотомъ, а потомъ сіе драгоцѣннѣйшее сокровище увезъ съ собою въ королевство Польское. Умирая, онъ завѣщалъ его, какъ постоянный и великій даръ, монастырю св. Станислава. Когда наступила смерть, то онъ, вмѣстѣ съ супругой своей Мариной, былъ погребенъ подъ алтаремъ св. Креста, гдѣ и почиваетъ".

Соглашеніе извѣстій книги хораловъ и Длугоша является въ высшей степени затруднительнымъ. Такъ какъ Длугошъ не писалъ исторіи Люблинскаго доминиканскаго кляштора и хранившейся въ немъ святыни, то можно думать, что онъ не счелъ нужнымъ входить въ подробности и съ точностью излагать, какимъ образомъ частица Древа Господня сдѣлалась достояніемъ кляштора. Поэтому онъ пропустилъ весь эпизодъ участія въ этомъ дѣлѣ бискупа Андрея и, говоря, что князь Григорій завѣщалъ или отказалъ (dereliquit) Древо Господне кляштору св. Станислава, онъ хотѣлъ этимъ выразить только ту мысль, что князь Григорій, какъ собственникъ святыни, своимъ согласіемъ скрѣпилъ фактически уже осуществленное бискупомъ Андреемъ пожертвованіе ея упомянутому кляштору. Въ такомъ случаѣ переселеніе князя Григорія изъ Кіева въ Люблинъ можно объяснить именно благочестивымъ желаніемъ кончить дни близъ той святыни, которую онъ благоговѣйно чтилъ. Тогда не покажется страннымъ и болѣе чѣмъ тридцатилѣтній промежутокъ въ годахъ между пріѣздомъ въ Люблинъ бискупа Андрея, случившимся въ 1416 году, и переселеніемъ въ него князя Григорія, по-

слѣдовавшимъ уже въ королевствованіе Казимира, т. е. послѣ 1446 г.

Что касается личности князя Григорія, иначе Ивони, или Ивана, то она является какою-то легендарною, и трудно отождествить ее съ достовѣрно-извѣстными изъ исторіи лицами. Скорѣе всего можно думать, что подъ княземъ Григоріемъ или Ивонею слѣдуетъ разумѣть одного изъ князей Гольшанскихъ, считавшихся въ началѣ XV вѣка какъ бы прирожденными Кіевскими князьями. Князь Иванъ Ольгимонтовичъ былъ намѣстникомъ Кіевскимъ между 1396 и 1401 г., а сынъ его Михаилъ Ивановичъ между 1422 и 1433 г. Въ современныхъ имъ документахъ оба иногда именуются прямо „князьями Кіевскими“ [1]). Не былъ ли Ивоня-Григорій однимъ изъ сыновей Ивана Ольгимонтовича и не объясняется ли загадочное имя „Ивоня“ простымъ недоразумѣніемъ при передачѣ отчества князя Григорія „Ивановичъ“ латино-польскими хронистами, не привыкшими къ русскому обычаю величанія по отчеству? Можетъ быть, въ первоначальной записи книги хораловъ стояло: *Johannis* (подразумѣвалось *filius*) *Gregorius*, но Матвѣй Валеріанъ или еще кто либо изъ его предшественниковъ въ дѣлѣ составленія исторіи Люблинской частицы Древа Господня—приняли род. пад. *Johannis* за именительный вмѣсто *Johannes* и поняли текстъ такъ, что у князя было два имени *Johannes-Gregorius*, а потомъ при дальнѣйшихъ перепискахъ своей исторіи сочли излишнимъ приводить второе имя, первое же полонизировали въ „Ивоня“. Весьма вѣроятно также, что радушный пріемъ, оказанный,

---

[1]) См. Wolff-a Kniaziowie litewsko-ruscy,—Warsz. 1895, str. 95, 96, 161. Въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры послѣ записи: „Помяни, Господи, князей нашихъ великихъ“ на ряду съ Владимиромъ Святымъ, Ольгердомъ, великими князьями Московскими поминается: „князя Ольгимонта, нареченнаго въ святомъ крещеніи Михаила, а въ иноцѣхъ Евѳимія, князя Ольгимонтовича Іоанна и сына его князя Андрея“. Чтен. въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, кн. VI, 1892, прил., стр. 7. Князь Андрей – отецъ королевы Софьи Андреевны.

по сказанію Длугоша, князю Григорію и его семьѣ королемъ Казимиромъ, объясняется ихъ родственною связью, такъ какъ извѣстно, что матерью Казимира была Софія Андреевна, урожденная княжна Гольшанская [1]).

Частица Древа Господня, имѣвшая въ эпоху Длугоша видъ широкой, закругленной у краевъ дощечки, постепенно получила форму равноконечнаго креста, такъ какъ съ четырехъ угловъ ея разновременно откалывались крошечные кусочки для храмовъ и знатныхъ особъ. Съ 1794 г. святыня хранится за стекломъ въ серебряной вызолоченной оправѣ, имѣющей, согласно съ ея формой, видъ равноконечнаго креста, укрѣпленнаго на массивной ножкѣ и украшеннаго сіяніемъ и фигурками ангеловъ.

Въ томъ же бывшемъ доминиканскомъ костелѣ находятся двѣ картины, относящіяся къ возстанію Богдана Хмельницкаго. На одной изъ нихъ изображено отступленіе отъ Люблина козацкаго отряда, вѣроятно, въ пору осады Замостья, объясненное жителями заступничествомъ за нихъ Креста Господня. Другая картина изображаетъ сцену, когда Янъ-Казимиръ, выступая въ походъ противъ козаковъ къ Збаражу, въ послѣдній разъ молился вмѣстѣ съ посломъ Венеціанской республики Іоанномъ Контарини передъ святыней Древа Господня.

Если отъ костела св. Станислава по Архидіаконской улицѣ пройти къ Гродскимъ воротамъ и черезъ нихъ выйти изъ стараго города, то черезъ небольшой оврагъ, надъ которымъ опускался когда-то изъ воротъ подъемный мостъ, мы поднимаемся на взгорье, занятое бывшимъ королевскимъ

---

[1]) Въ помянникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря есть запись: „Родъ князя Григорія Гольшанскаго (см. Чтен. въ истор. обществѣ Нестора-лѣтописца, кн. XVII, отд. 3, стр. 10). Изъ нея видно, что имя „Григорій“ было употребительно въ родѣ князей Гольшанскихъ, такъ какъ кромѣ князя Григорія, вписавшаго свой родъ на поминовеніе, въ ней поименованы еще три Григорія. Однимъ изъ нихъ могъ быть князь Григорій, дѣйствующій въ сказаніи Длугоша.

замкомъ, обращеннымъ нынѣ въ губернскую тюрьму. На дворѣ замка нашего вниманія заслуживаютъ два зданія, сохранившіяся изъ глубокой старины. Первое изъ нихъ—башня, построенная княземъ Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ въ 1245 г., когда этотъ князь завоевалъ Люблинъ. Длугошъ, писавшій во второй половинѣ XV в. на основаніи памятниковъ болѣе раннихъ, такъ разсказываетъ о построеніи башни: „Даніилъ, князь Русскій и Кіевскій, узнавъ о пустынности и запустѣлости Люблинской земли, пришелъ съ войскомъ къ Люблину, взялъ замокъ и городъ, и присвоилъ и подчинилъ себѣ всю землю Люблинскую. Чтобы это завоеваніе оказалось болѣе прочнымъ для него и его потомковъ, онъ съ удивительною скоростью построилъ посреди замка круглую башню изъ обожженныхъ кирпичей, имѣющую на верхушкѣ балконъ и бойницы; замокъ и городъ онъ укрѣпилъ глубокими рвами и валами; онъ вынудилъ, чтобы всѣ воины Люблинской земли подчинились ему“ [1]). Нужно думать, что, по мысли самого Даніила, башня предназначалась служить тюрьмой; она имѣетъ глубокое подземелье и три помѣщенія для заключенныхъ въ верхнихъ этажахъ. Тюремное назначеніе остается за нею и въ настоящее время; и теперь въ ней помѣщаются камеры, куда распредѣляются найболѣе важные преступники Люблинской губерніи. Башня имѣетъ двѣ концентрическихъ стѣны совершенно круглыхъ, внушительной толщины. Внутри первой расположены камеры, а между внутренней и наружной стѣнами идетъ винтообразный подъемъ на крышу, съ которой открывается дивный видъ на Люблинъ и его окрестности. Окна для освѣщенія камеръ устроены въ промежуткахъ между оборотами лѣстничнаго винта и, благодаря своей почти саженной глубинѣ, едва пропускаютъ скудный свѣтъ. Башня, за исключеніемъ крыши, сохранилась въ неприкосновенности

---

[1]) См. Бестужева-Рюмина: О составѣ русскихъ лѣтописей, Спб. 1868, прилож. стр. 295—296. – Rocznik Świętokrzyski конца XIII в. относитъ построеніе башни къ 1244 г.: „Anno domini 1244 Rutheni per diversos insultus Lublin

съ 1245 г. и до сихъ поръ поражаетъ зрителя своею массивностью.

Невдалекѣ отъ башни расположенъ каменный костелъ св. Тройцы, выстроенный Ягелломъ между 1413 и 1415 г. на мѣстѣ ранѣе существовавшаго деревяннаго. Строеніе это, будучи строго готической архитектуры, имѣетъ еще ту особенность, свойственную преимущественно польскимъ костеламъ что всѣ отдѣльные своды его упираются въ одну массивную колонну, расположенную посреди храма. Также устроены своды и въ подвальномъ помѣщеніи костела, гдѣ раньше хоронили останки замковыхъ капелановъ, а теперь тюремная администрація устроила складъ картофеля для арестантовъ. Входъ въ костелъ открытъ теперь съ боку—изъ зданія, гдѣ помѣщается тюремная больница; первоначально же въ костелъ вела изъ королевскихъ покоевъ открытая галлерея и входная дверь была расположена въ передней стѣнѣ противъ алтаря. Нынѣ на мѣстѣ закрытой двери находится окно, хотя видны слѣды бывшаго порога, у котораго лежитъ обломокъ надгробія съ датой 1514 года.

Костелъ св. Тройцы имѣетъ фигуру чуть-чуть удлиненнаго четырехугольника съ круглымъ выступомъ для главнаго алтаря. Самъ Ягелло позаботился о томъ, чтобы костелъ былъ украшенъ стѣнною живописью. Какой-то художникъ Андрей, русской народности, расписалъ фресками всѣ стѣны какъ навы, такъ и алтарнаго полукружія. Впослѣдствіи, вѣроятно, въ XVIII вѣкѣ, фрески были покрыты штукатуркою и только въ 1899 г. художникомъ Смолинскимъ случайно были замѣчены слѣды ихъ. Теперь штукатурка мало по малу очищается подъ руководствомъ Краковскаго профессора Маріана Соколовскаго, и фрески выступаютъ на свѣтъ Божій. Когда мы осматривали костелъ св. Тройцы въ мартѣ 1905 г., то были уже очищены отъ штукатурки: башенка, заключаю-

---

et totum territorium devastant et succendunt, et castrum pro se edificare ceperunt, *turim muratam* fecerunt". Mon. Polon. hist., T. III, Lwów, 1878, p. 72

щая въ себѣ лѣстницу на хоры, и стѣны правой стороны костела, если стоять, обратившись лицомъ къ алтарю. Фрески передаютъ разные сюжеты ветхозавѣтной и евангельской исторіи. Особенное вниманіе наше обратили: сцена избіенія младенцевъ въ Виѳлеемѣ и какая-то картина съ неяснымъ намъ смысломъ въ алтарномъ полукружіи, изображающая городскую стѣну, у которой на лугу музыканты играютъ на лютняхъ, торбанахъ и трубахъ, а два плясуна выдѣлываютъ какія-то тѣлодвиженія, стоя на рукахъ головою внизъ и съ поднятыми въ воздухъ ногами.

На пилястрахъ, отдѣляющихъ алтарное полукружіе отъ боковыхъ стѣнъ, помѣщены: съ правой стороны надпись, свидѣтельствующая, кѣмъ и когда была исполнена расписка костела фресками; начало ея стерто, а конецъ гласитъ такъ: ..:. „господня почълъ лѣта ҂а҃ лѣт и д ста и лѣта є на ї҃ лѣто и сконьчал сіи костелъ мсца августа на память стго Лаврентия писано рукою Андрѣевою". День св. Лаврентія— 10-е августа.

На лѣвомъ пилястрѣ изображенъ гербъ Литвы, т. е. всадникъ на конѣ, но съ такою особенностью, что спускающійся съ неба ангелъ возлагаетъ на голову всадника корону. Ниже литовскаго герба изображенъ гербъ Срженя — съ какою цѣлью, объяснить трудно.

Оригинальная, совершенно круглая башенка, скрывающая въ себѣ ступени, ведущія на хоры, покрыта изображеніемъ Пресвятой Богородицы съ младенцемъ Іисусомъ на тронѣ и съ стоящими по бокамъ св. Кирилломъ и св. Николаемъ. Передъ Богоматерью стоитъ на колѣняхъ, сложивъ руки на молитву, старикъ съ лысой головой, въ пурпурномъ, подбитомъ горностаями, плащѣ. Судя по этому признаку королевскаго достоинства и по возрасту колѣнопреклоненнаго, можно думать, что на фрескѣ изображенъ создатель храма— Ягелло, имѣвшій въ 1425 г. 67 лѣтъ[1]). За королемъ стоитъ

[1]) См. Iacob Caro, Geschichte Polens, III Th., Gotha 1869, S. 624.

его юный оруженосецъ, держа въ правой рукѣ королевскій мечъ, а далѣе еще какой-то молодой человѣкъ въ плащѣ. Позади всѣхъ изображенныхъ фигуръ виднѣется замокъ, сложенный изъ краснаго кирпича, съ бойницами и амбразурами. Подъ этими изображеніями нацарапаны на башенкѣ въ разныхъ мѣстахъ имена посѣщавшихъ костелъ лицъ и годы ихъ посѣщеній. Между прочимъ мы нашли годъ Люблинской Уніи, 1569-й, и неподалеку отъ него подпись „Eygierd"—имя какого-то участвовавшаго въ заключеніи Уніи литвина [1]).

Фрески костела св. Тройцы, когда всѣ онѣ будутъ очищены отъ штукатурки и сняты на фотографіи, должны сдѣлаться предметомъ подробнаго изученія для установленія преемственнаго развитія южнорусской живописи отъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора къ позднѣйшей иконописной школѣ Кіево-Печерской Лавры.

Спускаясь отъ замка въ сторону такъ называемаго Русскаго Предмѣстья, мы по Русской улицѣ приближаемся къ православной каменной церкви Преображенія Господня. Церковь эта начата постройкой въ 1607 г. на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной и освящена 5 марта 1635 г. Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою [2]). При этой церкви существовало Люблинское православное братство, учрежденное въ 1594 г. [3]). Въ 1638 г. церковь Спаса была отнята у православныхъ уніатами, но потомъ опять возвращена была православнымъ и оставалась въ ихъ рукахъ до 1690 г., когда вторично отнята была уніатами. Уніатской церковь оставалась до 1875 г. Живопись иконостаса, Византійскаго стиля, относится ко времени построенія храма; остальныя украшенія отражаютъ слѣды Уніи. Въ настоящее время церковь обновлена и носитъ очень опрят-

---

[1]) Ср. Извѣстія Импер. Археолог. Хоммиссіи, прибавл. къ вып. 9-му, Спб. 1904, стр. 2.—Kwartalnik historyczny, 1905, zesz. 1, str. 177—178.

[2]) См. Голубева, Кіевскій митрополитъ П. Могила и его сподвижники. Т. II, Кіевъ 1898, стр. 494 и прил., стр. 13—14.

[3]) См. тамъ-же, прил., стр. 11.

ный и изящный отпечатокъ благочестивой заботливости о ней. Главнѣйшей ея святыней является мѣстно чтимая чудотворная икона Люблинской Богоматери.

Если идти отъ Русской улицы вокругъ стараго города по такъ называемому Подвалью къ Краковскому предмѣстью, то на площади у Тринитарскихъ воротъ останавливаетъ на себѣ вниманіе путника величественный костелъ во имя двухъ Іоанновъ: св. Іоанна Крестителя и св. Іоанна Богослова, заложенный въ королевствованіе Стефана Баторія (въ 1582 г.) и принадлежавшій ранѣе оо. Іезуитамъ, а нынѣ переименованный въ каѳедральный. Въ этомъ костелѣ, въ боковой навѣ, въ капличѣ Пресвятой Богородицы вдѣлана въ стѣну надгробная плита темно-коричневаго мрамора, снятая съ могилы Севастіана-Фабіана Клёновица въ костелѣ св. Михаила въ то время, когда этотъ костелъ предназначенъ былъ къ сломкѣ. Плита эта была положена надъ прахомъ Клёновица, какъ видно изъ надписи, его родственникомъ, также Севастіаномъ Каекомъ, занимавшимъ должность нотаріуса въ Люблинѣ въ эпоху Клёновица. Достопримѣчательность каѳедральнаго костела составляетъ ризница или сакрыстія для облаченія канониковъ, сводъ которой устроенъ такимъ образомъ, что если стать въ одномъ углу сакрыстіи и заговорить шопотомъ, то въ противоположномъ углу отчетливо слышны слова говорящаго. Въ каѳедральномъ костелѣ хранятся теперь нѣкоторые предметы древней церковной утвари, перенесенные сюда изъ разобраннаго костела св. Михаила; въ томъ числѣ чаша для святой воды („крестильня“) нѣмецкой работы XIII вѣка съ выпуклыми изображеніями Пресвятой Богородицы и Іисуса Христа и съ двумя надписями: 1) по старо-нѣмецки: „Hilf God Maria berod“ = Подаждь, Боже и Марія, хлѣбъ; 2) по латыни: „Ave, Maria, gracia plena“=Радуйся, Марія многомилостивая.

Древнѣйшій видъ Люблина относится къ 1618 г. и былъ изданъ въ этомъ году въ Кельнѣ въ VI книгѣ сочиненія Георгія Брауна: „Civitates orbis terrarum“ или „Theatrum praecipuarum totius mundi urbium“. Въ 1901 г. его переиздалъ

со своими объясненіями, мѣстный Люблинскій ученый археологъ г Лопацинскій. При разсмотрѣніи этого вида можно убѣдиться, что важнѣйшіе памятники старины въ Люблинѣ мало измѣнились по внѣшности съ того времени, но за то до неузнаваемости измѣнилась окружающая природа: напр., изображенный на видѣ огромный глубокій прудъ, богатый различною рыбою, устроенный, очевидно, задержаніемъ водъ р. Быстрицы съ помощью плотинъ,—теперь безслѣдно высохъ и все дно его представляетъ въ настоящее время гладкое поле, занятое сѣнокосами и огородами [1]).

А. Стороженко.

Что касается части древа Животворящаго Креста Господня, хранящейся въ Люблинѣ, то здѣсь, намъ кажется, умѣстно будетъ вспомнить мнѣніе по этому поводу г. Гавріила Ласкина, высказанное имъ въ своемъ „Словарѣ древностей Константинополя“, печатавшемся въ предшествовавшихъ выпускахъ нашихъ „Чтеній“, въ приложеніяхъ; въ немъ подъ рубрикой „Страсти и орудія“ (стр. 184 и слѣд.), г. Ласкинъ, перечисляя всѣ хранящіяся частицы древа Креста Господня, упоминаетъ и о той, которая находилась прежде въ Кіевѣ; по его словамъ, эта частица перенесена въ мона-

---

[1]) Пособіями при изученіи Люблинскихъ древностей служили намъ слѣдующія изданія: 1) Władysław Zieliński: Opis Lublina: jako Przewodnik dla zwiedzających miasto i jego okolice, Lublin 1876; 2) Wład. Zieliński: Monografia Lublina, Lublin, 1878; 3) Alfred Pomian Kobierzycki: Monografia Lublina, Lublin 1901; 4) Ilustrowany Przewodnik po Lublinie, ułożony przez M. A. R. (графиней Роникеръ), Warszawa 1901, въ 2-хъ частяхъ; 5) Kościół i klasztor po-dominikański w Lublinie. Spisał i ułożył w r. 1901 S. O. (Станиславъ Остроленцкій), Warszawa 1902. Любезнымъ спутникомъ нашимъ во время прогулки по Люблину былъ преподаватель мѣстной гимназіи І. Л. Лопацинскій, которому приносимъ искреннюю благодарность за его поучительныя основанныя на глубокихъ познаніяхъ объясненія.

стырь св. Креста (Кѣлецкой губ.); относительно же частицы древа въ Люблинѣ г. Ласкинъ думаетъ, что эта послѣдняя перенесена сюда изъ Белза. Къ сожалѣнію, авторъ, „Словаря древностей Константинополя“ не указываетъ источника, изъ котораго онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія.

Примѣч. Ред.

Къ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“.

Эпизодъ изъ украинской исторіографіи XIX в.

Въ украинской исторіографіи XIX в. судьба „Исторіи Руссовъ“ представляетъ собою интересный эпизодъ, именно въ виду коренного измѣненія отношенія къ ней со стороны ученаго міра. Контрастъ очень рѣзкій: въ началѣ вѣка—это любимая книга, увлекательное чтеніе, по ней цѣлое поколѣніе составляетъ свои взгляды на былую исторію родины: страстный тонъ и горячій патріотизмъ невольно очаровываютъ читателя; но и за рамками читающей публики она не вызываетъ еще сомнѣній,—любители отечественной исторіи, знатоки былого еще не колеблются въ своемъ довѣріи: на ея авторитетѣ основываются изслѣдователи и съ полнымъ довѣріемъ цитируютъ ея извѣстія. Потомъ, съ расширеніемъ кругозора, съ расширеніемъ цикла источниковъ, отношеніе мѣняется: замѣчаются впервые неправильности и невѣрности; но обаяніе еще сильно и еще не колеблетъ авторитета ученаго іерарха; дальше—больше, ошибки оказываются уже и численными и грубыми, примирить съ ними авторство Конисскаго становится невозможно, и знаменитое сочиненіе

начинаетъ признаваться произведеніемъ неизвѣстнаго автора и то не вполнѣ удачнымъ. Такимъ образомъ перемѣна въ отношеніи къ „Исторіи Руссовъ“ является также и показателемъ развитія въ украинской исторіографіи критическаго чутья. Но помимо того, что явилось сомнѣніе относительно подбора матеріала и пользованія имъ, для исторической школы позднѣйшаго времени устарѣвшею и отжившею показалась самая рамка: міросозерцаніе автора, его историческая схема.

Основная точка зрѣнія автора—ясна уже изъ заглавія: „Исторія Руссовъ“; это—исторія народа, а не провинціи, это—признакъ этнографическій, а не географическій; содержаніе книги—судьбы коренного славянскаго населенія Малороссіи, издавна здѣсь поселившагося и непрерывно занимавшаго эту область, и авторъ—выдерживая эту точку зрѣнія—излагаетъ самостоятельную исторію украинскаго народа,этихъ „старшихъ братьевъ“ великорусскаго племени, измѣняя, такимъ образомъ, обычное представленіе: исторія Малороссіи—придатокъ исторіи Русскаго государства.

Горячо любя свою родину, авторъ „Исторіи Руссовъ“ не можетъ, конечно, примириться съ такимъ взглядомъ: уже въ предисловіи [1]) заявляетъ онъ, что разойдется съ воззрѣніями нѣкоторыхъ „историковъ польскихъ и литовскихъ“ на этотъ счетъ: авторъ упрекаетъ ихъ въ тенденціозности, въ намѣреніи представить „народъ сей“ близкимъ „къ рабскому состоянію и ничтожеству“, обвиняетъ въ неправильной обрисовкѣ казацкихъ движеній, какъ „бунтовъ и нестроеній“, поднятыхъ „непостояннымъ и бунтливымъ хлопствомъ“; человѣкъ безпристрастный неминуемо, по мнѣнію автора, долженъ признать въ дѣяніяхъ „Косинскаго, Наливайка, Остряницы и Хмельницкаго“ „подвиги благородные и справедливые“, и сомнѣніе о „воинскихъ дѣйствіяхъ“, „яко множественны суть“, падаетъ само собою.

Не справедливо и то часто встрѣчающееся воззрѣніе, будто „народъ русскій“ (украинскій) былъ въ зависимости и подчиненіи у поляковъ и литовцевъ; къ опроверженію его не

[1]) „Исторія Руссовъ“, предисловіе, сс. II-III.

разъ возвращается авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи: „народъ русскій“ вступалъ въ союзъ съ поляками и литовцами по добровольному согласію, а не въ силу завоеванія или подчиненія; и самый союзъ этотъ былъ заключенъ на полномъ равенствѣ: „добровольно соединился [1]) на одинакихъ и равныхъ съ ними (поляками и литовцами) правахъ и преимуществахъ“. Авторъ подчеркиваетъ, что такого же взгляда на взаимныя отношенія этихъ народовъ придерживались и сами правители былого времени, а равно эту же мысль вкладываетъ авторъ въ заявленія и протесты угнетеннаго уже населенія [2]).

Рядомъ съ указаніемъ на равенство въ союзѣ, подчеркиваетъ авторъ „Исторіи Руссовъ“ и важность, полезность этого союза, усваивая такимъ путемъ историческое значеніе своему родному народу въ былomъ. „Одна [3]) Польша все то доказываетъ. Она тогда только была могущественна и страшна, когда имѣла у себя войска Малороссійскія; а коль скоро ихъ лишилась, тотчасъ же упадать начала, а послѣдствія ея извѣстны“ [3]), и, вѣрный своему обычаю, авторъ вкладываетъ въ уста дѣятелей былого времени удивленіе и похвалы храбрости, мужеству и энергіи казаковъ.

Подвиги побѣдоноснаго казачества—славная страница родной исторіи, но, къ сожалѣнію, такихъ страницъ было немного: „сія [4]) страна, какъ бы созданная или осужденная для руинъ отъ частыхъ нашествій иноплеменниковъ, а еще частѣйшихъ набѣговъ и браней отъ народовъ сосѣднихъ и наконецъ отъ непрестанныхъ междоусобій и побоищъ, претерпѣла всѣхъ родовъ разоренія, губительства и всесожженія, и такъ сказать обагрена и напоена кровію человѣческою и покрыта пепломъ.“ Рядомъ съ эпохою мирнаго сожительства съ поляками, обрисованнаго, словно идиллія [5]), авторомъ „Ис-

[1]) И. Р., с. 36.

[2]) Напр. петиція Наливайка,—И. Р.,стр. 35—36.

[3]) И. Р., предисловіе, с. II.

[4]) И. Р., предисловіе, с. I.

[5]) И. Р., с. 28 (время короля Баторія).

торіи Руссовъ", начинается тяжелое время религіозной борьбы и казацкихъ движеній—„эпоха [1]) ужаса и губительства для обоихъ народовъ, Польскаго и Русскаго, эпоха, или умолченная по исторіямъ или легко въ нихъ описанная, но которая, потрясши Польшу до самого основанія и колебавши ее болѣе ста лѣтъ, низринула, наконецъ, въ бездну ничтожества, а народу Русскому давши испить самую горестную чашу, каковую и во дни Нерона и Калигулы не всѣ христіане вкушали, преобразила его въ иной видъ и состояніе"... Нужно прочесть описанія гоненій и казней, чтобы судить какъ о мастерствѣ письма, такъ и о настроеніи автора; эти страницы полны глубокой скорби, но только разъ далъ онъ свободу накопившемуся чувству: „ежели [2])—говоритъ онъ по поводу Лебединскихъ казней Мазепинцевъ—„всякая кровь, проливаемая на земли, взыщется отъ рода сего", то какое взысканіе предлежитъ за кровь народа Русскаго, пролитую отъ крове гетмана Наливайка до сего дня, и пролитую великими потоками за то единственно, что искалъ онъ свободы или лучшей жизни въ собственной землѣ своей и имѣлъ о томъ замыслы, всему человѣчеству свойственные"?....

Эта жалость къ угнетенному народу сквозитъ повсюду, гдѣ идетъ рѣчь о тяжелыхъ страницахъ былой исторіи; съ безправною угнетенною народною массою родитъ автора единство національное, единство вѣры и языка: самъ-то онъ настроенъ аристократически, какъ представитель высшаго сословія, но въ тѣ эпохи, когда интеллигенція цѣликомъ уходила въ чужую культуру, денаціонализовалась, а, наоборотъ, низшіе слои, простая масса [3]) оставалась преданной вѣрѣ и языку предковъ,—въ такія эпохи авторъ, по своему принципу народности, примыкаетъ къ низшимъ классамъ общества, и въ такихъ случаяхъ онъ не колеблется выступать съ упрекомъ [4]) по адресу „неустоявшихъ" собратій изъ своего же класса, укоряя за отступничество и измѣну родинѣ.

[1]) И. Р., с. 32.
[2]) И. Р., с. 213.
[3]) И. Р., с. 48.
[4]) И. Р., с. 41.

II.

Горячая любовь къ родинѣ и глубокій интересъ къ былымъ ея судьбамъ, искренняя гордость минувшею славою и жгучая скорбь о пережитыхъ страданіяхъ, наконецъ живое изложеніе и мастерство въ обрисовкѣ прошлаго—все это увлекало читателя. „Исторію Руссовъ“ читали и перечитывали, запоминая наизусть ея наиболѣе картинныя страницы; она ходила по рукамъ, ее переписывали и распространяли между знакомыми. О такой популярности „Исторіи Руссовъ“ сохранилось не мало сообщеній, и современныхъ и болѣе позднихъ—въ воспоминаніяхъ дѣтства или юности. Путешествовавшій по Малороссіи въ тридцатыхъ годахъ нѣмецъ Коль (Kohl) разсказываетъ [1]) въ своихъ запискахъ о распространенности и популярности сочиненія „Конисскаго“. Т. Г. Шевченко въ разсказѣ своемъ „Близнецы“ передаетъ [2]), какъ черту современнаго ему быта, популярность „Исторіи Руссовъ“: „лѣтопись же Конисскаго въ роскошномъ переплетѣ постоянно лежала на столѣ, и всегда заставалъ я ее раскрытою. Никифоръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прочитывалъ ее, но до самого конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчія польскія, шведскую войну, Бироновго брата, который у Стародубскихъ матерей отнималъ дѣтей грудныхъ и давалъ имъ щенятъ кормить грудью для своей псарни—и это прочитывалъ, но какъ дойдетъ до Голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнетъ, закроетъ книгу и еще разъ плюнетъ“..... Подобнымъ же образомъ на распространенность и симпатіи къ „Исторіи Руссовъ“ указываетъ и А. Я. Конисскій въ своихъ воспоминаніяхъ: переписанная еще отцомъ на синей бумагѣ рукопись эта считалась самою драгоцѣнною книгою [3]). Тѣ же самыя особенности міросозерцанія, придававшія такой интересъ „Исторіи Руссовъ“ въ глазахъ

[1]) Reisen im Inneren von Russland und Polen, II, 321.

[2]) „Близнецы“ (Кіевск. Старина 1886, X, 215).

[3]) „Молодий викъ Максима Одинця“ (Львовъ, 1902), с. 76; тамъ же о впечатлѣніяхъ при чтеніи „И. Р.“—с. 77.

украинской читающей публики, эти самыя особенности сообщали ей, такъ сказать, оттѣнокъ пикантности: казалось, что мѣстный патріотизмъ, такою явственною нитью идущій чрезъ всю книгу, противорѣчитъ оффиціальному взгляду на Малую Россію и отводимое ей мѣсто въ прошломъ и настоящемъ Государства Россійскаго. Разъ подмѣчено такое несходство, эта книга, еще не печатавшаяся и не подвергавшаяся цензурѣ, получила въ глазахъ самихъ читателей оттѣнокъ чего-то запретнаго; списки ея запрятываютъ въ шкафъ подальше, а, читая вслухъ въ тѣсномъ кругу, изъ осторожности запираютъ дверь. На этомъ же представленіи о запретности книги основывались, по всей вѣроятности, и тѣ страхи, какими пугали О. М. Бодянскаго, когда онъ началъ изданіе „Исторіи Руссовъ“: „съ каждою книжкою „Чтеній“ больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами“, замѣчаетъ по этому поводу самъ Бодянскій. Даже и печатная „Исторія Руссовъ“ окружена была какою-то таинственностью: поговаривали, что она запрещена и изъята изъ продажи. „Знаетели, пишетъ какъ-то М. А. Максимовичъ[1]) О. М. Бодянскому, что въ Кіевѣ продается она, „Исторія Руссовъ“, по 10 и 12 р. сер., и по Малороссіи идетъ слухъ, якобы она есть книга запрещенная!“... Такимъ образомъ, разъ установившаяся репутація не сразу исчезла и съ изданіемъ сочиненія. Но если знакомство съ этою книгою объясняло читателю до извѣстной степени ея таинственность, то въ другихъ случаяхъ именно эта таинственность заохочивала, привлекала вниманіе публики.

Какъ бы то ни было, но распространеніе и популярность „Исторіи Руссовъ“ были очень велики. Міросозерцаніе ея отразилось на взглядахъ цѣлаго поколѣнія, и многіе изъ нея почерпали свои знанія о прошломъ. Пушкинъ[2]), познакомившись съ „Исторіей Руссовъ“, призналъ въ авторѣ ея „великого живописца“, отмѣтивши мимоходомъ, что онъ „не

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1887, I, 146.

[2]) Статья „О сочиненіяхъ Георгія Конискаго“ (1836).

чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія“ въ силу любви къ родинѣ. Гоголь въ письмѣ къ И. И. Срезневскому (1834), отзываясь рѣзко о „вялыхъ и короткихъ“ лѣтописяхъ, замѣчаетъ: „хорошо еще, если между ними попадались съ рѣзкою физіономіею, съ характеромъ, какъ, напримѣръ, Конисскій, который выхватилъ хоть горсть преданій и зналъ, о чемъ онъ пишетъ“. И это не только, такъ сказать, теоретическая похвала: „Исторія Руссовъ“ повліяла на Гоголя и общими своими взглядами на прошлыя судьбы Украины, взглядами, проникнутыми глубокою любовью къ родной землѣ, и дала писателю свѣдѣнія относительно отдѣльныхъ событій и эпохъ [1]). Для примѣра близости отдѣльныхъ мѣстъ къ повѣствованію „Исторіи Руссовъ“ можно указать на градацію деталей въ разсказѣ пріѣхавшихъ въ Запорожье казаковъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Украину [2]) („Тарасъ Бульба“). Сильное же вліяніе оказала „Исторія Руссовъ“ на генезисъ представленій о былomъ у Т. Г. Шевченка, и въ историческихъ его стихотвореніяхъ первой поры, до перелома въ историческомъ міросозерцаніи, легко найти отголоски такого вліянія—въ представленіяхъ о времени до Б. Хмельницкаго. Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ слѣдовъ вліянія „Исторіи Руссовъ“, его можно подмѣтить и у меньшихъ поэтовъ того времени, напримѣръ, у Н. А. Маркевича [3]) и Е. П. Гребенки, [4]) а равно и у другихъ.

III.

Вліянію „Исторіи“ подпадали и люди, располагавшіе запасомъ матеріала для ея провѣрки, подпадали, конечно, временно, извѣриваясь постепенно—съ ростомъ критицизма и

[1]) Н. С. Тихонравовъ—въ примѣчаніяхъ къ Тарасу Бульбѣ (X изданія I томъ, с. с. 661—664). И. М. Каманинъ: Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи, с. 38, 45.

[2]) Тарасъ Бульба (X изданія, т. I., с. 279—280) и „Исторія Руссовъ“ с. с. 40 и 48.

[3]) Украинскія мелодіи.

[4]) Напр., „Богданъ Хмельницкій“,„ Нѣжинъ-озеро“...

съ расширеніемъ наличности источниковъ; такъ, напримѣръ, Костомаровъ въ своей второй диссертаціи: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (1843), вполнѣ довѣряя показаніямъ „Исторіи Руссовъ“, подчеркиваетъ [1]) тѣ случаи, когда думы разсказываютъ событія „согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“, а между тѣмъ эти самыя думы, являясь фальсификатомъ, основываются на данныхъ „Исторіи Руссовъ“; такое же довѣріе оказываетъ Костомаровъ этому источнику и въ историческихъ статьяхъ своихъ Харьковской поры, напр. въ ст. „Первыя войны малороссійскихъ казаковъ“. Впослѣдствіи, возвращаясь къ изученію намѣченныхъ темъ, Костомаровъ уже относится къ „Исторіи Руссовъ“ съ меньшимъ довѣріемъ, во-первыхъ, „по множеству ошибокъ и вымысловъ въ цѣлой „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго, во вторыхъ, потому, что въ самихъ описаніяхъ, относящихся къ исторіи Остранина, у Конисскаго есть несообразности“ [2]); позднѣе онъ указывалъ, какъ на основаніе для заподозрѣнія подлинности думы, на ея исключительную близость къ повѣствованію „Исторіи Руссовъ“, и совѣтовалъ Срезневскому опубликовать „таинственные источники“ „Запорожской старины“, „дабы оно (изданіе) не было похожимъ на „Исторію Руссовъ“ Конисскаго“ [3]).

Такую перемѣну испыталъ и И. И. Срезневскій. Честь перваго указанія на недостовѣрность этого сочиненія, „принадлежитъ проницательности И. И. Срезневскаго“, замѣчаетъ Костомаровъ. Подобнымъ же образомъ высказывается и Максимовичъ. Какъ великій художникъ онъ (Пушкинъ) оцѣнилъ „Исторію Руссовъ“ съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конисскаго „великимъ живописцемъ“. Въ томъ и было дѣло Пушкина; а въ мелочныя замѣтки объ ошибкахъ фактическихъ неумѣстно было и входить ему, хотя бы онъ и зналъ объ нихъ. Но онѣ и тогда были видны

[1]) „Объ Историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, с. 100.

[2]) „Борьба украинскихъ козаковъ“, с. 248.

[3]) Статья о „Запискахъ“ Кулиша въ Отечеств. Запискахъ 1857. VI, с. 42 и разборъ сборника Антоновича и Драгоманова, Вѣстникъ Европы, 1874, XII, стр. 624—627.

для спеціалистовъ. Вѣдь за два года еще передъ тѣмъ, въ „Запорожской старинѣ“, г. Срезневскій, выписывая разныя сомнительныя сказанія изъ „Исторіи Руссовъ“, называлъ ихъ—повѣстями Конисскаго!“ Вотъ кому первому—Срезневскому, принадлежитъ та честь, которую г. Кулишъ сугубо воздаетъ г. Соловьеву“ [1])... Что у Срезневскаго были сомнѣнія на счетъ „Исторіи Руссовъ“,—указанія имѣются, хотя бы отзывъ Гоголя въ его письмѣ къ Срезневскому (1834): „Конисскому я также, какъ и вы, во многомъ не вѣрю, но я говорилъ совсѣмъ не касательно достоинства лѣтописца. Всѣ происшествія его со времени Петра записаны. Справедливость многихъ я узналъ, нашедши доказательства въ здѣшнемъ архивѣ“ [2]). Однако, неизвѣстно, какъ далеко шелъ Срезневскій въ своемъ скептицизмѣ: онъ не далъ ему яснаго и полнаго выраженія, а въ историческихъ справкахъ „Запорожской Старины“ и историческихъ очеркахъ о прошломъ казачества, онъ все-таки прибѣгаетъ къ сообщеніямъ „Исторіи Руссовъ“.

Довѣрчивѣе другихъ оказался Н. А. Маркевичъ. Какъ въ „Украинскихъ мелодіяхъ“, въ поэтической обработкѣ историческихъ темъ, онъ придерживался близко показаній „Конисскаго“, такъ точно не измѣнилъ ему и въ качествѣ историка. Хотя въ двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ „Исторіи Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго нашлось бы не мало указаній, подрывающихъ значеніе „Конисскаго“, какъ источника, но Маркевичъ остался вѣренъ ему, какъ своему авторитету [3]): для него авторъ „Исторіи Руссовъ“ все еще—„правдивѣйшій изъ нашихъ историковъ, Георгій Конисскій“, „преданный родинѣ, правдивый Конисскій“, и „предполагая, что лѣтопись Конисскаго есть дѣйствительно лѣтопись гетманская, что такое показаніе преосвященнаго Георгія справедливо“, Маркевичъ всецѣло полагается на извѣстія „Исторіи Руссовъ“... Маркевичъ оказался стойче скептиковъ....

[1]) М. А. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, I, 523.

[2]) Русская Старина 1892. III. 759.

[3]) Исторія Малороссіи, I. 230. II 303. 385.

Такимъ образомъ, эти скептики не дали полнаго анализа лѣтописи. Внимательнымъ и строгимъ анализомъ извѣстій „Исторіи Руссовъ“ занялся С. М. Соловьевъ въ своей статьѣ „Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу“ [1]). Въ концѣ этой статьи, упоминая о выходѣ въ свѣтъ лѣтописи Самоила Величка, авторъ замѣчаетъ: „мы поставили цѣлію статей своихъ внести сколько-нибудь критическій взглядъ въ исторію Малороссіи, при чемъ первымъ дѣломъ было показать ложность извѣстій Конисскаго, такъ долго пользовавшагося незаслуженнымъ авторитетомъ“; „здѣсь (въ лѣтописи Самоила Величка) мы нашли подтвержденіе нашихъ выводовъ, имѣвшихъ цѣлію показать ложность извѣстій, находящихся въ „Исторіи Руссовъ“ Конисскаго“... Соловьевъ не даетъ однако общей характеристики заподозрѣннаго имъ сочиненія, а излагая послѣдовательно ходъ событій, останавливается въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изложенія на показаніяхъ „Исторіи Руссовъ“ и разбираетъ ихъ подлинность. Ставя вопросъ вообще о ненадежности историческихъ данныхъ по исторіи Малороссіи, Соловьевъ замѣчаетъ, напримѣръ, по поводу кн. Дм. Вишневецкаго: „Конискій преспокойно хоронитъ его въ 1514 году, а по другимъ извѣстіямъ самыя знаменитыя его дѣла относятся къ 1557 г.“; „этотъ привилей Баторіевъ мы читаемъ у Конискаго, но, приводя извѣстія изъ Конискаго, считаемъ обязанностью прибавлять осторожное *говорятъ*“, мимоходомъ оговаривается авторъ въ примѣчаніи. „По свидѣтельству Конискаго—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ—этотъ Вишневецкій дѣятельно помогъ Московскимъ войскамъ освободить Астрахань отъ огромной турецкой и татарской рати, но источники Московскіе и польскіе ничего не знаютъ объ этомъ дѣлѣ“... „Своевольные набѣги запорожцевъ, за которые другъ султана, Баторій, сильно на нихъ сердился и хотѣлъ истребить ихъ, у Конискаго яв-

[1]) Отечественныя записки 1848, XI, 1—34. XII. 147—166. 1847. II 215—270 (ссылки—с. с. 270. 161. 165. 164. 220. 221).

ляются государственнымъ дѣломъ, предпринятымъ всѣмъ малороссійскимъ войскомъ, подъ начальствомъ гетмана, съ соизволенія короля“... Но что же разсказываетъ Конискій! замѣчаетъ Соловьевъ при сопоставленіи данныхъ о гетманѣ Косинскомъ: „у него соборъ пригласилъ гетмана (?) на совѣтъ въ Брестъ; но когда онъ туда прибылъ, то немедленно былъ схваченъ и преданъ суду, обвиненъ, какъ отступникъ, осужденъ на смерть и уморенъ голодомъ въ каменномъ столпѣ какого то монастыря“... „Чтобъ показать читателямъ, какъ обыкновенно Конискій распоряжается событіями, приведу разсказъ о происшествіи ближайшемъ и всѣмъ извѣстномъ“—дѣлаетъ отступленіе С. М. Соловьевъ въ разсказѣ о Косинскомъ и приводитъ повѣствованіе Конисскаго объ измѣнѣ Мазепы. Въ концѣ статьи Соловьевъ напоминаетъ, какъ существенное, опроверженіе указаній Конисскаго о взятіи Кодака, о битвѣ подъ Каменцемъ и побѣдѣ надъ поляками при Жванцѣ и упоминаетъ о невѣроятномъ тонѣ переписки ц. Алексѣя Михайловича.

Около того же времени такъ же рѣзко выступилъ противъ „Исторіи Руссовъ“ и авторъ статей въ „Москвитянинѣ“—Клевановъ [1]). Первая изъ нихъ—„Объ „Исторіи Руссовъ“ Георгія Конисскаго“ всецѣло посвящена разбору этого сочиненія. Передавъ въ началѣ статьи разсказъ о происхожденіи заподозрѣннаго труда, авторъ замѣчаетъ: „начало Исторіи Руссовъ до разсказа о милостяхъ, оказанныхъ казакамъ королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ,—ниже всякой критики: это безпрерывная цѣпь басней и несправедливыхъ мнѣній; такъ, напр., можно ли безъ улыбки читать, что преподоб. Несторъ и продолжатели его лѣтописи „всѣ были академики или члены того главнаго училища, которое въ Славянахъ заведено было въ городѣ Кіевѣ Кирилломъ Философомъ Греческимъ скоро по введеніи туда религіи христіанской“. Извѣстія о баснословныхъ походахъ казаковъ на

[1]) Имя названо у Максимовича, С. С., I, 523. Статьи въ Москвитянинѣ 1849-50 и 1850—3. (ссылки с. с. 56, 57, 58, 59, 71-72, 65, 74, 43, 44).

Меченосцевъ и о ихъ битвахъ съ ними суть пустыя сказки; всего забавнѣе то, что разсказывается о нихъ съ такою подробностью, какъ бы авторъ былъ ихъ свидѣтелемъ". Повѣствованіе о времени до Хмельницкаго полно ошибокъ: Конискій приводитъ мѣста изъ большею частью подложныхъ грамотъ, „сообщаетъ намъ всѣ подробности о битвахъ,... ни на чемъ не основанныя"; весьма подробно разсказывается пораженіе турецко-татарскихъ войскъ княземъ Вишневецкимъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова правды; „разсказывать подобныя нелѣпости значитъ или самому быть черезчуръ легковѣрнымъ или во зло употреблять вниманіе читателя"—таковы рѣзкіе отзывы о повѣствованіи „Исторіи Руссовъ", и болѣе мягкимъ, на ряду съ ними, является замѣчаніе: „все, что говоритъ Конискій объ Уніи, основательно; но онъ, представивъ ее единственною причиною послѣдовавшихъ волненій казацкихъ, уклонился отъ истины... Описывая войны Косинскаго, Наливайки и другихъ съ поляками, Конискій вездѣ выставляетъ ихъ побѣдителями и жертвами коварства поляковъ; на дѣлѣ было не такъ: до возстанія Хмельницкаго поляки постоянно торжествовали подъ козаками, и не удивительно: то было самое цвѣтущее время Польши, когда язвы ея внутреннихъ неустройствъ еще не приняли опаснаго характера.... Удивительно, какъ далеко простеръ свой вымыселъ Конискій! Въ его разсказѣ не только нѣтъ ни одного слова правды, но онъ явно противорѣчитъ истинѣ—замѣчаетъ авторъ статьи объ эпизодѣ смутнаго времени—сраженіи подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Затѣмъ авторъ излагаетъ общій ходъ событій, начиная съ выступленія Хмельницкаго, останавливаясь попутно на ошибкахъ Конисскаго; упомянуты здѣсь и сочиненныя выписки изъ переписки Московскихъ агентовъ и ошибка въ описаніи смерти гетмана Многогрѣшнаго. Общій выводъ критика таковъ: „вообще „Исторія Руссовъ" никакъ не можетъ быть источникомъ для историка Малой Россіи; авторъ ея слишкомъ далъ ей характеръ полемическій и потомъ допустилъ въ нее много неосновательнаго"..... „Конецъ исторіи Конискаго анекдотическій; онъ собираетъ неважные анек-

доты“... Снова затронулъ критикъ эту тему въ статьѣ своей о лѣтописи С. Величка, гдѣ подчеркиваетъ обстоятельность и достовѣрность этой лѣтописи по сравненію съ т. н. Конисскимъ: „Подробности объ этихъ первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Хмельницкаго находимъ у Величка обстоятельно описанными, а не такъ какъ у Конисскаго, который вездѣ вымышляетъ, описываетъ, напр., взятіе Кодака съ величайшими подробностями, тогда какъ онъ послѣ Желтоводской битвы безъ боя сдался казакамъ“... Интересно сопоставленіе въ трехъ столбцахъ параллельныхъ мѣстъ изъ Конисскаго, Ригельмана и Величка съ цѣлью показать, какъ измѣнилъ т. н. Конисскій текстъ универсала въ видахъ введенія мнимаго сраженія подъ Каменцемъ.

Такъ постепенно росли сомнѣнія, но имяеще оставалось; это постепенное измѣненіе въ судьбѣ „Исторіи Руссовъ“ можно прослѣдить и на примѣрѣ М. А. Максимовича, отъ полнаго довѣрія къ этому сочиненію перешедшаго къ отрицанію авторства Георгія Конисскаго. Изслѣдователю, внимательно изучавшему родную старину, рано пришлось столкнуться съ ошибками и искаженіями въ повѣствованіи „Исторіи Руссовъ“. Сначала [1]) онъ относится къ нимъ терпимо; „указанныя мною погрѣшности не отнимаютъ однако всего достоинства у повѣствованія Конискаго о Сагайдачномъ: подобныя обмолвки попадаются и у другихъ достойныхъ писателей“, и при этомъ указывается неточность у м. Евгенія (1843). Такія частныя ошибки повѣствованія „Исторіи Руссовъ“ искупаются иными ея солидными достоинствами: „при всѣхъ своихъ частныхъ погрѣшностяхъ, она даетъ намъ общее понятіе о характерѣ Сагайдачнаго вѣрнѣе, чѣмъ новые розыскатели малороссійской исторіи..... Взамѣнъ недостатковъ своихъ, повѣствованіе Конисскаго о Сагайдачномъ представляетъ подробное и живое описаніе первыхъ его воинскихъ подвиговъ. Подобными описаніями изобилуетъ вообще „Исторія Руссовъ“, и это составляетъ одно изъ ея отличительныхъ достоинствъ. Конис-

[1]) Максимовичъ: С. С., I. 339. 340. 523. 220. 238.

скій понималъ, какова должна быть исторія воинственныхъ казаковъ, когда съ такою подробностію передавалъ ихъ битвы. Издатель „Запорожской Старины“ Срезневскій рѣшился называть эти сказанія повѣстями. Но эти повѣсти выдумалъ не Конисскій. Ихъ писали казаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью и потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомковъ. Вотъ по какимъ лѣтописямъ писалъ свои повѣсти о казацкихъ подвигахъ преосвященный Конисскій, который самъ есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ лицъ нашей исторіи. Въ его твореніи часто встрѣчается неотчетность хронологическая и нѣкоторыя частныя событія представлены невѣрно, по недостатку вѣрныхъ и точныхъ о томъ извѣстій. Но вспомнимъ, когда писалъ Конисскій“.... полная неразработанность исторіи Малороссіи и малочисленность общедоступныхъ источниковъ объясняютъ и извиняютъ ошибки и невѣрности Конисскаго. Далѣе эти ошибки не подрываютъ довѣрія къ Конисскому—„какое же право мы имѣемъ не повѣрить сказанію Конисскаго, такого доблестнаго и заслуженнаго мужа, о свойствахъ и дѣйствіяхъ современнаго ему Теплова? Не знать ихъ не могъ Конисскій; и, конечно, было то дѣйствительно, если то написалъ онъ еще при жизни Разумовскаго и Теплова, и написалъ въ огласку, въ исторіи, переданной отъ него знатоку современныхъ дѣлъ, депутату Полетикѣ“. Такимъ образомъ, Конисскаго еще считаетъ Максимовичъ авторомъ „Исторіи Руссовъ“; ошибки не важны, такъ какъ здѣсь цѣнно художественное и идейное содержаніе. „Какъ великій художникъ онъ (Пушкинъ) оцѣнилъ „Исторію Руссовъ“ съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конисскаго „великимъ живописцемъ“... „Въ исторіи Конисскаго—замѣчаетъ Максимовичъ по другому поводу—видите уже художественное одушевленіе, которое давно прошедшую жизнь иногда ставитъ живьемъ передъ очами. Къ сожалѣнію, въ этой исторіи часто недостаетъ той вѣрности и точности факта, изъ-за которыхъ мы такъ бьемся теперь, домогаясь ихъ и доискиваясь въ современныхъ памятникахъ, матеріалахъ, запискахъ, актахъ.

Но изъ-за того, конечно, важнаго недостатка ея, нельзя же отрицать ея не менѣе важнаго достоинства, — нельзя отрицать уже потому, что тѣмъ же, можно сказать, поэтическимъ безпечьемъ и небрежьемъ о прозаической, мелочной точности факта болѣе или менѣе страждутъ всѣ писанія о Малороссіи... Мы уже видимъ въ ней (въ Исторіи Руссовъ) недостатокъ точности и вѣрности въ изображеніи очень многихъ подробностей, хотя—съ другой стороны—она также, какъ народная историческая дума, полна животворнаго художественнаго одушевленія и чуткаго вѣрнаго разумѣнія о сущности событій и значеніи лицъ, а во многихъ случаяхъ она остается и единственнымъ источникомъ свѣдѣнія историческаго“...

Конечно, отдѣльныя неясности и невѣрности еще можно было извинять, но когда такихъ ошибокъ оказалось достаточно, то это обстоятельство не могло не набросить тѣни [1]) и на самое авторство Конисскаго. „Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ Западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣтельствуютъ намъ его книга „Prawa i wolnosci“, изданная 1767 г. въ Варшавѣ, и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ „Чтеніяхъ“. Да и могъ ли Конисскій безъ историко-фактическаго запаса вступить на то поприще, на которомъ онъ подвизался съ такою славою! Его историческое познаніе неизбѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ „Исторіи Руссовъ“ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по-наслышкѣ и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конисскаго, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депутату По-

[1]) Максимовичъ: С. С., 1. 305. Ar. II. 190; Ш. 741.

летикѣ на то важное дѣло, на которое она требовалась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица... Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Г. А. Полетика, человѣкъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями, въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической „Исторію Руссовъ“ и придерживаться ея въ своихъ дѣловыхъ справкахъ и писаніяхъ.... Надо бы дознаться объ извѣстности „Исторіи Руссовъ“ депутату Полетикѣ и его сношеніяхъ съ Конисскимъ...

„Мнѣ [1]) сдается, что „Исторія Руссовъ“ сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими именитостями, дабы сказать въ предисловіи, что прошедшая черезъ эти „отличные умы „Исторія“ кажется быть достовѣрною“..... Однако „даровитому историку, укрывшемуся подъ славнымъ именемъ Георгія Конисскаго“, приходится поставить въ вину некритичность его исторической схемы, и „въ этой знаменитой „Исторіи,“ весьма замѣчательной со стороны художественной, малороссійская казаччина XVI и XVII вв. представлена съ тою же поэтически своевольною перестройкою исторической дѣйствительности, съ какою и Гоголь въ своемъ „Тарасѣ Бульбѣ“ и Шевченко въ своихъ „Гайдамакахъ“ изображали избранныя ими эпохи. О дознаніи и соблюденіи вѣрнаго историческаго *факта* у всѣхъ троихъ не было и заботы!...“ По поводу этихъ критическихъ замѣчаній Максимовичъ [2]) писалъ Бодянскому: „я полагаю, вы уже пожурили меня за „Исторію Руссовъ“ *не Конисскаго*. Желалъ я подвинуть почитателей ея на розыскъ первыхъ списковъ ея и отысканіе подлинника“. Однако, эти надежды не привели пока къ результату. „Нельзя ли, пишетъ онъ позднѣе тому же Бодянскому, дознаться, гдѣ тотъ экземпляръ „Исторіи Руссовъ“, который въ двадцатыхъ годахъ

---

[1]) Максимовичъ: С. С., 1. 306. III. 741. I. 301—302.

[2]) Письмо къ Бодянскому: Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1887, I, с. 170 (1865 г.) и с. 177 (1870).

полученъ былъ Бантышемъ отъ Степана Ширяя и съ котораго началась извѣстность въ книжномъ мірѣ этой замѣчательной „Исторіи“. Мои бесѣды съ Судіенкомъ и покушенія проникнуть въ переписку Лубенскаго депутата Полетики не послужили дѣлу и вопросу; а чрезвычайно мнѣ интересно было бы узнать имя многоталантливаго *анонима*, сложившаго эту фактически не вѣрную, но высокохудожественную подмалевку исторіи Малороссіи. А что она написана не Георгіемъ Конисскимъ, а другимъ лицомъ, чуть ли не въ первой четверти XIX в. еще живымъ,—о томъ я такъ убѣжденъ, что и противъ вашихъ возраженій готовъ выдержать диспутъ“...

Максимовичъ не возвращался болѣе къ этой темѣ, и дать болѣе полный исчерпывающій разборъ „Исторіи Руссовъ“ ему не пришлось, какъ не пришлось исполнить подобное намѣреніе и Костомарову [1]). Не восполнила такого пробѣла и рѣзкая критика Г. Карпова, хотя онъ и сосредоточивалъ свое вниманіе на выясненіи ошибокъ и промаховъ „Исторіи Руссовъ“ [2]). Такимъ образомъ, это сочиненіе и доселѣ ожидаетъ критическаго обзора, какой выяснилъ бы основныя черты міросозерцанія автора „Исторіи Руссовъ“ и указалъ бы, что̀ авторъ нашелъ уже сложившимся и готовымъ, и что̀ внесъ самъ изъ взглядовъ и тенденцій своего времени и своего круга [3])“.

IV.

Позднѣе критическая мысль по отношенію къ „Исторіи Руссовъ“ пошла инымъ путемъ: оставляя пока въ сто-

[1]) „Мы не станемъ приводить подробностей, передаваемыхъ Конисскимъ, надѣясь въ скоромъ времени представить доказательства, почему историческая критика не дозволяетъ пользоваться этимъ авторомъ“... (Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею, „Отечественныя записки“ 1856, IX, с. 211).

[2]) Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, с. с. 41—121.

[3]) Указаніе нѣкоторыхъ чертъ міросозерцанія автора „Исторіи Руссовъ“—см. въ статьѣ К. В. въ газетѣ „Порядокъ“ 1881, 128.

ронѣ изученіе самаго сочиненія въ связи съ эпохою, остановились надъ выясненіемъ личности неизвѣстнаго автора. Кто бъ онъ былъ? Уже Максимовичъ намѣчалъ путь къ такому разслѣдованію—изученіе переписки депутата Полетики; впослѣдствіи, кажется, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и полагалъ, что эта „Исторія“ вышла изъ круговъ, близкихъ къ Н. Г. Репнину, военному губернатору Малороссіи [1]). Послѣ того Костомаровъ, отмѣчая [2]) черты аристократическаго міросозерцанія, „барскихъ замашекъ“ автора „Исторіи Руссовъ“, замѣтилъ: „Пушкинъ понялъ и справедливо угадалъ, что она (Исторія Руссовъ) написана дворяниномъ: дѣйствительно, эта исторія составлена какимъ-то изъ новоиспеченныхъ Екатериною II малороссійскихъ дворянъ, усвоившимъ себѣ великорусскіе барскіе взгляды и примѣнившимъ ихъ произвольно къ старинѣ своей родины“. Возражая на это, К. В. [3]) исправляетъ неточность Костомарова относительно барскихъ взглядовъ автора „Исторіи Руссовъ“, но дальше этого не идетъ. Изученіе фамильныхъ бумагъ намѣтило другой путь. Разбирая остатки Полетикинскаго семейнаго архива, А. М. Лазаревскій нашелъ въ одномъ письмѣ В. Г. Полетики къ гр. Н. П. Румянцеву намеки на занятія родною исторіею отца его, депутата, и его самого, „начертаніе которой (малороссійской исторіи) было его, а наконецъ сдѣлалось моимъ предметомъ“, пишетъ Полетика-сынъ въ этомъ письмѣ. Основываясь на этомъ указаніи, А. М. Лазаревскій пришелъ къ мысли, что отецъ началъ писать исторію Малороссіи, а сынъ продолжалъ начатую отцомъ работу, и этотъ трудъ именно и есть „Исторія Руссовъ“. Въ связи съ этимъ авторствомъ объясняется, быть можетъ, и „ошибка“, допущенная авторомъ „Исторіи Рус-

[1]) А. Н. Пыпинъ и В Д. Спасовичъ: Исторія славянскихъ литературъ, I, 366.

[2]) Ст. „Изъ поѣздки въ Батуринъ“, Порядокъ 1881, 97.

[3]) Ст. „Въ защиту неизвѣстнаго покойника - автора „Исторіи Руссовъ“, Порядокъ, 1881, 128.

совъ“ въ описаніи судьбы гетмана Многогрѣшнаго [1]). Это мнѣніе Лазаревскаго о происхожденіи автора „Исторіи Руссовъ“ изъ Полетикинской семьи видоизмѣнилъ нѣсколько В. П. Горленко [2]): оставаясь въ кругу семьи Полетикъ, онъ передвигаетъ центръ тяжести къ Полетикѣ-сыну, приписывая ему одному авторство. Доказательство—намеки въ перепискѣ Полетики-сына съ А. И. Чепой и сходство содержанія и мѣстами даже выраженій у „Исторіи Руссовъ“ съ запискою Полетики-сына о „началѣ, происхожденіи и достоинствѣ малороссійскаго дворянства“. Относительно времени составленія исторіи г. Горленко сдѣлалъ неясный намекъ, что „Исторія Руссовъ“, писанная при иномъ режимѣ, кончена, надо думать въ половинѣ двадцатыхъ годовъ XIX в., когда появленіе ея, особенно послѣ 1825 года, было уже невозможно, и самое сочиненіе требовало авторской тайны“... „Нельзя допустить, замѣчаетъ г. Горленко о Полетикѣ сынѣ, чтобъ онъ скрылъ трудъ отца и воспользовался имъ для обработки“, и присоединяетъ къ этому характеристику облика В. Г. Полетики по сохранившемуся фамильному портрету.

Разбирая мнѣніе В. П. Горленка, Л. Майковъ [3]) не нашелъ возможнымъ всецѣло примкнуть къ нему: „по сущности своей, поправка г. Горленка не заключаетъ въ себѣ ничего особенно важнаго“; принимая слова письма выходитъ, что Полетика-отецъ началъ, а сынъ продолжаетъ отцовскую работу. „Можно даже сказать, что поправка г. Горленка какъ бы нарушаетъ то представленіе о единомысліи отца и сына, какое получается изъ писемъ послѣдняго; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что относительно національныхъ симпатій и сословныхъ преимуществъ чувства и мысли обоихъ

[1]) Кіевская Старина 1891. IV: „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“. Ср. у В. С. Иконникова: Опытъ р. истор., I., с. 1230.

[2]) „Изъ исторіи южнорусскаго общества начала XIX в.“: Кіевская Старина 1893. I; переиздано въ книгѣ: Южнорусскіе очерки и портреты“, Кіевъ 1898. стр. 17—74.

[3]) „Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“, Журналъ Мин. Народн. Просв. 1893. V; переиздано въ книгѣ „Историко-литературные очерки“ (Спб. 1895), с. с. 273—291.

Полетикъ были одинаковы, и, слѣдовательно, В. Г. нетрудно было вести дѣло, начатое Г. А., въ одномъ съ нимъ духѣ"... В. Г. Полетикѣ принадлежитъ, главнымъ образомъ, литературная отдѣлка сочиненія"... Относительно времени распространенія „Исторіи Руссовъ" Л. Н. Майковъ замѣчаетъ: „если не сочинить, то пустить въ ходъ историко-политическій памфлетъ въ шляхетскомъ духѣ казалось полезнымъ именно въ то время, когда въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ разсматривался вопросъ объ утвержденіи малороссійскихъ войсковыхъ чиновъ въ дворянствѣ"...

Въ иной связи мыслей подошелъ къ той же хронологической датѣ для „Исторіи Руссовъ" и М. П. Драгомановъ [1]). По его мнѣнію, „Исторія Руссовъ", первое въ XIX в. выраженіе автономическаго міросозерцанія и политическаго національнзма, написана въ семьѣ Полетикинской около 1810 года въ связи съ тогдашними конституціонными тенденціями. Такимъ образомъ Драгомановъ по-своему ставитъ вопросъ о руководящихъ тенденціяхъ автора „Исторіи Руссовъ", и дѣло остается до сихъ поръ не разрѣшеннымъ. Окончательно удастся выяснить этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, лишь при параллельномъ изученіи фамильныхъ бумагъ украинской интеллигенціи начала XIX в. и внимательномъ анализѣ самаго сочиненія съ точки зрѣнія основныхъ его взглядовъ на минувшія судьбы родины.

А. Грушевскій.

---

[1]) Чудацькі думки, с. 233. Листи .. с. 11.

Судьба грамоты кн. Романа Галицкаго.

Послѣ козацкихъ войнъ во 2-й половинѣ XVII в. и послѣ окончательнаго присоединенія Правобережной Малороссіи къ Польшѣ, имѣнія Кіево-Печерской лавры и Кіевской митрополіи, находившіяся на правомъ берегу Днѣпра, перешли во владѣніе уніатскихъ митрополитовъ; но документы на эти имѣнія въ большей части остались въ рукахъ Русскаго правительства и хранились въ архивѣ Кіев. губернскаго магистрата, и лишь въ меньшей остались въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ. Эти послѣдніе часто нуждались въ копіяхъ документовъ, хранившихся въ Кіевѣ, для доказательства своихъ правъ, и потому обращались къ мѣстнымъ властямъ съ просьбами о выдачахъ такихъ копій. Русское правительство, боясь какихъ-либо претензій со стороны поляковъ, издало секретное распоряженіе [1]) объ осмотрительной выдачѣ копій, а въ случаѣ опасеній рекомендовало совсѣмъ отказывать просителямъ подъ благовиднымъ предлогомъ. На этой почвѣ нерѣдко возникали кажущіяся

[1]) Именно, указъ Государств. Коллегіи Иностр. Дѣлъ, отъ 10 октября 1745 г.; рѣчь объ этомъ указѣ будетъ ниже.

теперь уже комичными недоразумѣнія; на этой же почвѣ создалась и судьба грамоты князя Романа Галицкаго.

Еще до выдачи копіи этой грамоты, въ мартѣ 1766 г. уніатскій митрополитъ Фелиціанъ Володковичъ обратился съ весьма любезнымъ письмомъ къ Кіевскому оберъ-коменданту генералъ-маіору Ельчанинову и просилъ въ немъ послѣдняго выдать копіи документовъ, подтверждающихъ права уніатскихъ митрополитовъ на имѣнія, принадлежащія Кіевскимъ митрополитамъ и находившіяся на правой сторонѣ Днѣпра, такъ какъ эти имѣнія назначены на содержаніе митрополитовъ. Подачу письма оберъ-коменданту и отысканіе документовъ въ актовыхъ книгахъ магистрата митрополитъ поручилъ Каневскому протопопу Ивану Визирскому. Ельчаниновъ отправилъ письмо Володковича въ Кіевскую губернскую канцелярію на разрѣшеніе и постановленіе; постановленіемъ отъ 20 марта 1766 г. канцелярія опредѣлила, что копіи документовъ могутъ быть выданы уніатскому митрополиту лишь въ томъ случаѣ, если упоминаемыя въ нихъ имѣнія находятся вдали отъ границы Россіи съ Польшей; въ противномъ случаѣ, копіи не могли быть выдаваемы въ виду существованія указа Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 10 октября 1745 г., которымъ предписывалось „по прошенію польскихъ шляхтичей изъ имѣющихся въ Кіевскомъ магистратѣ книгъ давать выписи только на отдаленныя ихъ отъ Ея Императорскаго Величества границъ маетности, а на ближнія и наипаче на смежныя съ Ея Императорскаго Величества землями отнюдь не давать для того, что у Ея Императорскаго Величества съ Полшею государственной границы еще не учинено, и въ дачѣ таковыхъ выписей поступать осмотрительно, а самихъ челобитчиковъ въ архивъ не пускать и выписей прежде Кіевской губернской канцеляріи разсмотрѣнія не показывать“. Поэтому канцелярія предписала документы митрополита Володковича въ архивѣ Кіевскаго магистрата пріискать, и если документы касаются земель, близкихъ къ границѣ, то, „пристойнымъ образомъ, оному присланному протопопу объявить, что на тѣ вотчины

никакихъ документовъ вовся не сыскано". Въ случаѣ же, если документы касаются отдаленныхъ имѣній, то выписи изготовить и прислать на разсмотрѣніе въ Кіевскую губернскую канцелярію за подписью членовъ магистрата.

Протопопъ Визирскій представилъ при письмѣ перечень необходимыхъ митрополиту документовъ; всѣхъ документовъ требовалось 27, и всѣ они касались имѣній, прилежащихъ къ Кіеву: Дымера, Козаровичъ, Бородянки, Загалецъ, Макарова, Ольшанки и многихъ другихъ. Въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ свѣдѣній, были-ли эти документы выданы митрополиту Володковичу. Можно, однако, думать, что эти документы не выдавались Володкевичу и оберъ-комендантъ, „поступая осмотрительно", вѣроятно, въ виду близости къ границѣ тѣхъ имѣній, которыя упоминались въ документахъ, отвѣтилъ Визирскому „пристойнымъ образомъ", что требуемыхъ документовъ „вовся не сыскано". Отъ письма оберъ-коменданта сохранилась только черновка конверта: „Преосвященнѣйшему Фелиціану Володковичу, архіепископу митрополиту Владимірскому и Бржескому, моему сосѣдственному пріятелю". Кстати, не лишне будетъ замѣтить, что Кіевскій оберъ-комендантъ избѣгаетъ титуловать Володковича такъ, какъ тотъ самъ себя титуловалъ, т. е. митрополитомъ „всея Руссіи".

Мы остановились подробно на этой первой выдачѣ копій документовъ уніатскому митрополиту, чтобы понятнѣе и яснѣе были условія выдачи копій вообще правобережнымъ обывателямъ, польскимъ шляхтичамъ.

Черезъ годъ митрополитъ Володковичъ дѣлаетъ новую попытку полученія копіи еще одного документа, именно, грамоты князя Романа Галицкаго, данной имъ Кіево-Печерской лаврѣ на земли подъ Кіевомъ; съ этой цѣлью митрополитъ обращается уже не къ оберъ-коменданту, а прямо къ Кіевскому генералъ-губернатору генералъ-аншефу Ѳедору Матвѣевичу Воейкову съ письмомъ, отъ 15 сентября 1767 г., въ которомъ указываетъ, что грамота князя Романа Галицкаго хранится въ Кіево-Печерской лаврѣ, и проситъ, чтобы ему была выдана копія этой грамоты за печатью и подписями

членовъ Кіевскаго городового магистрата [1]). Далѣе, митрополитъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (т. е. до 1767 г.) ему уже была лаврой выдана неоффиціальная копія грамоты кн. Романа и обѣщана выдача оффиціальной. Имѣя въ виду прежній отказъ, о которомъ мы говорили вначалѣ, митрополитъ Володковичъ напоминаетъ, что онъ, въ свою очередь, выдалъ нѣсколько документовъ Кіево-Печерской лаврѣ, напр., документы о границахъ мм. Обухова, Триполья, с. Безрадичъ и друг.; затѣмъ, митрополитъ, зная, вѣроятно, объ указѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ отъ 10 октября 1745 г., содержаніе котораго мы только что передали, убѣждаетъ генералъ-губернатора не препятствовать выдачѣ копіи грамоты, такъ какъ поводовъ къ спору объ имѣніяхъ быть не можетъ, потому что „трактатами все уже то успокоено"; наконецъ, митрополитъ объясняетъ и цѣль, для которой ему нужна грамота, именно: „своимъ противникамъ отпоръ дать", въ какой-то „будущей коммиссіи", и выражаетъ готовность эту оффиціальную копію грамоты „чрезъ короткое время возвратить", „подъ честнымъ паролемъ".

Исполняя просьбу митрополита Володковича, генералъ-губернаторъ Воейковъ потребовалъ письмомъ къ архимандриту лавры Зосимѣ (Валькевичу) выдачи копіи грамоты князя Романа Галицкаго. Архимандритъ выдалъ полную и точную копію грамоты, записанной въ книгѣ крѣпостныхъ актовъ лавры; эту грамоту мы и приводимъ здѣсь слово въ слово, такъ какъ она неизвѣстна была до сихъ поръ во всей своей полнотѣ:

---

[1]) Не понятно, почему митрополитъ Володковичъ настаиваетъ на томъ, чтобы копія грамоты была засвидѣтельствована непремѣнно магистратомъ, когда подлинникъ, копія котораго выдавалась, хранился въ лаврѣ и только лаврская администрація могла и должна была дать засвидѣтельствованіе. Генералъ-губернаторъ предписываетъ, однако, магистрату сдѣлать засвидѣтельствованіе грамоты, вѣроятно, изъ желанія удовлетворить просьбу митрополита.

„Се азъ, князь Романъ Галицкій, Кіевскій, Владимірскій, Луцкій и иныхъ земель русскихъ обладатель з женою моею княгинею Анастасіею надали есмо к Пресвятой Бдци монастырю Печерскому по своих душах и родителей наших землю Забудецкую с людми и с пошлинами, на [1]) древнихъ Рубѣжах четырех человѣковъ, на Митищах при Ирпени шести человѣка, за млинами на Беркове, при рѣчце Любце, два человѣка, а на Сирцу два млинки съ мелниками и со всѣми приходами, какъ впредь тимъ до тѣх земель прислушало; а тѣмъ людемъ знати архимандрита Печерскаго и по немъ будучихъ; а не надобе намъ, ни дѣтемъ нашимъ, в тое надан'е вступатца; а хто бы хотѣл тое наданье отъ церкви Божіей отдалити, таковій разсудится с нами пред милосерднимъ Богомъ, а Пречистая сама себя оборонитъ. А на то послухи: князь Ѳедоръ Ростовскій, да митрополитъ Галицкій Галактіонъ, да дяки наши Ванко и Гарасимъ; а на твердость того печать мою къ сему листу приложилемъ. Писася въ Галичю, в лѣто 6748-ое" [2]).

При этомъ изъ дѣла выясняется, что митрополитъ Володковичъ, прежде чѣмъ обратиться за копіей грамоты къ генералъ-губернатору, обращался къ архимандриту лавры, а этотъ послѣдній тогда же (это было 17 апрѣля 1767 г.) со-

---

[1]) Въ разрядку набраны слова, вычеркнутыя изъ копіи Кіевск. губерн. канцеляріей.

[2]) т. е. въ 1240 году.

общилъ о просьбѣ Володковича генералъ-губернатору, который, отвѣчая ему, архимандриту, 24-го апрѣля того же года, совѣтовалъ совсѣмъ отказать въ копіи уніатскому митрополиту, ссылаясь на то, что въ одинъ изъ бывшихъ въ Кіевѣ большихъ пожаровъ грамота кн. Романа Галицкаго сгорѣла, а въ гродскихъ и земскихъ книгахъ, хранящихся въ магистратѣ, она не найдена. Но исполнить этотъ совѣтъ для лавры было неудобно, такъ какъ она за нѣсколько лѣтъ до того выдала уже, какъ мы знаемъ, Володковичу неоффиціальную копію.

Тогда Кіевская губернская канцелярія, принимая во вниманіе указъ Государств. Коллегіи Иностран. Дѣлъ 10 октября 1745 г., наводитъ въ магистратѣ справки, далеко-ли отъ русской границы лежатъ земли, упоминаемыя въ княжеской грамотѣ. Магистратъ разыскалъ одного мѣстнаго старожила, который „скаскою показалъ“, что Забудецкая земля находилась на урочищѣ Забудечѣ по р. Тетереву; на этомъ урочищѣ впослѣдствіи возникло село Колѣнцы, существующее и до сихъ поръ въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Остальныя земли или находятся въ предѣлахъ русскихъ границъ, или же въ близкомъ отъ нихъ разстояніи, какъ, напр., Рубежи, Митища, Берковецъ, Сырецъ. Относительно „древнихъ Рубежей“ на оборотѣ одного листа есть такая неоффиціальная приписка: „На добрах Рубезах человек чотири; на тих Рубезах село Унинъ надъ рекою Тетеру сидит; рубез Унином зоветса“. Дававшимъ такія историко-географическія справки мѣстнымъ старожиломъ оказался „кіевскій житель Михаилъ Сазоновъ“.

Получивъ необходимыя свѣдѣнія, Кіевская губерн. канцелярія вычеркнула изъ грамоты кн. Романа всѣ названія мѣстностей, прилежащихъ къ Кіеву, оставивъ одно названіе Забудецкой земли, и въ такомъ сокращенномъ видѣ послала копію грамоты кн. Романа въ Кіевскій магистратъ съ ордеромъ засвидѣтельствовать грамоту въ такомъ видѣ и отправить ее митрополиту Володковичу. Магистратъ исполнилъ ордеръ канцеляріи. Митрополитъ прислалъ, однако, протестъ противъ выдачи ему неполной копіи и указалъ на несходство маги-

стратской копіи съ копіей, выданной ему раньше лаврой. Долго его протестъ оставался безъ отвѣта (по крайней мѣрѣ, въ сохранившемся дѣлѣ нѣтъ слѣдовъ переписки), и только черезъ десять лѣтъ, 20 мая 1778 г., „управляющій пограничными дѣлами надворный совѣтникъ Иванъ Корбе" объяснилъ въ своемъ письмѣ митрополиту сокращеніе тѣмъ, что Рубежи и другія названія мѣстностей, упоминаемыхъ въ грамотѣ, по незнанію, гдѣ онн находятся, „почтены были, купно съ прочими въ помянутой крѣпости написанными, внутри россійскихъ границъ состоящими мѣстами". Вѣроятно, Кіевская губернская канцелярія согласилась потомъ признать Рубежи селомъ Унинымъ и потому поручила Корбе дать митрополиту отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, а равно приказала выдать изъ магистрата вторую копію, съ упоминаніемъ въ ней о древнихъ Рубежахъ, что и было опять сдѣлано магистратомъ въ 1778 году. Эта вторая копія, не сохранившаяся въ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ большія искаженія и нѣкоторыя подробности; такъ, напр., кн. Романъ названъ „удобнымъ", вм. „удѣльнымъ", а выраженіе: „древніе Рубежи", измѣнено въ „деревню Рубежи, нынѣ называемую село Инынъ"; конечно, это „Инынъ"—искаженіе названія села Унина. Выдача второй выписи отнесена одними издателями къ 7-му марта 1768 г., а другими къ 1778 г. Въ указанномъ обрѣзанномъ видѣ грамота кн. Романа хранилась въ архивѣ уніатскихъ митрополитовъ, а оттуда поступила на храненіе въ Синодальный архивъ (въ Спб.).

Какъ выдающійся по своей древности документъ, грамота рано обратила на себя вниманіе историковъ и была напечатана четыре раза, хотя всѣми признавалась подложной:

1) Раньше другихъ она внесена А. Востоковымъ въ его извѣстное „Описаніе Рукописей Румянцевскаго Музеума" (стр. 114, № LXIX) по присланной въ Музей копіи съ датой 1778 г.

2) Д-мъ Антоніемъ Петрушевичемъ она напечатана затѣмъ во 2-мъ выпускѣ „Галицкаго Историческ. Сборника, изданнаго Обществомъ Галицко-Русской Матицы" въ 1854 г. во Львовѣ. Она заимствована о. Петрушевичемъ изъ Львовскаго греческаго каѳедральнаго митрополитанскаго архива, куда записана ла-

тинскими буквами въ 1807 г.; предварительно издатель сличилъ ее съ копіей, хранящейся въ Румянцев. Музеѣ, въ Москвѣ (см. Примѣч. 1-е въ „Гал. Истор. Сборн.“, стр. 94). Если судить по датѣ выдачи копіи, то это оказывается первой копіей грамоты кн. Романа, засвидѣтельствованной Кіевскимъ магистратомъ 7-го марта 1768 г.; между тѣмъ здѣсь упоминаются „четыре человѣка на древнихъ Рубежахъ“; это упоминаніе о древнихъ Рубежахъ, какъ мы знаемъ, въ 1768 году было вычеркнуто Кіевской губерн. канцеляріей и появляется только во второй копіи 1778 г. Вѣроятнѣе, что о. Антоніемъ Петрушевичемъ ошибочно поставленъ 1768 г. вмѣсто 1778 г.

3) Потомъ эта грамота была помѣщена г. К. Говорскимъ въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“, въ майской книжкѣ 1865 г.; здѣсь издатель помѣстилъ копію, посвидѣтельствованную магистратомъ въ 1778 году, и, наконецъ,

4) Эта грамота была приложена г. Н. Закревскимъ къ его „Описанію Кіева“ (см. Приложенія къ этому „Описанію“) въ такомъ же сокращенномъ видѣ и также въ копіи 1778 г.

Такова судьба грамоты предъ ея появленіемъ въ печати. Но какова была судьба грамоты при ея выдачѣ и дальнѣйшемъ существованіи—мы не имѣемъ данныхъ судить объ этомъ, хотя, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что судьба ея была печальна и перемѣнчива, и грамота подверглась большимъ искаженіямъ.

Фактъ выдачи кн. Романомъ Галицкимъ грамоты Кіево-Печерской лаврѣ, мы думаемъ, можетъ быть, допущенъ; но онъ долженъ былъ имѣть мѣсто не въ 1240 году, какъ датирована копія („в лѣто 6748-е“), потому что кн. Романъ Мстиславичъ былъ убитъ во время похода на Польшу въ 1205 г., а въ то время, когда Кіевъ былъ занятъ этимъ княземъ, т. е. въ 1202 году. Въ 1203 году грамота могла уже погибнуть во время тяжкаго разоренія Кіева кн. Рюрикомъ Ростиславичемъ, соединившимся съ Ольговичами и всей Половецкой землей, хотя, конечно, она могла погибнуть и во время татарскаго нашествія на Кіевъ въ 1240 г. и въ слѣдовавшія

за этимъ нападенія. Но что грамота была дана, это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что Кіево-Печерская лавра всегда считала кн. Романа своимъ благодѣтелемъ и чтила его память: имя его мы находимъ въ древнѣйшемъ лаврскомъ помянникѣ, напечатанномъ проф. С. Т. Голубевымъ въ 6-й книгѣ „Чтеній“ Общества Нестора, а изображеніе кн. Романа находилось на стѣнахъ Великой церкви лавры, упоминаніе о чемъ занесено въ описаніе лаврской стѣнописи, описаніе, сдѣланное также въ очень отдаленное время (въ концѣ XV или началѣ XVI в.). Непонятными являются имена послуховъ: князя Ѳеодора Ростовскаго и Галицкаго митрополита Галактіона. Искаженіе это или выдумка—трудно рѣшить: Ростовскіе князья съ именемъ Ѳеодора встрѣчаются только съ половины XIV в. и въ началѣ XV-го, а Галицкихъ митрополитовъ въ XIII в. и вовсе не существовало.

Въ виду этого, мы думаемъ, что грамота, дѣйствительно данная лаврѣ кн. Романомъ Галицкимъ, но вскорѣ погибшая во время разореній монастыря или во время пожаровъ, впослѣдствіи когда-то и кѣмъ-то была возстановлена по памяти, какъ возстановленъ былъ по памяти древнѣйшій синодикъ Кіево-Печерской лавры, пострадавшій во время нашествія Менгли-Гирея въ 1480 году.

Подлогъ грамоты трудно допустить, потому что фальсификаторы, остерегаясь обличенія, воспользовались бы именемъ такого князя, пребываніе котораго въ Кіевѣ не возбуждало ничьихъ сомнѣній; при обнаруженномъ своемъ полномъ невѣжествѣ въ исторіи, они легко могли не знать, что кн. Романъ Галицкій хотя короткое время владѣлъ Кіевомъ, какъ не знали они времени его смерти и того важнаго событія, которое имѣло роковое значеніе для Кіева въ 1240 г.—нашествія Батыя и разоренія имъ города; можно поэтому думать, что упорное присвоеніе грамоты кн. Роману явилось слѣдствіемъ полной увѣренности, что грамота была дана имъ; затѣмъ, фальсификаторы выбрали бы въ послухи имена такихъ историческихъ дѣятелей, существованіе и титулы которыхъ были болѣе или менѣе общеизвѣстны. Удивительна

также дата 1240 года; стоило лишь фальсификатору навести справки о годѣ смерти кн. Романа, и подозрѣніе въ подлинности было бы устранено (а фальсификаторы въ этомъ отношеніи весьма осторожны); по вышеизложеному можно судить, что и возстановитель текста грамоты и его современники были не только весьма мало свѣдущи въ исторіи, но и слишкомъ довѣрчивы, если не обратили вниманія на всѣ эти несообразности, какъ не обратили на нихъ позже вниманія и Кіевскія власти 1768—78 гг. и Кіевское образованное духовенство; заинтересованныя въ грамотѣ лица заботились о томъ лишь, чтобы не сдѣлана была ошибка въ имени жертвователя да въ названіяхъ жертвуемыхъ земель, названіяхъ, большая часть которыхъ теперь уже забыта и исчезла, какъ, напр., Забудече, древніе Рубежи (если это не современная Рубежовка), Митища (если это не современныя Мостища) и р. Любка. Скорѣе всего, повторяемъ еще разъ, что приведенный нами выше текстъ грамоты есть искаженная невѣжественными возстановителями и переписчиками копія подлинника, не дошедшаго до насъ по вышеуказаннымъ причинамъ [1]).

И. Каманинъ.

---

[1]) Изложенныя здѣсь данныя заимствованы нами изъ дѣла, хранящагося въ Центральномъ Архивѣ при Университетѣ подъ заглавіемъ: „Письмо полского митрополита Володковича, которим просит о выдачѣ ему изъ Киевского магистрата с выписи копіи на данную от удѣлного князя Романа Галицкого,—1767 году“.

О путешествіи изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году Франа Гундулича.

Въ извѣстной книгѣ Аделунга: Kritisch—literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700 (t. II, p. 327) сообщалось, что Аллегретто де Аллегретти и Іоганнъ Теодоръ фонъ Лорбахъ [1]) въ качествѣ австрійскихъ пословъ императора Фердинанда III-го представили своему правительству три донесенія о своемъ пребываніи въ Россіи въ 1655—1657 годахъ. Первое изъ донесеній, отъ 15 ноября 1655 года, было на нѣмецкомъ языкѣ; второе, отъ 18-го января 1656 года,—на латинскомъ, а третье, отъ 28 февраля 1657 года,—на итальянскомъ. Эти донесенія изъ Москвы, по словамъ Аделунга, хранились въ императорско-королевскомъ Вѣнскомъ архивѣ, но напечатаны не были, какъ мнѣ извѣстно изъ дальнѣйшихъ историко-библіографическихъ указаній, по крайней мѣрѣ до 1889 года.

Изданіе упомянутыхъ донесеній было бы весьма важно для исправленія и объясненія историческихъ данныхъ о

[1]) Въ донесеніи на нѣмецкомъ языкѣ находимъ: Joh. Dietrich von Lorbach; въ „записи“ польскихъ пословъ 1656 г. читаемъ: Jan Theodor à Lorbach.

томъ времени и его дѣятеляхъ, которымъ посвященъ весь объемистый третій томъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ (1854 г.). Въ этомъ томѣ, въ зависимости, конечно, отъ оригинала, иноземные географическіе пункты и собственныя имена иностранцевъ всюду являются „не въ своемъ видѣ“. Одинъ и тотъ же дѣятель нерѣдко упоминается подъ *многоразличными* именами и можетъ смущать современнаго изслѣдователя русской исторіи половины XVII вѣка. Эти важные документы нуждаются въ комментированіи на каждой страницѣ. Правда, нельзя предполагать безукоризненно правильными наименованія мѣстъ и лицъ и въ иностранныхъ донесеніяхъ; но единственно сопоставленіе русскихъ и иностранныхъ дипломатическихъ документовъ можетъ вывести читателя на прямой путь. Переписчики подобныхъ документовъ, конечно, болѣе самихъ писавшихъ виновны въ подавляющемъ количествѣ ошибокъ и описокъ, какъ можетъ засвидѣтельствовать и предлагаемый здѣсь, неизвѣстный Аделунгу, разсказъ о поѣздкѣ въ Россію.

Въ Дубровницкомъ альманахѣ 1868 года, называющемся: Dubrovnik, Zabavnik narodne stionice Dubrovacke za godinu 1868, помѣщено (стр. 57—88) на хорватскомъ языкѣ „Putovanje iz Beča u Moskov godine 1655,“ т. е. Путешествіе изъ Вѣны въ Москву въ 1655 году, сообщающее о томъ же, что, безъ сомнѣнія, предлагали и оффиціальныя донесенія Аллегретича и Лорбаха, но и матеріалъ и тонъ разсказа носитъ уже не столько оффиціальный, сколько литературный характеръ. Авторъ, участвовавшій въ посольствѣ, разсказываетъ о поѣздкѣ изъ Вѣны чрезъ Моравію, Чехію, нѣмецкія земли и Балтику до Ревеля и чрезъ Ямбургъ и Новгородъ въ Москву и упоминаетъ о многомъ, замѣченномъ имъ на пути; о лицахъ, съ которыми довелось ему видѣться, о городахъ, въ которыхъ приходилось сидѣть безъ толку, по

разнымъ обстоятельствамъ, и затѣмъ о ходѣ дипломатическихъ дѣлъ Руси. Благодаря тому, что это путешествіе дошло до насъ, по мнѣнію издателя, въ рукописи уже первой половины XVIII вѣка, оно полно описокъ и ошибокъ въ родѣ русскихъ дипломатическихъ документовъ XVII вѣка, но отличается своимъ связнымъ литературнымъ изложеніемъ, вводящимъ современнаго читателя въ эпоху быстраго роста политической системы русскаго государства, и даетъ краткія, но живыя замѣтки о личности „тишайшаго царя“ и его пособниковъ.

Разумѣется, прежде всего слѣдовало бы рѣшить вопросъ о самой личности автора „Путешествія“; но и этотъ вопросъ рѣшается предположительно. Издатель „Путешествія“ г. Петаръ Франасовичъ сообщаетъ (въ 1867 г.) слѣдующее: „нѣсколько времени тому назадъ г. Балдо Басельи Гоцце, дубровницкій дворянинъ, любезно вручилъ мнѣ нѣкоторыя рукописи своей библіотеки. Въ числѣ ихъ мнѣ попалась одна, показавшаяся довольно интересной и заслуживающей перевода на нашъ (т. е. хорватскій) языкъ, подъ названіемъ „Путешествіе госп. Гундулича (автора этого сочиненія) вмѣстѣ съ австрійскими уполномоченными—Алегретомъ Алегретичемъ и Теодоромъ фонъ (de) Леопахомъ, со свитою изъ 24 лицъ, изъ Вѣны въ Москву, въ 1655 году“. А подъ чертою издатель замѣчаетъ: „въ рукописи нѣтъ имени Гундулича, автора этого путешествія“. Но, по всѣмъ соображеніямъ, это былъ Франо, старшій сынъ далматскаго великаго поэта Ивана Гундулича, пѣвца „Османа“ [1])“. Извѣстно, что сынъ поэта, Франо, былъ въ числѣ Вѣнскихъ придворныхъ и затѣмъ въ австрійской военной службѣ, въ которой и дослужился до званія маршала [2]). „Слѣдуетъ прибавить—замѣ-

[1]) Въ семейномъ архивѣ Балда Гучетича (Bassegli-Gozze) было и нѣсколько писемъ Франа Джива Гундулича, о чемъ сообщаетъ д-ръ Воиновичъ въ Бѣлградскомъ журналѣ „Дело“, за іюнь 1895 г., стр. 404.

[2]) Appendini: Notizie istorico—critiche, t. II, p. 192.—Gliubich, въ Dizionario biografico, только повторяетъ слова Аппендини.

чаетъ г. Франасовичъ—что Иванъ Гундуличъ женился въ 1618 году. Если предположить что чрезъ годъ послѣ бракосочетанія у него родился сынъ Франо, то во время путешествія (въ 1655 г.) послѣднему было 36 лѣтъ".

Въ „Замѣткѣ" г. Л. Кукульицы, слѣдующей за текстомъ „Путешествія", сообщается мнѣніе, что копія статьи, по всѣмъ соображеніямъ, принадлежитъ половинѣ XVIII вѣка, что̀ явствуетъ изъ тѣхъ многихъ мѣстъ, въ которыхъ переписчикъ, не понимая оригинала, сдѣлалъ то здѣсь то тамъ пропуски, и эти мѣста г. Франасовичъ обозначалъ точками. Рукопись—на 18 листкахъ обычной величины и заключаетъ въ себѣ 36 страницъ... Языкъ итальянскій, но писатель порою вводитъ въ разговоръ и нѣсколько... хорватскихъ рѣченій, и, повидимому, съ намѣреніемъ скрыть нѣкоторыя щекотливыя (delikatne) обстоятельства; напр. въ сообщеніи о томъ, какъ опьянѣли послы на придворномъ обѣдѣ въ Москвѣ, въ передачѣ разговора съ царемъ (въ ориг. sa cesarom) и т. п.; но, впрочемъ, встрѣчаются и мѣста, гдѣ такихъ (щекотливыхъ) причинъ не было, написанныя все же по хорватски (dubrovacki).

Кромѣ этого, имѣются два листка (неполныя четыре страницы), кажется, болѣе стараго почерка, содержащіе разсказъ о началѣ путешествія, но заключающіе въ себѣ и отличія отъ другой рукописи въ словахъ и фразахъ. Поэтому—говоритъ Кукульица—возможно допустить, что и тотъ и другой текстъ представляютъ переводъ съ какого-то языка, можетъ быть, съ нѣмецкаго. Г. Франасовичъ хотя переводилъ и не слово въ слово, что̀, быть можетъ, было и невозможно, тѣмъ не менѣе точно держался оригинала. Иногда онъ пропускалъ слова, казавшіяся ему излишними, а изрѣдка пропускалъ и цѣлые періоды; напр., тамъ, гдѣ разсказывается, какъ пріятно было царю и его приближеннымъ, что Алегретичъ—„*slovinskog jezika*". При переводѣ

текста Франасовича, я привелъ въ сноскѣ эту цитату, прибавленную Кукульицей.

Покончивъ, на основаніи обнародованнаго матеріала, съ вопросомъ о текстѣ хорватскаго перевода, возвращаюсь къ личности Франа Гундулича, считающагося авторомъ „Путешествія".

Въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній" (т. III) читаемъ:

на стлб 443, о подаркахъ: 1) „большому (старшему) послу... 2) другому... 3) *Францыжку Гандолу*".

На стлб. 444: „Цесарскаго величества послы: большой посолъ Алигретъ де Алигретисъ; товарищъ его Еганъ фонъ Лорбахъ; *болшого посла племянникъ Франсиско Гондола*".

На стлбб. 442—443: „пожаловалъ Г. Ц. и В. Кн. Алексѣй Михаиловичъ... Цесаревыхъ дворянъ и посольскихъ людей велѣлъ имъ дати своего государева жалованья на отпускѣ... *Францыжку Гандолу* 2 сорока соболей, 1 въ 70 руб.; 2 въ 50 руб."

Имени Гундулича въ „Указателѣ" къ изданію не упоминается, но съ именемъ *Франца* четыре раза упоминается *Хондоръ* или *Холдоръ*, по моимъ соображеніямъ, вполнѣ напоминающій *Гондолу*, или *Гундулича*.

На стлб. 319 читаемъ: „идуть къ Г. Ц. и В. Кн. ...Цес. Римскаго послы донъ Аллегретъ де Аллигретесъ, да Яганъ Детерихъ фанъ-Лорбахъ, да *донъ Фрянцъ Холдоръ, кавалеръ* (послѣ 2 окт. 1656 г.).

На стлб. 370: „Декабря въ 15 день (1656 г.)... Алекѣй Михаиловичъ указалъ быти у себя, Государя, на дворѣ, на пріѣздѣ Фердинанда, Цес. Римского, посломъ: донъ Аллегрету Аллегретусу, да Ягану Детериху фонъ-Лорбаху, донъ *Францу Холдору кавалеру*"...

На стлбб. 372—373 сообщается, что кн. Д. С. Великому-Гагину поручено было говорить: „В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣй

Михаиловичъ... брата вашего Фердинандуса ...послы донъ Аллегретъ донъ Аллегретусъ, да Яганъ Детерихъ фонъ Лорубахъ, да *фонъ Францъ Холдоръ кавалеръ* и Цес. дворяне! вамъ Великому Государю челомъ ударили".

На стлб. 766: „Въ прошломъ, во 167, приходили... послѣ Алгаретъ де Аллегретусъ да Яганъ Дитрихъ фонъ Лорбахъ, *Францъ Хондоръ кавалеръ*, да цесаревыхъ дворянъ 3 человѣка, да переводчикъ, да лекарь, да коморниковъ 6 человѣкъ, да посольскихъ и дворянскихъ людей 16 человѣкъ".

Итакъ, какъ видится и изъ „Путешествія", здѣсь издаваемаго, Францискъ Гундуличъ былъ въ числѣ видныхъ представителей посольства; изъ русскихъ же „столбцовъ" явствуетъ, что *Холдоръ* или *Хондоръ* (=Гондола) былъ третьимъ лицомъ посольства и даже причислялся къ лику пословъ, хотя въ итальянско-хорватскомъ текстѣ и не называется посломъ. Въ числѣ подарковъ чинамъ посольства имя Гундулича тоже слѣдуетъ за Аллегретомъ и Лорбахомъ.

Вотъ все, что можно было удостовѣрить русскими оффиціальными документами. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ видно изъ „Путешествія", оцѣнилъ Гундулича и довѣрялъ ему то, что говорить другимъ считалъ безполезнымъ, довѣрилъ, вѣроятно, и по элегантности *кавалера*, и по его *внятной* для царя хорватской бесѣдѣ.

Остается замѣтить, что соображенія Франасовича о возрастѣ Гундулича ошибочны. Извѣстный славянскій ученый профессоръ К. Іиречекъ привелъ въ Beiträge zur ragusanischen Literaturgeschichte (Arch. f. Sl. Ph., t. XXI, p. 497) документальное доказательство, что Franciscus Joannis de Gondola am 28 Sept. 1650 in den grossen Rath aufgenommen", а извѣстно, что всѣ дворяне (plemići), достигшіе 18-тилѣтняго возраста, дѣлались членами этаго „великаго вѣча" (Maggior Consiglio). И хорватскій писатель Мирко Брейеръ въ журналѣ „Prosvjeta" имѣлъ полное право сообщить, что Франьо

Гундуличъ родился въ 1632 г. и, стало быть,—прибавлю съ своей стороны,—въ 1655 году онъ былъ еще весьма юнъ въ ряду посольскихъ чиновъ и не могъ быть *названъ* посломъ. Статья эта была перепечатана Брейеромъ въ книгѣ „Prilozi k starioj književnoj i kulturnoj povjesti hrvatskoj. Zagreb. 1904. Къ статьѣ приложенъ и портретъ Гундулича, заимствованный изъ книги: La sacra lega contro la potenza ottomana. in Napoli, 1692—1696.

М. П—ій.

Подбережная каменная стѣна въ Кіево-Выдубецкомъ монастырѣ, сооруженная въ 1199—1200 г.г.[1]

Подъ 1199—1200 г.г. въ Ипатьевской лѣтописи находятся нарочитыя рѣчи о Выдубицкой обители, безъ сомнѣнія, имѣющія своимъ источникомъ запись, составленную въ обители самой.

Рѣчи эти касаются устроенія в. княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной подбережной стѣны для огражденія Выдубицкой церкви отъ разрушительнаго напора Днѣпровскихъ волнъ.

Извѣстно, что капризный Днѣпръ часто мѣнялъ и мѣняетъ свое русло. Въ настоящее время оно отстоитъ отъ Выдубицкой обители на довольно значительное разстояніе (около полуверсты). Безъ сомнѣнія, и когда основывалась Всеволодова церковь (заложена въ 1070, а освящена въ 1088 г.г.) воды рѣки текли въ томъ или въ другомъ безопасномъ для воздвигаемаго сооруженія разстояніи. Но спустя нѣкоторое время направленіе Днѣпра измѣнилось и, устремившись въ сторону обители, начало угрожать Всеволодовой церкви. Это сильно встревожило монастырскую братію и вызвало оживленные толки, послужившіе основа-

[1]) Отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія о *Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ*.

ніемъ для разнаго рода легендъ, къ которымъ такъ склонно было тогдашнее общество. Почитатели обители не допускали возможности разрушенія церкви. Одни изъ нихъ говорили, что церковь появилась въ обители благодаря небесной помощи, этою же помощію и будетъ сохранена: *„на золотомъ волосѣ церковь спущена съ небесъ, имъ же и будетъ поддержана"*; другіе утверждали, что отъ разрушительныхъ волнъ рѣки *церковь постепенно удаляется внутрь монастыря*. Были, говоритъ современникъ, многіе и другіе по этому поводу „помышленія суетьна и глаголы маловѣрніи".

Дѣйствительную и существенную помощь для устраненія надвигавшагося на Выдубицкую обитель бѣдствія оказалъ ей во время своего княженія въ Кіевѣ—какъ мы сказали—Рюрикъ Ростиславовичъ, праправнукъ основателя означенной церкви Всеволода.

Современникъ описываемаго событія, выдубицкій инокъ, отмѣтивъ время заложенія Рюрикомъ каменной подбережной стѣны подъ нашимъ монастыремъ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже), говоритъ: „сто одинадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ боголюбивый князь Всеволодъ основалъ въ Выдубицкой обители церковь. Многіе его потомки въ теченіе этихъ лѣтъ занимали великокняжескій престолъ, но *„ни единъ возслѣдова любви"* сего князя къ Выдубицкой обители. У самого Рюрика, въ пятомъ поколѣніи происходившаго отъ Всеволода, были братья, какъ старѣйшіе, такъ и юнѣйшіе. Всѣ они были „добрые и боголюбивые", „но не благоволи Богъ о дѣлѣ стѣны тоя: *время бо требоваше слуги своего"*. Этимъ слугою, по милости Божіей, и явился „Христолюбецъ Рюрикъ" который, „приживъ чада по плоти", возъимѣлъ благое намѣреніе оставить по себѣ наслѣдіе и духовное.

Разумѣется, слова выдубицкаго инока нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что князья изъ рода Всеволода (Мономаховичи) совершенно не благотворили обители, а въ томъ, что благотворенія ихъ не выходили изъ ряда обычныхъ: не оставляли тѣхъ монументальныхъ слѣдовъ, какими ознаме-

новались отношенія къ обители ея ктитора Всеволода и, восхваляемаго инокомъ за построеніе стѣны, Рюрика.

Изъ словъ того же инока слѣдуетъ заключить, что угрожающее Выдубицкой обители бѣдствіе побуждало ее обращаться съ просьбою о помощи (береговомъ укрѣпленіи) и къ братьямъ Рюрика, но безуспѣшно („не благоволи Богъ"). Что же касается самого Рюрика, то участливое его отношеніе къ желанію и просьбамъ выдубицкихъ иноковъ объясняется въ упомянутой записи особенною любовію сего князя къ монастырямъ и церквамъ, выражавшеюся въ церковномъ строительствѣ: „хотѣніе (имѣлъ Рюрикъ),—читаемъ здѣсь,—к монастыремъ и ко всимъ церквамъ, *и любовь несытну о зданьихъ*". Эта характеристика оправдывается и фактами. Не задолго до описываемаго нами событія,—именно, въ 1197 году, Рюрикомъ построены были (окончены постройкою) двѣ каменныя церкви: одна—во имя св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ; другая—въ честь своего Ангела, *Васильевская*, въ Кіевѣ, на новомъ Дворѣ. О первой лѣтописецъ говоритъ, что она „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемь" вызывала всеобщее удивленіе (была „всѣмъ вдивъ"). Но кромѣ этой, такъ сказать, общей причины, при выясненіи отношеній Рюрика къ патронируемой его прапрадѣдомъ Всеволодомъ Выдубицкой обители, можно указать на слѣдующее и, какъ полагаемъ, *главное*.

Въ лѣтописи подъ 1090-мъ годомъ читаемъ: „Того лѣта преставися епископъ Бѣлогородський Максимъ; *Рюрикъ же в него мѣсто постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрѣяна Выдобычиского*".

Это лѣтописное сообщеніе имѣетъ для насъ важное значеніе: оно, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о близкихъ отношеніяхъ Рюрика къ Выдубицкой обители вообще, а во-вторыхъ, объ *особенной* его близости къ игумену сей обители Адріану въ частности. Оказывается, что послѣдній былъ духовникомъ Рюрика, т. е. такимъ лицемъ, которое пользовалось исключительнымъ уваженіемъ со стороны князя, какъ своего духовнаго сына, и имѣло на него въ дѣлахъ,

касающихся религіозно-нравственныхъ сторонъ жизни, наибо́льшее вліяніе. Безъ сомнѣнія, этими близкими отношеніями къ Рюрику должно быть объясняемо возведеніе Адріана на Бѣлгородскую епископію, на что лѣтописецъ прямо и указываетъ (*„постави епископомъ отца своего духовнаго“*). Въ связи съ этими отношеніями должно быть разсматриваемо и сооруженіе Рюрикомъ упомянутой величественной церкви въ Бѣлгородѣ, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи Адріана (предназначенной быть каѳедральною церковью въ означенномъ городѣ).

Имѣя въ виду сказанное и выходя изъ того естественнаго предположенія, что чтимый Рюрикомъ епископъ Адріанъ, какъ бывшій игуменъ Выдубицкой обители, долженъ былъ чувствовать *тяготѣніе* къ сей обители и не прерывалъ съ ней связей (на что находится указаніе и въ лѣтописи: къ освященію упомянутой бѣлогородской каѳедральной церкви приглашенъ былъ *выдубицкій игуменъ Моисей*),—имѣя въ виду все это, необходимо думать, что сильнымъ ходатаемъ за означенную обитель предъ Рюрикомъ являлся именно Адріанъ, и едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ дѣлѣ сооруженія каменной стѣны для предохраненія отъ разрушенія Всеволодовой церкви ему принадлежала видная, если не первенствующая, роль.

Строителемъ нашей стѣны былъ нѣкто „Милонѣгъ, Петръ же по крещенію“. Въ лѣтописи говорится, что Рюрикъ Ростиславичъ выбралъ его изъ числа „своихъ пріятелей“, и былъ онъ „мастеръ не простъ“, но „художникъ“.

Историографъ Карамзинъ предполагаетъ („думаетъ“), что этимъ строителемъ былъ тотъ самый Милонѣгъ, который „въ 1185 году построилъ Новгородскую церковь св. Вознесенія“ [1]). М. А. Максимовичъ и другіе, писавшіе о Выдубицкой обители, означенное предположеніе считаютъ уже фактомъ достовѣрнымъ [2]).

[1]) Исторія Государства Россійскаго, изданіе Эйнерлинга, 1842 г., т. III, *примѣч. 256* и 153

[2]) *М. А. Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1877 г., т. II. стр. 248. *Закревскій*, Описаніе Кіева. Москва, 1868 г., т. I, стр. 229.

Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся.

Дѣйствительно, въ Новгородской лѣтописи читаемъ подъ годами:

1085-мъ: „Въ то лѣто *Милонѣгъ заложи* церковь камяну святого Вознесенія, при архіепископѣ Илін, а князи Мьстислави Давидовнци“ [1])

и подъ 1091-мъ: „Томъ лѣтѣ святи церковь боголюбивыи архепископъ Гаврила святого Вознесенія, *създана Милонѣгомъ тысяцьскымъ*“ [2]).

Но выраженія: *заложи, созда* и тому подобныя (*сруби, совръши*) указываютъ не на лице *зодчаго* (архитектора), сооружавшаго церковь, т. е. составившаго планъ и руководившаго работами, а на лице, *давшее для постройки средства*,—что̀ можно видѣть изъ многочисленныхъ указаній тѣхъ же лѣтописей. Напримѣръ: „Въ лѣто 6627 *заложи* Кирьюкъ игуменъ и князь Всеволодъ церковь камяну, монастырь святаго Георгія, Новѣгородѣ“ [3]). „Въ лѣто 6692 *заложи* архепископъ Илія, съ братомъ, цьрковь святого Іоана, камяну, на търговищи“ [4]). „Архіепископъ Нифонтъ.... святого Спаса церковь *създа* камяну Пльсковѣ, другую въ Ладозѣ святого Климента“ (подъ 1156 г.) [5]). „Въ лѣто 6661... *сруби* Аркадъ игуменъ церковь святыя Богородицы Успеніе“... [6]) и т. д.

Если всѣхъ указываемыхъ здѣсь лицъ мы не можемъ считать строителями церквей *въ прямомъ значеніи этого слова* уже по занимаемому ими общественному положенію, то это же самое должно сказать и о создателѣ новгородской церкви св. Вознесенія. Онъ называется—какъ мы видѣли—*тысяцкимъ*, а это—титулъ, указывающій на высокое обще-

---

[1]) Полное собраніе рус. лѣтописей. Спб. 1841 г., т. Ш, стр. 19. [2]) Ibid., стр. 20. [3]) Ibid., стр. 5. [4]) Ibid., стр. 18. [5]) Ibid., стр. 12. [6]) Ibid., стр. 11.

ственное положеніе означеннаго лица. Тысяцкій, по соображенію всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ *воеводою* земскихъ и гражданскихъ полковъ (какъ онъ иногда и называется) и избирался вполнѣ самостоятельными князьями изъ числа ихъ заслуженныхъ дружинниковъ, а въ стремившемся къ „вольности" Новгородѣ самими гражданами изъ среды мѣстной знати. Въ Новгородѣ тысяцкій занималъ первое мѣсто послѣ посадника и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ, въ качествѣ представителя, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ города. Естественно является вопросъ: совмѣстимо-ли съ такимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ тысяцкаго представленіе о немъ, какъ о „зодчемъ" (архитекторѣ), даже въ томъ случаѣ, если предположимъ, что въ разсматриваемое время означенную должность Милонѣгъ уже не занималъ (такъ какъ при партійной борьбѣ смѣны посадниковъ и тысяцкихъ въ Новгородѣ были явленіями нерѣдкими)?

Такимъ образомъ, для установленія связи между Милонѣгами—новгородскимъ тысяцкимъ, *давшимъ средства* для сооруженія въ своемъ городѣ церкви Св. Вознесенія, и строителемъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ остается (даже не *однофамильность,* ибо Милонѣгъ—*имя,* а не фамилія) одна только *одноименность.* Но значеніе этой связи, при указанныхъ нами данныхъ, слишкомъ *паутинное*, чтобы о ней могли вестись серьезныя рѣчи.

Дошедшія до насъ крайне скудныя свѣдѣнія о строителѣ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ даютъ возможность сдѣлать только два вывода—одинъ характера *положительнаго,* другой—*весьма вѣроятнаго.*

Первый, положительный выводъ—тотъ, что означенный строитель былъ русскій, ибо имя *Милонѣгъ* есть имя *славянское.*

Извѣстно, что на первыхъ порахъ по крещеніи Руси Владиміромъ каменныя церкви (и другія каменныя зданія) сооружаемы были нарочито вызываемыми для этой цѣли греческими мастерами. Впослѣдствіи, преимущественно въ областяхъ сѣверныхъ, для такихъ построекъ приглашались

мастера и западные. Но необходимо думать, что подражать чужеземцамъ въ „искусствахъ“ строительномъ и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, начали и русскіе, и мало-по-малу въ нихъ совершенствовались, относительно чего имѣются и нѣкоторыя указанія. Такъ изъ Патерика Печерскаго узнаемъ, что преподобный Алипій „отданъ былъ родителями на обученіе къ греческимъ иконописцамъ, прибывшимъ для украшенія святой Печерской церкви“. Повидимому, занимался онъ и мозаикою. Что касается до искусства строительнаго, то, по сказанію лѣтописца, церковь св. Богородицы въ Суздалѣ, которая „опадала старостію и безнарядьемъ“ реставрировали *мастера русскіе* (церковь „покрыта была оловомъ отъ верху до комори и до притворовъ“). Въ лицѣ нашего Милонѣга мы видимъ уже „каменныхъ дѣлъ мастера“ въ точномъ значеніи этого слова.

Второй выводъ, имѣющій *высокую степень вѣроятности,* состоитъ въ томъ, что Милонѣгу можно приписывать сооруженіе и двухъ упомянутыхъ каменныхъ церквей (св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ и Васильевской въ Кіевѣ), воздвигнутыхъ на средства того же Рюрика Ростиславича.

Означенный князь, какъ мы видѣли, имѣлъ „любовь несытну о зданьихъ“. Усиленная его дѣятельность въ этомъ направленіи падаетъ на разсматриваемое нами время (конецъ XII столѣтія). Постройка каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ начата была почти непосредственно послѣ сооруженія упомянутыхъ двухъ церквей. Строители же (т. е. затрачивающіе на соруженія средства) даже въ настоящее время, при многочисленности архитекторовъ, обычно (безъ нужды) не мѣняютъ ихъ; тѣмъ труднѣе допустима такая мѣна ихъ въ разсматриваемое нами время при тогдашней скудости искусныхъ зодчихъ. Это соображеніе общаго характера, по отношенію къ затронутому нами вопросу, находитъ достаточное подтвержденіе въ извѣстномъ намъ указаніи современника, что Милонѣгъ принадлежалъ къ числу „пріятелей“ Рюрика Ростиславича („изобрѣте—в. князь—.... художника *и во своихъ си приятелехъ*“). Подчеркнутыя слова

показываютъ, что ко времени сооруженія каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ Милонѣгъ былъ уже давно знакомъ в. князю и успѣлъ снискать *особенное его къ себѣ благоволеніе*. Но чѣмъ *искусный зодчій* могъ снискать такое благоволеніе къ себѣ князя, имѣвшаго „любовь несытну“ къ строительству, какъ не тщательнымъ исполненіемъ поручаемыхъ ему работъ? И коль скоро мы знаемъ, что Рюрикъ Ростиславичъ строителемъ воздвигнутыхъ имъ церквей былъ доволенъ (мы говорили, что бѣлгородская церковь св. Апостоловъ „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ“ была *„всѣмъ вдивъ“*), то является вопросъ: нужно-ли было князю для новыхъ каменныхъ сооруженій искать другихъ зодчихъ?—Отвѣтъ ясенъ.

Каменная стѣна заложена была въ Выдубицкомъ монастырѣ „въ лѣто 6707 (1199-е) мѣсяца іюля въ 10 день, на память святыхъ Мученикъ 40 и 5, иже в Никополи мученыхъ“, а окончена „въ лѣто 6708, мѣсяца сентября въ 24 день, на страсть святыя первомученицы Ѳеклы“.

Обычное мнѣніе по данному вопросу таково, что стѣна строилась *два съ половиною мѣсяца,* т. е. начата 10 іюля 1199 года, а окончена 24 сентября *того же года*. Но мнѣніе это, если оно основывается на счетѣ годовъ лѣтописной записи по счисленію сентябрьскому, не можетъ быть принято, такъ какъ въ данное время господствовало лѣтосчисленіе *мартовское,* и поэтому *24 сентября 6708* года падаетъ *не на 1199-й, а на 1200 годъ,* какъ это понимается и учеными издателями Ипатьевской лѣтописи. Означенное мнѣніе было бы справедливо, если бы отдано было предпочтеніе чтенію лѣтописи по позднѣйшимъ (половины и конца XVI стол.) спискамъ ея—Хлѣбниковскому и Погодинскому, гдѣ слова: „въ лѣто 6708“ замѣнены выраженіемъ: „того же лѣта“. Но для такого предпочтенія основаній не имѣется, ибо трудно предположить, чтобы монументальная постройка, требовавшая сложныхъ работъ, могла быть произведена въ очень короткій срокъ.

Наивѣроятнѣйше дѣло постройки каменной подбережной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

10 іюля 1199 года, т. е., *во время наибольшаго спада Днѣпровскихъ водъ,* стѣна была заложена и къ половинѣ осени сего года возведена до размѣровъ, *требуемыхъ характеромъ сей постройки.* Весною слѣдующаго года, послѣ половодья, должны были обнаружиться результаты работы (относительно построенныхъ частей стѣны), т. е. насколько сооруженіе соотвѣтствуетъ своему назначенію, и могли быть устранены обнаружившіеся при этомъ дефекты, а затѣмъ къ 24 сентября *1200 года* закончена была и вся постройка.

Постройка эта была выдающимся событіемъ не только для выдубицкой братіи, но и вообще для кіевлянъ, доселѣ незнакомыхъ съ подобными сооруженіями и потому смотрѣвшихъ на воздвигаемую стѣну („о ней же мнозѣ *недерзнуша помыслити* отъ древнихъ, али за дѣло ятися") съ любопытствомъ и удивленіемъ. Насколько великъ былъ интересъ кіевскаго общества къ новому сооруженію, можно видѣть изъ благодарственной рѣчи, произнесенной предъ Рюрикомъ Ростиславичемъ отъ имени выдубицкой братіи на торжествѣ по случаю окончанія стѣны. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что за послѣднее время посѣщенія пришлаго люда въ Выдубицкую обитель значительно увеличились: „*множество* вѣрныхъ Кыянъ и населницы ихъ" начинаютъ обнаруживать бо́льшее „потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню" и не только (что было и прежде) „ради спасенія своего, *но и новаго ради чудеси,* иже во дни царства твоего (во время княженія въ Кіевѣ Рюрика) свершися" (т. е. по случаю сооруженія упомянутой, привлекавшей вниманіе кіевлянъ, стѣны).—Изъ этой же рѣчи можно заключать, что воздвигнутая стѣна была довольно широка и возвышалась надъ уровнемъ площади, занимаемой церковію и монастыремъ: любопытствующіе и любители сильныхъ ощущеній всходили на нее („утверждающе неподвижно нозѣ свои"), чтобы полюбоваться Днѣпромъ и открывавшеюся прекрасною картиною

Заднѣпровья („очима любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлащаше), причемъ чувствовали себя какъ бы висящими на воздухѣ („и мняться, яко аера достигше").

Окончаніе Выдубицкой стѣны отпраздновано было ея строителемъ-княземъ торжественно.

24 сентября 1900 года (день окончанія стѣны) Рюрикъ Ростиславичъ прибылъ въ обитель со своею женою, княгинею Анною, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, дочерью Предславою и снохою (женою сына Ростислава) Верхуславою. На торжество приглашено было и мѣстное почетное духовенство. Разумѣется, стеклось много народа—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ—и любопытствующаго. „И постави—князь—кутью у святаго Михаила, и молитву принесе о приятьи труда потщания своего",—т. е. сначала отправлена была панихида по умершихъ родичахъ князя, а затѣмъ благодарственное молебствіе по случаю благополучнаго окончанія строительныхъ работъ. За симъ воспослѣдовало, обычное и въ то время при подобныхъ торжествахъ, пиршество: „и сотвори (князь),—читаемъ въ упомянутой записи выдубицкаго инока,—*пиръ не малъ и трапезу со приготовлениемъ;* и накорми *игумены* и со калугеры всими, и *всякаго чина церковьнаго,* и подари вся яже отъ первыхъ даже и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, *но и прилучившаяся тогда*".

Во время торжества при здравицѣ можетъ быть, за князя-строителя, выдубицкій игуменъ Моисей, отъ лица всей братіи обратился къ нему съ благодарственною рѣчью. Въ этой рѣчи, *заранѣе написанной,* первѣе всего подчеркнуто было, какое важное значеніе для обители имѣетъ сооруженіе каменной стѣны, предохранявшей ея церковь отъ разрушенія; какъ давно братія желала видѣть такое сооруженіе и какъ доселѣ тщетны были ихъ ожиданія,—и только теперь, во время княженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, это удивленія достойное („дивное") дѣло благополучно совершилось. Обращаясь затѣмъ къ князю-строителю, авторъ задается вопросомъ: чѣмъ они, смиренные иноки, могутъ возблагодарить его за благодѣянія, которыя онъ имъ ока-

зываетъ и оказалъ? Самъ князь ничего не требуетъ кромѣ молитвъ о своемъ здравіи и спасеніи. Безъ сомнѣнія, „Богъ милости“ воздастъ ему соотвѣтствующую трудамъ „мзду“ и архистратигъ Михаилъ, которому онъ „послужилъ нелестно“. Но братія надѣются, что милосердный ко всѣмъ князь, по своему благому обычаю, не откажется принять и отъ нихъ, грубыхъ иноковъ, слабое *писаніе,* „аки даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей“, повергаемый ихъ любовію и усердіемъ въ княжескую сокровищницу, по примѣру вдовицы, опустившей двѣ лепты.—Затѣмъ слѣдуетъ похвала князю. Приступая къ ней, ораторъ приводитъ выдержку изъ Меѳодія (Потарскаго), уподобляющаго въ „притчахъ“ душу человѣческую малому небу, ибо и та и другое „выну повѣдаютъ славу Божію“. Душа—правостью вѣры, словесами истинными и дѣлами добрыми; небо—свѣтлостію солнца, сіяніемъ луны, украшеніемъ звѣздъ. Люди, взирая на небесныя свѣтила, неизмѣнно хранящія, во исполненіе повелѣній Господнихъ, *уставы* временъ, славятъ Сотворшаго ихъ. Сказанное въ притчѣ еще болѣе приложимо къ князю, ибо „словеса его честна и дѣла боголюбна и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо и въ Рускыхъ концехъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече: во всю бо землю изъидоша, по Пророку, богомирная словеса“ его „и въ конецъ вселенныя христолюбивная дѣла“, которыми отъ всѣхъ славится Владыка, согласно Евангельскому изреченію: „видѣвше дѣла ваша добрая прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“. Ораторъ надѣется, что примѣръ князя-благотворителя послужитъ назиданіемъ и для другихъ, вслѣдствіе чего уподобляетъ его Моисею, какъ проводника, изводящаго новаго Израиля *„изъ работы немилосердія и отъ мрака скупости“,* и—подобно древней Маріамѣ,—но только ставши не на брегѣ, но на стѣнѣ, созданной княземъ,—воспѣваетъ ему побѣдную пѣснь.—Въ этой пѣснѣ выясняются послѣдствія отъ указаннаго благодѣянія князя (сооруженія стѣны). „Днесь,—говоритъ ораторъ,—поновляются острови“, т. е. души пра-

ведныхъ, видящія поновленіе честнаго храма Господня, огражденнаго отъ разрушенія, и освобождающіяся, подобно израильтянамъ при Зоровавелѣ. отъ Вавилонскаго отчаянія. Днесь множество кіевлянъ начинаютъ имѣть бо́льшее потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню, стекаясь въ обитель не только ради своего спасенія, но и ради новаго чудеси, т. е. сооруженной стѣны, утверждая ноги на которой и созерцая открывающіяся красоты, они веселятся душею и исполненные любви не безъ труда отрываются отъ доставляемаго имъ наслажденія, а выходя изъ обители, похваляютъ „богомудрство“ князя. Восхваляютъ его и радуются даже невидѣвшіе сооруженія. Они веселятся, какъ говоритъ Соломонъ, „похваляему праведному“.—„Днесь отъяшася“ отъ многихъ сердецъ помышленія суетная и глаголы маловѣрніи. Указавъ на нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ, т. е. на создавшіяся по поводу размыва днѣпровскими волнами монастыря легенды (о которыхъ сказано выше), ораторъ подчеркиваетъ, что эти легенды не были истиннымъ утѣшеніемъ, а такое утѣшеніе доставлено обители только княземъ, благодаря его щедротамъ. Выдубицкіе иноки, постоянные должники и молитвенники за приснаго имъ Господина, надѣются, что онъ и впредь не будетъ оставлять ихъ своими милостями, которыхъ они жаждутъ подобно еленю, жаждущему источниковъ водныхъ. Рѣчь заканчивается молитвеннымъ благословеніемъ князя: „Богъ милости и щедротъ, любовь единороднаго его Сына и причастіе Св. Духа да будетъ съ царствомъ твоимъ и всѣми, тобою любимыми, и Архистратигъ Михаилъ да сохраняетъ тебя подъ кровомъ клиръ своихъ, нынѣ и присно въ будущіе вѣки!“

Эта панегирическая рѣчь выдубицкаго игумена Моисея обнаруживаетъ въ авторѣ не только человѣка грамотнаго (въ смыслѣ начитанности), но—безъ сомнѣнія—и вкусившаго отъ плода науки ораторской. При всей краткости означенной рѣчи въ ней видны *явственные слѣды школы,* притомъ школы, однородной съ тою, подъ вліяніемъ которой образовались ораторскіе пріемы его современника Кирилла Ту-

ровскаго [1]), представлявшаго собою, по означеннымъ пріемамъ, отнюдь не исключительное литературное явленіе разсматриваемаго времени, какъ утверждаетъ проф. Е. Е. Голубинскій.

Отъ „знаменитой" Выдубицкой стѣны, сооруженной княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, не осталось никакихъ слѣдовъ. „Вѣроятно,—говоритъ М. А. Максимовичъ,—она разрушена еще татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха" [2]). Но, разумѣется, приведенная тирада свидѣтельствуетъ только о томъ, что и очень почтенные ученые (каковымъ мы считаемъ Максимовича), допускаютъ иногда предположенія невѣроятнѣйшія (курьезныя) [3]). Какое

---

[1]) Для иллюстраціи указанной *однородности* нѣкоторыхъ ораторскихъ пріемовъ (картинности изображенія) приведемъ выдержки изъ рѣчи игумена Моисея и изъ Слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла епископа Туровскаго:

Изъ рѣчи игумена Моисея:
(Полное собраніе лѣтописей, т. II, изд. 1843 г., стр. 154)

„*Днесь*, по Исаіи, поновляются острови, а реку праведныхъ душа, видяще поновленіе честнаго храма Господня.... *Днесь* и множество вѣрныхъ Кыянъ и населници ихъ больше потщаніе и любовь ко Архистратигу Господню имѣти начинають.... *Днесь* отъяшася отъ многихъ сердець помышленія суѣтьна и глаголи маловѣрніи".... и т. д.

Изъ слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла епископа Туровскаго:
(Памятники Россійской Словесности XII вѣка. Москва, 1821 г., стр. 4—5).

„*Днесь* Христосъ отъ Виѳаніа входитъ.... *Днесь* народи противу Ісусу изыдоша, ваіа въ рукахъ дрьжаще.... *Днесь* народи постилаютъ Господеви по пути ризы своя".... и т. д.

[2]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 248.

[3]) Даже не столь, какъ Максимовичъ, осторожный въ выводахъ Закревскій (см. Описаніе Кіева, изд. 1868 г., т. I, 231) находитъ несостоятельнымъ означенное мнѣніе о разрушеніи Выдубицкой каменной стѣны *татарами*.

было дѣло татарамъ, безъ нужды не разрушавшимъ даже Кіевскихъ церквей, до Выдубицкой стѣны (до безцѣльной возни надъ ея разрушеніемъ)?—*Безъ сомнѣнія,* она, въ то или иное время, но во всякомъ случаѣ до половины XVII стол., разрушена была *напоромъ волнъ часто мѣнявшаго свое русло Днѣпра.*

С. Голубевъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казиміровны изъ Сибири[1]).

XI.

4 Февраля 1832.
Петровскій заводъ.

24 прошедшаго Генваря получили мы, любезный другъ Семенъ Петровичъ, письмо твое отъ 9 Ноября, но не отвѣчали тотчасъ въ ожиданіи посылки, которая вскорѣ послѣ того дошла до насъ, со всею сохранностію, по запискѣ тобою приложенной. Благодаримъ тебя отъ души за все, тобою присланное. Все очень хорошо сшито. Нѣсколько длиненъ лифъ сзади, но это моя вина: я снимала мѣрку не по сюртуку. Впрочемъ, платье брату твоему впору и мнѣ также. Очень меня одолжилъ присылкою ихъ. Табакъ также изрядный и пришелъ очень кстати, ибо у брата давно уже не было никакого. Онъ проситъ тебя, когда въ другой разъ, по обѣщанію твоему, будешь отправлять табакъ, чтобы ты положилъ въ мѣшокъ нѣсколько глиняныхъ турецкихъ трубокъ.—Письмо Рейхеля, въ которомъ увѣдомляетъ онъ, что Стояновскій не отдалъ ему денегъ, полученныхъ отъ посессора Тимашевки, привело насъ въ отчаяніе. Невозможно описать тебѣ подробно, въ какой находимся мы крайности и недостаткѣ. По письмамъ нашимъ къ тебѣ и къ Рейхелю ты можешь себѣ

[1]) Продолженіе; см. 3—4 вып. XVIII кн.

составить нѣкоторое о семъ понятіе. До сихъ поръ Алексѣй Петровичъ не хотѣлъ, чтобы я говорила о семъ подробно въ моихъ письмахъ, но теперь, видя братское попеченіе, какое ты началъ принимать о нашихъ нуждахъ, онъ не можетъ скрыть отъ тебя, что съ тѣхъ поръ крайность наша день ото дня увеличивается. До сихъ поръ мы кое-какъ перебивались займомъ у нашихъ товарищей; но теперь и это пособіе прекратилось, ибо мы задолжали суммы, которыя, наконецъ, нужны самимъ тѣмъ, кто оказывалъ намъ такое пособіе, а ты понимаешь, что въ положеніи нашемъ мы не имѣемъ инаго средства помочь себѣ. Впрочемъ, все это нѣсколько разъ описала я въ письмѣ къ Рейхелю. Такъ какъ онъ увѣдомляетъ насъ, что, будучи долженъ Стояновскому, ты намѣренъ удержать у него неуплоченные имъ 1500 руб. за Тимашевку, что братъ твой проситъ тебя поспѣшить высылкою къ намъ этихъ денегъ, а чѣмъ мы будемъ существовать до полученія оныхъ, мы сами не понимаемъ; теперь-же нѣтъ у насъ ни копейки. Этою суммою хотя и не могли бы мы уплатить нашихъ долговъ, простирающихся за три тысячи, но по крайней мѣрѣ она обезпечила бы на нѣкоторое время текущіе наши расходы. Брату очень прискорбно, что я принуждена во всѣхъ моихъ письмахъ помѣщать описаніе бѣдственнаго нашего положенія. Онъ не допустилъ бы меня до этого, если бы вещественныя нужды человѣка могли быть удовлетворены однимъ терпѣніемъ и твердостью.—Въ разсужденіи счета о долгѣ Постниковой, который ты доставилъ, и въ которомъ Алексѣй Петровичъ не находитъ объясненія недоразумѣній, изъясненныхъ въ письмѣ моемъ отъ 2 Ноября 1830, онъ поручаетъ сказать тебѣ, что какъ прежде, такъ и теперь, онъ вѣритъ однимъ твоимъ словамъ и не имѣетъ надобности удостовѣряться какими-либо документами, полагаетъ, однакоже, что, при разсчетѣ твоемъ съ сенаторшею, ты упустилъ изъ виду доказательства, какія необходимы для поясненія самаго счета. Въ противномъ случаѣ, онъ былъ бы для тебя такъ-же теменъ, какъ и для него. Такъ, напримѣръ, въ счетѣ нѣсколько статей на немаловажную сумму показаны просто: „поступило въ

уплату", безъ объясненія, кому и какъ. Впрочемъ, братъ замѣчаетъ это мимоходомъ, а считаетъ нужнымъ присовокупить для твоего соображенія, что изъ всей этой суммы самъ онъ не получалъ въ уплату ни копейки ни при жизни отца, ни послѣ его кончины. Что касается до продажи Тимашевки, то, конечно, ежели бы Рейхель желалъ заняться оною, выгоднѣе было бы не продавать, ибо, по свѣдѣнію, которое сообщила мнѣ одна изъ моихъ пріятельницъ, въ сосѣдствѣ тамъ живущая, самъ Стояновскій сказывалъ ей, что Тимашевку можно отдать въ посессію за такую цѣну, отъ которой, за уплатою банковаго долга, оставалось-бы намъ на прожитокъ ежегодно пять тысячъ рублей, именно, вполнѣ столько, сколько намъ необходимо здѣсь нужно на содержаніе. Если же она будетъ приносить доходъ, подобный нынѣшнему, то, очевидно, лучше продать и капиталъ положить въ банкъ, что приносить будетъ больше доходу безъ всякихъ хлопотъ. Впрочемъ, такъ какъ нельзя всего вмѣстить въ одномъ письмѣ, то объ этомъ я буду еще писать послѣ.—Братъ очень радуется, видя изъ твоего письма, что кругъ твоего знакомства распространяется. Ты знаешь пословицу: не купи двора, купи сосѣда. По наслышкѣ, мы знаемъ почтенное семейство Г. Хоментовскихъ. Кромѣ удовольствія пріятно проводить время, такой человѣкъ одними совѣтами и опытностью можетъ быть очень полезенъ по твоимъ дѣламъ. Мы любовались твоими успѣхами въ польскомъ языкѣ, хотя въ отрасли лингвистики онъ начинаетъ нынѣ занимать мѣсто на ряду съ еллинскимъ, еврейскимъ или, по крайней мѣрѣ, съ латинскимъ.—Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, обѣщаешь ты брату твоему прислать что-либо изъ платья теплаго на ватѣ, то братъ твой проситъ тебя, если ты будешь при деньгахъ, вели сшить ему шинель одну на ватѣ, теплую, а другую лѣтнюю: у него только и есть та шинель, которую я ему четыре года тому назадъ послала. Она уже износилась. Онъ на работу въ ней ходитъ всегда. Надо тебѣ признаться, что у него шубы совсѣмъ нѣту: онъ не привезъ съ собой той, которая у него была. И вообрази, въ 40 гра-

дусовъ мороза ѣхалъ онъ въ какомъ-то тулупчикѣ. Трудно, тебѣ описать, какъ разстроено его здоровье, и какъ онъ худъ; и теперь началъ жаловаться часто на нездоровье. Недавно очень, было, занемогъ отъ простуды; и сегодня испугалъ, было, меня, сказалъ, что чувствуетъ себя нехорошо; однакоже чувствуетъ себя опять лучше. Вчерась былъ день твоихъ имянинъ, и мы очень много говорили о тебѣ, вспоминали разныя вещи и твои фарсы, какъ ты за Бѣлявской со скрипкой бѣгалъ, когда ее возили по паркету, и балабанъ (?) за нею,— и разныя разности вспомнили..., и такъ намъ взгрустнулось, что мы, можетъ быть, вѣкъ тебя не увидимъ, и что можно навѣрное полагать, какъ человѣкъ себя не утѣшаетъ надеждой. Аврамовъ и Фердинандъ Богдановичъ очень тебѣ кланяются.—Прощай, другъ нашъ, любезный братъ нашъ! Люби насъ, какъ мы тебя любимъ. Сестра и другъ Марія Юшневская.

Сапоги брату пришли и теплую шапку съ козырькомъ и, пожалуйста, ему-же—платковъ цвѣтныхъ, шелковыхъ, шейныхъ.

XII.

19 Февраля 1832.
Петровскій заводъ.

Въ прошедшемъ моемъ письмѣ обѣщала я, любезный другъ Семенъ Петровичъ, писать тебѣ еще о Тимашевкѣ. Дѣло вотъ въ чемъ: по просьбѣ брата твоего, Василій Львовичъ Давыдовъ просилъ черезъ жену свою брата Александра Львовича, живущаго въ сосѣдствѣ Каменки, дабы онъ взялъ на себя трудъ пріискать покупщика для моего имѣнія и увѣдомить, по какой цѣнѣ можно будетъ получить за душу. Письмо о семъ отправлено за нѣсколько почтъ передъ симъ. Просьба же брата твоего къ тебѣ состоитъ въ томъ, чтобы ты потрудился или самъ съѣздить въ Тимашевку, а оттуда въ Каменку, или бы отправилъ туда тотчасъ по полученіи этого письма вѣрнаго человѣка, который бы могъ передать тебѣ подробно

все, что онъ по дѣлу сему узнаетъ.—Прежде всего надобно явиться или къ Людвику Михайловичу Добровольскому или къ Антону Михайловичу Бржозовскому. Первый изъ нихъ управляетъ Каменскимъ имѣніемъ, а послѣдній—пленипотентъ по дѣламъ Давыдовыхъ. Отъ нихъ сперва надобно узнать, взялся ли Александръ Львовичъ за то, о чемъ его просили, а потомъ уже съѣздить къ самому Александру Львовичу. Братъ проситъ тебя, чтобы ты исполнилъ его просьбу, не теряя времени, дабы мы успѣли заблаговременно на что либо рѣшиться. Не могу подробно описать тебѣ, почему въ семъ случаѣ необходимо нужно быть на мѣстѣ тебѣ самому или довѣренному отъ тебя: ты увидишь это изъ самаго дѣла, котораго невозможно здѣсь вкратцѣ описать. Такъ какъ ты надѣешься на вѣрность Прутковскаго, то можешь ему сдѣлать порученіе, давъ ему письмо на имя Бржозовскаго или Добровольскаго.—Братъ твой не очень здоровъ, не спитъ и ѣстъ такъ мало, что я удивляюсь, чѣмъ онъ живетъ, но не жалуется особенно ни на какую боль, а слабость такую чувствуетъ иногда, что нестерпимо ему. Фердинандъ Богдановичъ полагаетъ, что у него сильно ослабъ желудокъ отъ употребленія въ разное время пищи, къ которой онъ не привыкъ.—Я также не могу поправиться. Удивительно, какъ вдругъ я разстроилась здоровьемъ, но еще несравненно здоровѣе твоего брата. Трудно описать тебѣ мое безпокойствіе, видя мужа моего день ото дня слабѣе. Фердинандъ Богдановичъ все увѣряетъ, что онъ поправится, и мы начнемъ тѣмъ, что станемъ давать ему пищу самую легкую, какъ то: кашки, саго, кисель, что возможно будетъ достать. Къ счастію, родные все это присылаютъ сюды, то и намъ удѣлятъ, особливо, когда симъ средствомъ можно помочь брату твоему. Ты однакоже не безпокойся, потому что братъ твой можетъ совершенно выздоровѣть: Фердинандъ Богдановичъ увѣренъ въ этомъ.—Братъ твой цѣлуетъ тебя отъ души и проситъ, чтобы ты ему чаще сообщалъ все, что касается до тебя, и вообще, что можетъ еще интересовать его. Для насъ только и есть одна отрада— письма родныхъ. Особливо, письма

твои очень ему доставляютъ много отрады. Ты знаешь, сколько онъ любилъ тебя всегда. Говори ему о твоихъ занятіяхъ, о музыкѣ, въ которой ты, навѣрное, очень успѣлъ.—Прости, другъ любезный, желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здравіи. Будь увѣренъ, что я никогда не перестану любить тебя всѣмъ сердцемъ и вѣчно сохраню къ тебѣ чувство лучшаго друга и привязанной сестры. Марія Юшневская.

XIII.

Любезный Семенъ Петровичъ! Давно поджидаемъ мы письма отъ тебя, но каждая почта обманетъ насъ. Благодаря Ем. Ив., я и братъ твой знаемъ, что ты здоровъ, что Владиміръ у тебя, и что вы весело проводили время въ Рашковѣ. Владиміру, я думаю, не часто случается танцовать въ Херсонской губерніи, и, вѣрно, неожиданно поплясали вы въ Рашковѣ. Никогда ты, любезный другъ Семенъ Петровичъ, не скажешь въ письмѣ твоемъ, бываешь-ли ты въ Каменкѣ. Братъ твой всякій разъ очень доволенъ, когда сообщатъ намъ что-нибудь о почтенныхъ нашихъ сосѣдяхъ. Алексѣй Петровичъ чувствуетъ себя лучше, но еще далекъ отъ того, чтобы назвать его совершенно здоровымъ. Братъ твой обнимаетъ тебя и поручаетъ мнѣ спросить у тебя, посылалъ-ли ты человѣка надежнаго въ Каменку Давыдова. Онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать о семъ извѣщенія.—Ты самъ увидишь, какъ необходимо было, чтобы ты поспѣшилъ туда послать для дѣлъ нашихъ.—Съ сею почтою не пишу тебѣ много, потому что я устала, и потому что много писемъ надо было написать, а у меня грудь болитъ. Хочу только успокоить тебя, что брату твоему лучше. У насъ погода была чудесная нѣсколько дней, а теперь вѣтры ужасные и пасмурные дни. Въ такое время братъ твой обыкновенно бываетъ хуже, а я совсѣмъ разстроюсь, поминутно зябну, головною болью мучусь, и грудь болитъ несносно.—Счастье, что у насъ домикъ теплый, но все, кажется, продуваетъ сквозь стѣну. Я по утрамъ до обѣда

обыкновенно бываю всегда дома, потомъ иду въ казематъ, тамъ и ночую, а когда бываю я больною, что не въ состояніи ходить, то нѣсколько времени остаюсь дома, и мужу моему позволяютъ быть со мною. Но какъ только мнѣ лучше, опять отправляется въ казематъ. Я теряю пропасть времени въ переходахъ и не могу заняться работою серьезною, которая доставила-бы мнѣ удовольствіе. Если Владимиръ еще гоститъ у тебя, поклонись ему отъ меня. Онъ брату никогда не пишетъ, и право нельзя его похвалить за это. Каждый свои обязанности долженъ исполнять свято, не смотря ни на что, а онъ долженъ бы всегда показывать вниманіе старшему брату, котораго онъ, кажется, привыкъ уважать. Это-же не трудно и не стоитъ никакихъ пожертвованій—написать письмо. Этимъ, по крайней мѣрѣ, доказать можно, что вспомнитъ, что братъ его существуетъ. Я говорю сіе дружески, въ надеждѣ, что Владиміръ увидитъ, что я справедлива. Впрочемъ, уроковъ давать не берусь никому. Охотно сама принимаю добрыя наставленія, когда мнѣ ихъ даютъ.—Пожелаю тебѣ отъ души, любезный и милый Семенъ Петровичъ, лучшаго здоровья и душевнаго спокойствія, прошу тебя быть увѣреннымъ, что чувство дружбы и привязанности моей къ тебѣ никогда неперемѣнно. Пиши намъ чаще, другъ мой, и помни, что письма твои доставляютъ отраду брату твоему въ заточеніи. Вспомни, когда ты содержался въ крѣпости и получалъ мои письма, что каждое слово, сказанное въ немъ, дѣлало тебя болѣе, нежели довольнымъ, а братъ твой вѣчно разлученъ съ вами, и одинъ только твой почеркъ можетъ его утѣшить и доставить минуты пріятныя и радостныя. Прости, любезный, всей душею любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

25 Марта 1838.
Петровское.

XIV.

Nous avons eu le plaisir de recevoir ta lettre, datée du 8 Fevrier, mon bien cher frère Семенъ Петровичъ. C'est vraiment

avec des sentiments bien penibles que nous avons appris la mort de la bonne et respectable Анна Ивановна. Celui qui semblable à nous est livré aux epreuves continuelles du sort, sait plus qu'un autre apprécier la perte des objets cheris. Nous sommes nous mêmes dans la tombe qui infinimment plus terrible, parce que nous conservons conscience de notre existence et de nos sensations. Je me represente vivement le desespoir de Игнатій Онуфріевичъ après la perte de tout ce qu'il avait de plus cher au monde. Aussi ne pouvais je m'empecher de lui écrire par cette même poste, sans m'arreter à la consideration que ma lettre pourra renouveler ses douleurs que le temps a pu rendre plus supportables.—Nous sommes bien de voir par tes lettres que tes affaires continuent à être dérangées. Nous sommes de ton avis, mon cher frère, qu'à ton âge il est naturel de vouloir jouir de la vie et de vivre sans souci, et cependant tu trouveras bien peu d'hommes qui soient libres de n'exister que pour leurs propres plaisirs et qui ne soient obligés de sacrifier une partie quelconque de leur liberté au bien de leurs semblables. En attendant ils trouvent leur recompense dans le plaisir d'être utiles aux autres.—Quand tu seras à Каменка, je te prie de présenter nos respectueux hommages aux venerables M-r le Comte et M-me la Comtesse. Nous étions dèjà instruits dèpuis plus de deux mois du malheureux accident qui lui était arrivé ainsi que du retablissement de la jambe. Comment trouves-tu Стояновскій? Quant à nous nous sommes en admiration comme on en eprouve pour des scelerats accomplis. Figure—toi que lors de bon administration à Тимашевка, comme je viens de l'apprendre recement, il a fait transférer sur le territoir de M-er Обуховскій tous les paysans aises qui se trouvaient dans ma partie pour leur substituer des mendiants et des perclus.—Je te suis tres reconnaissante pour la bonne intelligence que tu conserves avec ma pauvre mère. Je benis le ciel de ce qu'elle se porte bien à son âge; j'aime à croire même que malgrè ses années elle est encore plus forte que moi.—Tu peux te figurer notre surprise à la nouvelle du mariage de M-me Бурцова, puisqu'avant de recevoir ta lettre nous avons parlé d'elle avec Фердинандъ Богдановичъ et nous étions déjà decidés d'écrire au gouvernement de Рязань

pour nous informer de ce qu'elle est devenue. Maintenant que nous en sommes instruits, il ne nous reste qu'à lui souhaiter du bonheur. Pour notre frère Woldemar nous sommes de ton avis que le plus indispensable pour ses interets serait de s'établir à Moscou, au lieu de perdre son temps sans utilité pour lui, ni pour le service, et ce qui plus est de ruiner sa fortune en faisant deux menages separés.—Tu a bien bon de t'occuper de mes commission en voulant m'envoyer des manches de rechange pour mon habit.—Павелъ Васильевичъ te fait bien de compliments; il attend avec impatience l'argent que tu as promis de lui envoyer, car il est vraiment necessiteux et manque du plus strict necessaire, n'ayant pas reçu un seul sou pendant plus d'un an. Quant à nos relations avec lui nous ne pouvons assez nous louer de son amitié la plus constante. Ton frère se porte passablement et t'embrasse tendrement. Pendant les moments libres des travaux il s'occupe de la lecture ou de la musique. Moi je suis occupée maintenant dans mon potager que je ne puis parvenir à ensemencer à cause des froids qui continuent et qui empechent la terre de dégéler à une profondeur necessaire.—J'ai peine à concevoir comment on a pu trouver de la ressemblance entre ton écriture et la mienne; tu te rappeles, je crois, que c'est avec celle de ton frère qu'on lui trouvait de la ressemblance. J'espère que tu as reçu toutes mes lettres, et que j'aurai bientôt des reponses.—Если письмо мое застанетъ тебя, любезный другъ, въ Хрустовой, поцѣлуй за меня и мужа моего ручку моей маменьки, обними также мою Сонюшку. Скажи ей, что съ будущею почтою буду ей писать.—Удивляюсь, что ни одинъ изъ моихъ братьевъ не напишетъ ко мнѣ. Я хотѣла писать въ Москву къ моимъ знакомымъ, прося ихъ, чтобы брата Андрея отыскали, но прочтя твое письмо, я не писала, потому что онъ не въ Москвѣ, а въ Московской губерніи. Гдѣ-же его отыскать, когда ты не сказалъ мѣста его пребыванія.—Что касается до брата, Ивана Казиміровича, тотъ никогда почти не писалъ и матушкѣ, а я и не ожидаю отъ него писемъ. Скажи, пожалуйста, не видаешьли ты Бѣлявскую, не вышла-ли она замужъ? Бѣдная старушка! Я воображаю, что она теперь скучаетъ въ Тульчинѣ. У насъ

слухъ пронесся, что Софья Станиславовна разсталась съ мужемъ. Очень быть можетъ: не умѣлъ онъ цѣнить эту женщину. Скажи, пожалуйста, справедливы-ли эти слухи? Также увѣдоми, не вышла-ли замужъ которая изъ Маньковскихъ? Меня интересуютъ эти дѣвочки, и если ты увидишь ихъ, поклонись имъ отъ меня.—Прощай, душа моя, любезный братъ, porte toi bien et sois persuadé de mon attachement. Ton amie Marie Juchniewsky.

13 Мая 1832.
Петровскій заводъ.

Пожалуйста, если мое письмо застанетъ Горленковыхъ въ Каменкѣ, очень очень поклонись имъ отъ меня и моего мужа. Я бы къ ней написала, но не знаю ея адреса, а названія ея деревни не помню.

XV.

20 Мая 1832.
Петровское.

15 числа сего Мая получили мы письмо твое отъ 11-го Марта, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Благодаримъ тебя за увѣдомленіе о твоихъ дѣлахъ. Душевно радуемся, что почтенный Игнатій Онуфріевичъ доставилъ тебѣ средство устроить ихъ. Не нахожу словъ, чтобы изъяснить тебѣ чувство нашей къ нему благодарности за дружбу, которую онъ столь неизмѣнно сохранилъ ко всему нашему семейству. Не смотря на малость дохода, какой за уплатою долговъ намѣренъ ты отдѣлять на свое содержаніе, по крайней мѣрѣ, ты, любезный другъ, въ продолженіи шести лѣтъ будешь, навѣрно, знать, чѣмъ располагать можешь, а по истеченіи оныхъ будешь уже имѣть состояніе, чистое отъ долговъ и принадлежащее одному тебѣ. Мы очень обрадовались, увидѣвъ, что вскорѣ и Павелъ Васильевичъ начнетъ получать уплату, ибо онъ уже давно не получаетъ ни копейки и безъ помощи товарищей лишенъ бы былъ дневнаго пропитанія, а мы знаемъ собственымъ опытомъ, сколь ужасно нуждаться въ чужомъ пособіи. Въ нашемъ только положеніи можно это представить себѣ во всей

силѣ. Василій Петровичъ увѣдомилъ уже его, что онъ писалъ къ тебѣ о высылкѣ сюда всей суммы, какую ты назначилъ теперь въ уплату. Что касается до уплаты остальной суммы, то я, помнится, уже писала тебѣ, чтобы оная выплачена была по частямъ.—Ты говорилъ въ письмѣ твоемъ: „простите, друзья мои, что говорю вамъ такъ подробно о дѣлахъ моихъ". Любезный другъ! мы очень благодарны тебѣ, что ты намъ пишешь обо всемъ, что до тебя касается. Кто-же, какъ не мы, раздѣлимъ съ тобою чувства? Когда ты съ друзьями твоими будешь говорить откровенно, то симъ доставишь отраду, а вмѣстѣ съ симъ докажешь, что ихъ любишь какъ любилъ прежде: Ты еще сказалъ въ письмѣ твоемъ: „écrivez moi plus souvent". Чтобы тебѣ доказать, какъ я рада исполнить твое желаніе, ты будешь каждыя двѣ недѣли имѣть отъ меня письма. Надѣюсь, что и ты, будучи теперь свободнѣе, чаще будешь писать намъ.—Всѣ благодарятъ тебя за поклонъ и кланяются тебѣ. Василій Петровичъ, ты знаешь уже, что онъ женатъ и съ тѣхъ поръ совсѣмъ другой человѣкъ сталъ: гораздо веселѣе, любезнѣе, точно переродился. Онъ очень пополнѣлъ, и если такъ будетъ полнѣть, какъ по сю пору, то выйдетъ другой Леопольдъ Четвертинскій. Басаргинъ совершенно здоровъ, но не полнѣетъ. Онъ не получаетъ писемъ отъ княгини Мещерской и очень огорчился, узнавъ, что она бѣдная въ такомъ положеніи живетъ въ С.-Петербургѣ. Напрасно оставила она Тульчинъ, хотя и въ Тульчинѣ было не очень хорошо жить, но она имѣла здѣсь людей, которые ее любили, знали ей цѣну и готовы были раздѣлять все. Вольфъ благодаритъ тебя за дружескія выраженія къ нему въ письмѣ нашемъ и проситъ сохранить къ нему чувство дружбы, какъ къ человѣку, который не переставалъ тебя любить, какъ родного. Онъ очень рѣдко получаетъ письма отъ сестеръ своихъ. Младшая сестра его, которая была вдовою, вышла замужъ уже два года назадъ. Какъ разстроилъ меня Игнатій въ бытность мою въ Москвѣ.—Александръ и Николай Крюковы здоровы, кланяются тебѣ. Я въ проѣздъ сюда познакомилась съ ихъ матушкой и пишу къ ней о дѣтяхъ. Препочтенная жен-

щина, и старикъ очень добрый. Вообрази ихъ положеніе: оба сына здѣсь, а младшій умеръ, и дочь ихъ овдовѣла, живетъ одна въ деревнѣ. Баратынскаго я не видала: онъ боленъ и не выходитъ никуда изъ своей комнаты. Поджіо живетъ въ одномъ отдѣленіи съ нами; кланяется тебѣ. Мы еще поджидаемъ одну даму сюда, M-me Якушкинъ: я думаю скоро выѣдетъ изъ Москвы. Я познакомилась съ ея маменькой, Надеждой Николаевной Шереметьевой. Какая милая, почтенная старушка. Въ бытность мою въ Москвѣ я ее часто видѣла и душевно ее уважаю. Ты, я думаю, знаешь, что я познакомилась также съ Гарисновыми. Ты съ ними тоже знакомъ. Вѣра Алексѣевна Муравьева, которая писывала ко мнѣ въ Тульчинъ, и ты былъ у нея однажды,—урожденная Гариснова. Она потеряла сына недавно, и другой у нея очень боленъ. Да утѣшитъ ее Богъ! Сколько эта женщина горести перенесла! Мужъ ея горюетъ очень.—Я думаю, надоѣла тебѣ, говоря о нашихъ страдальцахъ, но я говорю о нихъ какъ-бы о людяхъ, принадлежащихъ моему семейству. Вообрази, какъ они мнѣ близки: живемъ въ одной тюрьмѣ, терпимъ одинаковую участь и тѣшимъ другъ-друга воспоминаніями о милыхъ любезныхъ родныхъ нашихъ. Многіе получаютъ каждую почту подробныя описанія о домашнихъ и сообщаютъ другимъ, чтобы вмѣстѣ раздѣлять чувства, и признаюсь, что часто обрадуешься удовольствію другого, какъ-бы собственному, и такъ дѣлимъ все, что встрѣчается. Пишу тебѣ о семъ, чтобы ты сколько нибудь могъ представить себѣ жизнь нашу тюремную.—Не увидишь-ли ты старика Лев.(?)? Поклонись ему, пожалуйста, отъ насъ. Вспомни, любезный Семенъ Петровичъ, какъ ты на него разсердился однажды за салфетку. Мнѣ писали, что ему очень нравится Каролина. Никогда ты намъ не сказалъ, видишься-ли ты иногда съ Маньковскими. Уже самая младшая изъ нихъ большая невѣста.—Какъ утѣшилъ ты меня, сказавъ нѣсколько извѣстій о доброй Горленковой: я очень ее любила. Вспомни также мѣну мою съ нею, и съ какою добротою отдалъ-ты мнѣ свой любимый бужуарчикъ и такъ меня растрогалъ своей готовностію сдѣлать мнѣ угож-

деніе, что я расплакалась и послала Мещерскую назадъ отнять у Горленковой. Будь увѣренъ, другъ мой, что отъ души истину тебѣ говорю: никогда въ мысль мнѣ не придетъ вспомнить то, что случилось непріятнаго перенести отъ тебя, а всякую вещь, которая доказываетъ доброе сердце, дружбу твою, не разстаюсь съ сими воспоминаніями. Другъ мой, нѣсколько лѣтъ мы провели съ тобою вмѣстѣ, любя другъ-друга, стараясь доставлять взаимно все, что только могло сдѣлать удовольствіе и доказать родственную привязанность. Неужели два года неудовольствій между нами могутъ помрачить прежнее чувство? Нѣтъ, мой другъ, нельзя, чтобы всю жизнь нашу мы не огорчили другъ-друга никогда! Невозможно, чтобы не нашелся кто-либо, кому-бы не трудно было видѣть такое согласіе, какое между нами было. Быть можетъ, что и въ твоихъ чувствахъ со временемъ утвердится еще болѣе дружбы послѣ всѣхъ неудовольствій, какія мы взаимно перенести должны были.—Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно и радъ душевно, что, наконецъ, ты успокоился, и дѣла твои идутъ лучше. Сколько бы ты ни жилъ еще на свѣтѣ, никогда не наживешь друга, какого ты имѣешь въ почтенномъ твоемъ братѣ. Люби и уважай его, какъ прежде: увидишь, что для тебя самого чувство сіе будетъ отрадно. Прощай, любезный мой Семенъ! Сохрани тебя Богъ и пошли тебѣ душевное спокойствіе! Сестра и другъ Марія Юшневская.

Еминька ужасно дряхлъ, и глухъ, и капризный, но мы оба любимъ его очень.

Отъ насъ обоихъ поцѣлуй ручку моей матушкѣ. Благодарю тебя, что ты ей доставилъ шелкъ, а ей, что она вяжетъ ризо для дамъ нашихъ, и за бахрому для меня.

XVI.

Петровскій заводъ. 3 Іюня 1832.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Дала обѣщаніе писать къ тебѣ каждыя двѣ недѣли; замѣть, что буду очень аккуратной. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ.

Онъ ожидаетъ твоего извѣщенія, гдѣ ты намѣренъ жить, отдавъ твою деревню въ посессію.—Послѣ твоего послѣдняго письма я не получила отъ Сонюшки писемъ и тоже не знаю, какъ они распорядились: остаются-ли по прежнему въ Хрустовой или переѣдутъ куда-либо въ другое мѣсто.—У насъ о сю пору все продолжались холода, но другой день погода теплая. Въ моемъ огородѣ чуть только начинаетъ выходить все посѣянное. У васъ-же теперь давно, кромѣ всякой зелени, и ягоды есть, pozumki, truskawki (poziomka, truskawka земляника, клубника), już i mayskie gruszeczkie, а у насъ за то цвѣтетъ бобыльникъ, и черемуха начинаетъ, сморчки-грибы есть, но удивительно не хороши: какой то совсѣмъ другой въ нихъ вкусъ, какъ въ нашихъ мѣстахъ.—Зимой одинъ мой знакомый прислалъ мнѣ лимонъ. Ты удивишься, когда скажу тебѣ, что я ему такъ обрадовалась, что чуть не заплакала. Въ минуту перенеслась я въ тѣ мѣста, гдѣ я была счастливѣйшей женщиной, въ кругу моего дорогого семейства. Столько пріятныхъ воспоминаній представилось въ моемъ воображеніи. Взволновалось сердце, и грусть нестерпимая овладѣла мною! Вспомни, другъ мой, съ какимъ живымъ чувствомъ принимала я всегда, когда встрѣчались мнѣ горькія минуты, такъ точно и радостныя. Вспомни, что когда я бывала огорчена, то почти всегда принимая участіе въ знакомыхъ или даже и не знавъ людей, собственное же огорченіе рѣдко я имѣла случай испытать. За то теперь нѣтъ отдыха, нѣтъ радостныхъ минутъ, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдки. Я только тогда и бываю спокойна и счастлива, кода получу отъ васъ пріятныя письма. Братъ твой, какъ ты его знаешь, кажется гораздо меня спокойнѣе и тихо, безъ ропота, повинуется судьбѣ. Никогда я еще не слышала, чтобы онъ желалъ спокойно проводить время гдѣ-либо въ деревнѣ съ вами, друзья мои. Я же поминутно говорю о томъ, что хотѣла бы умереть при васъ, хотѣла бы слышать васъ, видѣть и быть опять счастливѣйшею, какъ была! Братъ твой говоритъ: „мнѣ хорошо; ты со мной, и слава Богу; для Сони-же и брата я слишкомъ серьезный, и они бы скучали со мною“ Впрочемъ, душа моя,

что бы мы ни говорили другъ-другу и какъ бы ни старались себя утѣшить и успокоить, нельзя избѣгнуть, чтобы не быть въ безпрестанномъ волненіи. Наше положеніе слишкомъ нехорошо, и потому нельзя быть нисколько счастливѣе, какъ мы есть, развѣ можно будетъ привыкнуть болѣе современемъ къ своему положенію.—Сегодня, какъ ты самъ замѣтить можешь, мнѣ не должно-бы писать къ тебѣ, потому что я болѣе мрачна, какъ обыкновенно, но какъ надо еще недѣлю ожидать до почты, то и не хочу отлагать. Интереснѣе всего для тебя знать о братѣ твоемъ. Нѣсколько дней, какъ онъ опять чувствуетъ слабость, но все не столько, какъ зимою онъ былъ слабъ. Опять меньше сталъ кушать, но здоровъ, и цвѣтъ лица довольно хорошъ. Какъ онъ худъ, ты бы удивился, увидя, что можно такъ похудѣть. Братъ твой хранитъ сюртукъ, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Тульчина, и точно что теперь можетъ служить шинелью. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ всегда, что худоба его ничего не значитъ, и что слабость, которую онъ чувствуетъ, находитъ онъ очень обыкновенною при перемѣнѣ климата, но что она не опасна и современемъ пройдетъ. Павелъ Васильевичъ очень тебѣ кланяется. Онъ ожидаетъ присылки денегъ съ большимъ нетерпѣніемъ, потому что большую имѣетъ въ нихъ нужду.— Прошу тебя поцѣловать ручку моей матушки за насъ обоихъ; обними моихъ дѣтей, если письмо сіе застанетъ тебя съ ними. Когда будешь писать, скажи мнѣ подробно о моей внучкѣ: на кого она похожа, мила-ли она etc. etc... Поклонись отъ насъ также почтенному Игнатію Онуфріевичу. Если будешь въ Каменкѣ, засвидѣтельствуй наше душевное почтеніе, и если будешь въ Рашковѣ, скажи также Емилію Ивановичу, что братъ его здоровъ.—Прощай, другъ мой, любезный братъ! Да сохранитъ тебя Богъ! Братъ твой еще душевно тебя обнимаетъ и проситъ прислать ему курительнаго табаку: у него всего осталось трубокъ на десять, и не знаю, какъ будетъ. Онъ пробовалъ курить предурной, слабый, какой здѣсь достать можно у здѣшнихъ купцовъ, но никакъ не могъ, и я думаю, онъ совсѣмъ себѣ откажетъ въ этомъ удовольствіи,

покуда ты ему не пришлешь. Уже давно онъ, поберегая табакъ, куритъ только четыре трубки въ день. Adieu, mon bon ami. Je t'embrasse d'âme et du coeur et je t'aime autant. Marie Juchniewsky.

XVII.

17 Іюня 1832.
Петровскій заводъ.

Deux postes consecutives nous ont apporté de te nouvelles, mon bon ami, Семенъ Петровичъ! Par la première nous avons reçu ta lettre de 30 Mars, par la dernière celle du 7 Avril. Tu ne peux pas te figurer le plaisir que tu nous procures par tes lettres, d'autant plus qú'elles contiennent quelques détails satisfaisants sur l'arrangement des tes affaires. A la nouvelle que ta as affermé Хрустовая nous nous eûmes à faire des conjectures sur le lieu où tu crois t'établir toi même, mais le revenu modique que tu as assigné pour ton propre entretien nous fit d'abord presumer, que tu te proposes de rester dans ta campaqne. Aussi, mon bon ami, tu as parfaitement raison, car il vaut mieux s'imposer quelques privations et quelques ennuis passagers dans la vue de jouir ensuite de la totalité de te revenus que continuellement d'être embarrassé à se tirer des dettes. Nous sommes bien aises d'apprendre que tu as payé les 6000 roub. aux parents de Павелъ Васильевичъ. A présent il ne reste qu'à souhaiter que cette somme lui parvienne en entier, car il se trouve dépuis bien longtemps dans une penurie absolue. Il m'a chargé de te dire bien de choses, mais voici ses propres expressions: онъ душевно сожалѣетъ, что должна была вмѣшаться земская полиція между вами, но какъ сего исправить уже нельзя, то въ поправленіе сего онъ поручилъ на сей же почтѣ писать къ сестрицамъ его, прося ихъ, по желанію твоему, уплату капитала предоставить возможности собственныхъ твоихъ обстоятельствъ, и онъ надѣется, что сестры его не откажутъ, если ты будешь исправно платить проценты къ 5 Іюня каждаго года, и которые суть единственное средство къ содержанію Павла Васильевича. Онъ очень благодаритъ

тебя за память о немъ и проситъ, чтобы ты былъ увѣренъ, что чувство его къ тебѣ никогда не перемѣнится.—Puisque tu as fait connaissance de M-r Straçesko, je te prie de lui dire bien de choses de ma part ainsi qu'à sa femme; c'est une connaissance qui date je crois dépuis 22 ans. Je serais contente, qu'il remplisse ta commission par raport au tabac, car il y a bien longtemps que ton frère ne fume que du tabac ordinaire de la petite Russie sous une enveloppe de tabac turc. Tu dis, mon chère frère, que tu as vue à Кишиневъ quelques personnes de notre connaissance et qu'elles n'ont point repondu à ton attente; nous trouvons ceci tant simple. Tu les avais vues jadis telles qu'elles avaient eu soin de paraître; à présent elles t'ont fait voir ce qu'elles sont veritablement. Quant à M-r Судичь, je suis étonée que M-r Çarnomski, si je ne me trompe qui est un légiste consommé, ait recommandé un homme pour conduire ton procès, tandis qu'il n'est bon qu'à agir pour lui même.—De M-r Поповскій nous n'avons pas eu de lettres et nous presumons qu'il ne se propose pas nous écrire qu'aprés son établissement à Хрустовая. Je te remercie, mon bon ami, pour les novelles que tu me donnes de mes enfants. J'avais d'abord presumé que leur translocation sera indispensable, car Игнатій Онуфріевичъ a naturellement besoin de logement pour lui et pour les siens. Je suis bien aise d'apprendre que mes enfants vont demeurer à Рашковъ d'abord parce qu'elle jouira de la société de M-me Vegelin et ensuite qu'elle ne sera pas loin de toi, car j'aime toujours à croire, que ma fille n'est pas une étrangere pour toi. Je suis charmée de voir que mon ouvrage t'a plu. Sans partager ce que tu en dis, j'étais cependant sûre que tu apprecieras le plaisir que je trouvais moi même à m'en occuper en pensant toujours à toi.—Благодарю тебя, другъ мой, что ты назначилъ срокъ отправленія твоихъ писемъ къ намъ. Теперь мы будемъ ожидать терпѣливо. Но, по крайней мѣрѣ, мы увѣрены, что по истеченіи четырехъ недѣль мы непремѣнно получимъ извѣстіе о тебѣ, а можетъ быть, какъ ты и самъ обѣщаешь, чаще. Ничего ты мнѣ не сказалъ о матушкѣ моей. Пожалуйста, не забывай въ письмахъ твоихъ сказать мнѣ каждый разъ о ея

здоровьи. Теперь я не могу никакъ угадать, осталась-ли она въ Хрустовой или съ дѣтьми моими переѣдетъ въ Рашковъ. — Братъ твой совершенно здоровъ, но аппетитъ его не возвращается. Не считаю я болѣзнею, что онъ часами бываетъ слабъ, потому что и со мною то-же дѣлается. У насъ на солнцѣ 42½ градуса жара, между тѣмъ цѣлый мѣсяцъ Май топили въ печкахъ: такъ было холодно. И теперь ночи бываютъ очень холодныя. Множество больныхъ въ нашемъ заводѣ, особливо, дѣтей, и я пользую нѣкоторыхъ домашними средствами, которымъ я научилась при покойникѣ нашемъ батюшкѣ, какъ то: парное молоко со спиртомъ и пр...—Прилагаю при семъ письмо Владиміру, не зная, гдѣ онъ. Прошу тебя, мой другъ, отправить ему. Ты несправедливо сказалъ мнѣ, что я не говорю тебѣ ничего о знакомыхъ. Вѣрно, ты не получилъ письма, въ которомъ я сказала тебѣ обо всѣхъ, а теперь тебѣ повторяю, что они помнятъ тебя, любятъ и каждый разъ вспоминаютъ съ чувствомъ дружбы. Ивашева я рѣдко вижу; онъ такъ счастливъ, женившись, и радъ сидѣть подлѣ своей супруги. Басаргинъ—артельнымъ экономомъ на этотъ годъ, занятъ ужасно: я его тоже довольно рѣдко вижу. Фалембергъ—здоровъ, кланяется тебѣ. Онъ въ одномъ номерѣ съ Павломъ Васильевичемъ живетъ. Фердинандъ Богдановичъ очень часто раздѣляетъ нашу бесѣду о тебѣ. Онъ тебя обнимаетъ и благодаритъ, что ты его не забываешь.—Прощай, другъ мой! Братъ твой цѣлуетъ тебя. Пришли ему, пожалуйста, сапоги. Съ будущею почтою пришлю его мѣрку. Когда будешь въ Рашковѣ, обними моихъ за меня, а Графъ и Графиня, я знаю, что выѣхали за границу: M-me Vegueline мнѣ писала.—Душевно любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

XVIII.

Болѣзнь моя была причиной, что я пропустила одну почту. Извини, любезный другъ, Семенъ Петровичъ. Я дала уже обѣщаніе писать каждыя двѣ недѣли, и привыкши всегда

сдерживать данное слово, меня безпокоитъ, пока не извинюсь предъ тобою, хотя не моя вина, что я занемогла. Съ прошлою почтой я имѣла письма три постороннихъ написать и черезъ три дня въ силу ихъ окончила. У меня были судороги въ боку, а ты, видѣвъ меня однажды въ этой болѣзни, можешь себѣ легко представить мое страданіе. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Мнѣ кажется, что у него и цвѣтъ въ лицѣ теперь лучше и здоровѣе, но онъ всегда худъ. Мнѣ его очень жаль теперь: онъ такой мерзкій табакъ куритъ, морщится а слабый самый хотя и можно здѣсь имѣть нѣсколько получше, но никакъ не можетъ курить. Еще черезъ недѣлю, по обѣщанію твоему писать каждый мѣсяцъ, мы должны получить письмо твое; хорошо было-бы, когда бы оно было съ приложеніемъ, т. е. съ деньгами: теперь онѣ у насъ очень нужны—дѣлать запасъ дровъ для зимы и пр.,— Рейхель мой писалъ ко мнѣ, что переѣзжаетъ въ Рашковъ. Когда будешь у нихъ, поцѣлуй ихъ за меня, да пожалуйста, не забывай въ письмахъ твоихъ говорить мнѣ о бѣдныхъ моихъ родныхъ. Понятія не имѣю, гдѣ теперь моя матушка: ни ты, любезный, не сказалъ мнѣ ни слова о ней въ послѣднихъ двухъ письмахъ, ни Сонюшка. Также и о Настасьѣ Александровнѣ ничего не знаю. Имѣя переписку съ нѣкоторыми моими знакомыми, живущими въ вашихъ мѣстахъ, до насъ доходятъ разныя извѣстія, между коими огорчило брата твоего то, что ты, имѣя способы выслать намъ деньги за Стояновскаго, которыя ты взялъ на себя, не поспѣшилъ успокоить нуждающагося твоего брата, а разослалъ деньги тѣмъ, которые имѣютъ тысячи способовъ помочь себѣ, живучи въ большомъ кругу знакомыхъ. Впрочемъ, покуда ты получишь письмо мое, навѣрно, мы давно получимъ деньги, но грустно, что когда болѣе всего имѣешь въ нихъ нужду, тогда ихъ нѣтъ, а когда время пройдетъ, что можно было сдѣлать какое либо заготовленіе, тогда ни достать нельзя ничего, и все втрое дороже надо платить. Съ нашими же способами это очень разорительно.—Поклонись отъ насъ, любезный другъ, доброму Игнатію Онуфріевичу. Мы отъ

него не имѣемъ писемъ, но вѣроятно, будетъ онъ писать, когда совсѣмъ поселится въ Хрустовой. Фердинандъ Богдановичъ кланяться тебѣ поручилъ. Вчерась мы съ нимъ толковали о тебѣ. Онъ тебя очень любитъ и всегда съ большимъ удовольствіемъ говоритъ о тебѣ съ нами. Павелъ Васильевичъ не имѣетъ денегъ о сю пору отъ родныхъ. Онъ старѣетъ и дѣлается день ото дня угрюмѣе. Всѣ другіе твои знакомые здоровы, всегда тебя помнятъ и любятъ. Прощай, другъ мой, буду тебѣ больше писать по полученіи твоего письма. Я еще очень нездорова и не могу долго писать. Желаю душевно, чтобы письмо мое застало тебя въ лучшемъ здоровьи и въ хорошемъ расположеніи, тогда ты на меня не будешь гнѣваться. Иначе письмо мое тебя разсердитъ несправедливо противъ меня. Во всякомъ слѣчаѣ, мой братъ любезный, я лучше желала-бы, чтобы ты имѣлъ причину обвинять меня, чѣмъ самого себя. Еще тебя душевно обнимаю за себя и брата твоего. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и лучшій другъ твой Марія Юшневская.

8 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

XIX.

„Любезный Семенъ Петровичъ! . . . . . .

. . . . . .

Теперь у насъ и передѣлки въ домѣ, и гроша денегъ нѣту. Все въ ожиданіи начали работу: иначе надо бы замерзнуть отъ холоду, не исправивъ печей и не сдѣлавъ другихъ необходимыхъ починокъ. Не дай Богъ, если ты мой другъ, замедлишь: въ большое затрудненіе насъ поставишь.—Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Завтра день моихъ имянинъ, и я съ твоимъ братомъ проведемъ день въ воспоминаніяхъ о васъ, хотя нѣтъ дня, въ который бы мы не говорили о тебѣ, или Сонѣ моей, но какъ-то всегда случается, что есть дни, въ которые мы еще больше бываемъ съ вами.—Мое здоровье тоже лучше нѣсколько, но не могу похвалиться, чтобы я была совершенно здорова. Каждый

день огорчаясь, нельзя быть иначе. Одни страданія доведутъ до такого изнеможенія хуже болѣзней всякихъ. Фердинандъ Богдановичъ тебѣ кланяется. Онъ здоровъ. Сегодня, будучи у насъ, просилъ меня сказать тебѣ, что онъ любитъ тебя всегда отъ всего сердца. Басаргинъ, кажется, началъ полнѣть, но такъ мало, что едва примѣтно. Ивашевъ скоро будетъ такъ полонъ, какъ Левен. (?). Вчерась онъ былъ тронутъ до слезъ, прощаясь съ однимъ товарищемъ и другомъ своимъ, который отправленъ на поселеніе, кончивъ назначенные годы въ работу. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и Розенъ. Жена его отправилась впередъ. У нея маленькій сынъ, и она тихо поѣдетъ до назначеннаго мѣста для поселенія ея мужа. Очень милая и добрая убыла у насъ дама. Всѣ отъ души радовались, что она, по крайней мѣрѣ, уѣхала въ лучшій климатъ жить, какъ было здѣсь, но не менѣе того грустно было разстаться съ столь милою особой.—У насъ опять сдѣлалось тепло, но какая польза, когда морозъ погубилъ у насъ многія растенія. Пропали мои труды. Огурцы, картофель, разные цвѣты,—все погибло, и я не навѣдываюсь даже въ огородъ: такъ огорчилась. Еще въ послѣдній разъ на будущій годъ попробую засѣять свой огородъ. Если такъ-же пропадетъ, то засажу одними кедрами это мѣсто, сдѣлаю клумбы для моего бѣднаго Еминьки, который очень старъ сдѣлался, уже почти не дышитъ, а хрипитъ, особливо, когда идетъ, но все очень интересенъ, и я люблю его, кажется, еще больше....

22 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

XX.

12 Августа 1832.
Петровскій заводъ.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ! . . . . . .

. . . . . .

Аврамовъ кланяется тебѣ, желаетъ благополучія и никогда не переставалъ любить тебя. Что касается до насъ, то мы

не можемъ довольно нахвалиться его дружбой. Фердинандъ Богдановичъ тоже душевно тебя обнимаетъ. Онъ здоровъ. И слава Богу нельзя пожаловаться, чтобы у насъ въ эту минуту были больные, хотя время очень холодное. Здѣшніе жители говорятъ, что 20 лѣтъ тому точно было такое лѣто. У насъ морозы начались въ іюлѣ мѣсяцѣ, и было три мороза, которые погубили всѣ наши огороды. Въ окружности Петровскаго обѣщаютъ неурожай. Цвѣтъ хлѣба позябъ, и слѣдовательно, осталась одна солома. Сѣна тоже нѣтъ: очень мало, и дурное. Дороговизна будетъ великая, а у насъ и безъ того нельзя похвалиться, чтобы дешевый хлѣбъ, за то говорятъ, что кедровыхъ орѣховъ очень много. Здѣсь мы, люди бѣдные, кому изъ Россіи не присылаютъ прованскаго масла, употребляемъ орѣховое, и съ салатомъ хорошо довольно, но я не могу ѣсть его: меня оно очень тошнитъ, а рыбу жарить въ этомъ маслѣ очень хорошо. Впрочемъ, здѣсь такъ называемый безмѣнъ, значитъ 2 съ половиною фунта, стоитъ 3 рубля сего масла,—тоже нельзя сказать, дешево: это полштофа выходитъ.—Вотъ тебѣ, душа моя, описала часть одну по хозяйству. Если тебя не интересуетъ, то извини, что отняла у тебя время, которое ты бы могъ лучше употребить. Холодъ лишилъ насъ даже удовольствія кушать здѣшнія ягоды. Земляники было очень мало; малины вовсе нѣтъ. Одни у насъ и есть здѣсь грибы, масленики и рыжики. И тѣхъ о сю пору еще не видать.—Представь себѣ, милый другъ, что я пишу и поминутно руки грѣю: перо не могу удержать,—такъ озябла. Я же сегодня дома. У насъ поправки въ домѣ, и нельзя печку затопить. Братъ твой бранитъ меня, зачѣмъ шубу не надѣну, а мнѣ совѣстно въ это время надѣть ее. Братъ твой, благодарю Бога, здоровъ. Онъ поправился въ лицѣ, но самъ онъ не полнѣетъ однакоже. Онъ теперь гораздо бодрѣе и въ лучшемъ расположеніи духа. Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно и желаетъ, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ и спокойнымъ отъ твоихъ хлопотливыхъ дѣлъ. Прости мой другъ! Прошу тебя

поцѣловать ручку у моей маменьки. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марья Юшневская.

XXI.

. . . . . .

. . . . . , ...

Всѣ твои знакомые кланяются тебѣ. Какъ часто говорю я съ ними о тебѣ, и они, зная, что это любимый мой разговоръ, ничего не упускаютъ въ воспоминаніяхъ самыхъ пріятныхъ. Недавно говорили мы, какъ ударились о закладъ идти пѣшкомъ на .....[1]); ходили въ театръ съ тобой, Бѣлявская; Александръ Крюковъ про М-me Месъ вспомнилъ; какъ похоже рисовалъ ты Балабана, Вишневскаго, горячая нога, которою билъ онъ тактъ, давая тебѣ уроки; поѣздка наша въ Умань, обѣдъ въ Софіевкѣ,—все такъ живо представляется памяти моей, все это о сю пору столько дѣлаетъ меня счастливою. Помнишь, какъ ты выслалъ Владиміра ко мнѣ, когда была я въ С.-Петербургѣ. Неужели ты теперь настолько же добръ? Да, мой другъ, ты тотъ-же, и я тебя иначе не умѣю себѣ представить.—Вообрази себѣ, мой другъ, письмо сіе пишу я тебѣ въ тюрьмѣ; противъ меня сидитъ твой братъ, играетъ на фортепьянахъ Фрейшюца (а 4 mains, съ тобою, бывало, онъ игралъ); подлѣ него стоитъ Пестовъ, который слушаетъ твоего брата, а я пишу къ тебѣ, душевно утѣшаясь прошедшимъ: лишь тѣнь моя теперь здѣсь,—мое все помышленіе въ эту минуту при тебѣ.—Прощай, любезный братъ! Если тебя письмо сіе такъ потрясетъ, въ какомъ я волненіи пишу его, то ты меня бранить будешь, зачѣмъ я его написала.—Прощай! Я и братъ твой всѣмъ сердцемъ тебя обнимаемъ и желаемъ, чтобы письмо мое застало тебя здоровымъ и спокойнымъ душевно. Вручи письмо мое ма-

[1]) Слово не разобрано.

тушкѣ и поцѣлуй у нея ручку.—Лучшій твой другъ и сестра Марья Юшневская.

29 Іюля 1832.
Петровскій заводъ.

Пожалуйста, всѣ письма, которыя ты пишешь твоему брату, адресуй на мое имя.

XXII.

26 Августа 1832.
Петровскій заводъ.

Благодаримъ тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, за присылку давно ожидаемыхъ полутора тысячъ рублей, которые, наконецъ, мы получили. Нельзя описать тебѣ, до какой крайности дошли мы, ожидая оныхъ. Душевно благодаримъ почтеннаго Игнатія Онуфріевича за то, что онъ доставилъ тебѣ возможность выслать эту сумму. Кромѣ дружбы, какую онъ тебѣ оказываетъ, мы увѣрены, что испытанное расположеніе его къ намъ не мало способствовало къ оказанію этого одолженія. Потрудись засвидѣтельствовать ему нашу благодарность и дружбу.— Съ большимъ участіемъ читали мы нѣкоторыя извѣстія о прежнихъ нашихъ знакомыхъ и въ особенности о почтенномъ Карлѣ Ѳеодоровичѣ. Жаль, что ты ничего не сказалъ о Софьѣ Карловнѣ, о которой очень желаемъ узнать, гдѣ и какъ она живетъ, и потому прошу тебя, мой другъ, узнать о ней и насъ увѣдомить. Съ чувствомъ душевной благодарности читалъ братъ, сколько ты хвалишься расположеніемъ, которое Карлъ Ѳеодоровичъ тебѣ оказываетъ. Засвидѣтельствуй ему нашъ поклонъ и увѣрь, что гдѣ-бы мы ни были, никогда не изгладится въ насъ память о неизмѣнномъ участіи и дружбѣ, которыя онъ во всѣхъ обстоятельствахъ, несмотря ни на какіе перевороты судьбы, постоянно намъ оказывалъ. Братъ очень желаетъ, чтобы ты постарался сохранить расположеніе этого добраго и почтеннаго человѣка. О графѣ я читала уже въ нѣмецкихъ

и французскихъ газетахъ въ одно время съ полученіемъ твоего письма отъ 10 Іюня, что онъ въ половинѣ того-же мѣсяца былъ уже въ Вюрцбургѣ.—Ton frère a été très sensible aux expressions d'amitié que tu lui adresse en particulier dans ta lettre. Il te prie d'être persuadé, qu'il n'a jamais cessé de t'aimer mutuellement en depit de ce qu'il m'avait chargé de te dire dans quelques une de mes lettres. Il est très content d'apprendre ce que tu dis au sujet de tes occupations. Il te conseille de ne point négliger la musique sans te decourager de ce que t'a dit Nowotny. Tu auras toujours assez de la force pour executer toute pièce de musique de la manière à en comprendre les idèes et même les beautés non pas pour se faire entendre, mais au moins pour te contenter toi même, et c'en est assez pour un amateur. Tu sais que c'était toujours l'occupation favorite de ton frère. Il sent cependant qu'ayant été privé pendant quelques années de piano il a beaucoup perdu de la force. Néanmoins il ne cesse point de consacrer à la musique toutes les heures qu'il peut derober à la lecture. Son piano est tellement delabré qu'il n'y a pas moyen de bien executer les difficultés. Si jamais nos affaires seront ameilliorées je ferai mon possible de lui procurer un autre instrument, surtout un royal pour pouvoir jouer avec accompagnement, car dans sa position la musique lui procure constamment des jouissances qu'aucune autre occupation ne saurait suppléer. En attendant il te prie, mon cher ami, de lui procurer par la première occasion deux de ses pièces favorites qui se trouvaint autrefois dans sa collection. Comme il ne peut pas en indiquer les numeros je t'en ecrirai le commencement. C'est une sonate de Pixis que tu connais tres bien, accompagnée de violon ou de violoncelle; il desire l'avoir avec les deux parties d'accompagnement. Ensuite des variations de Moscheles sur un air autrichien [1]), et enfin Variations par Herz sur la dernière valse de Weber op. 51,—c'est, je crois, la seule pièce de Herz qui merite d'être entendue et encore ce n'est que parceque le thème

[1]) Затѣмъ слѣдуютъ двѣ строки нотъ сонаты Пиксиса и Варіацій Мошелеса.

n'est pas de lui. Nous avons ici les catalogues de musique de Petersbourg et de Moscou, mais ce n'est le temps de panser à venir des notes. Si cependaut il t'arive d'entendre quelque chose de très beau et de nouveau soit avec soit sans accompagnement tu feras un grand plaisir à ton frère en le lui procurant quelque fois. Mais avant cela tache de lui envoyer du tabac, car il n'en a plus aucun et a cessé de fumer. Ton frére se porte bien. Il t'embrasse tendrement et il t'aime de tout son coeur.—Я хочу еще сказать тебѣ, мой другъ, Семенъ Петровичъ, что у насъ есть квартетъ, и братъ твой въ этомъ квартетѣ играетъ на альтѣ. У насъ музыканты, которые очень напоминаютъ Сабурова, Бѣлявскаго, Александра Потоцкаго etc..—Бѣдная Бѣлявская! Какъ-то она хозяйничаетъ въ своемъ виноградномъ саду. П. В., быть можетъ, изъ жалости къ ея сиротству, женился бы, если бы она была здѣсь. Когда ее увидишь, поклонись ей отъ меня. Вольфъ тебѣ кланяется, Басаргинъ, и, однимъ словомъ, всѣ знакомые. Какъ интересно было прочесть имъ всѣмъ про тульчинскихъ знакомымъ, и ты, милый мой, снабжай иногда извѣстіями о знакомыхъ.—Въ сію минуту, когда пишу къ тебѣ это письмо, другъ мой, сидитъ у меня Марфа Дмитріевна Ринке..... и поручаетъ поклониться отъ нея брату, Осипу Варѳоломеевичу. Она очень добрая и милая особа, говоритъ такъ плавно и хорошо, что пріятно ее слушать. Въ первые дни нашего знакомства она поплакала, вспоминая своего покойника, Варфоломея, а теперь говоритъ она спокойно. Дѣтей она не взяла съ собой, но въ другой пріѣздъ сюды она привезетъ. Говоритъ, что старшій, Александръ, очень похожъ на отца. Потомъ дочь Анна, и меньшій самый сынъ, Дмитрій, похожъ на дядю, Осипа. Человѣкъ, Емельянъ, который пріѣхалъ сюда съ братомъ Рин., просилъ меня очень поклониться отъ него Осипу Варфоломеевичу.—На сей разъ будетъ писать тебѣ, другъ мой: мнѣ еще очень много съ сею почтою надо писать, а у меня сидитъ гостья. Отъ Сонюшки моей два мѣсяца не имѣю я извѣстій. Съ прошлою почтою получила я отъ Вегелиной. Она мнѣ сказала, что мои дѣти—здоровы, а тебя прошу всякій разъ, когда ты

ихъ видишь, увѣдоми меня о нихъ.—Поцѣлуй ручку за меня у матушки моей. Скажи ей, что я и мужъ мой здоровы.—Я прозябла до костей: у насъ другой день снѣгъ идетъ. Голодъ ужасный: хлѣба не будетъ, и дороговизна неимовѣрная, навѣрное, будетъ.—Adieu, mon cher, mon bon ami! Je t'embrasse d'âme et du coeur et suis sincerement attachée, soeur et amie, Марья Юшневская.

XXIII.

Милый, любезный, другъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, не чувствуетъ слабости, которая его ужасно томила, и поправился немного въ лицѣ, но боль по утрамъ бываетъ у него, особенно, подъ грудью. Вольфъ говоритъ, что это нервическая боль. Она его мучаетъ днями и часто его безпокоитъ. Я почти всякій день имѣю такую-же боль. И нельзя не разстроить здоровья, перенеся столько душевныхъ потрясеній. Я съ твоимъ братомъ и теперь столько имѣемъ причинъ огорчаться. Не говоря, что довольно уже нашего положенія, погода у насъ несносная: вчерась цѣлый день шелъ дождь, и сегодня сырая и вѣтрянная погода. Все лѣто, какъ ты по письмамъ моимъ видѣлъ, было у насъ дурное. У насъ началъ хворать скотъ, и у меня бѣдной захворала корова. Жаль будетъ, когда пропадетъ. У насъ очень вздорожалъ хлѣбъ, и угрожаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ: неурожай сей годъ. Послѣ полученія денегъ отъ тебя, мой другъ, мы половину употребили на уплату долговъ въ разныя руки, исправили нашъ домикъ къ зимѣ, заготовили дрова и заготовили сѣна. Но, можетъ, корова у насъ пропадетъ, тогда напрасно заботились. Какъ ни стараюсь я заводить по маленьку мое хозяйство, чтобы симъ и издержки укротить, но намъ ничто не удается, и способа нѣту достать порядочную бабу, которая-бы смотрѣла за домомъ, а что укажешь пальцемъ и еще къ тому настоишь, только то и сдѣлано. Несносно скучно съ здѣшнею услугою. Здѣсь бабы такъ

пьютъ, что у насъ рѣдко мужика найдешь, однимъ словомъ, какъ въ Хрустовой у тебя поваръ Гришка и Анисимъ портной. Ты посуди, что къ сему и на руки нечисты, по большей части. И такъ теперь представь себѣ, мой другъ, какъ должна я заботиться сама обо всемъ. Пожалѣй меня, а пособить моему горю, хоть бы ты и хотѣлъ, нельзя.—На дняхъ братъ твой игралъ въ квартетѣ на Альтѣ. Сколько разъ я вспоминала тебя и не могла удержаться отъ слезъ. Играли Фрейшюца и Русскую Пѣсню съ варіаціями. Я хочу тебѣ сознаться, что я огорчила немного первую скрипку. Когда начали приставать, зачѣмъ я расплакалась, я сказала, что такъ сильно сфальшивила скрипка и такъ запищала, что у меня сдѣлались спазмы. Разумѣется, мнѣ не повѣрили: одно самолюбіе не допустило бы повѣрить сему, а къ несчастью, у нашихъ музыкантовъ съ избыткомъ его..... Впрочемъ, віолончелистъ у насъ успѣваетъ болѣе другихъ. Братъ твой играетъ на Альтѣ и въ квартетахъ, надо ему отдать справедливость, читаетъ очень твердо свои ноты. Послѣ завтра хочетъ онъ поиграть на фортепьянахъ со скрипкою. Вадковскій очень хорошо и пріятно играетъ, и онъ—первая скрипка, а Николай Крюковъ—вторая,—можешь посему посудить, какой бѣдный музыкантъ [1]). И такъ, другъ мой, изъ письма сего ты видишь, что иногда мы очень горюемъ, а иногда разсѣиваемъ наше горе, хоть на нѣсколько часовъ. Отъ Сонюшки скоро три мѣсяца какъ не имѣю вовсе писемъ. Это меня ужасно огорчаетъ, но дѣлать нечего, какъ терпѣть. Всѣ твои знакомые очень, очень, тебѣ кланяются, всѣ тебя помнятъ и любятъ. Даже и тѣ, которые тебя не видѣли, охотно рады посвятить нѣсколько времени для бесѣды съ нами о тебѣ. Мой другъ, изъ моихъ писемъ ты видишь, что я постоянно люблю тебя, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ твоихъ привыкла раздѣлять чувства братней къ тебѣ привязанности. Мужъ мой вселилъ въ меня эти чувства: онъ любилъ всегда тебя со всею нѣж-

[1]) Квартетъ? Фраза непонятная.

ностью. Братъ твой и я душевно тебя обнимаемъ и любимъ тебя всѣмъ сердцемъ. Марія Юшневская.

3-го Сентября.
1832.
Петровскій заводъ.

XXIV.

13 Сентября. 1832.
Петровскій заводъ.

Вчерась зашелъ къ намъ ввечеру Одоевскій [1]), милый другъ мой, Семенъ Петровичъ, и сказалъ весьма огорчительную вещь: тетушка его, г-жа Ланская, пишетъ ему, что бѣдная графиня Стефани скончалась. Меня ужасно разстроило это извѣстіе. Еще ударъ доброй почтенной графини. Сильно поразитъ ее несчастіе сына ея Людвика. Увѣдомь меня, другъ мой, дѣти его съ нимъ-ли или будутъ жить у бабушки графини. Какъ намъ жаль графа Людвика. Трудно ему перенести такую потерю: онъ былъ счастливъ своею женою. Братъ твой здоровъ, благодарю Бога, душевно тебя обнимаетъ и проситъ тебя поклониться отъ него доброму Игнатію Онуфріевичу. Отъ Рейхеля уже скоро три мѣсяца, какъ не имѣемъ никакого извѣстія. Между тѣмъ получила я уже два письма отъ M-er Weguelin. Онъ пишетъ, что они всѣ здоровы. Не понимаю, почему они не пишутъ. Когда увидишься съ ними, попеняй имъ, пожалуйста. Братъ твой не куритъ вовсе теперь трубки: нѣтъ табаку, и я горюю, что сего удовольствія не могу ему доставить. Ожидаю, однако же, что вскорѣ ты ему пришлешь. Я много разъ, любезный другъ, просила тебя о семъ и теперь еще повторяю мою просьбу. Не ожидай очень хорошаго табаку, пришли, какой можно достать у.... [2]) въ Тульчинѣ. Лишь бы былъ крѣ-

[1]) Примѣчаніе въ подлинникѣ внизу страницы: „двоюродный братъ тому, съ которымъ ты учился въ пансіонѣ и также поэтъ“.

[2]) Имя продавца не разобрано.

покь: ты знаешь, что братъ твой слабаго не можетъ курить. Съ прошлою почтою я писала тебѣ, что у насъ, въ Петровскомъ, скотской падежъ, и что у меня корова захворала. Потужи со мной: она пропала, и ты мнѣ изъ Хустовой другой прислать не можешь. Удивительно, какъ пропадаетъ скотъ. Мнѣ вчерась сказали, что въ одномъ табунѣ, гдѣ было 470 штукъ, осталось только 32 [1]). Все у насъ дороже становится. Вообрази, что пудъ муки ржаной простой (потому что у насъ пеклеваной не бываетъ) по рублю пятьдесятъ коп., а сюда мы пріѣхали былъ пудъ по 70 куп. И въ соразмѣрности съ симъ все такъ вздорожало. П. В. кланяется тебѣ. Вольфъ, Басаргинъ и прочіе твои знакомые всѣ тебя обнимаютъ, всѣ здоровы, и всѣ тебя помнятъ. Сегодня вечеръ провели мы, вспоминая И. С. Гаргали и его семейство,—Лореръ ихъ знаетъ,—и семейство добрыхъ нашихъ сосѣдей. Пожалуйста, увѣдомь меня подробнѣе о нихъ. Скажи также, часто-ли ты видишь państwo Chomentowskich (господъ Хоментовскихъ): ты давно ничего о нихъ не говоришь... Послѣ завтра у меня двѣ имянинницы, дочь и внучка, и натурально, буду я въ ихъ въ кругу, хотя не проходитъ дня, чтобы въ мысли не быть съ вами. И кончится всегда, что сдѣлается еще грустнѣе, расплачусь, а пособить своему горю невозможно. Братъ твой читаетъ теперь Mémoires d'un Apothicaire. Онъ былъ въ плѣну во время войны французовъ съ испанцами. Я съ большимъ любопытствомъ слушала: такое сходство съ нашимъ положеніемъ. Прочти, если тебѣ попадется эта книга. Постарайся достать себѣ романъ въ двухъ частяхъ „Notre Dame de Paris“ par Victor Hugo. Ручаюсь тебѣ, что съ большимъ удовольствіемъ прочтешь его. Напиши брату, милый мой, что теперь тебя занимаетъ, какое чтеніе: ему пріятно знать все, что касается до тебя и твоихъ занятій. Прости, любезный другъ, братъ твой и я душевно тебя обнимаемъ и молимъ

[1]) Въ концѣ страницы письма правительственной цензурой сдѣлана приписка: „несправедливо“.

Бога, чтобы ты былъ здоровъ. Сестра и другъ твой Марія Юшневская.

Матушкѣ моей поцѣлуй ручку за меня и скажи, что я и мужъ мой здоровы.

XXV.

Другъ мой, Семенъ Петровичъ! вчерась получили мы письмо твое, писанное въ Тульчинѣ, на дорогѣ твоей въ Каменецъ. Оно отъ 6-го Іюня, но послано, я полагаю, 13 числа. Ты пишешь, что Рейхель писалъ ко мнѣ. Мы не получили письма его. Быть можетъ, съ будущею почтою получу. Тебя же прошу, душа моя, во всякомъ твоемъ письмѣ увѣдомляй меня о нихъ. Въ прошломъ письмѣ я тебѣ сказала, что ужь три мѣсяца, какъ отъ нихъ не имѣю писемъ, а однажды я 7 мѣсяцевъ не получала. Скоро я совсѣмъ ослѣпну отъ слезъ: такъ меня мучаетъ ихъ молчаніе. Ты можешь представить себѣ легко, сколько я благодарна тебѣ, что чаще намъ теперь пишешь, и что въ письмахъ твоихъ говоришь о дѣтяхъ моихъ... Другъ мой, Семенъ Петровичъ! Срокъ мой писать тебѣ съ будущею почтою, потому что пишу я каждыя двѣ недѣли аккуратно, но, получа письмо твое, я не могу утерпѣть, мой любезный, чтобы не отвѣтить тебѣ тотчасъ; съ будущею почтою буду подробнѣе и отвѣчать на твое письмо, вмѣстѣ сообщу тебѣ все, что братъ твой мнѣ поручаетъ, но сегодня, пришедъ изъ каземата, вздумала я тебѣ написать коротенькое письмо, чтобы только сказать, что братъ твой здоровъ, ночи три не спалъ почти вовсе. Ты знаешь, что онъ иногда страдалъ безсонницей отъ геморроидальныхъ припадковъ. И теперь онъ очень иногда страдаетъ. Впрочемъ, онъ здоровъ теперь и немного поправился, но не мало не пополнѣлъ; только цвѣтъ лица сдѣлался здоровѣе и чище. Письма два писала я тебѣ и собиралась просить, чтобы ты выслалъ брату календарь на будущій годъ, но забывала. Сдѣлай дружбу, душа моя, пришли брату не-

премѣнно календарь тотчасъ по полученіи сего письма и, если нельзя достать Петербургскій, то хоть Бердичевскій. а то мученіе безъ него, и помни разъ на всегда, чтобы заранѣе высылать ему просимый календарь на будущій годъ: ты брата очень симъ одолжишь. Благодарю тебя, мой другъ, также за обѣщаніе исполнить мои коммиссіи. Я и не помню, любезный, какія тебѣ поручила, и пожалуйста, любезный другъ, если бы мнѣ и случилось когда о чемъ тебя попросить для себя, не обращай никакого вниманія и не исполняй моихъ просьбъ, когда я прошу тебя о чемъ-либо для себя, но если я прошу тебя о чемъ-нибудь для брата твоего, тогда, пожалуйста, высылай ему все, потому что я только прошу о томъ, въ чемъ онъ нуждается, и увѣрена, что ты очень бы огорчился, если-бы я лишила тебя удовольствія позаботиться о нуждахъ твоего брата. Что касается до меня, мнѣ ничего болѣе не надо, какъ только, чтобы брату твоему было хорошо, и еще было-бы мнѣ что нужно для работы: я не могу безъ занятія быть. Прости мой милый другъ, любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Да сохранитъ тебя Богъ въ добромъ здоровьи. Любящая тебя всѣмъ сердцемъ сестра и лучшій другъ твой на всегда, Марія Юшневская.

24 сентября 1832.
Петровскій заводъ.

Къ исторіи первыхъ временъ уніи на Волыни.

Лѣто 1904 г. посвящено было мною археологической экскурсіи по Ковельскому уѣзду Волынской губерніи, давшей не мало любопытнаго, хотя еще необработаннаго матеріала. Между прочимъ, не мало подобнаго матеріала найдено мною въ м. Ратно. Нѣкоторые изъ найденныхъ здѣсь документовъ, въ точной копіи приводимые ниже, послужили основаніемъ для настоящей замѣтки. Не представляя чего-либо оригинальнаго, они даютъ однако нелишнюю черту для характеристики митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго, для исторіи отношеній между православнымъ населеніемъ Волыни, его духовными руководителями-уніатами и католическимъ духовенствомъ.

„Въ Ратнѣ православная вѣра издревле процвѣтала. Жители его были весьма тверды въ вѣрѣ своихъ предковъ и энергично отстаивали ее, противясь насильственнному введенію у нихъ уніи“ [1]). Характеристика довольно распространенная не для одного Ратна. Изъ того, что Ратно значится въ спискѣ городовъ, въ которыхъ предоставлены были православнымъ извѣстныя права по статьямъ „объ успокоеніи

[1]) Н. И. Теодоровичъ: Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ. т. V. Почаевъ, 1903 г., стр. 353.

религіи" 1632 г. и изъ отношеній Ратненскихъ мѣщанъ къ своему Пречистенскому священнику-уніату Михаилу Кульчицкому въ 1635 г., выводится, что только во второй четверти XVII в. появилась унія въ Ратнѣ и была встрѣчена населеніемъ весьма непріязненно. Акты, послужившіе матеріаломъ для настоящаго сообщенія, заставляютъ внести въ это положеніе значительную поправку.

Въ основѣ тенденціозныхъ сужденій, подобныхъ вышеприведенному, заключается смѣшеніе отношеній къ уніи народной массы и ея богословски-образованныхъ руководителей. Кромѣ того, обыкновенно упускаютъ изъ виду, что на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, даже въ руководящихъ слояхъ православной западно-русской интеллигенціи протестъ противъ уніи обусловливался не столько ея догматико-каноническою сущностью, сколько тою безцеремонностью, съ какою введена она была двумя епископами, при поддержкѣ превысившаго свои права въ этомъ отношеніи короля. Какъ относились къ вопросу объ уніи вообще въ концѣ XVI в. даже такіе руководители православной западно-русской интеллигенціи, какъ князь К. К. Острожскій, это вещь общеизвѣстная. A priori можно утверждать, что низшіе классы западно-русскаго населенія еще менѣе способны были въ латинствѣ видѣть иную, чуть не басурманскую, еретическую вѣру, еще менѣе способны были разсуждать о догматическихъ тонкостяхъ, въ родѣ Filioque, о каноническихъ правахъ Константинопольскаго патріарха или Римскаго папы и т. п. Унія въ той формѣ, какъ она вводима была на Руси, имѣла для большинства русскаго населенія другое значеніе: унія была посягательствомъ на его національную особность, на его вѣковыя традиціи. Для массы было дорого наслѣдіе предковъ въ его наиболѣе доступной, внѣшней формѣ: старый обрядъ, старый календарь, свои священники, свои храмы. И какъ латинство издавна въ глазахъ народа отожествилось съ полонизмомъ, католическая вѣра была вѣрою польскою, такъ и православіе стало національнымъ русскимъ лозунгомъ не во мгновеніе ока, а постепенно, въ силу нескрываемыхъ

польско-католическихъ тенденцій неумѣренныхъ ревнителей уніи. Эти послѣдніе, видя въ уніи лишь замаскированное латинство, первый рѣшительный шагъ къ ополяченію, всѣми силами старались довести націю до естественнаго и неизбѣжнаго конца. Отсюда и развивались народныя волненія, которымъ болѣе образованные православные богословы, лучше понимавшіе религіозную опасность уніи, могли только способствовать: но не они, а сами уніаты и католики вызывали эти волненія.

17 октября 1614 г. мѣщане Ратненскіе подали митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому жалобу на религіозныя притѣсненія имъ. Изъ акта не видно, чтобы мѣщане противились недавно провозглашенному религіозному соединенію и не признавали уніатской іерархіи. Ихъ желанія сводятся лишь къ тому, „абы мы.. мали заховане при всихъ стародавныхъ.. церемонияхъ и набоженствѣ звыкломъ.., абы календар стародавный.., а также порядкомъ своимъ свята припадаючые отпраздновалися..; абы свещенницы наши в костеле службы не отправовали..; абы в своихъ парафѣяновъ наши свещенницы охрещовали, а не ксондзъ.. и абы в своего ксондза римляне споведалисе, а нас до того абы не примушали". Вотъ и всѣ ихъ желанія. „А што ся ткнет секраментов костелных и церкви нашое (уніатской), признаваемо и вѣримо; также стороны братства намъ с католиками, давно ихъ маемо за братию, а не маемо, Боже уховай, за геретики". Ратненскіе мѣщане согласны даже и на то: „который бы то схотѣлъ, по доброй воли своей, утечисе до ксендза, жадаючи исповѣди, того волно приняти". Какъ видно, требованія Ратненскихъ мѣщанъ были весьма скромны, и письменное выраженіе ихъ въ жалобѣ митрополиту свидѣтельствуетъ, что даже эти скромныя желанія встрѣчали препятствіе со стороны Ратненскихъ ксендзовъ, можетъ быть, не безъ, содѣйствія въ томъ послѣднимъ со стороны свѣтскихъ властей.

Ходатайство Ратненскихъ мѣщанъ было одною изъ многочисленныхъ, вѣроятно, жалобъ подобнаго рода, заставившихъ митрополита Рутскаго, незадолго передъ тѣмъ въ 1613 г.

занявшаго митрополичью каѳедру, рѣшиться на попытку личнымъ посѣщеніемъ установить modus vivendi. Тѣмъ же 17 октября 1614 г. помѣчена грамота его Ратненскимъ мѣщанамъ, служащая отвѣтомъ имъ на вышеизложенную жалобу. Здѣсь Рутскій прежде всего указываетъ на цѣль своего архипастырскаго объѣзда „до епископій иншихъ.. еслибы в епископіяхъ ихъ нестроенне было, в кротости духа исправити, приехавшы". Въ Ратнѣ м. Рутскій имѣлъ совѣщаніе сначала со священниками, а потомъ и съ громадою городскою, и затѣмъ далъ мѣщанамъ вышеуказанную грамоту. Въ ней онъ исключительно почти настаиваетъ на необходимости признанія церковной уніи: „кто в таком соединеню не будет, тотъ спасен не будет". Далѣе митрополитъ обѣщаетъ, что „за тымъ соединенемъ жадная уйма церемоній нашихъ церковныхъ не будет", а именно: „в службе божой в хлѣбе кисломъ.. тежъ шафоване божих даров и всякое иное услуговане церковное ведлуг требников стародавных.., свята урочистые ведлуг календара старого.., ксенжа плебани в парафии свещенников нашихъ... втручатися нє мают, то ест в крещение, въ погребение и в венчание.., до споведи пред собою примушати не мают". Согласно заявленію мѣщанъ, митрополитъ допускаетъ однако исповѣдь православныхъ у католическаго ксендза, „если бы хто доброволне с потребы якое ксендзови споведатися хотел". Затѣмъ слѣдуетъ сравнительно обширное разсужденіе о достоинствѣ и превосходствѣ римской церкви и о значеніи уніи для спасенія души.

Такимъ образомъ, митрополитъ-уніатъ соглашается на всѣ требованія Ратненскихъ мѣщанъ и готовъ ихъ защищать всею своею „владзою, з моцы послушенства духовнаго", только бы поддержать и сохранить дорогую для него унію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ готовъ стать въ противорѣчіе съ высказанными положеніями, допуская, „втручатися в порафии" православныя ксендзамъ—противъ чего сейчасъ только горячо возражалъ—если того пожелаетъ уніатъ-прихожанинъ. Въ актѣ, содержаніе котораго мы сейчасъ изложили, вполнѣ подтверждается извѣстная доселѣ характеристика м. Іосифа

Вельямина-Рутскаго, этого fidei columnae Russiaeque Athanasii, умнаго и дальновиднаго ученика о.о. іезуитовъ, горячаго католика въ душѣ, но умѣвшаго подчинить свои католическія тенденціи требованіямъ политической осторожности.

Извѣстно, какую роль сыграли въ борьбѣ православныхъ съ уніатами западно-русскія православныя братства. Особенно на первыхъ порахъ уніи это было оружіе противника болѣе слабаго. Право патроната обезпечивало многія православныя общины Западной Руси болѣе могущественнымъ и дѣйствительнымъ покровительствомъ православныхъ магнатовъ. Подобнаго покровительства лишены были общины, подчиненныя во всѣхъ отношеніяхъ непосредственно правительству. Въ такомъ положеніи стояли старостинскіе города, и потому-то и возникли въ подобныхъ городахъ наиболѣе знаменитыя братства, которыхъ не видимъ въ то же время въ городахъ частно-владѣльческихъ. Мѣщане усердно поддерживали свои братства, обезпечивали ихъ матеріально, заботились о развитіи при нихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Было-ли въ началѣ XVII в. братство въ Ратнѣ, утверждать пока не берусь. Я склоненъ, однако, думать, что оно было, и можетъ быть, въ это именно время и организовалось. Косвенное подтвержденіе этого предположенія я нашелъ въ томъ же м. Ратнѣ, въ рукописномъ евангеліи Воскресенской церкви этого мѣстечка. Здѣсь въ концѣ книги находится запись (любопытная и со стороны языка), данная мѣщанами и жителями окрестныхъ селъ и деревень на разныя земельныя угодія Воскресенскому попу Даніилу Тиховичу (см. прилож. № 3-й). Къ сожалѣнію, въ записи нигдѣ не употребляется терминъ „братство“. Думаю однако, что терминъ этотъ надо читать между строкъ, судя по многочисленности упоминаемыхъ жертвователей и ихъ географическому распредѣленію. Запись также не датирована, но имя упоминаемаго здѣсь въ качествѣ свидѣтеля попа Пречистенскаго Ратненскаго Гриня Тиховича я нашелъ пять разъ въ той же актовой книгѣ 1608—1625 г.г. подъ 1608, 1610, 1611 и 1612 г.г. Другое рукописное евангеліе, находящееся нынѣ

въ Рождество-Богородичной церкви м. Ратна, писано въ 1610 году Воскресенскимъ священникомъ Ѳеодоромъ Григорьевичемъ Гриневичскимъ. Отсюда, если только въ Воскресенской церкви Ратна не было одновременно двухъ священниковъ, то вышеупомянутая запись Ратненскаго братства относится ко времени не позже 1609 г.

Враждебныя отношенія между Ратненскимъ уніатскимъ духовенствомъ и мѣщанами начались значительно раньше 1635 г., къ которому относитъ начало подобныхъ столкновеній Н. И. Теодоровичъ. Помѣщенный ниже документъ № IV показываетъ, что такія столкновенія имѣли мѣсто уже въ 1623 г. Весной этого года не мало Ратненскихъ мѣщанъ отправилось на „отпустъ“ (вѣроятно 9 мая, въ праздникъ св. Николая Чудотворца) въ сосѣдній Мѣлецкій монастырь, который тогда еще оставался „въ схизмѣ“. Въ наказаніе за это, Воскресенскій священникъ Григорій Гарашко не допустилъ ихъ къ цѣлованію св. Евангелія. Мѣщане взбудоражились, начали шумѣть въ церкви, бранить священника и, наконецъ, демонстративно вышли почти всѣ изъ церкви. Гарашко подалъ жалобу на зачинщиковъ „мятежа“ въ мѣстный магистратскій судъ, ссылаясь, между прочимъ, на то, что посѣщеніе схизматическаго монастыря воспрещено и мѣстною владѣлицею. Судъ приговорилъ обвиняемыхъ къ аресту въ городской тюрьмѣ и затѣмъ обязалъ просить прощенія у священника и у пани старостины.—Дальнѣйшія послѣ этого отношенія между Ратненскимъ пастыремъ и пасомыми врядъ-ли могли быть дружелюбными. Не послужило ли это обстоятельство причиною и того, что Ратно попало въ списокъ городовъ, въ которыхъ вскорѣ православные должны были получить нѣкоторыя права по статьямъ объ успокоеніи религіи 1632 г.?

Приведенные факты хотя имѣютъ частный характеръ, но весьма типичны и, полагаю, даютъ основаніе для болѣе широкаго обобщенія. Я думаю, что могу повторить положеніе, высказанное въ началѣ моей замѣтки: народная масса не видѣла существенной разницы между православіемъ и уніей, пока послѣдняя не касалась привычной обрядности; не суще-

ственная разница вѣроисповѣданій, а неумѣренная ревность нѣкоторыхъ руководителей дѣла уніи сдѣлала православіе національнымъ лозунгомъ. Къ счастью для православія, дипломатовъ, подобныхъ Рутскому, среди уніатскаго духовенства было мало, а гонителей въ родѣ Кунцевича или, по крайней мѣрѣ, въ родѣ Гарашка—несравненно больше. И если бы дѣло обстояло наоборотъ, несомнѣнно унія сдѣлала бы успѣхи болѣебыстрые и болѣе прочные.

Приложенія.

I.—Жалоба Ратненскихъ мѣщанъ митрополиту Іосифу Вельямину-Рутскому на причиненіе имъ религіозныхъ притѣсненій со стороны мѣстнаго католическаго духовенства,—17 октября 1614 г.

Актикованъе листу панов мещан Ратенскихъ до его мл. в Бозе достойно преосвещенного отца архиепископа всея Руси року 1614, мѣсяца октября 17 дня, в тот способъ, яко се верху написано:

„В Бозе достойно преосвещенный а нам милостивый пане и пастыру, отце архиепископе всего росийского языка! Мы, убогые мещанове, посполъ з свещениками а духовными нашими, покорне просимо милостивое ласки и благословенства в. м., нашого милостивого пана пастырского, за которымъ абы мы, убогие а грѣшные люде, могли заховане (мети) при всихъ стародавныхъ а от светыхъ богоносныхъ отцев преданныхъ и церемонияхъ и набоженстве звыклом светое восточное церкви, яко матки нашое, и абысмо никгды ненарушоне в ныхъ были и потомки наше, то ест, абы нам, мл. пане и пастыру, календар стародавный и при нимъ заховане были, также порядкомъ своимъ свята припадаючыи абы отпраздновалися; мы до того, мл. пане, (просимо), абы свещеници наше в костелѣ службы не отправовали, толко в своихъ церквахъ; также стороны крещения дитокъ, абы въ сво-

ихъ парафѣяновъ наше священици охрещовали, а не ксондзъ, кгдыжъ... того хотятъ пилне; стороны теж исповеди римлян, абы в своего ксендза споведалисе, а насъ до того абы не примушали, але абы мы пред своимъ духовнымъ исповедали(се) и дары божественныя приймовали; а который бы то схотелъ по доброй воли своеи утечисе до ксендза, жадаючи исповеди, того вилно приняти. А што се ткнетъ секраментов костелныхъ и церкви нашое,—признаваемо и вѣримо; также стороны братства намъ с католиками—давно мы ихъ маемо за братию, а не маемо, Боже уховай, ихъ за геретики. Прото просимо покорне милостивого благословенства в. м. нашего мл. пана и пастыра, абы есмо при тому всемъ, што есмо верху наменили, заховане были.

Смиренные сынове, духовенству и владзѣ в. м., нашому мл. пану, подлеглые мещанове з Ратна.

II.— Отвѣтная грамота митрополита Іосифа Вельямина-Рутскаго Ратненскимъ мѣщанамъ на вышеприведенную ихъ жалобу,—17 октября 1614 г.

Актикованъе конъдиций его м. я. о. метрополиты:

„Иосифъ, Божою милостию митрополит киевский и галицкий и всея Руси,—ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ, иж будучи мы з волею божою от старшихъ нашыхъ везванымъ на престолъ архиепископии киевское, галицкое и всея Руси и на немъ порядне... зечавши, уразумелисмо, же то урадови належит о всихъ божихъ церквахъ закону греческого в тыхъ панствахъ, короне Полской и великомъ князъстве Літовскомъ, старане мѣти, якобы в сихъ сторонахъ хвала божая порадне отправовалася, не толко в пределе митрополичомъ, але по всихъ епископияхъ набоженства греческого; и для того, выславши выежджыхъ своихъ в предилъ митрополии, до иншихъ епископей рушилимося сами особою своею, жебы мо ся з епископами нашое митрополие, буд то обличне, буд тежъ през писанъе, знесли и о потребахъ, урядови епископскому нале-

жачихъ, в любви братерской намовляли; также тежъ, если бы в епископіяхъ ихъ нестроеные было, в кротости духа исправили. Приехавшы теды мы до места его кролевской милости Ратеньского, пытализмося свещеников первей, потомъ у грожанъ мѣста того, если бы им на чомъ духовномъ не сходило; и найшлисмо их затрюжоныхъ в сумненяхъ, а меновите въ томъ, жебы за единостю с церковю римскою не пришло до винищеня обрядковъ, которыхъ церковъ светая восточная во отправованю хвалы божей заховала. Мы теды, с повинности ураду нашого, ихъ словне успокоивши, и сие писание, на болшее утвержение ихъ и успокоеные на вси потомные часы, к ведомости и захованю теперешнимъ и напотомъ будучимъ, заставуемъ. Напервей, нехай кождому будетъ ведомо, же соединене церкви нашое закону греческого, светобливе учиненое, у хованю мает быти от кождого християнского человѣка закону нашого греческого; также, хто в такомъ соединеню не будет, тотъ спасен не будет,—моцно тому вѣруемо и нерушно держимъ мы, пастыри, томужъ вѣровати и тоежъ держати вси овцы словесные стада Христова должны сутъ, в чомъ людей простыхъ упевняючи, души ихъ на свою, которая намъ милшая естъ, нижъ скарбы всего свѣта, пред Богомъ беремо. Упевняемо всихъ, же затымъ соединенемъ жадная уйма церемоний нашихъ церковныхъ не будет, бо добре то вси отци наши, которие соединене чинили, варовали, а меновите: в службы Божой в хлѣбе кисломъ, ведлугъ обрядковъ церкви нашое восточное, священници наши службу божую отправовати мают; также тежъ шафоване божихъ даров и всякое иншое услуговане церковное ведлуг требников стародавныхъ церкви нашое свещеници справовати мают; свята урочистые ведлугъ календара старого вси люди закону нашого обходити мают, в чомъ если бы хто з духовныхъ албо свецкихъ набоженства римъского насилие якое чинити похотел, мы ся за тое брати и того не допущати обецуемъ; ксенжа плебани в парафии свещенников нашихъ, и взаемъ тежъ свещенници в парафии ихъ, втручатися не мают, то ест, в крещение, в погребение и

в венчание; ксенжа римъская людей набожэнства нашого греческого до споведи пред собою примушати не мают; ведже если бы хто доброволне, с потребы якое, ксендзови споведатися хотел, тое ему не будет заборунено; еднак же то варуемо, жебы кождый такий в своимъ набоженстве греческомъ зоставалъ, а до римского не приходилъ; свещенницы при литоргии светой епископа своего, если будет (во едности), во первыхъ поминати мают, а если бы епископъ во единости не былъ, то митрополита. И жебы сведалъ людъ посполитый закону нашего греческого, в чомъ соединение церкви нашое с церковию римскою залежитъ, такъ нехай вѣдают и тое держатъ, же люде набоженства римского сутъ правдивыми хрестиянами и в правдивой вѣри, и церковъ ихъ правдивая церковъ, такъ власне, як о сибѣ держимо, же мы правдивые хрестианы, жесмо в правдивои вѣри, же церковъ наша правдивая церковъ, и предся тое обое ест одно хрестиянство; вѣра такъ наша, як ихъ, ест одна вѣра, и церковъ ихъ и наша ест една церковъ, во единого Бога нашого, которого розные народы хвалятъ розными языками и рожнымъ отправованемъ набоженства (вѣруемо), але всихъ тыхъ сердце едино и душа едина. Такую церковъ Господь нашъ Исус Хс постановилъ, такая была за часов апостолъскихъ; тоежъ мает в мѣсти и в державахъ Ратенскихъ (быти). Которое писане нашое жебы от всихъ держано было, мѣти хочемо и з владзы пастеръства нашого росказуемо; а хтобы противко тому повстати хотил, духовный або свицкий, неблагословеню нашому, клятве духовной подвергати(ся) будет, а врадови свецкому замку тутешнего над кождымъ такимъ, не толко свецкимъ, але и духовным, моц зупелную даемо, што и братъ смирения нашого, епископъ Холмский и Белский, с повинности своее, постерегати мает, яко бы все тое тымъ способом, яко се писало ту, в мѣсти Ратенскомъ и по волностях до него прилеглых заховалосе, под неблагословенемъ нашимъ. Который то лист наш рукою нашою подписаный естъ и печатю духовною запечатованый.

Писан въ Ратне, лѣта от нароженя Сына Божого тисеча шестсотъ чотыренадцатого, мца октябра семнадцатого дня.

Іосиѳъ Архиепископъ, рукою власною. (Пецат.)

Оба акта заимствованы изъ книги Ратненскаго магистрата за 1608—1625 гг., принадлежащей къ моему собранію. Книга эта въ бумажномъ, оклеенномъ желтою кожею, переплетѣ, заключаетъ въ себѣ 436 нумерованныхъ съ обѣихъ сторонъ листовъ; акты всѣ почти на польскомъ языкѣ; нижній край книги у корешка обгрызенъ мышами; въ текстѣ есть также проточины и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернила расплылись отъ подмочки и выцвѣли. Акты переданы здѣсь буквально, за исключеніемъ пунктуаціи и церковно-славянскихъ буквъ: ꙋ, ѧ и ꙗ, встрѣчающихся въ оригиналѣ; въ скобкахъ находятся буквы и слова, вставленныя по догадкѣ; точками отмѣчены испорченныя и потому не прочтенныя нами въ оригиналѣ мѣста.

III.—Дарственная запись на земельныя угодья причту Ратненской Воскресенской церкви отъ мѣщанъ г. Ратна и жителей окрестныхъ селъ, занесенная въ Евангеліе,— безъ даты, но, вѣроятно, около 1609 г.

Заставци оу ратнї. очичеве. дали ѡстровь доубища. ко ст҃омоу. тридневномоу воскресенїю. а при томь было. множество добры҃х людей ратнѧнь. и ветлѧнь. стороньнь҃х людеи. попь быль. пречискии. ратеньскии. быль гринь тиховичь. рѧц҃кии. потепеньчичь. ѡлезарь рѧ҃цкии. саневичь иванко. из ветель дичковичь ноуцко а бакоуновичь. из ветель. а оу голова҃х первыи на имѧ байко. из братьею даваль. а чю҃нскии даль нивоу, из синожатми нѣзъ. а можиковичь жюкь а санець даль. а вирьблевичь ѡлишко. из братьею дали. и тюхлевичи дали ко ст҃омоу вскресению. а ѧ єсми попь воскресенцьки тиховичь данїлии. ты҃х оусѣхь моужи. с пре҃ки. оуписаль. оу соубоут-

никь. за той ѡструвь за доубища. штоⷯ придали. коу церкви бо҃жи. саневичи из мерыслоувци. дали нивоу и щертеж҃. за глс҃нею. а петроувьци. за гатю дали. нивоу. и синожаⷮ древнею. а пигиль даль за ѡсовыми синожать. ко цр҃кви божюи и ѧ єсми єго оуписаль. и женоу єго. а ѡчковичь. ивань даль оу варищⷯо. лань. и синожатю по самыї глинокопы. по ѿци. и по матери. по соби и по жени. своеи. и ѧ за то иⷯ оуписаль оу соубоутниⷦ. а боѧринь мичинарь. нс тивономь. и з братьею. дали нивоу. за стороникомь. кⷪ цр҃кви бж҃ии. ст҃омоу воскресению вечисто. а шило стецко. из маркомь братоⷨ своиⷨ. дали чертеⷯ. межи возноувками ст҃омоу воскресению. байко даль с костюкомь в доубищоⷯ нивы синожатми. а при тоуⷨ наданьи быль тивоунь. корочоювскии. на имѧ. михалко. моужеи. г҃. тоурань. королювьскиⷯ. на имѧ зань калишь. пашко ѳилипь з заставѧ. то сѧ диѧло. оу коурѧна. оу домоу. а тои ѡстроувь. доубища баико с костюкоⷨ и зо вси ѡчичами призволившисѧ. дали ко церкви. божюи. вечисто и непороушно. пань тивоунь зароучивь поⷣ десетьми. копами. грошии. и поуⷣ колодою. медоу если бы байко с костюкомь на тое оустоупиль. на тое наданье. зо всими ѡчичами. своими. то маеть. оу вини зостати. на тое попь даль. вердаунокь широкиⷯ гроши тымь моужемь которыї были на тоумь. наданьи. за тымь нехаⷮ боудеть честь и хвала гоу богоу пречистоу богоматере и всиⷨ стыⷨ аминь. а хто бы мавь. оустатⷮ. на тое. росоудитсѧ прⷣе милостивьⷨ. бг҃омь. а то сѧ диѧло при держави пн҃а аньдриѧ тычиньскаго.

Евангеліе это, прежде находившееся въ Ратненской Воскресенской церкви, нынѣ принадлежитъ библіотекѣ Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища. Folio, въ досчатомъ переплетѣ, со слѣдами прежней оклейки краснымъ

холстомъ; сзади сохранились четыре мѣдныхъ выпукли и одна кожаная застежка. Водный знакъ—подкова съ крестомъ внутри на коронѣ съ крестами. Содержаніе обычное; особенностей языка не представляетъ. Запись сдѣлана полууставомъ въ концѣ книги, на послѣднемъ листѣ, тѣмъ же почеркомъ, какимъ писано и все Евангеліе. Ей предшествуетъ небольшая вкладная запись переписчика.

IV.—а, Жалоба въ Ратненскій магистратскій судъ Ратненскаго Воскресенскаго уніатскаго священника Григорія Гарашка (Гарашкевича) на своихъ прихожанъ, произведшихъ шумъ въ церкви, послѣ того какъ онъ, Гарашко, не допустилъ ихъ къ цѣлованію Св. Евангелія за посѣщеніе Мелецкаго православнаго монастыря; б, рѣшеніе суда по этой жалобѣ,—1623 г.

Feria tertia ante solenne Pentecosten a. 1623

Coram officio civili Ratnensi Luczka Secewicz, viceregente, coram Lawryno Bogdanowicz, Maximo Turmino, Fedoro Koszurka, consultoribus, Wasko Mokoszewicz, Meleszko Knyszewicz... venerabilis pater Hryhory Haraszko proposuit ex parata copia tenore tali:

„Łaskawy P. urzędzie mieyski Rateński! Żalu tak wielkiego y bolu serdecznego, a niemnieyszey zniewagi y krzywdy swoiey, nie tak (mówić musze) dalece moiey kapłańskiey, iako obrazy stworca P. y Zbawiciela swego, którą ia zdawna od nieobacznych y zabłądzonych (tak musze mowić) owieczek swych duchownych, mnie powierzonych y w moc duchowieństwa mego podanych, odnoszę y niewinnie cierpię; tego więcey y dłużey cierpić y na sobie ponosić dla gniewu y obrazy P. Boga wszechmogącego nie zdało(mi)się. Widząc ich zatwardziałość y niewpamiętanie się na sercech ich y myslach, choczay tak wiele razów, według powinności y zachowania mego kapłańskiego, iako duchowny, duchownie upominałem, iako przynależało czynić duchownemu, życząc im, iako prawdziwy pasterz, a nie iako naiemnik, naprzód błogosławieństwa od P. Boga y dusznego zbawienia, iakom

zdawna się zawziął czynić, czyniłem y teraz czynie, staraiąc się y pilno się do tego przyłożywszy, abym one owieczki swoie, w uniey S. będącę, przystoynie strzegł y pasł, aby żadna z nich pogorszenia zkąd inąd nie wziąwszy nie zginęła, ale abym przed sprawidliwym Sędzią w ostatni dzień włórego przyścia lego y przed strasznym trybunałem, z niemi na prawice Bożey stanąwszy, liczbę y szafunku swego, iako pasterz, s powierzonych owieczek sobię uczynił. Tego zdawna im życzyłem y teraz życzę, pilno strzegąc; które to owieczki moie duchowne na takie życzliwości y upominania częstę kapłańskię by namniey nic nie dbali, ale rozbuchawszysię a iadszy się pasze nie z rosy, która z wysokości niebieskiey pada, ale z soli, która z padołow y źródeł podziemnych pochodzi, a nie chcąc przyść do upamiętania się, maiąc serca y mysli swe zatwardziałe, których nie chcąc otworzyć y tego opuscić, co iest przeciwko P. Boga y zakonowi S. Co ia obaczywszy, że the owieczki moie duchowne ani P. Boga się boią, a ni też zakonu y upominania mego kapłańskiego słuchaiąc, a widząc ich uporczliwych, nic inszego czynić nie zdało mi się, tylko do w. mciow, iako urzędu świeckiego, przez the pisanie moie udać, oswiadczaiąc się wmciom samym, maiąc tak wielky żal, krzywdę, obełzenie y zniewage swoię, a co większe, że się tycze obrazy P. Boga wszechmogącego, przytym prosząc sw. sprawiedliwości, gdyż ich zakonem, iako duchowny, karać nie zmogę, bo bardzo są swowolni y uporczliwi, którzy smieli y ważyli się nie na mnie, duchownego pasterza swego, ale na samego Pana Boga słowami nieprzystoynemi torgnąc y hałas a okrzyk w cerkwi Bożey w dzień tak swięty niedzielny czyniąc, sedicie sieiąc, bunty stroiąc, a na niewinnego kapłana mnie sromocąc, łaiąc, pochwałky czyniąc, srodze fukali, a mianowicie parafianie moie z Nowego Miasta: pierwszy Jasko, syn Wasków, Choćków y sam Wasko Choćko y Lifon Buchemka. Na których też żałośliwą skargę swą, iakom wyżey pomienił, oswiadzaiąc się przed wmciami, przekładam o tho, iż dnia onegdayszego, w niedziele, w cerkwi, gdy się wieczernia odprawowała, tam byli ludzie ci, którzy chodzili do monasterza Mileckiego na odpust, którym zakazałem był, aby żaden tam nie

chodził dla tego, że tam schizma iest y nie są pod iednością swiętą z katolikami. A to czyniłem według roskazania ley Mci moiey M. P. y dobrodzieyky, także y lego Mci oyca władyky, P. y pasterza mego; których też ludzi, tak białych głow, iako y męszczyzn, nie puściłem do ewangeliey S., karząc ich zakonnie, że nad zakazanie moie kapłańskie uczynić ważylisię, co im zabroniono było. Co niektórzy bynamniey nie sprzeciwiałysię, ale Jas'ko, Was'ków syn, szedł sobie biespiecznie do ewangeliey, któremu zbroniłem, aby nie szedł, pod niebłagosłowięstwem, powiadaiąc mu o to, żeś, bracie miły, zgrzeszył, wystąpiłeś przeciwko zapowiedzi moiey duchowney, czyniąc mnie y P. Bogu Samemu oto na wzgardę. On zaraz z tego począł fukać w cerkwi, iakoby w korczmie na iakiego szubrawca, nie oglądaiąc się na pocciwość swoie, ani też co szanuiąc osobę moie kapłańską, y mówił tam, co sam chciał. A w tym ociec iego Wasko Choćko, za kryłosem stoiąc, głośno inszych podburzaiąc, na mie mówił tak, iż „batku, lepiey cerkiew iuz zamkni,—wyganiasz z cerkwi"; y mówił siła bardzo słów, fukaiąc, sromocąc y łaiąc mnie y dom Boży znieważaiąc, których słów nie mogłem dobrze zasłyszeć za wielkim krzykiem y hałasem w cerkwi, y bardzo straszny y wielky rozruch stał się w domu Bożym. A w tym Lifan Buchemka wielkiem głosem począł wołać na mnie, właśnie iako na iakiego złoczyńcę, y mówił tho, co się mu podobało; których słów iego także nie mogłem zasłyszeć dobrze, bo bardzo wielky hałas y okrzyk w cerkwi ci trzey z swemi pomocnikami y powinnemi uczynili, których oni lepiey wiedzą y znaią, że z nimi także bunty y sedicię czynią y robią. A co mówili y iakie tam słowa byli, sami przyznać muszą, ia w prawdzie wszystkiego mowienia y sromoty ich nie mogłem przed hałasem zasłyszeć, ale niech się sami osądzą, iesli tho dobrze czynili, że taky hałas y zgiełk w domu Bożym uczynili, czego nigdy chrześcianie nie czynią; i koniecznie obawialem się tego, żeby mi czego w cerkwi nie wyrządzili, słysząc ich tak straszny hałas y okrzyk, co od strachu ku sobie nie mogłem przyść, zląkszysię. Przeto, ia w tym do w. mciów, iako urzędu świeckiego y prawa, udaięsię z takiemi dolegliwościami swemi, obelżeniem y

zdawna się zawziął czynić, czyniłem y teraz czynie, staraiąc się y pilno się do tego przyłożywszy, abym one owieczki swoie, w uniey S. będącę, przystoynie strzegł y pasł, aby żadna z nich pogorszenia zkąd inąd nie wziąwszy nie zginęła, ale abym przed sprawidliwym Sędzią w ostatni dzień włórego przyścia lego y przed strasznym trybunałem, z niemi na prawice Bożey stanąwszy, liczbę y szafunku swego, iako pasterz, s powierzonych owieczek sobię uczynił. Tego zdawna im życzyłem y teraz życzę, pilno strzegąc; które to owieczki moie duchowne na takie życzliwości y upominania częstę kapłańskię by namniey nic nie dbali, ale rozbuchawszysię a iadszy się pasze nie z rosy, która z wysokości niebieskiey pada, ale z soli, która z padołow y źródeł podziemnych pochodzi, a nie chcąc przyść do upamiętania się, maiąc serca y mysli swe zatwardziałe, których nie chcąc otworzyć y tego opuscić, co iest przeciwko P. Boga y zakonowi S. Co ia obaczywszy, że the owieczki moie duchowne ani P. Boga się boią, a ni też zakonu y upominania mego kapłańskiego słuchaiąc, a widząc ich uporczliwych, nic inszego czynić nie zdało mi się, tylko do w. mciow, iako urzędu świeckiego, przez the pisanie moie udać, oswiadczaiąc się wmciom samym, maiąc tak wielky żal, krzywdę, obełzenie y zniewage swoię, a co większe, że się tycze obrazy P. Boga wszechmogącego, przytym prosząc sw. sprawiedliwości, gdyż ich zakonem, iako duchowny, karać nie zmogę, bo bardzo są swowolni y uporczliwi, którzy smieli y ważyli się nie na mnie, duchownego pasterza swego, ale na samego Pana Boga słowami nieprzystoynemi torgnąc y hałas a okrzyk w cerkwi Bożey w dzień tak swięty niedzielny czyniąc, sedicie sieiąc, bunty stroiąc, a na niewinnego kapłana mnie sromocąc, łaiąc, pochwałky czyniąc, srodze fukali, a mianowicie parafianie moie z Nowego Miasta: pierwszy Jasko, syn Wasków, Choćków y sam Wasko Choćko y Lifon Buchemka. Na których też żałośliwą skargę swą, iakom wyżey pomienił, oswiadzaiąc się przed wmciami, przekładam o tho, iż dnia onegdayszego, w niedziele, w cerkwi, gdy się wieczernia odprawowała, tam byli ludzie ci, którzy chodzili do monasterza Mileckiego na odpust, którym zakazałem był, aby żaden tam nie

chodził dla tego, że tam schizma iest y nie są pod iednością swiętą z katolikami. A to czyniłem według roskazania ley Mci moiey M. P. y dobrodzieyky, także y lego Mci oyca władyky, P. y pasterza mego; których też ludzi, tak białych głow, iako y męszczyzn, nie puściłem do ewangeliey S., karząc ich zakonnie, że nad zakazanie moie kapłańskie uczynić ważylisię, co im zabroniono było. Co niektórzy bynamniey nie sprzeciwiałysię, ale Jas'ko, Was'ków syn, szedł sobie biespiecznie do ewangeliey, któremu zbroniłem, aby nie szedł, pod niebłagosłowięstwem, powiadaiąc mu o to, żeś, bracie miły, zgrzeszył, wystąpiłeś przeciwko zapowiedzi moiey duchowney, czyniąc mnie y P. Bogu Samemu oto na wzgardę. On zaraz z tego począł fukać w cerkwi, iakoby w korczmie na iakiego szubrawca, nie oglądaiąc się na pocciwość swoie, ani też co szanuiąc osobę moie kapłańską, y mówił tam, co sam chciał. A w tym ociec iego Wasko Choćko, za kryłosem stoiąc, głośno inszych podburzaiąc, na mie mówił tak, iż „batku, lepiey cerkiew iuz zamkni,—wyganiasz z cerkwi"; y mówił siła bardzo słów, fukaiąc, sromocąc y łaiąc mnie y dom Boży znieważaiąc, których słów nie mogłem dobrze zasłyszeć za wielkim krzykiem y hałasem w cerkwi, y bardzo straszny y wielky rozruch stał się w domu Bożym. A w tym Lifan Buchemka wielkiem głosem począł wołać na mnie, właśnie iako na iakiego złoczyńcę, y mówił tho, co się mu podobało; których słów iego także nie mogłem zasłyszeć dobrze, bo bardzo wielky hałas y okrzyk w cerkwi ci trzey z swemi pomocnikami y powinnemi uczynili, których oni lepiey wiedzą y znaią, że z nimi także bunty y sedicię czynią y robią. A co mówili y iakie tam słowa byli, sami przyznać muszą, ia w prawdzie wszystkiego mowienia y sromoty ich nie mogłem przed hałasem zasłyszeć, ale niech się sami osądzą, iesli tho dobrze czynili, że taky hałas y zgiełk w domu Bożym uczynili, czego nigdy chrześcianie nie czynią; i koniecznie obawialem się tego, żeby mi czego w cerkwi nie wyrządzili, słysząc ich tak straszny hałas y okrzyk, co od strachu ku sobie nie mogłem przyść, zląkszysię. Przeto, ia w tym do w. mciów, iako urzędu świeckiego y prawa, udaięsię z takiemi dolegliwościami swemi, obelżeniem y

zniewagą domu Bożego, prosząc przez the pisanie moie sprawiedliwości swiętey, z tych osob pomienionych y ich pomocników y powinnich, których oni lepiey wiedzą y znaią sami, aby ci bytownici y swowolnici karanie słuszne za zniewagę domu Bożego a obrazę Bożą także y zełzywość y sromothę moie kaplańską odnieśli; ktorzy smieli y ważyli sie targnąc słowami nieprzystoynemi na osobę moią duchowną, nie uszanowawszy domu Bożego, sedicie y bunty robiąc, w którą też sprawę takową y niewinnosć a wielką zełżywosć moią kapłańską y obraze Bożą aby w. m., iako urząd, pilnie weyrzawszy a obawiaiąc się sądu, karania y gniewu Pańskiego, żeby Pan Bóg za ten exces ich był w gniewie swym ubłagany, a za ten występek y zniewagę domu Bożego słusznie takowych skarali, aby się więcey czynić tego napotym nie ważyli y żeby tez Pan Bóg nas wszystkich za tho iawnie y iaśnie nie karał, gdy by ci uszli karania. Co wszystko lepszemu rozsądkowi w. m. poleca[illegible]. Prosze dla P. Boga, iako kapłan y duchowny, aby ci nie uszli karania słusznego, bo trzeba się obawiac na się gniewu Pańskiego, ponieważ mnie, iako pasterza swego, nie chcą słuchać. Wiedząc o tym dobrze, iz oni, mieszkaiąc y będąc pod bokiem Jey mci, która zawsze zwykła tego przestrzegać, co by było z obrazą Bożą y przeciwnego uniey S., tego nigdy nie zwykła cierpieć, ich takowych występnych karać.—Hryhory Haraszkowicz, swieszczennik Woskresieński, protopopa y namiestnik...

A strona pozwana Wasko swym, iako y syna swego imieniem Jaśka, zastąpiwszy go w tey sprawie, także y Lifan Buchemka, odpowiedzieli, że żaden hałas y okrzyk w domu Bożym nie był, tylkoś my mówili: „dla czego dziatek naszych do ewangeliey nie chce puszczać, bo ieżeli tak powód czyni, niechay by lepiey, że y cerkiew sobie zamknął"; dla czego zaraz poszliśmy, powracaiąc z cerkwi. Urząd, tego widząc, ze strona pozwana przyznała się do tego, że mówili y gadali w Cerkwie, a mowiąc szli zaraz, dla których niemał wszysci poszli z cerkwie, nie wysłuchawsy nabożeństwa, czego nie mieli czynić, gdyż prawa duchowne y swieckie tego bronią, ile każą, aby wszystkie napominania, które się wsciągaią do dusznego zbawienia, ludzie od duchownego

swego łaskawie przyimowali, a nie mówili y hałasów żadnych y buntów nie stroili; przeto, przychilaiąc się do prawa swego, gdzie pisze się: abi iam adest rei confessio, non necessaria actoris probatio,—nakazał, aby pozwana strona byli incarcerowani, a wyszedszy de carcere... maią we czwartek blizko przyszły duchownego oyca Hryhorya w cerkwi przystoynie przeprosić y tam od niego pokuthę y karanie za to duchownę, iakie naznaczy, odnieść y przyiąć maią; do tego maią Jey Mci N. M. P. y dobrodzieyce przeprosić za tho, że się śmieli y ważyli taky hałas uczynić, będąc pod bokiem Jey Mci. Macą dekrethu swego wynayduie. Który od obudwa stron za prawo przyięty y do xięg dla pamięci iest zapisany.

Актъ представляетъ отдѣльный листъ бумаги, съ водянымъ знакомъ W на щитѣ подъ короной; листъ безъ пагинаціи, вырванный, вѣроятно, изъ актовой книги. Нижній правый уголъ листа оторванъ по сгибу; бумага подмочена и чернила сильно выцвѣли. Принадлежитъ къ моему личному собранію.

О. Фотинскій

Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казимировны изъ Сибири [1]).

XXVI

„Съ прошедшею почтою я увѣдомила уже тебя, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, о полученіи письма твоего отъ 6-го іюля. Теперь, вмѣстѣ съ братомъ, благодаримъ тебя за исполненіе просьбы нашей отправленіемъ въ Тимашевку Прушковскаго. Въ томъ самомъ письмѣ, которымъ мы объ этомъ просили, извѣстила я вкратцѣ, въ чемъ состоитъ дѣло. Подробнѣйшее-же объясненіе онъ получилъ уже, вѣроятно, теперь отъ Г. Бржозовскаго, которому писано было по просьбѣ нашей отъ Александры Ивановны Давыдовой касательно совѣта и содѣйствія, которое отъ него зависѣть можетъ въ предполагаемой продажѣ Тимашевки. Полагаю, что поѣздка Прушковскаго удостовѣритъ, что мы не стали бы затруднять тебя при собственныхъ твоихъ хлопотахъ, еслибы не были убѣждены въ ея необходимости, развѣ-бы, чему примѣры очень рѣдки, письма, объ этомъ писанныя, какънибудь запоздали. Впрочемъ, подождемъ до возвращенія

[1]) Продолженіе; см. 1-й вып. XIX-ой кн.

Прушковскаго. Благодаримъ тебя за извѣщеніе объ Рейхелѣ и его семействѣ. Съ прошлою почтою получили мы отъ нихъ письмо. Послѣ возвращенія его изъ Бердичева онъ писалъ, и ты насъ предувѣдомилъ объ этомъ письмѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ послалъ онъ и посылочку намъ, но мы ея еще не получили. Онъ посылаетъ ноты твоему брату, но не сказалъ въ письмѣ, какія... La saison commence à devenir froide dans ce pays et j'ai déjà endossé ma pelisse en passant chez moi de la casematte. Tu te rappeles, cher ami: que quelques jours plus tard encore et nommémant le 6 Octobre 1823, pendant la revue les dames s'y trouvaient en robes et sous leurs capotes... Mon mari t'embrasse avec toute la tendresse de ton meilleur ami. Il se porte assez bien. Quant à son passetemps c'est toujours la lecture et la musique. Je te prie de baiser de ma part la main à ma chère mère. Dis lui que je me porte bien et lui souhaite toutes les prosperités. Adieu, mon cher frère et mon bon ami. Je t'embrasse de tout mon coeur et suis pour la vie ta meilleure ami et soeur, Marie Juchnievsky".

Le 30 Septembre. 1832. Петровскій заводъ.

XXVII

„Другъ мой, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя. Дня три тому назадъ началъ онъ курить опять табакъ. Не повѣришь, какъ я обрадовалась, увидя у него опять трубку въ рукахъ.На дняхъ получилъ Василій Львовичъ Давыдовъ курительный табакъ и по добротѣ своей подѣлился, сколько могъ, съ братомъ твоимъ, который хотя и увѣрялъ, что не очень ему трудно отказать себѣ въ куреніи, но видно было, что говорилъ онъ не то, что думалъ. Братъ твой всегда твердитъ, что для него ничего не значитъ отказывать себѣ во всемъ. Такъ грустно, мой другъ, что лишенъ онъ почти всего, къ чему привыкъ. Всѣ дни послѣ отправленія къ тебѣ послѣдняго письма я очень нездорова: ни одного

дня не проходитъ, чтобы встала я безъ головной боли. У насъ до 15 градусовъ морозы, а въ мои лѣта и съ такимъ разстроеннымъ здоровьемъ очень трудно ходить; но дѣлать нечего, и покуда я жива, лучше хочу хворать, чѣмъ не ходить къ мужу моему въ казематъ: у насъ теперь только и отрады, чтобы видѣть другъ-друга...

Знакомые твои всѣ кланяются тебѣ, всѣ здоровы и всѣ тебя помнятъ. Ты знаешь, что Александра Петровича Борисова я не видала съ пріѣзда моего: онъ все боленъ и былъ въ такомъ положеніи нѣсколько разъ, что думали, онъ кончитъ свои страданія, но ему не только теперь лучше, а онъ даже поправился. Братъ твой его ходилъ навѣщать и сказалъ мнѣ, что Борисовъ очень груститъ, что не можетъ меня видѣть. Я бы сама навѣстила больного, но онъ такъ перемѣнился отъ болѣзни своей, что совѣстится показаться мнѣ. Бѣдный, не берегъ себя никогда... Цѣлую тебя за себя и брата твоего, который въ эту минуту, вѣроятно, разыгрываетъ въ своемъ номерѣ ноты, которыя прислалъ ему добрый Рейхель и очень его симъ одолжилъ, а я, какъ ты знаешь, каждое утро провожу дома у себя одна, чтобы позаботиться о моемъ хозяйствѣ. Adieu, mon cher, mon bon ami et frère cheri, je t'embrasse de tout mon coeur. Marie Juchniewsky.

7 Октября. 1832. Петровскій.

XXVIII.

Вчерась былъ у меня Павелъ Васильевичъ и поручилъ сказать тебѣ, другъ мой Семенъ Петровичъ, въ повтореніе того, о чемъ я давно уже писала тебѣ, то есть, чтобы ты спросилъ согласія сестрицъ его на высылку процентовъ въ іюнѣ каждаго года прямо къ нему. Онъ поручаетъ въ особенности сказать тебѣ, что исполненіемъ сего ты не оскорбишь его родныхъ, а ему сдѣлаешь большое добро. Съ чувствомъ уваженія и дружбы онъ душевно тебя обнимаетъ и проситъ иногда вспоминать его, присовокупляя, что мало уже

остается людей, которые его помнятъ. Не смотря на это, онъ не перестаетъ еще желать многимъ счастья. Передавъ тебѣ слова Павла Васильевича, считаю нужнымъ прибавить еще отъ себя, что вмѣсто ожиданныхъ имъ въ цѣлости 6000 р., которые уплатилъ ты его сестрамъ, онъ получилъ изъ нихъ только 300 р., по высылкѣ которыхъ четвертый мѣсяцъ онъ не получаетъ отъ нихъ писемъ. И такъ ты видишь, сколь необходимо, чтобы, не смотря ни на что, ты высылалъ деньги прямо къ нему и тѣмъ избавилъ бы его отъ крайней нужды, въ какой находится онъ во все время его здѣсь пребыванія... Братъ твой здоровъ. На дняхъ мы получили отъ Рейхеля посылку, съ которою между прочимъ прислалъ брату твоему шесть тетрадокъ нотъ. Въ числѣ ихъ замѣчательный концертъ Гуммеля, Op. 113, котораго мы еще не видали и въ каталогѣ, довольно труденъ и въ новѣйшемъ вкусѣ. Братъ твой былъ очень радъ играть что-нибудь новое, потому что въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ онъ переигрываетъ старую свою коллекцію, которая тебѣ извѣстна, къ которой прибавилось нѣсколько пьесъ Герца. Онъ, кажется, въ большой модѣ, не смотря на то, брату не очень нравится, ибо трудность пассажей не выкупается ни пріятностью, ни глубокомысліемъ. Ему нравятся только варіаціи Герца, о которыхъ я тебя уже просила, и которыя онъ особенно тебѣ рекомендуетъ. Ему случилось ихъ слышать у одного изъ нашихъ игрочковъ, но такъ какъ онъ любитъ разыгрывать цѣлый годъ одну и ту-же пьесу, то братъ твой посовѣстился ихъ просить поиграть. Надо тебѣ признаться, любезный другъ, что нечѣмъ было-бы наполнить въ этотъ разъ моего къ тебѣ письма, если бы Рейхель, какъ ты видишь, не доставилъ мнѣ къ тому матеріала. Не смотря на то, я пишу къ тебѣ, чтобы сдержать данное слово и увѣдомить тебя, что мы оба здоровы. Прости, любезный другъ, желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ. Любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская."

14 Октября 1832. Петровскій заводъ.

Прошу тебя поцѣловать за меня ручку у моей матушки. Знакомые всѣ здоровы и кланяются тебѣ.

XXIX.

Le 23 du courant nous avons reçu ta lettre, mon cher ami, datée du 12 Août. Je ne sais si j'aurai le temps à cause des mes autres lettres de t'écrire autant que desirerais. Cependant je suis pressé de te remercier pour les effets que tu viens d'envoyer pour ton frère et qui nous sont parvenus presque en même temps, nommément: douze livres de tabac, un surtout ouaté, une paire de pantalon, un gilet, trois cravates de couleur, un calif et un cachet à tabac. Quoique les caisses qui contenaient ces effets se fussent brisées dans le trajet, il n' y a cependant de perdu que les deux cravates noires comme j'en suis instruite par un avis des autorités, ta note que tu as annexée à ta lettre ne s'y trouvant point. Ton frère est très satisfait de tout et te fait dire ses plus tendres remerciements pour tes soins. Il est surtout content d'avoir reçu du tabac, parceque, comme tu sauras par mes precedentes il n'en avait point du tout. Celui-ci est assez bon, quoiqu' il ne soit pas assez fort. Quant aux habits on croirait, que le tailleur avait pris la mesure en personne, tellement cela va juste...

Пожалуйста, любезный другъ Семенъ Петровичъ, поцѣлуй матушкѣ ручку за меня и скажи ей, что мы оба здоровы; мнѣ очень жаль, что ты столько хлопочешь о моихъ[1]); теперь уже есть здѣсь шелкъ: выписали наши дамы и выучились вязать сами. Я одна только умѣла, а теперь многіе уже знаютъ, но я всетаки душевно благодарна тебѣ, что ты не забылъ моей просьбы. Матушкѣ моей мильонъ разъ ручку цѣлую за то, что вяжетъ мнѣ сѣтку къ окнамъ. Еще въ прошломъ году начала я вязать бахрому и еще не кончила, за то точно шмуклеръ сдѣлалъ: такъ аккуратны кисточки, но какъ не могу собраться сдѣлать гардины къ окнамъ, то и не спѣшу окончить бахрому. Другъ мой, что ты намъ не

[1]) Слово не разобрано.

говоришь ничего объ Игнатіи Онуфріевичѣ? Поклонись ему отъ насъ, пожалуйста. Ты, милый братъ, навѣрное замѣтилъ перемѣну въ моемъ почеркѣ: сегодня въ первый разъ пишу я въ очкахъ,—при свѣчѣ никакъ безъ нихъ не могу. Они увеличиваютъ, и потому я такъ мелко пишу, а чрезъ очки кажется мнѣ, будто огромныя слова. Читать я могу теперь по вечерамъ и очень рада. Душевно благодарна доброй Софьѣ Григорьевнѣ Кругликовой, сестрицѣ нашей Александры Григорьевны Муравьевой, что прислала мнѣ такъ удачно по глазамъ очки. Днемъ я еще вышиваю безъ нихъ и вижу хорошо, но къ вечеру при нашихъ дурныхъ сальныхъ свѣчахъ способу нѣтъ видѣть.—Всѣ твои знакомые кланяются тебѣ. Мнѣ очень хотѣлось-бы писать Маньковскимъ и вложить въ твое письмо, но не успѣла. Въ будущемъ письмѣ попрошу тебя доставить имъ письмо мое. Братъ твой душевно тебя обнимаетъ. Онъ здоровъ, поэтому то играетъ, то читаетъ, отъ свободныхъ часовъ*) отъ работы, на которую аккуратно ходитъ какъ онъ такъ и его товарищи. Хотѣла-бы тебѣ еще писать, но голова вертится, и правду сказать, нечѣмъ наполнить страницы. Съ будущею почтою, быть можетъ, получимъ мы отъ тебя письмо, если Прушковскій воротился, и если найдешь намъ что-либо сообщить по дѣламъ нашимъ, тогда и я найду предметъ поговорить болѣе съ тобою. Теперь прощай. Желаю, чтобы письмо мое застало тебя въ добромъ здоровьѣ. Цѣлую тебя сердечно и прошу тебя поцѣловать за меня дѣтей моихъ, когда ихъ увидишь, и внучку мою поласкай за меня. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

28 октября 1832. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, мнѣ хочется прислать тебѣ кисетъ моей работы, и хлопочу, чтобы узоръ выбрать получше. Ты прислалъ каливъ брату, а у него нѣту янтарика ни одного.

*) Очевидно: „въ свободные часы".

Здѣсь хотя бы и хотѣлъ купить—нѣту; но я не потому пишу, чтобы у тебя попросить.

XXX.

11-го ноября 1832. Петровскій заводъ.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое отъ 23 августа мы получили... Братъ твой здоровъ, цѣлуетъ тебя и удивился, что Каменецъ ты такъ часто посѣщаешь, а между тѣмъ говоришь, что въ немъ очень скучно. Ожидаемъ твоего письма, когда съ выборовъ воротишься: вѣрно, сообщишь намъ что-либо интересное. У насъ зима. Снѣгъ выпалъ глубокій. Вижу здѣшнихъ жителей, черезъ мое окно, катающихся въ саняхъ; между тѣмъ сегодня, когда я шла домой, было морозу 23 градуса, а были и въ 26. Но гдѣ бываютъ до 37, то еще у насъ довольно тепло. Я не могу привыкнуть о сю пору къ здѣшнему климату, да я думаю, что въ мои лѣта трудно и надѣяться. Надо страдать,—нечего дѣлать. Каждый почти день я нездорова, а бываю больною до того, что насилу на ногахъ.—Ты обѣщаешь въ письмѣ твоемъ писать къ княгинѣ Мещерской. Какъ-бы я обрадовалась, если-бы ты мнѣ прислалъ отвѣтъ ея на твое письмо. Не помню, писала-ли я тебѣ, что я знаю, что она овдовѣла. Бѣдная княгиня! Впрочемъ, мужъ ея какъ-бы не существовалъ для ея семейства. Теперь еще надежда на сына ея Александра: онъ хорошо учился и, какъ кажется, премилый молодой человѣкъ, и можетъ быть полезнымъ своему семейству. Фердинандъ Богдановичъ здоровъ, обнимаетъ тебя, и всѣ другіе твои знакомые кланяются. Павелъ Васильевичъ—нашъ почтенный другъ. Онъ получилъ письмо отъ своего брата Михаила Васильевича, что они полученные отъ тебя 6000 р. положили въ Заемный Банкъ, между тѣмъ братъ нуждается въ необходимомъ здѣсь... Павелъ Васильевичъ цѣлуетъ тебя съ чувствомъ дружбы. Какъ онъ старѣетъ! Лице у него какъ-то повисло, хотя онъ совсѣмъ не полонъ... Спасибо, что ты сказалъ мнѣ о дѣтяхъ моихъ. Я опять не имѣю 4 почты никакого извѣстія, но бывало, что я 7 мѣсяцевъ не получала

письма. И впредь, пожалуйста, другъ мой, сообщай мнѣ о нихъ, что будешь знать. Я очень буду тебѣ благодарна... Братъ твой покуриваетъ присланный тобою табакъ, благодаритъ тебя и по старому занимается всегда то чтеніемъ, то музыкой. Я читала въ газетахъ, что Madame de Bellevile-Oury, concertiste de piano-forte de Wienne давала въ Петербургѣ концертъ, въ которомъ между прочимъ играла концертъ Пиксиса и Grandes Variations Brillantes de Herz. Особенно любопытно бы имѣть первый, ибо мы не имѣемъ ни одного концерта Пиксиса. Въ каталогѣ Ленгольда показанъ одинъ Opus 100, но я думаю, что этотъ долженъ быть новѣе. Я и братъ твой цѣлуемъ тебя и желаемъ, чтобы ты былъ всегда здоровъ и веселъ. Поцѣлуй ручку отъ насъ матушкѣ и сообщи ей, что мы здоровы. Adieu, mon cher, mon bon ami. Écrivez nous le plus souvent possible. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

XXXI.

2 Декабря. 1832. Петровскій заводъ.

Одна и та-же почта доставила намъ письмо твое изъ Каменца отъ 22 и Флены Алексѣевны отъ 23 сентября, въ которыхъ узнали мы, любезный другъ Семенъ Петровичъ, объ избраніи тебя въ предводители дворянства Ольгопольскаго повѣта*). Поздравляемъ тебя отъ души и радуемся этому событію, потому что оно означаетъ и довѣріе начальства и расположеніе согражданъ твоей губерніи. Что касается до стѣсненія, какъ ты говоришь, твоей свободы отъ занятія сею должностью, то ты знаешь, что оно не можетъ сравниться съ тѣмъ, какое налагаетъ обыкновенная служба, въ которой чиновникъ обязанъ находиться постоянно при своемъ постѣ, между тѣмъ какъ ты большую часть времени можешь жить въ деревнѣ. Расходы твои неизбѣжно увеличатся, но и это можетъ быть

*) Уѣзда.

нѣсколько ограничено съ помощью нѣкотораго уклоненія отъ старыхъ обычаевъ, которые, полагаю, просвѣщеніе вѣка мало-по-малу изглаживаетъ. Въ самомъ же исполненіи твоей должности, братъ твой увѣренъ, что ты не встрѣтишь затрудненія, иначе къ чему бы послужило образованіе, которое стараемся мы пріобрѣтать, если бы мы не умѣли обращать его на службу общества, въ которомъ живемъ. Одно только чего, какъ ты знаешь, не пріобрѣтаютъ ни въ училищахъ, ни въ книгахъ, это—познаніе свѣта и людей. Теперь предстоитъ случай искуситься и въ этой новой наукѣ.—Я пропустила одну почту писать къ тебѣ, любезный другъ. Печальное происшествіе, поразившее всѣхъ насъ горестію и унынiемъ, было тому причиной. Мы лишились одной изъ подругъ нашего несчастія. Нѣсколько дней тому назадъ похоронили мы Александру Григорьевну Муравьеву, урожденную графиню Чернышеву, скончавшуюся послѣ двухмѣсячной болѣзни, начавшейся сперва нервической горячкой, въ самомъ началѣ коей она выкинула, а потомъ превратившейся во всеобщее разслабленіе и грудную водяную, которая въ короткое время прекратила ея страданія. Она оставила здѣсь безутѣшному мужу одну дочь по четвертому году и двѣ въ Москвѣ у Катерины Ѳеодоровны. Ежели кончина матери, добродѣтельной жены, имѣетъ жестокое вліяніе на судьбу семейства въ обыкновенномъ быту, то ты можешь представить себѣ, сколь оно должно быть жестоко въ положеніи нашемъ. Не говорю уже о собственной нашей горести. Память о добродѣтеляхъ покойной, о расположеніи и одолженіяхъ, которыя оказывала она мнѣ съ самаго моего пріѣзда сюда, останется неизгладимо въ сердцахъ нашихъ. Но нѣтъ между нами никого, кто не принималъ-бы искренняго участія въ этой потерѣ. Такъ суждено намъ здѣсь похоронить другъ-друга; одинакость ужаснаго положенія нашего угрожаетъ каждой изъ насъ тѣми-же послѣдствіями. Покойница простудилась, бывши у мужа своего на свиданіи въ казематѣ... И такъ, любезный другъ и милый братъ, благодаримъ тебя оба съ твоимъ братомъ за частыя твои письма: они одни только услаж-

дают насъ въ горькомъ нашемъ убѣжденіи, что намъ не суждено никогда увидѣть тебя. Братъ твой обнимаетъ тебя отъ всей души и желаетъ тебѣ счастія и успѣха на твоемъ поприщѣ. Онъ, благодаря Бога, здоровъ и душевно спокойнѣе, получая твои письма аккуратнѣе и чаще. Фердинандъ Богдановичъ обнимаетъ тебя и радуется, что ты, наконецъ, станешь хлопотать для другихъ. О сю пору онъ всегда только зналъ, что собственныя твои несносныя хлопоты и заботы мучили тебя и почти безъ пользы. Что касается до меня, я давно ожидала извѣстія, что тебя выберутъ. Во время моего отъѣзда отъ васъ, я надѣялась въ дорогѣ получить извѣстіе сему подобное: меня завѣряли въ этомъ нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ. Вспомни, душа моя, Внзерскаго и вспомни выраженіе: „будь ласковъ на народъ.“ Живъ-ли бѣдный Иванъ Осиповичъ, и Илья, братъ его, женатъ-ли? Сильвестръ вѣрно, давно монахомъ, а Семенъ Осиповичъ, надѣюсь, посѣдѣлъ и пересталъ, наконецъ, красить волосы. Поклонись ему отъ насъ при свиданіи. Прости, любезный другъ! Поцѣлуй ручки за меня матушкѣ и сообщи ей, что мы здоровы. Я отъ своей Сонюшки получила двѣ подушки, шитыя по канвѣ. Одну милому папенькѣ она послала. Сколько я плакала, получа оныя, и не утерплю, чтобы тебѣ не похвалиться вниманіемъ моей доброй Сонюшки. Увидясь съ нею, поцѣлуй ее за меня. Пожалуйста, любезный другъ, Василисѣ скажи отъ меня, что я ее душевно благодарю за то, что она часто обо мнѣ спрашиваетъ и о мужѣ моемъ. Игнатій Онуфріевичъ мнѣ пишетъ о семъ. Цѣлую сердечно добрую старушку. Я часто гляжу на портретъ ея: у меня есть въ альбомѣ. Всѣмъ сердцемъ любящая тебя и душевно обнимая, навсегда лучшій твой другъ и сестра, Марія Юшневская.

XXXII.

16 декабря. 1832. Петровскъ.

Милый, любезнѣйшій другъ нашъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое отъ 12 октября принесло намъ большое утѣшеніе. Видно изъ него, что ты въ нѣсколько лучшемъ распо-

ложеніи духа. Дай Богъ тебѣ всѣ радости и благополучіе. Никто усерднѣе насъ не можетъ тебѣ сего пожелать. Съ сею почтою я не буду тебѣ много писать, да и не о чемъ говорить. Ты же самъ сказалъ, что ты у насъ въ долгу: сквитайся напередъ, меньше будетъ затруднительно тебѣ раздѣлаться съ нами. Спасибо тебѣ, душа моя, что ты теперь чаще доставляешь намъ минуты радостныя, получая письма твои. Братъ твой здоровъ, благодаря Бога. Нѣсколько дней онъ не спалъ: долженъ былъ грѣть разныя припарки и поить меня горячими разными питьями изъ травъ. Меня мучили сильныя спазмы. Вчерашнюю ночь и я, и онъ, хотя немного, но уснули. Боюсь, чтобы его не разстроила усталость. Молю Бога, чтобы я освободилась отъ моихъ страданій. Мнѣ тяжело видѣть моего добраго мужа, какъ онъ безпокоится моею болѣзнью. Сегодня цѣлый день я не чувствую спазмъ, съ утра сижу за письмами, и вотъ 8 часовъ вечера,—я не чувствую даже усталости... Вчерась былъ у меня Ивашевъ съ женой. Я ему показала твое письмо. Онъ очень тебя благодаритъ за дружеское твое о немъ воспоминаніе. Они оба кланяются тебѣ. Онъ восклицаетъ иногда: „ахъ, мой милый Семенушка!.“ Если-бы ты могъ видѣть, другъ мой, какъ я обрадуюсь каждый разъ, когда кто-либо вспоминаетъ тебя съ добротою. Нѣтъ, душа моя, любезный другъ мой, ты не въ состояніи вполнѣ представить себѣ чувствъ нашихъ къ тебѣ. Я и братъ твой любимъ тебя больше, чѣмъ ты въ состояніи видѣть нашу любовь. Когда будутъ у тебя жена и дѣти, тогда только познакомишься ты съ столь сильнымъ чувствомъ. Благодарю тебя за извѣщеніе меня о моей матушкѣ. Пусть Богъ подкрѣпитъ ея здоровье. Ты каждый разъ говоришь, что она пишетъ ко мнѣ, и всякій разъ скажешь, что она опоздала на почту. Собираешь ты, вѣрно, ея письма, а потомъ пришлешь мнѣ цѣлую тетрадку, чтобы наградить меня за долгое ожиданіе. Прошу тебя за насъ поцѣловать ей руку и сказать, что мы здоровы... Братъ твой цѣлуетъ тебя сердечно, благодаритъ тебя за обѣщаніе прислать ему еще табаку. И туда вложи ему трубокъ и, если есть у

тебя, хорошій черешневый чубукъ, а если будетъ опять случай въ Кишиневѣ, то выпиши мнѣ *тестамелю* *). Такъ называются у нихъ маленькіе цвѣтные шейные платочки; они очень теплые. Прощай, другъ мой. Марья Юшневская.

PS. Прежде отправленія къ тебѣ этого письма узнали мы, къ прискорбію нашему, что Александръ Львовичъ скончался, и потому братъ твой счелъ нужнымъ сообщить тебѣ это извѣстіе, дабы оно не остановило тебя въ исполненіи просьбы нашей. Василій Львовичъ, во всякомъ случаѣ, полагалъ, что если-бы братъ его взялъ на себя заняться пріисканіемъ покупщика для Тимашевки, то, вѣроятно, поручилъ-бы это подъ своимъ руководствомъ которому-либо изъ двоихъ, или Бржозовскому или Добровольскому. И такъ легко быть можетъ, что по порученію покойнаго они этимъ дѣломъ уже занимаются. А потому братъ твой проситъ тебя, не смотря на это извѣстіе, все-таки съѣздить туда или послать вмѣсто себя, кого разсудишь.—Я давно просила Рейхеля войти въ сношеніе съ Марьей Алексѣевной Пестовой, которая по дружбѣ своей также вызвалась найти покупщика. Прилагаемое отъ нея письмо прошу тебя отдать Рейхелю. Изъ него онъ увидитъ, что, не смотря на мою просьбу, она не получила отъ него никакого отзыва. Быть можетъ, онъ не знаетъ ея мѣстопребыванія? Живетъ она въ Херсонской губерніи, Александрійскаго уѣзда, въ ея деревнѣ Панталіевкѣ. Письма ей всегда адресуютъ въ городъ Александрію. Она также въ сосѣдствѣ Тимашевки, и потому, если Рейхель вздумаетъ ѣхать самъ въ Тимашевку, не худо-бы, если-бы къ ней заѣхалъ.—Тебя удивитъ, любезный Семенъ Петровичъ, что я имѣю знакомыхъ такъ близкихъ, о которыхъ ты не знаешь. Въ бытность мою въ Москвѣ жила я съ Пестовой вмѣстѣ у Катерины Ѳеодоровны, и она полюбила меня, кажется, всѣмъ сердцемъ, и мы сблизились. Я ее не только люблю, но уважаю. Она женщина очень добрая. Катерина Ѳеодоровна мнѣ говорила, что кромѣ того, что имѣетъ доброе сердце, съ удиви-

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

тельною готовностью оказываетъ услуги, гдѣ онѣ могутъ только быть полезны. Прощай, любезный братъ! Поцѣлуй дѣтей моихъ за меня.

XXXIII.

30 декабря 1832 года. Петровское.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ! съ сею почтою пишу тебѣ коротенькое письмо, только потому, чтобы быть аккуратною. Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ, а я очень нездорова. Дней пять тому назадъ велено мнѣ непремѣнно поставить пьявки, но я такъ ослабла отъ моихъ страданій, что испугалась, расплакалась, и принуждены были оставить до другого времени. Послѣ праздниковъ, быть можетъ, я буду болѣе въ силахъ. По сему ты легко можешь представить себѣ, какое раздраженіе во мнѣ и слабость нервовъ. Я не могу спать по ночамъ, и бѣдный твой братъ, ухаживая за своею больною, усталъ и ослабѣлъ немного. Праздники, какъ ты знаешь, не приносятъ намъ большого удовольствія, но сего года встрѣтили мы ихъ, по крайней мѣрѣ, съ перемѣною противу прежнихъ. Вѣроятно, прежде чѣмъ ты получилъ письмо сіе, ты уже будешь знать, что намъ, перваго и второго разряда государственнымъ преступникамъ, убавлено по 5 лѣтъ; третій же разрядъ идутъ всѣ на поселеніе. Фонъ-Визинъ и Нарышкинъ—изъ женатыхъ. Въ числѣ же прочихъ знакомыхъ тебѣ отправляется Аврамовъ, Фоленбергъ, меньшій Пушкинъ, братъ Емил. Ив. Вогелинъ, Лореръ, Одоевскій,—однимъ словомъ всѣхъ 18 человѣкъ. Ивашевъ и другіе второго разряда остаются здѣсь на три съ половиною года, а первому разряду восемь съ половиною еще остается, и если я буду еще жива съ твоимъ братомъ до того времени, то и мы оставимъ Петровскій заводъ. Но надежды мало, чтобы я до того дожила. Впрочемъ, во всемъ воля Бога.—Другъ мой, многіе просили меня изъ нашихъ знакомыхъ, чтобы ты изъ Кишинева выписалъ труту, и когда будешь посылать брату табакъ, то пришли и трутъ, а ес-

ли письмо мое застанетъ, что табакъ уже высланъ, то и одинъ трутъ вышли, только постарайся достать его поболѣе: у насъ нуждаются въ этомъ, и ты много одолжишь не только брата, но и другихъ. Пожалуйста, душа моя, постарайся исполнить просьбу мою, чтобы обѣщанія мои и твоего брата были исполнены. — Хотя письмо и придетъ гораздо позднѣе твоихъ имянинъ, но прими душевное наше поздравленіе. Братъ твой цѣлуетъ тебя и молитъ Бога о твоемъ счастіи и благополучіи. Я хотѣла послать тебѣ что-либо моей работы, но какъ ничего хорошаго не могу сдѣлать, не имѣя ни шелковъ, ни шерсти для вышиванія, то и придумала прислать тебѣ нѣчто, дѣлающее тебѣ гораздо болѣе удовольствія, только немного замедлю высылкою. Дай Богъ, чтобы только подарокъ мой сдѣлалъ тебѣ столько удовольствія, сколько усердно я о немъ хлопочу. Три уже недѣли, какъ мы не имѣемъ твоихъ писемъ, но я надѣюсь, что будущая почта меня обрадуетъ. Пожалуйста, любезный другъ, хотя ты и занятъ теперь, но не лишай насъ отрады получать извѣстія о тебѣ. Тѣмъ еще пріятнѣе для насъ будетъ, что ты, имѣя мало времени, будешь пріискивать его, чтобы намъ писать, меня-же совѣсть не упрекаетъ: я аккуратно даю тебѣ извѣстіе о твоемъ братѣ. Pardon, другъ мой, невольно упрекнула тебя.—Ты замѣтилъ, что я стараюсь разные подробности сообщать тебѣ о насъ, а потому, узнавъ, гдѣ твои знакомые будутъ поселены, я тебя увѣдомлю. Аврамовъ, какъ только пріѣдетъ, самъ напишетъ тебѣ, ибо, будучи на поселеніи, онъ можетъ собственноручно вести переписку. Со многими будетъ намъ грустно проститься, но изъ заточенія выѣдутъ они на свободу,—и это заставляетъ насъ радоваться разлукѣ съ ними. Прощай, милый мой братъ! Люби сестру, которой привязанность къ тебѣ не измѣнится до гроба. Марія Юшневская.—Матушкѣ моей ручку поцѣлуй за насъ и сообщи обо всемъ сказанномъ тебѣ.

XXXIV.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Письмо твое изъ Чечельника, 3 ноября писанное, мы получили. Братъ твой и я

сильно огорчились, прочтя, что тебя опрокинули лошади съ коляскою. Слава Богу, что еще хуже послѣдствій не было. Надо, чтобы ты постарался завести экипажъ хорошій и лошадей, а главное, кучера надо пріискать. Если ты не оставилъ Григорія, который у насъ служилъ, то худо сдѣлалъ. Служа нѣсколько лѣтъ у брата твоего, мы никогда не имѣли случая пожаловаться на него, и кучеръ онъ очень хорошій, кромѣ того добрый и усердный малый. . . . . .

. . . . . .

Часа два тому назадъ братъ твой простился съ четырмя своими товарищами, которые уѣхали на поселеніе,—Фаленбергъ, Одоевскій, Игельстромъ и Мухановъ. Первый душевно тебя обнимаетъ и желаетъ тебѣ всевозможнаго счастія. Каждый разъ прощанія сіи бываютъ очень трогательными. Родные братья не могутъ разставаться съ бо́льшею нѣжностью, такъ несчастіе и одинакость положенія сближаетъ. Представь себѣ, что всѣ въ слезахъ и всѣ огорчены душевно. И мы тутъ-же плачемъ, какъ сестры, провожающія своихъ братьевъ. На дняхъ проводили Павла Васильевича и Павла́ Пушкина. Равно и съ другими грустно будетъ проститься.—Ты также проводилъ добраго и почтеннаго Карла Ѳеодоpорича. Увѣдомь, взялъ-ли онъ съ собой Амалію дочь.—Благодарю тебя, другъ мой, за увѣдомленіе меня о моей матушкѣ. Я получила позже твоего письма о ней извѣстіе. Благодарю Бога, что она здорова. Когда будешь въ Хрустовой, поцѣлуй ей ручку за меня и скажи, что мы оба здоровы.—На дняхъ получено у насъ извѣстіе объ Андреѣ Васильевичѣ Ентальцевѣ. Онъ здоровъ, живетъ въ Ялуторовскѣ Тобольской губерніи; жена его съ нимъ. Розенъ съ женою благополучно доѣхалъ до Кургана Тобольской-же губерніи: онъ тамъ поселенъ. Пишетъ, что все дешево и климатъ хорошъ. У насъ-же такая дороговизна, что способа нѣтъ докупиться ничего, особливо, кто весьма мало имѣетъ денежныхъ способовъ. Надѣюсь, другъ мой, что ты не можешь пожаловаться на краткость моихъ писемъ: всѣ подробности, какія только близки намъ съ твоимъ братомъ, я сообщаю

тебѣ, чтобы только видѣлъ ты, какъ пріятно мнѣ бесѣдовать съ тобою. О знакомыхъ и незнакомыхъ говорю тебѣ, стараясь, сколько могу, сдѣлать и для тебя интереснымъ мое письмо. Прости, любезный другъ. Пиши намъ чаще, мой другъ, и помни, что письма твои для насъ отрада и утѣшеніе. Не скупись посвящать минуты свободныя отъ твоихъ занятій доброму твоему брату и сестрѣ, которая любитъ тебя всѣмъ сердцемъ. Цѣлую тебя сердечно и на вѣкъ остаюсь лучшимъ твоимъ другомъ. Марія Юшневская.

XXXV.

20-го Января 1833 г. Петровское.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ! Въ прошломъ письмѣ я тебѣ писала, что простились мы съ четырьмя нашими, отъѣхавшими на поселеніе. 17 числа сего мѣсяца проводили еще четырехъ: Рункевича, Мазгину, Иванова и еще молодого человѣка, Колесникова, который такъ плакалъ, прощаясь со всѣми, остающимися въ ткарьмѣ, что всѣхъ растрогалъ. Прощаясь съ нами, онъ рыдалъ на груди твоего брата, котораго онъ почиталъ и уважалъ. Бѣдный молодой человѣкъ твердилъ поминутно: теперь начнутся мои тяжкія страданія, когда буду я одинъ, въ кругу людей, не понимающихъ меня, безъ подпоры, безъ средствъ къ содержанію себя. Здѣсь раздѣляли со мной добрые товарищи все, а на поселеніи не услышитъ стона моего никто. Впрочемъ, онъ уже слишкомъ огорчался. Быть можетъ, поселять его съ кѣмъ либо другимъ, и на свободѣ онъ пріищетъ средство пріобрѣсть трудами рукъ своихъ пропитаніе и все нужное. Сначала, конечно, будетъ ему тяжело. Тѣ-же, которые имѣютъ способы жить безъ нужды на поселеніи, конечно, съ радостію покидаютъ насъ. Вотъ, мой милый братъ, стараясь сообщить тебѣ всѣ подробности встрѣчъ разныхъ, случающихся съ нами, чтобы ты невольно переносился къ намъ мысленно, а я буду воображать себя раздѣляющаго съ нами и слезы, и улыбки, которыя бываютъ при встрѣчѣ удовольствіи (?)

Изъ переписки Запорожья XVI в.

съ польскими вельможами.

I.

Сашко Хведоровичъ (Александръ Ѳедоровичъ)—одинъ изъ тѣхъ Запорожскихъ предводителей конца XVI в., называвшихся иногда гетманами, иногда полковниками, которые, начальствуя надъ небольшими козацкими отрядами, то грабили съ ними пограничныхъ со степями жителей, то производили набѣги на крымцевъ, на турокъ и молдаванъ, то нанимались на службу къ польскому правительству, если послѣднее нуждалось въ ихъ услугахъ. Раньше было извѣстно только одно письмо Сашка Хведоровича къ Яну Потоцкому изъ Пскова отъ 3 августа 1595 г.[1]), въ которомъ онъ оправдывался въ насиліяхъ и грабежахъ, учиненныхъ его козаками надъ крестьянами сс. Мизякова и Охматницы. Теперь мы издаемъ два письма: одно отъ Сашка Хведоровича къ Яну Орышовскому, другое отъ бискупа Іосифа Верещинскаго къ Сашку Хведоровичу. Въ первомъ письмѣ, относящемся, повидимому, къ 1595 г., Сашко Хведоровичъ извѣщаетъ Орышовскаго о вторженіи татаръ, проситъ его предупредить объ этомъ старосту Брацлавскаго и Винницкаго Юрія Струся и донести канцлеру и коронному гетману Яну Замойскому. Во второмъ

[1]) См. Listy Stanisława Żołkiewskiego. W Krak. 1868, str. 63—64.

письмѣ бискупъ Верещинскій старается отклонить Сашка отъ сообщества съ Наливайкомъ и совѣтуетъ ему снискать благоволеніе короля при содѣйствіи польнаго гетмана Станислава Жолкѣвскаго. Сашко не послушался Верещинскаго, присталъ къ Наливайку и былъ убитъ въ сраженіи съ войсками Жолкѣвскаго у озера „Острый Камень“ близъ Бѣлой-Церкви черезъ 11 дней послѣ того, какъ Верещинскій предупреждалъ его,—въ среду 3-го апрѣля (нов. ст.) 1596 г. [1]). Вѣроятно, издаваемое письмо было найдено при убитомъ и отослано Жолкѣвскимъ Замойскому для свѣдѣнія, почему и сохранилось въ архивѣ гр. Замойскихъ.

Г, — Moy laskawy Panie Oriszowski! Skorom od wm. odjachał, przyszla nowijna niepocześna: czar Thatarskij jusz Bialoczerkiew mijna; woisko wielkie. Panie Boze, nie daj mi s pocziechą stąd odiscz. Pilnie prosze: rozmow wm. s panem starostą, aby szie mijal na pilnoij przestrodze, gdisz pewnij, a nieodmienny nieprziaciel cziągnie; poddanym niech kaze do Winiczy zbiegacz. Ja, da Pan Bog, rano do Pikowa poijde y do Pana Hetmana Coronne(go). abj wm. wjadomoscz dacz raczil. A zatim szie lascze wm. polieczam. We czwartek.

Sasko polkow. Ręką wlaszną.

Адресъ: J. W. Panu Janowij Oriszowskiemu, Polkow. wojska Zaporoskie(go).

Съ оригинала, писаннаго рукою Сашка, съ точнымъ сохраненіемъ правописанія и лишь съ введеніемъ современныхъ знаковъ препинанія.

2, — Moi laskawij panie Sasku!

Chęci mi zijcliwi do dobriji prziazni w. m. pilnie zaliecam etc. etc.

Jus widze, ze wam Naliwaiko tijm tu do was przybyciem wielie zlego nabawil, i kto piwa nawarzijl kwasnego i nader

[1]) См. тамъ-же, стр. 80.

gorskiego—sami go teraz pic musicie; przeto dla milosierdzia Bozego proszę: przestrzygaicie więciji lask J. K. M., anizeli iedniji osobij Naliwaikowiji, gdijs immi to przijpisuią, zebych sie miał wiązac do was z skodą Rzeci posp. J bijscie wij mmi sluchali, w ijnaksym by sobie pierzu bijli, a ci zli ludzie, ktorzy mie do nielask J. K. M. domieszczaią, na sobie tego doznaią. Liepiji bylo z iedną sie osobą zawodzic a swego dochodzic... [1]). Teraz po wlosciach sie wloczecy, J. K. M. obrazaiąc i liudzie do tego w domach slacheckich nieprzystoine gwaltij czijniąc. Jis macie, gdzie sie nieobaczijcie, gotową exequutią tuz przed sobą; przeto ubiegaicie laski J. K. M. przez J. M. pana Hetmana polnego [2]), abij niewchodzic w exequutią z wami, z wiernijmi slugami i podnoskami swijmi. Co iz bijscie liepsą sprawę mieli, posijlam wam i list od J. M. pana Hetmana do mnie napisanij, o ktorij prosze, abij mi bijl nazad przywroconij. Zaliecaiąc sie przytijm dobriji prziazni i zijcliwosci w. m. wszystkiego woiska. Data z Nowego Werescina, 22 marcij Roku Bozego 1596.

Czechowic, poddannij moi z Nowego Werescina [3]), dosta klace od kozaka pliesniwą, ktorą poznal kozak drugi, wmawiaiąc to, zebij iego wlasna byla; a ta klaca wijsla z rąk w. m., o ktorą teraz trudnosc ma. Prosze iako mego milego prziaciela, niechbij w tijm gwaltu mu widzial, dla czego do w. m. sie ucieka.

W. m. zijcliwij prziaciel
Jozef Werescinskij Kyiewskij ręką wlasną.

Адресъ: Laskawemu Panu przijiacielowi Chwiedorowiczowi Polkownikowi Woyska Zaporoskiego nalezij.

Съ оригинала, писаннаго, за исключеніемъ адреса, сплошь рукою Верещинскаго. Съ лѣвой стороны листа подъ подписью оттиснута печать, на которой изображенъ гербъ „Три зарубки", украшенный епископскою митрою и пастораломъ, а вокругъ идетъ надпись: Sigil. Jose. Verescin. episc. Kiiov.

---

[1]) Дыра въ рукописи.

[2]) Т. е. черезъ Станислава Жолкѣвскаго.

[3]) Изъ Фастова.

II.

Какъ извѣстно, 29 мая (8 іюня) 1596 г., у лѣваго берега р. Сулы, на урочищѣ Солоницѣ, близъ нынѣшнихъ Лубенъ, польское правительственное войско подъ начальствомъ Станислава Жолкѣвскаго разгромило и истребило мятежное козацкое скопище, собранное Наливайкомъ. Главные вожди мятежниковъ, и въ томъ числѣ важнѣйшій изъ нихъ—Наливайко, были захвачены живыми и впослѣдствіи казнены. Приставшіе къ Наливайку запорожцы, въ числѣ до полуторы тысячи человѣкъ, по какимъ-то соображеніямъ были прощены Жолкѣвскимъ и подъ предводительствомъ Кремпскаго прямо изъ-подъ Солоницы двинулись въ Запорожье. Туда же отплылъ изъ-подъ Черкасъ Каспаръ Подвысоцкій съ флотиліей чаекъ, перевозившею скопище Наливайка съ праваго берега р. Днѣпра на лѣвый у Кіева. Такимъ образомъ, разсѣянные запорожцы собрались мало-по-малу въ Сѣчь, и войско Запорожское вошло въ кругъ обычныхъ своихъ занятій; возобновилась и исконная борьба съ Крымскими татарами. Во главѣ войска сталъ гетманъ Игнатъ Василёвичъ (Игнатій Васильевичъ). Въ началѣ августа 1596 г., въ степяхъ за Днѣпромъ, среди татарскихъ кочевій, пойманъ былъ козаками татаринъ, такъ называемый „языкъ“, который сообщилъ, что царь Крымскій двигается съ войскомъ къ Таванскому перевозу черезъ р. Днѣпръ, намѣреваясь предпринять набѣгъ въ предѣлы Польскаго королевства. Гетманъ Игнатъ Василёвичъ немедленно отправилъ этого плѣнника, подъ присмотромъ двухъ „товарищей“, Каспара Подвысоцкаго, упомянутаго выше, и Гавріила Рожи, къ королю, дабы предупредить государя и его правительство о грозящей странѣ опасности. Онъ далъ Каспару Подвысоцкому и Гавріилу Рожѣ помѣщаемый ниже универсалъ, въ которомъ извѣщаетъ всѣхъ пограничныхъ владѣльцевъ о предстоящемъ набѣгѣ и проситъ ихъ безъ замедленія давать подводы подъ плѣнника и его провожатыхъ, чтобы они скорѣе могли предстать предъ королемъ, такъ какъ отъ этого зависитъ возможность борьбы

съ приближающимися татарами. Къ универсалу приложена оттиснутая на зеленомъ воскѣ печать, какую въ то время употребляло войско Запорожское. Кажется, это—старѣйшій оттискъ Запорожской печати, доселѣ извѣстный. На печати изображенъ Запорожскій козакъ съ саблей при боку и съ ружьемъ на плечѣ, а вокругъ выгравирована надпись: „Копиа воиска Запорозского". Слово „*копиа*" имѣетъ, вѣроятно, тотъ смыслъ, что изображенный на печати воинъ *точно* передаетъ дѣйствительный внѣшній видъ Запорожскаго козака. Другой, очень сходный по содержанію съ изслѣдуемымъ, универсалъ былъ высланъ Игнатомъ Василёвичемъ изъ Запорожья 15 іюня слѣдующаго 1597 г. Въ немъ также пограничныя власти предупреждались о грозящемъ татарскомъ набѣгѣ. Въ латинскомъ переводѣ онъ былъ приложенъ къ донесеніямъ въ Римъ папскаго нунція въ Прагѣ, попалъ въ библіотеку Боргезе, гдѣ и былъ найденъ проф. Н. Н. Любовичемъ, издавшимъ его въ „Кіевской Старинѣ" за 1893 г. (т. 43, стр. 157—158). Универсалъ печатается здѣсь съ оригинала, сохранившагося въ архивѣ гр. Замойскихъ:

Wielmoznijm ij zacznie urodzonijm Panom, wszistkim wobec, Przijacielskie nasze sluzbij lasce Wm. naszijch meiwijch Panow pilnie zalecamij.

Wszistkim wobecz wmciom oznaimuiem, ysz posilamij poslancow, thowarzijszow naszych, z wiezniem krymskim, kthoregosmij dostali na poliu krymskim, pod woiskiem tatarskim, kthore ciągnie do przewozu Dnieprowego Thawanij; ij then wiezien powiada, isz nigdzie indzie tholko w ziemie Je(go) k. m. Car ijch pewnie a pewnie idzie. A thak mij, czijniąc onę powinnosć naszę, danną przeciwko narodowi chrzescijanskiemu, abij bez wiesci then nieprzijaciel Car krijmski w ziemie Jego k. m. nie wthargnął, daiem wm. wszistkim wobec znać, abiscie Wm. bez wiesci nie pogineli ij w rece nieprzijacielskie nie popadli. Themu pisaniu naszemu ij poslancom ij wiezniowi wiary dodawaicie, a samij w ostroznosci pewnei byli, a thym thowarzijszom naszijm Kaspru Podwisockiemu, Hawriłu Rodze laske y milosć pokazowali ij podwod pod wieznia ij pod ych samijch nie bronili, aby co narychliei

onego wieznia, bez omieszkania, do maiestatu Je(go) k. m. odwiesli, gdysz na thijm wiezniu y wiesciach thych pospolithemu chrzescijiansthwu sila nalezij, co mij mądremu a mciwemu baczeniu Wm. naszych m. Panow poruczamij. Prosim, prosim za thymi, poslancamij, zebiscie ych Wm. zadnei godzinij nie mieszkaiąc, odprawowali. A za thym, samij siebie y sluzbij nasze mciwym laskam Wm. zalecamij. Dan za Porohamij, u przewozu Thawanij, 10 d. sierpnia Roku 1596.

Wm. wiernie ziczliwi przl. Jhnath Wasilowicz, Hethman ze wszistkim woiskiem Zaporoskim.

Сообщилъ *А. Стороженко.*

Новыя подробности къ біографіи Запорожскаго гетмана Яна Орышовскаго.

Очеркъ жизни гетмана Яна Орышовскаго, напечатанный въ нашей книгѣ: „Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки“ на стр. 256—272, мы можемъ пополнить теперь нѣкоторыми новыми подробностями.

Во-первыхъ, изъ просмотра нѣсколькихъ документовъ въ архивѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ мы съ точностью опредѣлили, откуда родомъ былъ Янъ Орышовскій. Гнѣздомъ его семьи было селеніе Польскій (Ляцкій) Горишовъ, верстахъ въ 15 отъ Замостья по старому тракту изъ Замостья во Владиміръ-Волынскій. По прежнему административному дѣленію Рѣчи-Посполитой оно относилось къ Грабовецкому повѣту Бельзскаго воеводства, а по нынѣшнему русскому дѣленію оно входитъ въ составъ Замостьскаго уѣзда Люблинской губерніи. Янъ Орышовскій имѣлъ тамъ наслѣдственную земельную собственность. Одновременно съ Яномъ Орышовскимъ проживали въ Польскомъ Горишовѣ Петръ и Станиславъ Орышовскіе, повидимому, родные братья Яна. У Петра Орышовскаго было двѣ дочери: Софія, по мужу Хилыньская, и Елена, по мужу Зѣлинская Обѣ онѣ продали

свои наслѣдственныя доли въ Горишовскомъ имѣніи канцлеру Яну Замойскому, и эта часть Польскаго Горишова была включена въ 1589 г. въ предѣлы Замойской ординаціи. Зная, что у Яна Орышовскаго была собственность въ Польскомъ Горишовѣ, мы можемъ вполнѣ удовлетворительно объяснить, почему Валицкій, разговаривая съ Вакеромъ въ началѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостьѣ (нашей книги стр. 263), сообщилъ ему, что онъ не можетъ видѣться сейчасъ съ Орышовскимъ, такъ какъ послѣдній за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежащія по сосѣдству съ Замостьемъ свои имѣнія (ad vicina quaedam rura sua). Орышовскій, очевидно, поѣхалъ въ Польскій Горишовъ, расположенный дѣйствительно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Замостьемъ.

Во-вторыхъ, мы имѣемъ возможность издать по подлиннику, сохранившемуся въ архивѣ гр. Замойскихъ, то донесеніе Яна Орышовскаго королю Стефану Баторію относительно поимки татарскихъ царевичей лѣтомъ 1581 года, о которомъ упоминаетъ въ своемъ Дневникѣ ксендзъ Янъ Піотровскій, говоря: „Bieg wypadków wypisuje Oryszowski Królowi, co porucznikiem Niżowców jest“.

Вотъ текстъ донесенія съ сохраненіемъ правописанія подлинника:

Адресъ: Sacre ac Serenissime Regi Polonie et invictissimo dn̄o dn̄o mihi clementissimo.

Донесеніе: M̄czwi naiasnieisi Krolu Panie panie mnie miloscziwi. Wassei krolewskiei m̄czi oznaimuię panu swemu m̄cziwemu wsitke sprawe ktora sie sam na nizu dzieie Prosto z wiosni przipadl mcziwi naiasnieisi Krolu na te ludzie s ktoremim w Cirkasiech. zimowal glod i niedostatek wijelki. musialem z nimi iscz na dniepr dla lacznieise⁰ poziwijenia riba ij zwierem. przestrzegaiacz tes te⁰ abij sie nicz niedzialo nad wola i roskazanie W. Krolewskiei Mczij. Jakos sie zadne zacepki i skodij do te⁰ czaszu niedziali Czaru Krimskiemu A zwlasca od tich ludzi ktorzi pod moim poruczenstwem bili o insich stroni nie mowię. Bendac z nimi na dnieprze przichodzila mij wiadomoscz

pewna kozde⁰ dnia. od wiezniow tich ktorzi do nas z hordij wichodzijli. Ze sie stalo zamiesanie w hordzije w Czara Krimskie⁰ Posilal braczia swa na kiezulbasij [1]) ktorzi go w tim nie chczieli sluchacz. Za nieposlusenstwo kazal iedne⁰ brata sinom swoim straczic A insij bracia ie⁰ rozbiegli się do Nahaiczow i do Pietihorczow. Czi zas dwai Aliphieri Galga a drugi brat ie⁰ mlodsij Sołomethieri. Z murzami ktorzi nie bijlij przichilni przestrzegli ich abi do Czara nie iezdzilij Bo im kazal do siebie prziiachacz gdi brata kazal straczic. na ten czas gdi szinami ie⁰ chodzil na moskwu i niemalo tatar z nimi przestawalo w tim sposobili sobie Bielogrodczow takze i insich Krimczow. Ktorzi za niemi mieli iscz. wziawsi ten umisl przedsie wibawic s Cirkas pana staroste Circas: [2]) za dniepr na moskwe. Jako przedtim z nimi zwikl chodzic zwlasca z bielogrodczami ku sluzbie W. K. mczi do ktore⁰ poslance swe posilali az do imienia ie⁰ cze⁰ przedtim nie czinijli. oczekiwaiacz go kilka niedziel. A tam gdi bi iuz wisedl mieli nad nim fortelu uzic i bitwę mu dacz a pogromiwsi⁰ mieli sie nazad wroczic i Cirkasi wziąc i s tą przislugą do Czara Turskie⁰ iachacz Bo tam maią brátá rodzone⁰ foritarzem. w sprawach onich Aslam soltana. powiadali i sami ijs im mial ziednac ludzi od Czara Turskie⁰ a s timi ludzmij mieli iscz na Czara Krimskiego brata swe⁰ i opanowac Czarstwo Krimskie Ja tedi maiacz o tim pewną wiadomoscz od pewnich wiezniow ktorzi ustawicznie z hordi wichodzą Czinilem takie pilne staranie z ludzmi timi ktorem okolo siebie mial iako: bi przescia mijec nie mogli na przewoziech zwiklich i tam gdziebi ijedno podobienstwo bilo ku przebicziu rzeki. wsędsi straza dobrze opatrzijl. Z ijednimim ludzmij zostal wissei progow a drugiem ludzie poslal nizei progow. w tim przisli na niezwikle miesce nizei progow na przewos przezwiscem nosakowski ostrow [3]) traffili na stras w malem podczie asam ludziem

---

[1]) Кизильбаши—старинное названіе Персіянъ; значитъ: красноголовые.

[2]) Т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго.

[3]) Носаковская переправа противъ острова Носаковки и Каиръ-Космака, по словамъ г. Эварницкаго, мало удобная, потому что здѣсь Днѣпръ,

dali znacz, ktorich obskocziwsij poimali. Bo na wodzie im trudna bitwa [1]). Czo sie wsitko dzialo za laską mile⁰ Boga á za scesczieм W. K. mczi Bo kozdi takowi nieprzijacziel ktori chitrosczią chodzi z maiestatem. W. K. mczi. musi bicz pod nogami s przeirzenia Boze⁰ W. K. mczi me⁰ mcziwe⁰ pana. Tho tes W. K. mczi oznaimuię ze w niebitnosczi mei niemem zwierchu do tich ludzi przibijl dowiedziawsi się Czi kozaczi dali znac panu Staroscie Cirkaskiemu oznaimuiacz iż tich Czarowiczow poimali. nie wziawsi sprawi o nich dostatecznei. A pan Starosta W. K. mczi zarazem to odnijosl. nije czekaiacz ode mnie pewnei wiadomosci Thamze tes murzow dwu i kilka tatar pusczili na okup abi niedostatek i nagosc swa przikrijli. Takze tes i Czarowiczowie wielką im sumę pieniedzi za siebie postempowáli. Ja gdim w tim do nich przijachal tedim im tich saczunkow nie dopuscijl ze sie to musialo oprzec o maiestat W. K. mczi. Bo to nie nasa rzec takiemi sprawami saffowac W tim nam przislo pissanie W. K. mczi. abichmi sli ku sluzbie w. k. m. na moskwę. Zaraniem sie z nimi russil nieczekaiac te⁰ okupu. Bo i ten datek ktori maią z laski w. k. mczi do te⁰ czasu w Cirkasiech go niemas. Nijewiem gdzie⁰ pan Janczi [2]) na drodze zostawijl.

Czar tes Krimski przisilal Asana tlumaca tatarzina do nas obieczuiacz okup nie mali i do te⁰ okupiwsi ich tamze przed

---

раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, дѣлается очень широкъ, къ тому же онъ наполненъ въ этомъ мѣстѣ множествомъ малыхъ острововъ и заросъ высокими камышами. См. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб. 1898 г. Стр. 257.

[1]) Въ особомъ письмѣ къ королю Стефану, сохранившемся въ переводѣ съ татарскаго языка на польскій въ архивѣ гр. Замойскихъ, татарскіе царевичи жаловались, что козаки захватили ихъ обманомъ: пообѣщали переправить ихъ черезъ Днѣпръ, а когда они сѣли со всѣми своими вещами въ козацкій чёлнъ, то взяли ихъ въ плѣнъ и тотчасъ заковали въ ручные и ножные кандалы, требуя выкупа. Вѣроятно, такъ и было въ дѣйствительности. Оришовскій преувеличиваетъ доблесть козаковъ въ надеждѣ на полученіе награды отъ короля.

[2]) О Янчи Багерѣ см. нашу книгу: Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки, стр. 71 и 102.

nasimi oczima glowi im pozdijmowac Bo sije na nich barzo oglada zebi przes nich o gardlo i o stracenie ziemie nie przisedl. Jakos i listi do nich pisal trzi przes te⁰ tlumacza swe⁰ ktore W. K. mczi possilam s ktorich w. k. m. dostatecznie bendzie raczil zrozumiecz ich sprawe i z nich szamich. gdi z nami bendą przed maiestatem w. k. mczi. Bom i tich listow nieczital ij nie wiem czo w nich iest nie bilo komu czitac. Potim za sie przijachal do nas P. Starosta Cirkaski[1]) za porohi. ządaiącz nas o ti wieznie abi mogli iscz przes ie⁰ rencze do Maiestatu W. K. m. nase⁰ m. pana. Mi uwazaiacz zwierchnoscz w. k. mczi takze one⁰ ktoregos nam w. k. m. we wsitkiem sluchac kazac raczijl Podczilichmi ⁰ tim zechmi ich do rąk ie⁰ dali. maiacz z nim pospolu przi nich iachac do Maiestatu w. k. m. abi ich przi nas oddawal. i o nas daiąc taką sprawę ze te⁰ przestrzegami czo nam podczciwim riczerskiem ludziem przistoi.

Gdim przisedl s timi ludzmi do Cirkas Zastalem pana Cosa dworzanina W. K. mczi. ktori mi wolą i roskazanie w. k. mczi. oznaimijl Ja mcziwi naiasnieisi Krolu wsitke sprawe czo mi kolwiek do wiadomosci przichodzilo i czo się ijedno sam dzialo. dalem dostateczną sprawe panu Cosowi Abi to w. k. mczi odniosl. To czokolwiek iedno do wiadomosci w. k. m. piszę i odnoszę tedim te zrozumial wsitko s te⁰ murzi Surma te⁰ Czarowicza starsze⁰ takze i s tatar slug Czarowiczowich. Skoro sie dowiedzieli Czarowiczowie ze brat ich Czar Krimski wskazal do nas przes tlumaca swego. abichmi ich do rąk ie⁰ oddali tedi sami prosili iz wolemi ze nas oddaczie do Maiestatu ie⁰ K. mczi A nisli nas maczie dac w ręce brata nasse⁰.

Za tim unizone sluzbi me do Maiestatu w. k. mczi pilnie zalecam. Dan S cirkas dnia 3 Lipcza. Anno 1581.

W. k. mczi nanissi sluga i wierni poddani

Jan Orissowski Porucznik kozakow nizowich Zaporoskich.

---

[1]) Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій.—Въ письмѣ къ королю царевичи выражаютъ благодарность кн. Вишневецкому за ласковое съ ними обращеніе.

Все донесеніе и адресъ писаны рукою Орышовскаго; сбоку адреса канцелярскою рукою приписано: „Jako Czarowicowie Tatarscy wpadli w ręce kozakow nizowych Zaporoskich opisanie". Печатка на зеленомъ воскѣ, которою было припечатано донесеніе, отвалилась; остался только слѣдъ воска на бумагѣ [1]).

---

[1]) Переводъ донесенія: „Милостивый найяснѣйшій король, Государь мой милостивый! Доношу Вашей королевской милости, моему милостивому Государю, обо всѣхъ дѣлахъ, какія только здѣсь на Низу происходятъ. Начиная съ весны, милостивый найяснѣйшій король, тѣхъ людей, съ которыми я въ Черкасахъ зимовалъ, постигли голодъ и великій недостатокъ. Я долженъ былъ идти съ ними на Днѣпръ для болѣе удобнаго прокормленія насъ рыбой и звѣремъ. При этомъ я остерегался, чтобы ничто не дѣлалось вопреки волѣ и приказанію Вашей королевской милости. Поэтому до настоящаго времени не дѣлалось никакихъ придирокъ и убытковъ царю Крымскому, въ особенности со стороны тѣхъ людей, которые находились подъ моимъ начальствомъ. Объ иныхъ постороннихъ я здѣсь не говорю. Когда я былъ съ ними на Днѣпрѣ, доставлялись мнѣ ежедневно вѣрныя извѣстія отъ тѣхъ невольниковъ, которые прибѣгали къ намъ изъ Орды. Они говорили, что произошло замѣшательство въ Ордѣ у царя Крымскаго. Онъ посылалъ своихъ братьевъ противъ Кизильбашей, но они не хотѣли его въ этомъ послушать. За непослушаніе ихъ приказалъ онъ своимъ сыновьямъ одного изъ братьевъ казнить. А иные братья его разбѣжались къ Ногайцамъ и Пятигорцамъ. Двухъ же братьевъ, галгу Алипъ-Гирея и другого его младшаго брата Солометъ-Гирея, мурзы, которые не были вѣрны царю, предупредили, чтобы они не ѣздили къ царю, приказавшему имъ пріѣхать къ себѣ, когда онъ повелѣлъ казнить того брата, который ходилъ въ то время на Москву съ царскими сыновьями. Къ послѣднимъ пристало не мало Татаръ; кромѣ того они присоединили къ себѣ также Бѣлгородцевъ и иныхъ Крымцевъ. Всѣ должны были идти за ними. Было еще у нихъ намѣреніе выманить изъ Черкасъ за Днѣпръ противъ Москвы господина старосту Черкасскаго. Онъ обыкновенно ходилъ съ ними въ походы, въ особенности съ Бѣлгородцами, на службу Вашей королевской милости. Они отправили своихъ посланцовъ къ нему въ его имѣніе, чего передъ тѣмъ никогда не дѣлали. Ждали его нѣсколько недѣль. Если бы онъ вышелъ съ ними, то они должны были обмануть его, дать ему битву и, разгромивши его, возвратиться назадъ, взять Черкасы и съ этою добычею ѣхать къ царю Турецкому. Тамъ въ лицѣ родного брата Асламъ-Солтана они имѣли защитника въ подобныхъ дѣлахъ. Они сами разсказывали, что онъ долженъ де

подговорить людей царя Турецкаго и съ этими людьми они имѣли выступить противъ брата своего царя Крымскаго и завоевать царство Крымское. Тогда я, имѣя объ этомъ вѣрное свѣдѣніе отъ надежныхъ невольниковъ, которые постоянно выходятъ изъ Орды, прилагалъ все усердное стараніе вмѣстѣ съ людьми, бывшими около меня, дабы они не могли переправиться на обычныхъ перевозахъ; гдѣ только можно было предположить, что они переправятся черезъ рѣку, тамъ я вездѣ разставилъ надежную стражу. Съ одними людьми я остался выше пороговъ, а другихъ людей я послалъ ниже пороговъ. Между тѣмъ они пришли на необычное мѣсто ниже пороговъ, на перевозъ подъ названіемъ Носаковскій Островъ, и попали на малый отрядъ стражи; однако же дали знать другимъ людямъ и, окруживъ ихъ, поймали; на водѣ имъ трудно было биться. Все это случилось по милости милаго Бога и по счастью Вашей королевской милости. Каждый такой непріятель, который поступаетъ съ хитростью противъ величества Вашей королевской милости, долженъ быть, по соизволенію Божьему, подъ ногами Вашей королевской милости, моего милостиваго Государя.

Доношу также Вашей королевской милости, что въ мое отсутствіе, пока я по полученіи извѣстія не подоспѣлъ еще сверху къ тѣмъ людямъ, козаки дали знать господину старостѣ Черкасскому, донося, что они взяли въ плѣнъ царевичей, не наведя относительно нихъ достаточныхъ справокъ. А господинъ староста сейчасъ же донесъ объ этомъ Вашей королевской милости, не подождавши отъ меня вѣрнаго свѣдѣнія. Тамъ же на мѣстѣ они отпустили за выкупъ двухъ мурзъ и нѣсколькихъ татаръ, чтобы прикрыть свои недостатки и наготу. Царевичи также предлагали имъ за себя большую сумму денегъ. Когда я въ этотъ моментъ пріѣхалъ къ нимъ, то я не допустилъ этихъ переторжекъ, такъ какъ дѣло должно было опереться о величество Вашей королевской милости. Это не наше дѣло — распоряжаться въ такихъ обстоятельствахъ.

Въ это время дошло до насъ приказаніе Вашей королевской милости, чтобы мы шли на службу Вашей королевской милости противъ Москвы. Чуть свѣтъ я двинулся съ ними, не ожидая этого выкупа. То жалованье, которое они имѣютъ по ласкѣ Вашей королевской милости, до сего времени еще не прибыло въ Черкассы. Не знаю, гдѣ оставилъ его по дорогѣ господинъ Янчи. Царь Крымскій также присылалъ къ намъ толмача татарина Асана, обѣщая не малый выкупъ за царевичей, дабы, выкупивъ ихъ, тутъ же передъ нашими глазами поснимать съ нихъ головы. Ибо онъ очень на нихъ оглядывается, какъ бы черезъ нихъ не дойти до лишенія жизни и до утраты царства. Онъ писалъ къ намъ три письма черезъ того же толмача, которыя я посылаю Вашей королевской милости и изъ коихъ Ваша королевская милость достаточно уразумѣете, въ чемъ заключается ихъ дѣло, равно какъ и отъ нихъ самихъ, когда они вмѣстѣ съ нами появятся передъ величествомъ Вашей королевской милости. Я этихъ писемъ не читалъ и не

знаю, что въ нихъ заключается, ибо не было кому читать. Потомъ пріѣхалъ къ намъ за Пороги господинъ староста Черкасскій, требуя отъ насъ этихъ плѣнниковъ, чтобы они черезъ его руки могли дойти до величества Вашей королевской милости, нашего милостиваго Государя. Мы, признавая верховенство Вашей королевской милости, а также и того лица, котораго Ваша королевская милость приказали намъ во всемъ слушаться, почтили его тѣмъ, что отдали царевичей въ его руки. Въ то же время мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и при царевичахъ къ величеству Вашей королевской милости, чтобы онъ ихъ при насъ представлялъ и чтобы далъ о насъ такой отчетъ, что мы де желаемъ получить то, что слѣдуетъ намъ, почтеннымъ рыцарскимъ людямъ. Когда я пришелъ съ этими людьми въ Черкасы, то засталъ тамъ дворянина Вашей королевской милости господина Коса, который объявилъ мнѣ волю и приказаніе Вашей королевской милости. Я съ своей стороны, мой милостивый найяснѣйшій король, отдалъ достаточный отчетъ господину Косу обо всѣхъ дѣлахъ, какія только были мнѣ извѣстны и какія только въ дѣйствительности происходили, дабы онъ донесъ все это Вашей королевской милости. То, что я пишу и доношу для свѣдѣнія Вашей королевской милости,—все это я выспросилъ у мурзы Сурина, у старшаго царевича, а также у Татаръ, слугъ царевичей. Какъ только царевичи узнали, что ихъ братъ, царь Крымскій, обратился къ намъ черезъ толмача своего, дабы мы ихъ отдали въ его руки, тогда они сами просили насъ, говоря, что мы де лучше согласны, чтобы вы отдали насъ величеству его королевской милости, нежели, чтобы вы предали насъ въ руки брата нашего.

Затѣмъ усердно предоставляю мои нижайшія услуги величеству Вашей королевской милости.

Дано въ Черкасахъ дня 3 іюля 1581 года.

Вашей королевской милости найнижайшій слуга и вѣрный подданный Янъ Орышовскій, поручникъ козаковъ низовыхъ запорожскихъ.

Сообщ. *А. Стороженко.*

близкихъ намъ людей. Могу сказать, мы хотя мало и рѣдко очень, но видимъ иногда и радости на лицахъ нашихъ товарищей, которые получаютъ попеченіемъ родныхъ всѣ извѣстія и подробности о семействахъ своихъ. Не далѣе какъ вчерась цѣлый день проплакала я, растрогавшись надъ однимъ почтеннымъ старикомъ, Штейнгелемъ, котораго дочь выходитъ замужъ за богатаго человѣка. Видя его счастіе и радость, невольно перенесешься въ его кожу и ощущаешь въ полнотѣ его чувства. Особливо мы любимъ и уважаемъ сего добраго и почтеннаго человѣка.... Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ и молитъ Бога о сохраненіи тебя. Онъ желаетъ тебѣ благополучія и счастія, говоритъ всегда, что „когда хорошо людямъ, которые близки моему сердцу, и которыхъ я люблю, то и мнѣ хорошо“.... Цѣлую тебя сердечно. Другъ и сестра Марья Юшневская.

XXXVI.

23 Января 1833. Петровское.

...24 числа простились мы еще съ четырьмя отъѣхавшими на поселеніе: Павелъ Пушкинъ, который тебѣ очень кланяется, два Бѣляевы и Лореръ. Аврамовъ еще съ нами. Послѣ завтра ѣдетъ и онъ. Павелъ Васильевичъ очень благодаритъ тебя за обѣщаніе быть аккуратнымъ въ высылкѣ ему денегъ . . . . . Какъ мнѣ жаль, любезный братъ, что я необстоятельно описала тебѣ нашъ квартетъ, но, желая поправить нашу ошибку, сызнова повторю тебѣ, что первая скрипка—Вадковскій, вторая—Николай Крюковъ, альта—твой братъ, а віолончелистъ—Свистуновъ. Но поздно я тебя знакомлю съ ними: нѣсколько мѣсяцевъ какъ квартеты не играются, и я думаю, что надо полагать ихъ разрушенными. Вадковскій не глядитъ на скрипку со дня потери двоюродной сестры своей, Александры Григорьевны Муравьевой, а Свистуновъ забросилъ віолончель: братъ его, узнавъ, что онъ желаетъ играть на фортепьянахъ, и привыкши предупре-

ждать все, что только можетъ сдѣлать ему удовольствіе, прислалъ ему фортепьяны, и теперь Петръ Николаевичъ Свистуновъ очень усердно занимается фортепьяномъ. Надѣется, что будетъ удивлять успѣхами, и я очень увѣрена въ этомъ, хотя онъ о сю пору никогда не занимался музыкой, но видно желаніе его, и способностей имѣетъ онъ много.... Скажу еще нѣсколько словъ о братѣ. Онъ здоровъ, благодарю Бога, и если бы не безпокоили его разныя наши домашнія и хозяйственныя дѣла, былъ-бы довольно веселъ. Но надо тебѣ правду сказать, что здѣсь такая дороговизна на все, что способа никакого нѣтъ, чтобы не задуматься. Особливо съ нами часто случается быть въ затрудненіи, будемъ-ли имѣть что либо завтра къ обѣду. Ты не безпокойся, любезный другъ. Третій годъ, что я здѣсь, мы не выходимъ изъ сихъ затрудненій, развѣ на короткое время получа деньги, то есть, пока не раздадимъ ихъ на уплату долговъ. Но мы умѣемъ покоряться судьбѣ, терпѣть и отказывать себѣ во всемъ. Братъ твой съ твердостію переноситъ все, и я, глядя на него, не теряюсь. Пишу тебѣ о семъ, мой другъ, потому, чтобъ успокоить тебя на счетъ брата твоего, а дѣла наши и нужды тебѣ не новость, слѣд., ты привыкъ знать о нашемъ положеніи. Будетъ возможность, они будутъ лучше, а нѣтъ, то никакія заботы и размышленія не выручатъ насъ, лишенныхъ всѣхъ способовъ трудами своими пріобрѣсть улучшеніе нашего положенія. Невольно сказала тебѣ огорчительныя вещи и еще тѣмъ болѣе огорчительныя для тебя, что ты не въ силахъ помочь намъ. Au revoir à demain.

24 Генв. . . . . .

Милый другъ, грустно проститься намъ съ добрымъ нашимъ другомъ. Мы плакали, грустили, и Аврамовъ, наконецъ, сказалъ: „не хочу я съ вами проститься: мы еще въ жизни увидимся“. Намъ жаль его душевно, жаль, какъ брата, но онъ ѣдетъ на свободу, слава Богу. Дай Богъ ему счастья! Павелъ Васильевичъ обнимаетъ тебя. Много разъ мы съ нимъ вспоминали о тебѣ. И такъ еще разъ до завтра.

25 Генваря.

Сегодня въ исходѣ девятомъ(аго?) проводили мы нашего добраго Аврамова, добраго Вегелина и Шимкова. Прощаніе трогательное, и братъ твой поплакалъ вмѣстѣ съ ними. Павелъ Васильевичъ—одинъ изъ тѣхъ, который зналъ насъ въ счастіи, раздѣлялъ съ нами заключеніе, слѣдовательно, видѣлъ насъ во всѣхъ положеніяхъ жизни, всегда любилъ и уважалъ твоего брата. Ты, мой другъ, понимаешь, какъ тяжело было намъ разстаться. Александръ Ивановичъ Вегелинъ, хотя меньше насъ знаетъ, ибо познакомился съ братомъ твоимъ въ заключеніи, но чаще всего бывалъ онъ у насъ, оказывалъ брату твоему привязанность и почтеніе. Пріятнѣе, говоритъ онъ, было мнѣ всего съ вами проводить время, и я разстаюсь съ вами, какъ съ родными. И въ правду, съ чувствомъ непритворнымъ, съ рыданіями, обнималъ онъ брата твоего, и мы простились, растроганные до глубины сердца. Добрый Шимковъ всегда снабжалъ насъ чернилами. Онъ дѣлалъ самъ. Но какъ я его очень мало знаю, то и не могу тебѣ ничего о немъ говорить.—Вотъ, мой другъ, письмо, которое тебя невольно перенесетъ къ намъ, и я увѣрена, что въ кругу нашемъ увидишь ты много чувствъ, много хорошаго, добраго, и, думая о насъ, сердце твое наполнится любовью къ намъ и уваженіемъ. Братъ твой здоровъ... Другъ и сестра Марья Юшневская.

Благодарю тебя, что ты началъ надписывать письма на мой адресъ. Такъ и продолжай писать.

XXXVII.

....Вчерась было твое рожденіе, добрый другъ мой, Семенъ Петровичъ! Завтра день твоихъ имянинъ. Прими душевное наше поздравленіе. Я и братъ твой обнимаемъ тебя и молимъ Бога о сохраненіи твоего здоровья.... Вчерась былъ у меня Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Онъ очень перемѣнился, бѣдный. Нѣсколько дней кашель его мучитъ, и все

жалуется на боль въ груди. Ты помнишь, что онъ бывало и въ Тульчинѣ часто жалуется болью въ груди. Онъ кланяется тебѣ, обнимаетъ тебя съ чуствомъ дружбы и проситъ, чтобы ты сохранилъ къ нему ту-же родственную любовь, къ которой онъ привыкъ, живши въ прежнемъ его отношеніи съ тобою. Вспомни, милый мой, *баядеръ* [1]), который былъ у него на шеѣ, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ гости въ Хрустовую. Какъ вы нападали на него, что въ Тулѣ большая мода этакъ одѣваться. И его *Голикъ* [2]) уродливый за нимъ вбѣгалъ въ комнату. Точно, что въ жизнь не увидишь этакой собаки. Бѣдная его мать, моя *Дельфина*, красавица была въ своемъ родѣ. Вспомни, что послѣ ея смерти, ѣдучи на гору мы съ тобою гулять, ее увидѣли. Какъ мнѣ грустно было по ней!... Видишь, мой другъ, какъ мы живемъ теперь одними воспоминаніями. Иногда я отъ души и посмѣюсь, иногда расплачусь еще того болѣе. Недавно братъ твой однимъ воспоминаніемъ разсмѣшилъ меня, вспомня Тимофея. Живъ-ли онъ и его старуха мать? Такихъ лѣтъ живетъ у насъ теперь солдатъ Артемій. Онъ бережетъ мой домъ и меня, когда бываю я по болѣзни дома. Добрый очень старина, но такой смѣшной *и веселый* [3]) всегда (помнишь мое выраженіе), что мы съ братомъ любимъ его очень. Любитъ онъ чай кирпичный и еще особенно съ солью и масломъ. Каковъ чай?! А здѣсь его всѣ такъ употребляютъ. Артемій выпиваетъ его за одинъ разъ полведра: иначе онъ голоденъ, кушаетъ съ такимъ-же аппетитомъ. Дай Богъ ему на здоровье! И такъ прошу тебя полюбить моего старика.... Другъ и сестра Марья Юшневская.

2 февраля 1833. Петровскъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

XXXVIII.

Милый другъ мой и любезный братъ, Семенъ Петровичъ!... Съ сею почтою мы не будемъ много бесѣдовать съ тобою: не могу писать, и письма твоего поджидаемъ.... Сестра Марья Юшневская.

16 февраля 1833. Петровскъ.

XXXIX.

Вслѣдъ за табакомъ получили мы и письмо твое, любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Павелъ Васильевичъ n'est plus avec nous, comme je t'ai déjà écrit. Il est colonisé à Читинскій острогъ, village, qui a été, comme tu sais, le lieu de notre reclusion avant notre établissement ici à Петровскій заводъ. Il n'y a qu'un mois qu'il est expedié et je me propose de lui écrire par cette même poste, ainsi que de lui communiquer ce que contient ta lettre à son égard. Avant son depart d'ici je t'ai déjà ecrit d'après son dezir en te priant d'adresser tes lettres ainsi que l'argent à lui directement, mais comme je crois n'avoir pas fait part du lieu de son séjour, que j'ignorais alors, je n'ai qu'ajouter ici son adresse qui est: Иркутской губерніи въ Читинскомъ острогѣ.—Фаленбергъ поселенъ Красноярской губерніи, въ Тассевской волости, 150 верстъ отъ Красноярска. Я ему писала уже отсель и, чтобы развлечь его въ уединеніи, извѣстила его о женитьбѣ Поповскаго... Братъ твой здоровъ. Я теперь сижу одна въ комнатѣ: братъ твой ушелъ на работу *на мельницу* [1]), поручилъ сказать тебѣ, что онъ отъ души тебя обнимаетъ....

2 марта 1833. Петровскій заводъ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

XL.

16 марта 1833. Петровскій заводъ.

Любезнѣйшій братъ и милый другъ, Семенъ Петровичъ! По числу замѣтишь, что пишу наканунѣ имянинъ твоего брата. Поздравляю тебя съ дорогимъ имянинникомъ. Онъ здоровъ, обнимаетъ тебя со всею нѣжностью братской любви и съ чувствомъ лучшаго друга. Нѣтъ надобности увѣрять тебя, что завтрашній день мысленно проведемъ мы съ тобой, хотя никогда не проводимъ дня, чтобы не вспомнить тебя, другъ нашъ, но есть дни, въ которые еще болѣе думаешь о близкихъ сердцу. Я все—нездорова. Не покидаютъ меня мои припадки, но чувствую, что они теперь нѣсколько слабѣе бываютъ. Нашъ добрый Фердинандъ Богдановичъ съ такимъ усердіемъ старается помочь мнѣ, что развѣ была-бы неизлѣчима моя болѣзнь, чтобы не избавилъ онъ меня отъ страданій, которыя годъ уже меня не покидаютъ.... Съ сею почтою ничего особеннаго не имѣю сообщить тебѣ. У насъ говѣютъ теперь, молятся, сидятъ по своимъ номерамъ каждый, а кого братъ твой видѣлъ на дняхъ изъ твоихъ знакомыхъ, поручили тебѣ кланяться. Погода у насъ начинаетъ быть теплая, но ночи и утро—морозы до 24 градусовъ. Все дорого. Припасы день ото дня дороже, а когда дорога испортится, то и достать ничего нельзя будетъ. Бѣда тому, кто живетъ такъ, что завтрашній день не обезпеченъ.—Не стану тебѣ описывать нашего положенія. Было бы несправедливо огорчать тебя нашими жалобами, когда ты помочь не можешь... Не знаю, какъ будетъ жить Петръ Ивановичъ на поселеніи: онъ безъ всякаго пособія. Не знаешь ли ты, на какомъ основаніи домъ его остался въ Тульчинѣ? Хотьбы вырученныя за наемъ его деньги ему посылали, а еще продать бы его, болѣе бы было полезно....

XLI.

29 марта 1833. Петровскій заводъ.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Уже болѣе мѣсяца, какъ мы не получаемъ твоихъ писемъ, и хотя недѣли двѣ тому назадъ мы и получили извѣстіе отъ моихъ Рейхелей, но видно они тебя давно не видали, то и не могли мнѣ ничего сказать о тебѣ...

Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя и поздравляетъ съ наступающими праздниками, которые начинаются черезъ три дня. Какъ-то мы ихъ проведемъ? Впрочемъ, у меня тогда только праздникъ, когда получаю письма твои и Сонины... Ты уже знаешь, что въ прошломъ году былъ здѣсь неурожай. Все такъ дорого, что въ силу можно имѣть хлѣбъ тому, кто малые способы имѣетъ къ содержанію себя. Бѣдная артель наша казематская въ прошломъ году съ сими же способами имѣла супъ и жаркое къ обѣду, или вообще два кушанья, и къ ужину одно, булки къ чаю. Теперь же живутъ однимъ дурнымъ супомъ. Говядина дурная, скотъ дорогъ, худъ очень, кормленыхъ трудно достать, потому что дорогъ хлѣбъ. Теперь мы по 4 руб. платимъ пудъ говядины, а въ ста верстахъ отъ насъ, говорятъ, уже по $4^1/_2$. Масла пудъ 20 р., муки ржаной пудъ до двухъ руб., пшеничной 2 р. 80 к. Молоко трудно достать, а вмѣсто сливокъ бутылка дурного молока 50 коп. Соразмѣрно сему все очень дорого. Ты удивишься, когда скажу тебѣ, что на дняхъ купила я пудъ картофелю по рублю пятьдесятъ коп. Луковица по копейкѣ. Извини меня, что утомляю тебя описаніемъ, столь подробнымъ, по хозяйству,—ты его не очень жаловалъ,—но быть можетъ, изъ любопытства прочтешь.—Третьяго дня прочла я романъ „Послѣдній Новикъ“ или „Завоеваніе Финляндіи“, Лажечникова. Изъ русскихъ романовъ, по моему мнѣнію, это изъ лучшихъ (историческій). Еще прочла я нѣчто о фортепьянѣ новаго изобрѣтенія: „Depuis longtemps les artistes et les amateurs de musique se plaignaient de l'impossibi-

lité de prolonger les tons du piano. M-r Petzold, l'un des meilleurs facteurs de pianos à Paris, vient, après bien des essais multipliés, d'y parvenir avec un rare bonheur. Un piano carré de son invention produit, sans tuyaux, les sons les plus graves de l'orgue; tels, qu'ils sortaient d'un tuyau de 16 pieds de longueur avec une purété étonnante. Dans les octaves du haut on entend des sons qui imitent le flageolet sans en avoir la dureté. Dans le medium cet instrument imite le basson, le hautbois et la clarinette, avec une qualité de sons admirable. Быть можетъ, ты не замѣтилъ въ московскихъ газетахъ, что знаменитая фортепьянистка M-me Belville—oury давала тамъ концертъ, въ которомъ играла концертъ Гумеля A-mol (который у насъ есть) и варіаціи Герца на одну тему изъ оперы Іосифъ, которыхъ мы не знаемъ, но полагаемъ, что должны быть хороши, если избраны такою знаменитою музыкантшею для концерта. Зная, что ты, любезный другъ, любишь музыку не меньше твоего брата, не боюсь наскучить тебѣ, говоря о ней часто въ моихъ письмахъ.... Отъ Павла Васильевича не получила еще письма, но къ нему писала и извѣстила его, что послала тебѣ его адресъ. Вѣроятно, ты получилъ отъ него извѣстіе и знаешь, что братья его мало о немъ заботятся, и надежда его на твою аккуратность въ высылкѣ ему процентовъ.—Прощай, мой милый другъ! На сей разъ мало говорю тебѣ о братѣ. Онъ въ казематѣ, а я одна дома: нездоровье мое причиной, что я не выхожу. Въ будущемъ письмѣ, если что либо особеннаго братъ твой препоручитъ, сообщу тебѣ. Пишу тебѣ письмо сіе вечеромъ, поутру увижусь съ твоимъ братомъ.... Марья Юшневская.

XLII.

14 апрѣля 1833. Петровское.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Братъ твой здоровъ, душевно тебя обнимаетъ. Онъ все по старому занимается то чтеніемъ, то своимъ фортепіаномъ. Расположеніе

духа всегда одинаково. Съ твердостью и не ропща ни на что, переноситъ все посланное намъ Провидѣніемъ. Часто говоритъ, что желательно бы, наконецъ, получить намъ письмо отъ брата Семена. Онъ всегда любитъ тебя со всею нѣжностью брата и друга.... Извѣсти насъ, любезный Семенъ Петровичъ, писалъ-ли къ Павлу Васильевичу и хлопочешь-ли ты о немъ. У насъ слухи носятся, что его изъ Читы перевели въ Акшинскъ, даже за Читу верстъ 200. Быть можетъ, ему тамъ лучше будетъ, ибо въ Читѣ бѣдность большая, и, говорятъ, хлѣба нѣтъ. Неурожай въ прошломъ году былъ, какъ ты уже знаешь изъ писемъ моихъ. Не знаю ничего о другихъ нашихъ поселенныхъ знакомыхъ, ибо не получила о сю пору отъ нихъ писемъ.—Всѣ знакомые твои кланяются тебѣ, въ особенности Вольфъ. Онъ здоровъ и проситъ сказать тебѣ, что любитъ тебя всегда одинаково. Недѣли двѣ тому назадъ получила я письмо отъ княгини Мещерской. Трудно выразить, какъ обрадовались всѣ ея знакомые, увидя ея руку и получа о ней извѣстіе. Она не забыла и Баратынскаго въ своемъ письмѣ, и онъ съ такою благодарностью прочелъ строки, ему адресованныя, разчувствовался ужасно. Вольфъ твердитъ, что письмо ея произвело на него такое чувство, что ему кажется, будто (кто-нибудь) изъ его близкихъ родныхъ пріѣхалъ навѣстить его. Вотъ какъ пріятно получить отъ старыхъ знакомыхъ извѣстіе! Она мнѣ была другомъ всегда, и легко можешь вообразить себѣ, какое вліяніе на меня имѣло письмо ея. Братъ твой тоже очень утѣшился. Жаль только, что ни мало не улучшилось ея состояніе, и она со всею откровенностью говоритъ мнѣ о семъ. Sophie премилое письмо тоже написала. И Басаргинъ получилъ отъ нихъ письмо; дня три провелъ въ слезахъ: тяжкая потеря Машиньки такъ живо ему представилась.... Марья Юшневская.

XLIII.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Три мѣсяца какъ не получаемъ отъ тебя писемъ. И наконецъ очень грустно,

что ты не отзовешься. Увѣрена въ томъ, что занятія по твоей службѣ не могутъ быть такъ велики, чтобы не найти минуты извѣстить о себѣ брата.... Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя съ чувствомъ дружбы и братской любви. Онъ все по старому, всегда занятъ то чтеніемъ, то играетъ на фортепіанахъ, а вечеромъ въ сумеркахъ съ бильбоке въ рукахъ, и такъ каждый день одно и то-же. Смѣненіе только въ томъ, что идетъ на работу въ мельницу....—У насъ хотя ясные дни, но все еще холодно. Вчерась вздумала я отправиться въ огородъ, чтобы распорядиться къ посѣву, а меня снѣгъ согналъ, весь день шелъ и совсѣмъ покрылъ наши горы. Несносный климатъ и для меня очень тяжелъ.—Хозяйство мое плохо. Въ прошломъ году пропала у меня корова и теленокъ отъ болѣзни, которая существовала, а дней пять тому назадъ потерялась у меня лошадь, и нечѣмъ воды даже привести. Еше хуже то, что я не въ силахъ купить другую, если не отыщется моя. Вотъ какая здѣсь услуга! Невозможно найти порядочнаго человѣка. Часто случалось мнѣ слышать, что въ Сибири хорошо живутъ люди, и что здѣсь добрый народъ. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но что за Байкаломъ у насъ весьма нехорошо, несносно дурно; даже выразить невозможно, до какой степени тяжело жить и мучительно съ здѣшнимъ окружающимъ насъ народомъ. Быть можетъ, мнѣ такъ трудно привыкнуть....—Меня очень безпокоитъ Павелъ Васильевичъ. Богъ знаетъ, какъ онъ живетъ. Быть можетъ, родные все такъ-же мало занимаются его нуждами. Ради Бога, мой другъ, братъ твой и я просимъ тебя, не медли выслать ему процентныя деньги. Нельзя себѣ представить сего ужаснаго и бѣдственнаго положенія, въ какомъ находятся тѣ, которые не имѣютъ средства содержать себя и забыты родными.—Прощай, любезный мой Семенъ Петровичъ!... Душевно любящая тебя сестра и другъ Марія Юшневская.

28 апрѣля 1833. Петровскій заводъ.

XLIV.

2 іюня 1833. Петровскій заводъ.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ проходило, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, какъ мы съ братомъ твоимъ были въ недоумѣніи, чему приписать долговременное твое молчаніе. Къ общей радости нашей оно разрѣшилось письмомъ твоимъ отъ 12 марта. Въ объясненіи причинъ, для чего ты затруднялся открыться предъ нами въ твоихъ сердечныхъ дѣлахъ, ты и правъ и не правъ. Правъ потому, что братъ твой испыталъ на себѣ, сколь тяжело дѣлать подобныя открытія холодному уму. Но не правъ потому, что при одинокихъ ощущеніяхъ сердца, какія въ подобномъ положеніи испыталъ братъ твой. Ты находишься въ другихъ отношеніяхъ, ибо имѣешь друзей, которымъ неравнодушно все, что можетъ составить твое счастіе. Притомъ же ты въ такихъ уже лѣтахъ, когда, по выраженію *Чепурнова*[1]), человѣкъ составилъ уже себѣ тему жизни. Приближаясь къ половинѣ своего вѣка, человѣкъ или научился уже познавать истинную цѣну предметовъ, или уже никогда ея не познаетъ... . . . . .

. . . . . .

Вольфъ, Ивашевъ, Басаргинъ, однимъ словомъ всѣ твои знакомые, поздравляютъ тебя, желаютъ счастья и вмѣстѣ съ нами раздѣляютъ чувство удовольствія, зная тебя, наконецъ, счастливѣе. Я видѣла Баратынскаго. Онъ такъ перемѣнился, что одна тѣнь его осталась, и тѣнь даже не похожа на него, но вглядясь напоминаетъ его. Онъ тысячу привѣтствій поручилъ сказать тебѣ. Крюковы тоже. Въ заключеніе моего письма скажу тебѣ, что братъ твой дня три чувствовалъ себя такъ слабымъ, что въ силу могъ ходить. Сегодня ему лучше, и, пришедъ изъ каземата ко мнѣ, сказалъ, что ночь онъ спалъ. Сегодня у насъ утро прекрасное. Тихій, маленькій, дождь пошелъ, и это освѣжило немного воздухъ. Вчерась

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

трудно было дышать: l'air étoit tellement étouffant. Всѣ наши засѣвы въ огородахъ опять погибли: морозъ истребилъ. Кто еще имѣлъ сѣмена, посѣялъ вновь, а иные останутся опять безъ огородныхъ овощей. Говорятъ жители, что во многихъ мѣстахъ хлѣбъ поморозило. Трудно тебѣ описать нашу дороговизну. Теперь пудъ муки ржаной 2 рубля съ полтиною, и все вздорожало неимовѣрно. Пять рублей пудъ говядины, и еще будетъ дороже.—Прости, мой милый другъ! Пиши намъ чаще, и хотя твое сердце теперь наполнено любви къ твоей женѣ, постарайся, однакоже, оставить и для насъ уголокъ.—Je t'embrasse mon bien bon ani. Marie Juchniewsky.

XLV.

. . . . . .

. . . . . .

Изъ Петровскаго нашего не о чемъ тебя извѣстить. Развѣ сообщить тебѣ, что шестого іюня была у насъ сильная гроза, которая сбила крестъ у колокольни нашей церкви и зажгла шпиль, но тотчасъ народъ собрался и потушили пожаръ. Сего-же мѣсяца похоронили у насъ дочь Анненковой, которая родилась здѣсь и была уже по пятому году. 17-го же числа сего мѣсяца истребилъ у насъ морозъ все, что было посѣяно въ огородахъ. Морозы продолжались три ночи къ ряду и были до $3^1/_2$ градусовъ. Потомъ сдѣлались сильныя жары, которыя доходили до 43 градусовъ съ половиною. Воздухъ былъ такъ удушливъ, что невозможно было выдержать. Третьяго дня вдругъ собралась туча, пошелъ сильный дождь и градъ. Мнѣ не случалось никогда видѣть такого сильнаго дождя: ужасно лилъ. Многіе огороды, которые были засажены капустою, такъ смыло, что слѣда не осталось, гдѣ были гряды. Говорятъ, что сія туча прошла не далѣе, какъ за двадцать верстъ отсель и большихъ опустошеній на поляхъ не сдѣлала.—Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя, но говоритъ, что слабость чувствуетъ несносную. И всѣ наши господа жалуются на то же. Я на силу хожу: такъ ослабла.

На дняхъ начала брать холодныя ванны и, кажется, что чувствую себя немного лучше. Впрочемъ, не далѣе, какъ вчерась, я страдала моими припадками....—Сестра и другъ навсегда Марія Юшневская.

30 іюня 1833. Петровскій заводъ.

Съ прошлою почтою получила я письмо отъ Фаленберга. Онъ здоровъ, но скучаетъ на поселеніи.

XLVI.

14 іюля 1833. Петровскій заводъ.

Милый другъ, Семенъ Петровичъ! Такъ давно отъ тебя писемъ не имѣемъ, что и не знаю, наконецъ, о чемъ бы съ тобою говорить. У насъ часъ отъ часу скучнѣе и тяжелѣе жить.—Лѣто было чрезвычайно дурное. Въ іюнѣ были морозы до 4°, а въ семъ мѣсяцѣ морозы истребили всѣ огородныя растенія. Но это бы еще не столько огорчительно, а вотъ бѣда, что хлѣбъ на полѣ истребило. Кромѣ морозовъ, какая-то кобылка съѣла посѣвы. Угрожаетъ намъ великая дороговизна, и теперь неслыханно все дорого. Но вотъ, не дай Богъ неурожая, чтобы голодъ не былъ,—а очень угрожаетъ. Не думай, однакоже, любезный мой, что у насъ не было и жаровъ! Въ прошломъ мѣсяцѣ мы имѣли нѣсколько дней, въ которыхъ было на солнцѣ 49° теплоты, дышать трудно было. И послѣ такого жара опять морозы. Какого здоровья надо быть человѣку, чтобы вынести такое непостоянство здѣшняго климата. У насъ появилась повальная болѣзнь на птицъ, и въ моемъ крошечномъ хозяйствѣ почти все погибло, куры и цыплята. Какъ не хлопочу, не могу развестись ничѣмъ: что не пропадетъ, то украдутъ. И такъ дала себѣ слово не держать болѣе птицъ, тѣмъ болѣе, что теперь кормить не возможно: хлѣбъ дорогъ ужасно. Не буду сѣять въ огородѣ ничего, кромѣ луку, салата, шпината и рѣдиса. Три года какъ я здѣсь, и ни одинъ разъ не удалось

мнѣ выростить ничего, какъ я не хлопотала.... Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя. Онъ ушелъ въ казематъ, а я остаюсь дома. Мужъ мой приходитъ меня навѣщать и идетъ ночевать въ казематъ. Письмо сіе пишу тебѣ въ 12 часовъ ночи. У меня опять безсонница, и какъ не тяжело глазамъ моимъ писать при свѣчахъ, но дѣлать нечего. Читаю и пишу, иначе тревожатъ меня разныя мысли: не получая писемъ, я почти всегда въ страхѣ о моихъ дѣтяхъ. Игнатій Онуфріевичъ извѣщаетъ меня, чтобы я подумала объ устройствѣ моей матушки. Любезный другъ, я уже писала къ зятю, чтобы онъ придумалъ, какъ ее успокоить. Пожалуйста, ты не пеняй на меня, что я съ твоимъ братомъ не позаботились о семъ прежде. Но, прочитавъ письмо твое, въ которомъ ты говоришь, что „не разстанусь я съ Дарьей Ивановной и счастливъ, что у меня кто-нибудь остался изъ вашего семейства", я была совершенно спокойна о ней. Даже и теперь, признаюсь тебѣ, почти не вѣрится мнѣ, чтобы она могла быть забыта тобой. Къ чему бы ты утѣшалъ насъ фразами и симъ средствомъ обманывалъ дѣтей, которые обязаны печься о своей матери, когда она не имѣетъ другого средства къ жизни. Хотя и мы безъ помощи и безъ средствъ къ содержанію себя, но должны придумать пособить ей. Можетъ, просьбы наши будутъ услышаны, или зять нашъ позаботится о ней, жалѣя насъ, и я, во всякомъ случаѣ, рѣшилась сказать тебѣ, другъ мой, что у меня на сердцѣ. Если я не должна была говорить тебѣ сего, то прости дочери, которая всегда исполняла обязанности свои противу своей матери. Ты самъ нерѣдко отдавалъ мнѣ справедливость, что я была для моихъ родныхъ доброю и пеклась о нихъ со всею обязанностью доброй родной. — Прости, мой другъ! J'embrasse tendrement ma chère Idalie et je fais de voeux pour votre bonheur. Ecrivez nous souvent et n'oubliez jamais que la seule consolation pour nous sont vos lettres. Adieu. Votre bien sincère (?) et attachée soeur Marie Juchniewsky.

XLVII.

Мы все въ тщетномъ ожиданіи получить о тебѣ извѣстіе, любезный другъ, Семенъ Петровичъ, и я, по обѣщанію, продолжаю извѣщать тебя о насъ, хотя не имѣю утѣшенія убѣдиться, доставляютъ-ли тебѣ хотя малѣйшее удовольствіе письма мои. Братъ твой перепугалъ, было, меня: такъ сильно разхворался, но брату твоему теперь не только лучше, но чувствуетъ себя почти здоровымъ. Уходя въ казематъ, онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ съ чувствомъ дружбы обнимаетъ тебя, особеннаго ничего не имѣетъ сообщить тебѣ и, надѣясь, что, наконецъ, молчаніе твое прекратится, онъ готовится бесѣдовать съ тобой, имѣя случай о чемъ поговорить. Мы всѣ живемъ по старому, плохо, скучно, бѣдно, и, не имѣя ничего въ виду, чтобы ожидать улучшенія нашего положенія, стараемся съ твердостью покориться участи нашей. У насъ все та же дороговизна, и не обѣщаютъ, чтобы хлѣбъ сдешевѣлъ. Говорятъ, что мѣстами поѣла какая-то кобылка, мѣстами морозъ истребилъ, а иное градомъ выбило. Но въ окружности есть деревни, въ которыхъ надѣются собрать хлѣбъ. Быть можетъ, далѣе отъ насъ и лучше все родилось, но мы не знаемъ сего, не имѣя никакихъ сношеній съ тѣми, которые бы могли сообщить намъ. Кромѣ нашей тюрьмы живемъ мы въ глуши.—Всѣ твои знакомые здоровы, кланяются тебѣ. Ивашевъ очень пополнѣлъ, счастливъ и счастливъ, какъ говоритъ онъ. Жена его предобрая и милая, и сынъ его прелестный ребенокъ. Я ихъ довольно часто вижу, и они мнѣ оказываютъ дружеское вниманіе всегда. Да и всѣмъ нашимъ дамамъ я благодарна: всѣ они меня навѣщаютъ и всѣ искренно во мнѣ принимаютъ участіе, равно и наши прежніе знакомые. Вольфъ тебѣ кланяется. Онъ здоровъ. На дняхъ получилъ извѣстіе, что у него матушка умерла, и это его сильно опечалило.... Марія Юшневская.

4 августа 1833. Петровскій заводъ.

XLVIII.

. . . . . .

. . . . . .

Что касается до положенія нашихъ дѣлъ, то оно постоянно худо и годъ отъ году становится хуже. Братъ твой говоритъ, что намъ должно желать, чтобы оно дошло до послѣдней крайности, дабы оставить ожидать одного только улучшенія. Не стану умножать твоего прискорбія описаніемъ, какъ мы здѣсь существуемъ. Скажу только, что отъ этой послѣдней крайности мы уже не далеко.—Я писала уже тебѣ, что Павелъ Васильевичъ изъ Читинскаго острога переведенъ въ другое мѣсто, Акшинскую крѣпость, такъ называемую, откуда, вѣроятно, онъ тебѣ писалъ. Но мы не получили отъ него еще письма со времени отбытія его отсюда, ибо письма его должны совершить теперь двойной путь, будучи отправляемы чрезъ Петербургъ. Такъ какъ посылки получаются здѣсь не въ одно время съ письмами, то соната Пиксиса еще до насъ не дошла. Но братъ благодаритъ тебя за присылку оной и проситъ тебя не хлопотать о высылкѣ варіацій. Онъ очень понимаетъ твои заботы и желалъ бы облегчить, а не усугублять ихъ, если бы это было въ его власти.—Братъ твой здоровъ теперь. Только у него сдѣлалась опухоль на обоихъ глазахъ верхней вѣки, и Фердинандъ Богдановичъ хочетъ дать ему пластырь носить нѣсколько времени, ибо уже недѣли три какъ эта опухоль не только не уменьшается, а, кажется, увеличивается. Къ счастью, глаза у него не болятъ, и опухоль не мѣшаетъ слишкомъ. Что́ касается до меня, здоровье мое совершенно разстроенно. Лѣто было и холодное, и дождливое, слѣдовательно, я всегда почти была больна. Теперь еще того болѣе припадки меня мучаютъ. Не далѣе, какъ вчерась вечеромъ, схватила меня судорога въ груди. Боль въ боку и судорожное дерганье продолжалось цѣлый вечеръ. Я брала ванну и всю ночь почти держала припарку. Сегодня мнѣ лучше, и я спѣшу писать мои письма,

чтобы успѣть написать нѣсколько. Нельзя отвѣчать, что я въ силахъ буду окончить свою почту. Если бы я была здоровѣе, то имѣла бы болѣе силы и твердости переносить свое положеніе, а теперь отъ моей слабости каждая вещь болѣе тревожитъ меня, чѣмъ должно, и я часто бываю недовольна сама собою.—Знакомые твои всѣ здоровы. Кланяются тебѣ и помнятъ тебя, Вольфъ въ особенности. Каждый разъ, когда мы получаемъ отъ тебя письма, онъ съ участіемъ проситъ дать ему прочесть и каждый разъ съ чувствомъ дружбы вспоминаетъ тебя.—Теперь онъ здѣсь одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, котораго мы часто видимъ, и который намъ близокъ... —Навсегда неизмѣнный другъ твой и сестра Марія Юшневская.

15 сентября 1833 года. Петровскій заводъ.

XLIX.

6 октября 1833. Петровскій заводъ.

Съ нѣкотораго времени и я становлюсь неисправна въ перепискѣ съ тобою, любезный Семенъ Петровичъ. Будучи занята необходимою перепиской съ родственниками нѣкоторыхъ товарищей мужа моего, иногда не успѣваю писать къ своимъ. Къ сему присовокупляются частыя мои болѣзни.... Тебѣ должно быть извѣстно, что съ Тимашевки получаемъ мы здѣсь 1500 рублей. При всѣхъ тяжкихъ ограниченіяхъ, при всѣхъ лишеніяхъ, какія мы на себя налагаемъ, нѣтъ никакой возможности не только сберегать что-либо на уплату долговъ, но безъ денежной ссуды нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ не было бы средствъ существовать до новой присылки годоваго дохода.... Братъ твой здоровъ. На глазахъ опухоль еще не прошла. Онъ носитъ пластырь на обѣихъ верхнихъ вѣкахъ, но не жалуется, чтобы это ему мѣшало. Кушаетъ всегда чрезвычайно мало, но теперь не жалуется на слабость, которою очень страдалъ, и цвѣтъ лица здоровѣе, но худъ всегда, ни мало не поправляется. Что касается до меня,

плохо очень мое здоровье.... Ваша всѣмъ сердцемъ сестра и другъ, Марія Юшневская.

L.

20 октября 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Я не хочу тебя оставить безъ извѣстія о твоемъ братѣ. Онъ здоровъ довольно, хотя часто жалуется на боль подъ грудью и на сильную слабость, но говоритъ, что онъ эти припадки не считаетъ болѣзнью, и при нихъ называетъ себя совершенно здоровымъ. На глазахъ у него, на верхнихъ вѣкахъ, маленькіе наросты еще не сошли, но, кажется отъ пластыря, который носитъ, начали уменьшаться. У насъ зима началась настоящая; уже нѣсколько дней какъ хорошая санная дорога сдѣлалась, и сегодня идетъ снѣгъ большой. Хотя были у насъ морозы въ 22 градуса въ началѣ октября, но теперь дни не столько холодные. Послѣ снѣга надо ожидать большихъ морозовъ.—У меня домикъ, въ которомъ двѣ только комнаты и третья прихожая, очень маленькая, теплый и довольно выгоденъ, по миніатюрному моему хозяйству, и по скромной моей жизни, помѣщеніе сіе довольно достаточно. Я почти не выхожу изъ своей комнаты и, кажется, опять запрусь на всю зиму, ибо припадки мои усилились.—Братъ твой, по обыкновенію, занимается всегда постоянно чтеніемъ, часто играетъ на фортепьянахъ, ходитъ на работу. Слѣдовательно, видишь, что въ нашемъ быту нѣтъ никакой перемѣны. И интереснаго для тебя и новаго нѣтъ ничего.—Отъ семейства Мещерскихъ получила я письмо. Они всѣ, даже малыя дѣти изъ Лицея, писали мнѣ. Много интереснаго сообщили о знакомыхъ, и я съ братомъ твоимъ очень имъ благодарны. Сонюшка Мещерская прислала Алексѣю Петровичу вальсъ *par Rubu* (?) и переводъ *Милёра* (?). Обѣ эти маленькія штучки—хорошенькія, а милѣе всего ея вниманіе.... Марія Юшневская.

LI.

17 ноября 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ!... Конечно, если бы я говорила тебѣ не о братѣ твоемъ, тогда бы письма мои не имѣли-бы никакой цѣны въ глазахъ твоихъ, но какъ я пишу для того, чтобы извѣстить тебя о твоемъ братѣ, то и увѣрена, что ты весьма радъ, когда получишь письмо мое [1]). Алексѣй Петровичъ здоровъ, но не можетъ о сю пору избавиться (отъ) опухоли на глазахъ. Уже два раза припарку прикладывалъ къ вѣкамъ, но опухоль не только не проходитъ, но бываютъ дни, въ которые, кажется, увеличивается. На дняхъ говорилъ Вольфъ, что надо будетъ сдѣлать операцію, и я ужасно сего испугалась, однакоже, Фердинандъ Богдановичъ попробуетъ еще, не поможетъ-ли пластырь, который, хочетъ, чтобы братъ твой поносилъ нѣсколько времени.—Занятія твоего брата всегда одинаковы: читаетъ много и за фортепіаномъ часто просиживаетъ по 3 и 4 часа, а иногда толкуетъ со знакомыми нашими господами, которые насъ посѣщаютъ. Вчерась былъ у насъ Крюковъ, и о тебѣ вспоминали. Обыкновенно, первый вопросъ: „получили-ли вы письмо отъ Семена Петровича?“ И такъ начнемъ разныя воспоминанія. Иногда, переносясь въ твой кругъ, сдѣлается намъ грустно, тѣмъ болѣе, что понятія теперь не имѣемъ, какъ ты живешь.— Съ послѣднею почтою получила я письмо отъ Фаленберга и Вегелина. Первый весьма хвалитъ мѣстоположеніе деревни Шуши, въ которой онъ поселенъ. Она Минусинскаго округа, а Минусу называютъ Сибирской Италіей. Климатъ хорошъ; жители зажиточные; рыбный промыселъ можно имѣть, ибо Шуша имѣетъ двѣ рѣки: Енисей и Шушу. Пишетъ Петръ Ивановичъ, что много раз-

---

[1]) Къ этой части письма на полѣ сдѣлана приписка другой рукой, очевидно, губернатора: „письмо отъ супруги вашей отправлено“, т. е. письмо отъ Идаліи Юшневской къ Маріѣ Казиміровнѣ.

наго рода ягодъ было сего лѣта; хлѣбъ у нихъ дешевъ, и онъ весьма доволенъ своимъ положеніемъ, а Александръ Ивановичъ Вегелинъ пишетъ, что братъ его, Эмилій Ивановичъ, помогъ ему присылкою денегъ развести хозяйство, и что онъ займется непремѣнно хлѣбопашествомъ, и на первый случай засѣялъ двѣ десятины земли. На будущій годъ засѣетъ 12 десятинъ и не будетъ предпринимать другого средства для своего пропитанія. Впрочемъ, говоритъ онъ, что всѣ его родные наперерывъ предлагаютъ ему всѣ способы свои, чтобы дать ему средство жить спокойно, но онъ, зная, что бо́льшая часть изъ его родныхъ сами нуждаются, и потому желаетъ самъ хлопотать о пріисканіи способа для пропитанія себя. Вегелинъ, какъ видно изъ письма его, доволенъ также своимъ поселеніемъ, кромѣ только жалуется на скуку, и я убѣждена, что ему очень грустно быть совершенно одному. Здѣсь онъ былъ такъ сказать въ обществѣ, ибо изъ номера въ номеръ другъ къ другу ходятъ, кромѣ того и насъ часто видаютъ, то и не зналъ онъ здѣсь скуки; здѣсь-же и книгъ много, и, не выходя изъ своего номера, можно пріятно время провести. На поселеніи часто пройдетъ день, и ему слова не съ кѣмъ сказать, бесѣда же съ жителями деревни не очень занимательная.—Отъ Павла Васильевича не имѣю писемъ, но знаю, что и ему хорошо. И другіе пишутъ намъ изъ поселенія, то какъ ты ихъ не знаешь, то для тебя интереснаго ничего нѣтъ, хотя-бы и сообщила что-либо о нихъ. Скажу только, что иные молодые люди женились на поселеніи, разумѣется, на крестьянкахъ или на священническихъ дочеряхъ.... Марія Юшневская.

LII.

1 декабря 1833. Петровскій заводъ.

Любезный другъ, Семенъ Петровичъ! Не хочу оставить тебя безъ извѣстія о твоемъ братѣ и потому все еще продолжаю писать довольно аккуратно. Я разсчитывала, что

если-бы ты отвѣтилъ на письмо наше, въ которомъ поздравляли мы тебя съ женитьбою, то почти два мѣсяца тому назадъ должны бы получить письмо твое. Скажу тебѣ, наконецъ, откровенно, мой другъ, что я устала писать и пишу о сю пору только потому тебѣ, чтобы ты не могъ упрекнуть меня, что я какъ-бы мстила тебѣ за твое молчаніе....—Братъ твой все еще страждетъ глазами и нѣсколько дней опять жалуется на боль въ груди, не имѣетъ вовсе аппетита, и безсонница его продолжается. Опять онъ похудѣлъ и очень блѣденъ. Ты бы, встрѣтясь съ нимъ, никакъ-бы узнать его не могъ: такъ онъ перемѣнился и такъ худъ. За нѣсколько часовъ предсказываетъ погоду. Согласись, что должно быть весьма разстроенное здоровье, чтобы предсказывать погоду. Подкрѣпи его Богъ, добраго нашего друга! Я согласилась бы страдать какъ можно болѣе, только бы былъ онъ здоровъ. Часто взглянувъ на меня и Елиньку, который всегда подлѣ меня, говоритъ братъ твой со слезами на глазахъ: „вотъ все, что̀ у меня осталось“. Я увѣрена, что въ эту минуту думаетъ онъ о тебѣ...—Прощайте, будьте счастливы! Другъ вашъ и сестра Марія Юшневская.

LIII.

15 декабря 1833. Петровскій заводъ.

....Ты, мой другъ, тецерь въ такомъ упоеніи и счастіи, что не до насъ тебѣ, но когда ты болѣе будешь въ состояніи подумать о чемъ-либо, то я увѣрена, что первый братъ тебѣ на мысль придетъ. Онъ не можетъ избавиться (отъ) опухоли на глазахъ. Къ тому теперь у него сильный насморкъ, и вообще жалуется на разные недуги. Увидя его, ты ужаснулся-бы: такъ онъ худъ. Въ сію минуту, когда пишу тебѣ письмо сіе, онъ разыгрываетъ что-то на скрипкѣ. Фортепьянъ болѣе недѣли въ починкѣ: резонансъ лопнулъ, и еще есть другія трещины. Видно, что дерево было недовольно сухо. Наши же господа искусники взялись исправить

фортепьянъ. Струны сняты почти всѣ, и брату твоему будетъ потомъ работа навязывать ихъ. Я рада бы, чтобы скорѣе кончилась починка фортепьяна: мнѣ жаль видѣть, какъ брату твоему скучно безъ него. И точно, что онъ тогда только спокойнѣе, когда онъ играетъ. Онъ, кажется, еще болѣе прежняго любитъ музыку, и фортепьянъ это—страсть его. Вечера теперь проводимъ мы такимъ образомъ: я вышиваю по канвѣ, а братъ читаетъ мнѣ вслухъ. И ты удивишься, когда скажу тебѣ, что онъ читаетъ мнѣ, по большей части, романы....—Другъ и сестра твоя Марія Юшневская.

LIV.

Le 5 Janvier 1834. Петровскій заводъ.

Nous avons reçu votre lettre, ma bien chère soeur Idalie, mais nous ne savons pas de quelle date parceque vous avez oublié de la mettre.... Mon mari vous remercie pour toutes les expressions d'amitié que vous lui dites dans votre lettre et vous prie de croire qu'il ne saura jamais séparer dans son affection vous d'avec votre mari, et que toute sa tendresse et son attachement fraternels vous appartiennent également. Mon mari ne se sent pas bien depuis quelques mois et il parait qu'aucun de nous ne saura s'habituer au climat que nous habitons. Depuis notre séjour à Petrowsk nous ne fesons que souffrir.—La semaine passé nous avons assisté à un cinquième enterrement. Pestoff, l'un des compagnons de mon mari dans son voyage pour la Siberie, est mort à l'âge de 29 ans d'un mal qui ne paraissait pas dangereux au commencement d'autant plus qu'il est assez commun dans ce pays. C'était un obcès sur l'épine dorsale, mais qui devenue gangreneux emporta le malade dans deux jours. Liée d'amitié avec la mère de défunt je m'étais rendue auprès du malade pour recueillir ses dernières volontés. Loin de se douter de l'état dangereux où il se trouvait il souriait en me parlant. Vingt minutes après ma visite il n'etait plus. C'est ainsi que

nous avons commencé la fête de Noël. Vous ne sauriez vous figurer l'impression que cela a causé sur nous tous d'autant plus que c'est le premier cas mortel parmi les détenus à la casemate depuis leur séjour en Siberie . . . . . .

Vous faites très bien de vous distraire par la lecture et par la musique. Ce sont aussi les occupations exclusives de mon mari. Il est continuellement à lire ou à jouer, et il dit que la musique surtout lui procure des moments bien délicieux. Quant à moi, chère Idalie, je travaille plus que mes forces ne me le permettent et il m'arrive assez souvent de cuire à manger pour mon mari. L'entretien du ménage demande tous mes soins ou risque d'être volée par les gens. J'en ai deux de ce pays et autre qui ne savent rien faire; il faut prendre garde à eux, parceque le vol et l'ivrognerie sont à peine comptés pour des defauts parmi le gens de l'endroit où nous vivons. J'avais manqué une fois d'être depouillée d'une grande partie de mes linges pour m'être trop réposée sur la femme que j'avais à mon service. M'en étant aperçu quoique un peu tard j'ai pris mon partie: c'est de faire moi même la plupart des besognes dans le ménage. Ceci me laisse bien peu de moments pour mes recréations. Aussi je ne puis m'occuper de la lecture que le soir et c'est encore mon mari qui me la fait pendant que je suis à mon ouvrage. Tels sont en partie les details de notre existence ici. Neanmoins je fais mon possible pour être de bonne humeur afin de ne point aggraver par ma tristesse la position de mon mari. Votre devouée soeur et amie Marie Juchniewskij.

LV.

Милый другъ мой, Семенъ Петровичъ!... Вспомнивъ, что ты написалъ къ намъ, какъ ни устала, но взялась за перо, чтобы ты не подумалъ, что я хочу сквитаться съ тобою.—Повѣрь, любезный братъ, что мнѣ всегда очень пріятно бесѣдовать съ тобою, но, право, бываютъ дни и ночи, лучше сказать, почты, что я не успѣваю всѣхъ писемъ окончить. Не собственная моя переписка такъ велика, но по порученію каждая изъ насъ пишетъ до нашихъ господъ казематскихъ. Я не могу очень

долго сидѣть за письмами: грудь очень разболится. Не смотря на то, я сегодня цѣлый день не выпускала пера изъ рукъ, а сіе письмо пишу уже при свѣчахъ.—Поздравляю тебя, милый мой, съ наступающимъ днемъ твоего рожденія, т. е., 1-го февраля, а 3-го день твоихъ имянинъ. Пошли тебѣ Богъ счастіе и спокойствіе душевное. Братъ твой, дружески тебя обнимая, поздравляетъ тоже. Онъ все страждетъ нервическими припадками, и такъ сильны бываютъ приступы, что жаль его видѣть. Глаза у него все еще опухли. У насъ нѣсколько дней постоянно морозы, до замерзанія ртути, даже и больше. На спиртовомъ термометрѣ 37 и 38°. Каковъ холодъ!? Не могу выйти на воздухъ: духъ захватываетъ. И многіе не могутъ изъ нашихъ выйти на воздухъ, не говоря уже о Басаргинѣ, который съ нѣкотораго времени сильно страждетъ болью въ груди. Вчерась былъ у меня Ивашевъ, который тебѣ очень кланяется. Онъ счастливъ и веселъ, попеченіемъ своихъ родныхъ не нуждается ни въ чемъ; жена у него премилая, сынъ хорошенькій. Паджіо съ нами обѣдалъ, и мы за столомъ много съ нимъ говорили о тебѣ. Онъ предобрый и очень насъ любитъ, отъ всего сердца интересуется всѣмъ, что̀ касается до насъ, и потому охотно говоритъ со мною о родныхъ и милыхъ нашему сердцу. Фердинандъ Богдановичъ похудѣлъ. Онъ, какъ докторъ, много хлопочетъ при больныхъ, а какъ человѣкъ, измучился, глядя на страданія другихъ. Вольфъ тебѣ тоже кланяется. Крюковы оба здоровы. Они не старѣютъ, особенно старшій, Александръ. Баратынскому лучше, но онъ теперь не выходитъ, и я его всю зиму не видала. Отъ Павла Васильевича нѣтъ писемъ, а Фаленбергъ пишетъ, что ему довольно хорошо. Вегелинъ не жалуется тоже. У насъ только хлѣба нѣтъ. Дорого ужасно все. Впрочемъ, изъ многихъ мѣстъ пишутъ о неурожаѣ, и изъ Россіи; и въ нашихъ мѣстахъ, т. е., въ Кіевской губерніи, плохо очень. Василій Львовичъ Давыдовъ получаетъ извѣстія дурныя изъ его Каменки....—Прощай, другъ мой! Сестра твоя и другъ Марія Юшневская.

5-го Генваря, 1834.

Опись лѣсовъ и пущъ, находившихся въ Черниговскомъ полку въ 1752 году.

Поводомъ для составленія настоящей описи [1]), дающей интересныя свѣдѣнія о распространенности лѣсовъ въ бывшемъ Черниговскомъ полку въ XVIII столѣтія, послужили слѣдующія обстоятельства. Какъ извѣстно, гетманская резиденція, послѣ измѣны Мазепы, находилась въ Глуховѣ, куда перенесена была изъ Батурина по указу Петра Великаго. Здѣсь же долженъ быть жить и послѣдній гетманъ Малороссіи Разумовскій, помѣщавшійся сперва въ министерскомъ домѣ, но затѣмъ начавшій строить себѣ дворецъ на Глуховскомъ предмѣстьѣ—Веричинѣ. Дворецъ этотъ былъ законченъ, по одному свидѣтельству, въ 1757 году; но еще гораздо раньше, почти одновременно съ полученіемъ гетманства, Разумовскій сталъ хлопотать о перенесеніи своей резиденціи въ Батуринъ. Къ этому его побуждало „гнусное (по своей сырости и болотистости) мѣсто Глуховское", хотя онъ на немъ „построился уже было, и не мало..."

Разрѣшеніе переселиться въ Батуринъ Разумовскій получилъ еще въ 1750 году, но не могъ имъ воспользоваться, такъ какъ городъ этотъ, послѣ разоренія его въ 1708 году

---

[1]) Рукопись ея находится въ числѣ бумагъ А. М. Лазаревскаго. „Чт. въ Ист. Общ. Нест.-лѣт.", кн. XIX, в. 4, отд. III.

Меньшиковымъ, все еще представлялъ собою почти лишенный жилья пустырь... Поэтому, нужно было, прежде всего, приготовить постройки для жилья обывателей, а затѣмъ приступить и къ возведенію гетманскаго дворца. Постройкой послѣдняго, равно и другихъ „національныхъ зданій", завѣдывалъ извѣстный Тепловъ, у котораго впослѣдствіи была въ подчиненіи и вся „экспедиція о Батуринскомъ строеніи" [1]). Работы по заготовленію „разныхъ надобностей къ строенію г. Батурина" производились уже въ 1751 году, и такъ какъ постройки дѣлались деревянныя, то требовалось заготовить огромное количество лѣснаго матеріала, который предположено было достать въ предѣлахъ Черниговскаго полка. Для приведенія въ извѣстность количества и качества Черниговскихъ лѣсовъ, въ видахъ доставленія дерева въ Глуховъ и Батуринъ, и была произведена настоящая опись ихъ.

По имѣющимся у насъ архивнымъ даннымъ, непосредственнымъ распоряженіемъ по этому предмету было „предложеніе" (на основаніи ордера Разумовскаго) изъ „экспедиціи строенія Глуховскаго и Батуринскаго"—Черниговскому полковнику Божичу, съ старшиною, отъ 17-го сентября 1752 года. „Предложеніе" это подписано генеральнымъ есауломъ Петромъ Валькевичемъ и бунчуковымъ товарищемъ Иваномъ Пироцкимъ (состоявшими въ „экспедиціи") и имѣетъ слѣдующее содержаніе:

„К полному достроенію дому глуховскаго его ясневельможности гетманскаго, в томъ числѣ церкви Божой пры томъже домѣ, и притомъ другіе нужніе постройки, еще требуетъся немалого числа разного дерева, а паче, по учениніи плана строенія города Батурина, на разніе тамошніе зданія приходитъ заготовливать разніе древяніе материяли. Что-же до сего прозводима была привозка в Глуховъ древянихъ материяловъ з полковъ лѣснихъ, то и в томъ была медленность и непоспѣшество, и неудоволствіе нѣкоторихъ владѣлцовъ за ихъ

[1]) А. Лазаревскій: Описаніе Старой Малороссіи, т. II, стр. 261, 432—433.

пущи, з нарѣканіемъ, что от полковихъ канцелярій в едни пущи рубать дерево излишніе были посилки, а другіе минованы, чинено онимъ безпорядочное опустошеніе и другіе обиды. Того ради, заблаговременно приводя все то к порядочному впредъ поступку и распоряженію, предлагается за пилно и нужно, дабы вы от полковой канцеляріи тотъ часъ послали съ нарочнимы ордери во всѣ сотнѣ к сотеннимъ старшинамъ, дабы оны, сотники з старшинами, всякъ въ своей сотнѣ, учинилы справки вѣрніе, какъ оны каждій о своей сотнѣ ізвѣстни: чіи у ныхъ в сотняхъ імѣются пущи владѣлцовъ, духовнихъ и мирскихъ, и ихъ самихъ, не миная нѣкого"... Интересуясь и условіями доставки лѣсныхъ матеріаловъ, „предложеніе" требовало, чтобы въ описи было указано: „чія пуща, при якихъ урочищахъ или рѣкахъ и болотахъ находится, и в коликомъ отъ полкового города разстояніи, и якъ велика, смякая по милямъ или по верстамъ в должину и ширину, хоча немѣрачи, но по усмотрѣнію разсуждаючи примѣрно"... Кромѣ того, составители описей должны были дать еще свѣдѣнія о качествѣ пущи: „боръ-ли и соснякъ, и ельникъ, илы и чорній, где есть, лѣсъ"... Описи должны были составляться, согласно съ этими требованіями, въ двухъ экземплярахъ и посылаться: одинъ экземпляръ, „для скорости", непосредственно въ „экспедицію", а другой—въ полковую канцелярію. Исполнить все это „экспедиція" требовала „самоправдиво, безъ утайки, опасаяся за неправду штрафа неопускного", и „въ самой скорости", къ чему должны были понуждать сотниковъ и старшину высланные въ каждую сотню отъ полковой канцеляріи особые нарочные съ инструкціей.

Получивъ эту бумагу, полковая канцелярія 19-го сентября разослала соотвѣтствующіе ордеры по сотнямъ и требовала, чтобы свѣдѣнія о пущахъ были „всеконечно" доставлены въ Черниговскую полковую канцелярію къ 25-му сентября, а 20-го сентября распорядилась о назначеніи нарочныхъ, причемъ они посылались отъ одной сотни въ другую, чѣмъ устранялась возможность давленія на нихъ

со стороны сотниковъ и сотенныхъ старшинъ. Такимъ образомъ, Ропсскій сотникъ долженъ былъ послать нарочнаго въ полковую и Бѣлоусскую сотни, Выбельскій—въ Седневскую и Городницкую, Менскій—въ Березинскую, Синявскую и Киселевскую, и т. д. Исполнивъ все это, полковая канцелярія рапортовала „съ покорностью“ о сдѣланныхъ ею распоряженіяхъ по „экспедиціи“, а затѣмъ стала ожидать рапортовъ и описей отъ сотниковъ. Рапорты о высылкѣ нарочныхъ стали поступать быстро (въ двадцатыхъ же числахъ сентября), а вслѣдъ за ними были приѣланы и самыя „описніе вѣдомости“ (въ сентябрѣ и октябрѣ).

Почти совсѣмъ не оказалось лѣсовъ, по вѣдомостямъ, въ сотняхъ: Столинской, Менской, Синявской и Березинской. *Столинскій* сотникъ Иванъ Бобиръ доносилъ полковой канцеляріи, что въ его сотнѣ „з владѣлцовъ и другого звания никакихъ пущъ, къ строснию угоднихъ, кромѣ того, что про домовие нужди, единого ради только отопления, нѣ в кого не имѣется“... Почти тоже самое говорилъ въ своемъ рапортѣ и сотникъ *Менскій* Григорій Кузмѣнскій; онъ писалъ, что „такова дерева, какъ в ордери полковой канцелярии показано, нигдѣ (кромѣ толко еднихъ рощей, которие толко на единие дрова и форостъ годятся) не сискалось“ въ Менской сотнѣ. Въ *Синявской* сотнѣ, по рапорту сотника Андрея Полянскаго, тоже не оказалось лѣсовъ: „въ сотнѣ Синявской“, доносилъ онъ, „сколко оная сотня свое положение имѣетъ“, и несмотря на „вѣрную и обстоятелную“ справку, „ничьихъ угоднихъ пущъ“ не оказалось... Не было строевого лѣса и въ *Березинской* сотнѣ, какъ о томъ доносилъ тамошній городовой атаманъ Иванъ Михно: „въ сотнѣ Березинской бору, сосняку и елнику, и чорного лѣса, къ строенію годячихся, не имѣется“...

Немного лѣса оказалось въ сотняхъ: Бѣлоусской, Слабинской, Сосницкой и Выбельской. *Бѣлоусскій* сотенний писарь Федоръ Пясецкій доносилъ слѣдующее: „Въ сотнѣ Бѣлоусской болие, кромѣ соснового хвойнику, в борахъ стоячого, въ урочищи подъ деревнею Садричами, близъ реки Бѣлоуса,

трохъ владѣній: Елецкого Чернѣговскаго монастыря, бунчукового товарища Константія Лизогуба, да удовствующей обозной полковой Чернѣговской Молявкиной в должину на полъверсти, а в ширину на версту; да в урочищи под деревнею Погорѣлками трохъ же владѣній: магистрата Чернѣговскаго, городничого полкового Чернѣговского Петра Григоровича, да удовствующей Ивановой Лопатиной в должину и ширину всего на полъ-версти,—другихъ пущъ и чернихъ лѣсовъ не имѣется. Оной-же Сядрицкой боръ растояніемъ от города Чернѣгова в тринадцятъ, а Погорѣлский у восимъ верстей состоитъ"...

Слабинскій сотенный хоружій Кузьма Евдаченко представилъ вѣдомость лѣсамъ, но оговорилъ, что эти лѣса только „на огородное жерде способны". Въ вѣдомости же его указаны слѣдующія лѣса: „1. В дачахъ Смолинскихъ да деревнѣ Гнилуши и села Максима, между грунтами казацкими и посполитого звания людми владѣлцовъ Домонтовичовъ, без всякой смѣжности, во обществѣ, хвойникъ з рощами, состоящий при столповомъ трактѣ от Чернѣгова до Кіева и при болотѣ, от Смолина до Гнилуши лежачого, должиною на полтори, а вширъ—на одну милю; растояниемъ от города Чернѣгова в 35 верстахъ. 2. Под селомъ Ладинкою лѣсъ, владѣемий обоего звания людми, казаками и посполитими, в лузѣ состоящий, врочищемъ на Зарѣчѣ, коего должина на полъ-версти, а шириною на версту без четверти; растояниемъ от города Чернѣгова в трохъ миляхъ"...

Сосницкій сотникъ Филимонъ Шафонскій представилъ полковой Черниговской канцеляріи подробную вѣдомость, по которой оказалось только три лѣса: „1. Монастира Николаевскаго Макошииского соснякъ, величиною дерева между малимъ будетъ какъ бы саженъ до шесть, в должину тотъ лѣсъ и ширину какъ бы на едну версту, растояніемъ от города Чернѣгова верстъ в восемдесятъ, в урочищи над рѣкою Убедю, прозиваемый Гутискій, от реки же Десни растояніемъ на три версты. 2. Удовствующей протопопиной Сосницкой Полторацкой лѣсъ черній дубовій, да помѣжъ

того лѣсъ значкового товарища Ивана Сербиновича; величиною дерево между малимы будетъ саженъ до семи, а в должину тотъ лѣсъ какъ бы на полъ-версты, да вширь на осмую часть версти, между которимъ осиковое дерево доброе и помежду тѣмъ большая часть осинового дерева; разстояніемъ от города Чернѣгова верстъ в восѣмъдесятъ, в урочищи в Острозѣ под кручею, от реки Десни в версту. 3. Удовствующой казачки сосницкой Настѣ Авраменковой чорній лѣсъ над рѣкою Десною, величиною дерево между малимъ будетъ саженъ до шести; в должину тотъ лѣсъ и ширину какъ бы на осмую часть версти, растояніемъ от города Чернѣгова в восѣмдесятъ шесть верстъ"...

Выбельскій сотникъ Андрей Тризна доносилъ, что „годнихъ на строеніе пущъ, владѣлческихъ и ничіихъ, в сотнѣ Вибельской нетъ; при селахъ же Орловцѣ и Грабовцѣ, разнихъ техъ селъ многихъ козаковъ (коихъ изобразить где за многомужествомъ и что по малому числу лѣсу имѣютъ—невозможно) имѣется чорний лѣсъ, яко-то: грабина, есенина, осика и протчое дерево, состоящий по смѣтѣ длиною на двѣ, а вширь на едну версту; разстояніемъ же от города Чернигова верстовъ в двадцать пять; точію и оний чорный лѣсъ на строеніе не угоденъ, кромѣ толко для еднихъ дровъ"...

Въ сотняхъ Седневской, Городницкой, Киселевской, Волынской и Понорницкой лѣсовъ, по вѣдомостямъ, оказалось порядочно, почему мы ихъ помѣщаемъ ниже, въ приложеніи.

Всѣ эти вѣдомости были представлены въ полковую канцелярію къ концу октября 1752 года; но въ „экспедиціи" еще долго не всѣ были получены, такъ что 16-го декабря этого года полковникъ Черниговскій Божичъ получилъ отъ генеральнаго есаула Валькевича понужденіе: „опись пущъ, где не ученено, учинить неотмѣнно", причемъ давалось и разъясненіе, чтобы „владѣлцамъ онихъ пущъ на потреби ихъ рубать дерева запрещенія не налагать, кромѣ дерева, годного на машти, и бортного"... Очевидно „экспедиція ба-

туринскаго и глуховскаго строенія" предвидѣла, что опись можетъ вселить безпокойство во владѣльцахъ пущъ и повлечь за собою желаніе скрыть свои лѣсныя богатства...

Ко времени полученія этого ордера, въ полковую канцелярію еще не были присланы вѣдомости изъ полковыхъ, Любецкой и Ропсской сотенъ, а сотники Столинскій, Менскій, Синявскій и Городницкій хотя и представили ихъ, но не упомянули объ отсылкѣ вторыхъ экземпляровъ въ „экспедицію". Поэтому, полковая канцелярія послала соотвѣтствующіе ордеры по перечисленнымъ сотнямъ, и въ февралѣ 1753 года получила опись пущамъ Любецкой сотни (помѣщена ниже). Вѣдомостей же по полковымъ и Ропсской сотнямъ, повидимому, представлено и вовсе не было, такъ какъ слѣдовъ ихъ въ имѣющемся у насъ дѣлѣ нѣтъ. Не было также, вѣроятно, представлено и дополнительной вѣдомости о пущѣ бунчуковыхъ товарищей Дунинъ-Борковскихъ въ Городницкой сотнѣ, такъ какъ владѣльцы несомнѣнно уклонялись отъ дачи показаній про свои лѣса. Городницкій городовой атаманъ Иванъ Ярошевичъ доносилъ, что когда посланные имъ козаки пріѣхали для описи пущи „бунчуковыхъ товарищей Василія и Якова Дуниновъ-Борковскихъ, то за отлучкою ихъ, господъ Борковскихъ, з домовъ, нѣхто тамо не могъ о той пущи обстоятелно вѣдать"... На эти упущенія „экспедиція", повидимому, не обратила вниманія, потому что достаточно лѣса можно было получить и на основаніи представленныхъ вѣдомостей. Нужно, впрочемъ, сказать, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, была-ли производима рубка дерева на надобности „глуховскаго и батуринскаго строеній" изъ пущъ, указанныхъ описями; это, впрочемъ, и не такъ важно; значеніе и интересъ вѣдомостей заключается въ томъ, что онѣ даютъ понятіе о распространенности лѣсовъ въ предѣлахъ бывшаго нѣкогда Черниговскаго полка. Къ даннымъ описей нужно, однако, относиться осторожно, такъ какъ они носятъ оффиціальный характеръ, и владѣльцы лѣсовъ, несмотря на угрозу „неопускныхъ штрафовъ" за ложныя показанія, должны были относиться

къ факту составленія описей непріязненно, видя за нимъ грядущую принудительную рубку ихъ лѣсныхъ угодій... Дунины-Борковскіе, какъ мы видѣли выше, предпочли вовсе уклониться отъ дачи свѣдѣній о своихъ лѣсахъ... Хотя лѣсъ требовался и на „національныя“ зданія, но все же это были зданія казенныя, чуждыя мелкимъ интересамъ скопидомства тогдашнихъ владѣльцевъ, состоявшихъ изъ полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, монастырей, богатыхъ козаковъ и зажиточныхъ мѣщанъ...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Вѣдомость сотнѣ Седневской,

коликое число імѣется в оной сотнѣ пущи разныхъ владелцовъ, и чія, при якихъ урочищахъ или рѣкахъ и болотахъ находится, і в коликомъ от полкового города Чернѣгова разстояніемъ числѣ верстъ в длину і в ширину, и якое дерево, боръ-ли, елникъ, іли черній,—о томъ явствуетъ ниже,

1752 году, сентября..... дня учиненная.

Владѣнія бунчукового товариша Иліи Лизогуба хвоевой пущи от футора его-жъ Рогозского, понад рѣкою Сновю, к Медвежому болоту; в длину верстъ 3 і в ширину верстъ 3; разстояніемъ отъ полкового города Чернѣгова верстъ 32.

Владѣнія Григорія, Иліи и Якова Лизогубовъ нераздѣлной фоевой же пущи от футора Гутища, за селомъ Новими Млинамы не в далекомъ разстояніи надуючогося, едучи шляхомъ до села Займища повз Сновъ рѣку до болота Бухина і рѣчки Щимля; в длину верстъ 4, а в ширину верстъ 3.

Да самого Якова Лизогуба чорной пущи, состоящой понад рѣчкою Щимлею от футора его-жъ Щимелского, в длину верстовъ на 2, а в ширину на 1 версту.

К той-же чорной пущи прилеглой до оной фоевой пущи его жъ Лизогуба до урочища болота Витинского, в длину на 1 версту, а в ширину на 1 версту.

От прописанныхъ пущъ черной і фоевой по исчисленію до полкового города Чернѣгова верстъ 45.

Владѣнія покойного Семена Полуботка, бунчукового товариша, между деревнями Старими Боровичами и Андрушами, чорной (лѣсъ), находячійся понад рѣчкою Сновю, а помѣрній до пущи Смяцкой, в длину верстъ на 6, а в ширину верстъ на 4. От вишьозначенного леса разстояніемъ до полкового города Чернѣгова верстовъ 45.

Владѣніе удовой Стефановой Леонтовичевой, хоружой полковой чернѣговской, в грунтахъ Смяцкихъ пуща черная, спорная з Иліею Лизогубомъ, по сей сторонѣ Снови, от острова Сулинского (?) по болото Пѣчицу, а з другой сторони по болото-жъ Гричинку, состоящая понад Сновю, в длину верстей на 2, а в ширину на 1 версту; разстояніемъ от полкового города Чернѣгова верстъ 45.

Болѣе же в сотнѣ Седневской, кромѣ вишписанной фоевой пущи і черного леса, не имѣется.

Сотникъ седневскій Іванъ Римша.—Писарь сотенній Павелъ Долбинскій.

2.

Вѣдомость сотнѣ Городницкой...

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 1 дня.

Владѣнія бунчукового товариша пана Андрея Стаховича, сотнѣ городницкой до села Ваганичъ подлежащій

лѣсъ чорній, прозиваемій Погорѣлій, в урочищи от деревнѣ Хоробричъ старинною бывшою дорогою до заграничного села Марковичъ, между деревнею Переписомъ и селомъ Ваганичами лежачою; с тоей дороги просто на логъ а от логу у болото Иржавецъ, от Иржавца у Городиское болото, оттоль повз лѣсъ Погорѣлій и поузъ урочище Корчъ у болото Маліе Жеремки, такожъ у болото у Великіе Жеремки, а з Жеремокъ болотомъ Карпиловкою поузъ лѣсъ Погорѣлій и по урочище Олесъ Великій, которій идетъ от Великого шляху старого Погорѣловского; от того Олсу у болото Шумковское, а тѣмъ болотомъ чрезъ урочище Островки до Пѣнчучки болота; должиною оной лѣсъ на 4, а шириною на 2 версти; разстояніемъ от Ваганичъ до города Чернѣгова 85 верстовъ.

Владѣнія оного-жъ бунчукового Андрея Стаховича и бунчукового-жъ товариша пана Якова Тарновского черній совокупній лѣсъ, прозиваемій Малча в урочищахъ таковыхъ: от Переписского рубежика в Чалое болото, оттоль в Уюлское (?) болото, а оттоль у Лемешовское болото по Поповъ мостъ, оттоль по Переписское поле; от того поля по стародавное Переписское мостище в Вербчу болото, а Вербчою по Перепискій рубежикъ; должиною оной лѣсъ на 6, а шириною на 3 версти; разстояніемъ до Чернѣгова состоитъ въ 83 верстахъ.

Владѣнія бунчукового товариша пана Костантія Лизогуба лѣсъ чорній въ урочищи от рѣчки Нетекучой поузъ болото Замглай до рѣчки Ловинѣ; довжиною оной лѣсъ верстовъ 5, а шириною на 1 версту.

У томъ-же урочищи владѣнія оного-жъ Костантія Лизогуба бору зеленого пущи от рѣчки Смячи до Замглая; удовжъ верстовъ на 6, а вширь на $1^1/_2$ версти.

Владѣнія господина полковника Полтавского Андрея Горленка лѣсъ чорній при селѣ Владимерцѣ в урочищахъ от Бобова болота до Моху; вдовжъ на $^1/_2$ версти, а вширь на $^1/_4$ версти.

Владѣнія сотника воронковского Николая Афендика лѣсъ чорній при селѣ Ілмовцѣ въ урочищѣ от Шилисова (?) болота по рѣчку Пинчучиху вдовжъ на версту, а вширь на 1/2 версти.

Владѣнія умершого бунчукового товариша Григорія Стаховича при селѣ Кусеяхъ лѣсъ чорній и смоловій в урочищи отъ Терухи рѣчки по рѣчечку Жерствень вдовжъ верстъ на 3, а вширь на 2 верстѣ.

Владѣнія стрелцовъ при деревнѣ Переписѣ пуща черная и смоловая в урочищахъ от Попового мосту до Чаплина вдовжъ верстовъ на 6, а вширь верстовъ на 3.

Владѣнія монастира Елецкого Чернѣговского при селѣ Лемешовцѣ лѣсъ чорній в урочищи от Кромиса (?) до Попового мосту вдовжъ на 3, а вширь на 1 верстовъ.

Владѣнія бунчуковаго товариша пана Якова Тарновского чорній лѣсъ в урочищахъ поузъ рѣчку болота Попового до Вертерухи поузъ Гоголюмъ (?), ис Терухи въ Елескарку (?) рѣчку, з Оласкорки въ Тетивское болото да в Уюлицкое болото, да в Кримское болото и в Опанасовъ островъ, в Поповъ хуторъ; должиною и шириною верстовъ на 10, а разстояніемъ оной лѣсъ от деревнѣ Деревинъ до Чернѣгова въ 80 верстовъ.

Владѣнія бунчукового товариша пана Демяна Бутовича при деревнѣ Смячи пуща смоловая в урочищи от Лубянки до Студенца рѣчки вдовжъ на версту, а вширь на 1/2 версти.

Владѣнія бунчукового товариша пана Симона Лизогуба пуща, а именно: островъ Сѣверскій, разстояніемъ от Чернѣгова миль за 7, купно з островомъ Кулченковимъ, кои острови боровіе и дерево бортное, а въ урочищахъ Замгалемъ болотомъ в переточокъ Синецъ, а оттоль на Осовій лѣсъ, а з лѣса на Личушинъ майданъ, а оттоль на Ловинъ рѣчку, а з Ловинѣ по шляхъ Дроздовицкій, а шляхомъ по Синчинъ ложокъ, а з ложка в Каменку переточокъ, а с Каменки в Людское, а оттоль в Замглай болото; кои острови должи-

ною на милю, а вширь на 3 версти; да в онихъ же островахъ по малой части и чорного лѣса имѣется.

Владѣнія оного жъ бунчукового Симона Лизогуба за селомъ Ловиню островъ Лопатнювскій и Копитковскій разстояніемъ от Чернѣгова миль за 9; а в томъ островѣ дерево боровое и бортное дѣланное и по малой части в томъ островѣ чорного лѣса, а в урочищахъ Замгалемъ болотомъ в Ловинъ рѣчку, а з Ловинѣ по Ягодное болото, а оттоль в Замгалое болото; а должиною оной островъ миль на 2, а вширь на милю.

Бывшій писаръ сотенній городъницкій Иванъ Алексѣевскій.

3.

Вѣдомость сотнѣ Киселювской....

(и т. д.; какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 3 дня [1]).

Монастира Андрониковского; при ономъ монастирѣ при рѣчки Бречѣ по рѣчку Воринку сосняку в должину верстъ 5, в ширину верстъ 3.

Чорного лесу над рѣкою Бречицею, вдолжину верстъ 4, в ширину верстъ 2; резстояніемъ отъ полкового города Чернѣгова миль 9.

Удовствующой Анастасіи Семеновой Полуботковой при деревняхъ Каруковки і Кабрелювки, в урочищахъ Хохлахъ і над рѣкою Бречу, чорного леса в должину верстъ 3, в ширину верстъ 3; от Чернѣгова миль 9.

Бунчукового товариша Івана Скоропадского при селѣ Наумовки, над рѣчкою Вюною и Турею, бору в долж в. 3 в ширину в. 3.

---

[1]) Принятыя сокращенія: „в долж.“—въ должину; „в шир.“—въ ширину; „в.“—верстъ,

Чорного лесу над рѣчкою Бречу и болотомъ Лисицею в должину в. 5, в шир. в. 4; отъ Чернѣгова миль 9.

Его, Скоропадского, при селѣ Тихоновичахъ, при болотѣ Старици и при урочищи Рудкови бору, в долж. в. 5, в шир. в. 2.

Чорнаго леса при рѣчки Турцѣ в долж. в. 3, в шир. в. 1; отъ Чернѣгова миль 11.

Подскарбія войскового енералного господина Скоропадского при селѣ Охромѣевичахъ, в урочищи на Високомъ Борку, над болотомъ Вюною, бору в долж. в. 3, в шир. в. 2.

Чорного леса над рѣчкою Турцемъ в долж. в. 2, в шир. в. 1; отъ Чернѣгова миль 12.

Троецкого Іліинского Чернѣговского монастира при селѣ Перелюбѣ и деревняхъ Прибинѣ и Елинѣ, в урочищахъ над речкою Сновю и над Ревною, над рѣчкою Влешнею, над рѣчкою Залѣсемъ, над рѣчкою Мялицею і над болотомъ Обитоки (?), бору в долж. в. 15, в шир. в. 8.

Чорного лесу над рѣчкою Влешнею і над рѣчкою Строменцемъ в долж. в. 6, в шир. в. 4; отъ Чернѣгова миль 11.

Сотникъ Киселювскій Василь Лисенко.

4.

Вѣдомость сотнѣ Волинской....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 7-го дня.

При рѣтцѣ Хрибетной, на обѣ сторони оной рѣчки, пуща войта нѣжинского Петра Стеревича Тернавиота, а в оной дерево сосновое, вширь оная в 1 версту, а в должину 4 версти, до Чернигова—13 миль.

При оной рѣтцѣ Хрибетной, на обѣ сторони, пуща бунчукового товарища Матвѣя Лѣневича, в коей дерево сосно-

вое, в ширину 1 верста, а в должину 2 версти; до Чернигова—13 миль.

Повз оную-же Хрибетную рѣчку пуща сосновая і чорной лѣсъ бунчукового товариша Федора Савича, в ширину на 1½ версти, а в должину на 3 версти; до Чернигова—11½ миль.

При той-же рѣтцѣ Хребетной бунчукового товариша Матфея Лѣневича лѣсъ, прозиваемый Верховій, в ширину 1 верста і в должину 1-жъ верста; до Чернигова—11½ миль.

Там же лѣсъ чорній козака і жителя волинского Тимофѣя Гончаренка в ширину ¼ версти и в должину ¼-же версти; до Чернигова—11 миль.

Там-же козаковъ сотнѣ волинской; жителей чорнотицкихъ: Сави Маценка, Андрѣя Бури, Грицка Лисяного, в урочищи Немоцку лѣсъ чорной въ ширину 1 верста, а в должину 1 верста; до Чернигова—11 миль.

В том же урочищи войскового канцеляриста Михайла Павловского лѣсъ чорной в ширину 1 верста, а в должину 1-жъ верста; до Чернигова—11 миль.

В том же урочищи попа волинского Тимофѣя Богдановского лѣсъ черной в ширину ½ версти і в должину ½ версти; до Чернигова—11 миль.

При селѣ Жуклѣ полковника лубенского господина Апостола пуща боровая і сосновая, такожъ и лѣсъ чорной повз рѣчку Убедь да повз Рубѣжъ зовемій, в ширину верстовъ 8, в довжину верстей 16; до Чернигова—12 миль.

В селѣ Олшаномъ козаковъ сотнѣ волинской, жителей олшанскихъ: Романа Саливонова, Иліи Поплавского, Андрѣя Макухи, Гаврила Зуба, Ничипора Кротова, при урочищахъ Дѣдовскихъ лѣскахъ лѣсъ чорной в ширину ½ верста и в должину ½ версти-жъ; до Чернигова—9 миль.

Сотнѣ волинской и другихъ сотенъ околичныхъ козаковъ пуща свободная от села Волинки по рѣчку Стопинку (?), в ширину 3 милѣ, а в должину 5 миль; до Чернигова—10 миль; да при той же пущи імѣется чорной лѣсъ. О коей пущи нинѣ в судѣ полковомъ черниговскомъ і дѣло

производится за споръ в сотнѣ волинской жителствующихъ владѣлцовъ господина маіора Холодовского, да бунчуковихъ товаришей Василя Полуботка і Якова Марковича.

Сотникъ волинскій Романъ Журба.

5.

Вѣдомость сотнѣ Понорницкой....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1752 году, октября 19 дня.

При селѣ Радичевѣ владѣнія Киево-Печерской лавры боръ в должину верстъ 3, в ширину верстъ 2, при рекѣ Деснѣ; от Чернѣгова—15 миль.

При селѣ Вишенкахъ владѣния графовъ Владиславичовъ черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1 1/2 в., при яру Плоскомъ; отъ Чернѣгова—14 миль.

При селѣ Оболоннѣ владѣнія бунчукового товариша Василия Полуботка черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1/2 в., при рецѣ Десни в Зубейковщинѣ; отъ Чернѣгова—13 миль.

При монастирѣ Рихловскомъ владѣнія того же Рихловскаго монастира черній лѣсъ в долж. 1 в., в шир. 1 в., при яру околичномъ монастира; от Чернѣгова—13 миль.

При селѣ Покошичахъ владѣнія Спаского Новгородского монастира хвойнякъ в долж. 2 в., в шир. 1 в., на займахъ козачихъ; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ владѣнія бунчукового товариша Івана Долѣнского хвойнякъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при рѣчки Лоски; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ владѣнія умершого бунчукового товариша Івана Тополяницкого жены его Татияни черній лѣсъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при футорѣ Пототковскомъ (?); отъ Чернѣгова—18 миль.

При селѣ Шабалтасовки значкового товариша Ігната Шулжинского і швадра (sic!) его Сеефана Сербина черній лѣсъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., за Рудкою; от Чернѣгова—15 миль.

При томъ же селѣ оного жъ значкового Шулжинского да сотниченковъ Павла Тихоновича, Павла Григориева и Ониска Никифорова хвойнякъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., при урочищи Комшоровѣ (?); от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ помянутих же сотниченковъ Тихоновича, Григориева і Никифорова черній лѣсъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., в окопѣ на Круковъ; от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ хвойнякъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., при урочищи Комозанщинѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ хвойнякъ в долж. 1/4 в., в шир. 1/4 в., при урочищи Живчиной дегтярнѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тѣхъ-же сотниченковъ да значкового Шулжинского боръ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., к рички Лоски, в окопѣ близъ Сотницкого млинка; от Чернѣгова—17 миль.

При томъ же селѣ попа шаболтасовского Івана Арефова боръ в долж. 1/8 в., в шир. 1/16 в., при Чаловомъ (?) болотѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ козака шаболтасовского Демяна Писаренка хвойнякъ, в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., при Чаломъ болотѣ в окопѣ; от Чернѣгова—16 миль.

При селѣ Хлопяникахъ и деревнѣ Лузикахъ владѣнія Аккилины Апостоловой боръ, хвойнякъ и черній лѣсъ в долж. 5 в., в шир. 4 в., при урочищи Калиновомъ кустѣ и около рѣки Убедѣ, от Козляницкихъ до Жовницкихъ грунтовъ притяглий; от Чернѣгова—14 миль.

При селѣ Савинкахъ і деревнѣ Тѣлной владѣнія бунчукового товариша Василія Полуботка и вдовой Анастасии Полуботковой роща разная в долж. 5 в., в шир. 4 в., от села Савинокъ к рѣчки Хрибетной, по за деревнею Тѣлною,

въ урочищахъ Бѣде и Калиновомъ кустѣ; от Чернѣгова—12 миль.

При селѣ Ховмахъ владѣнія бунчукового товариша Михайла Борковского боръ в долж. 2 в., в шир. 1 в., от села Холмовъ по рѣчку Стопилку, при болотѣ у Сивихъ лозъ; от Чернѣгова—14 миль.

При томъ же селѣ того жъ владѣнія черній лѣсъ в долж. 2 в., в шир. 1 в., по верхъ рѣчки Стопилки к деревнѣ Камци у Сивихъ лозъ; от Чернѣгова—14 миль.

При том же селѣ того жъ владѣнія черній лѣсъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/2 в., при урочищи Будищи над рѣчкою Мармишемъ; от Чернѣгова—15 миль.

При селѣ Казиловки владѣнія бунчукового товариша Василия Полуботка черній лѣсъ въ долж. 5 в., в шир. 1 в., при урочищу повзъ рѣку (?) Мармишу; от Чернѣгова—16 миль.

При селѣ Орловки того жъ владѣнія боръ, хвойнякъ и черній лѣсъ в долж. 5 в., в шир. 2 в., между Мармишемъ и Савою (?) лѣскомъ; от Чернѣгова—16 миль.

При том же селѣ тогожъ владѣнія хвойнякъ в долж. 3 в., в шир. 1 в., при урочищи Кучугурахъ по Лоску к селу Авдѣевки; от Чернѣгова—15 миль.

При том же селѣ попа орловского Василия Талвинского черній лѣсъ з гаемъ в долж. 1/2 в., в шир. 1/4 в., в окопѣ около болота в Займищи; от Чернѣгова—16 миль.

Писаръ сотенний понорницкій Григорій Петровский подписался.

6.

Вѣдомость сотнѣ Любецкой....

(и т. д., какъ въ первой вѣдомости).

1753 году, февраля 13 дня.

Владѣнія удовствующой госпожи Анастасіи Стефановни Полуботковой в волости Любецкой пущи разной в урочи-

щахъ по одну сторону мѣстечка Любеча, от деревнѣ Мисовъ под деревню Тулею, з разними сябрами, в должину верстъ 4, а в шприну 1 верста; разстояниемъ от полкового города Чернѣгова верстовъ въ 55.

По другу же сторону Любеча, повз рѣку Днѣпръ, около деревенъ Новоселокъ, Лопатнювъ и Сенюкувъ, з разними сябрами пущи чорной и смоловой от самого Любеча по урочище за Лопатнями Пѣвнимъ, долж. в. 20, шир. в. 7; от Чернѣгова—в. 80.

Владѣния Антониевского Любецкого монастира пущи разной з разними сябрами в урочищи от Любеча повз Мисовскую дорогу до деревнѣ Мисовъ, шир. в. 4, долж. в. 10, от Чернѣгова—в. 60, до реки Днѣпра—4 в.

Козаковъ сотнѣ Любецкой Никифора и Сави Брехуновъ пущи чорной, в разних урочищахъ, вдовжъ и вширь на $^1/_2$ версти; отъ Чернѣгова—в. 50.

Значкового полку чернѣговского товариша Михайла Зѣневича при деревнѣ Смолѣговцѣ, над рѣчкою Ворзною в двоихъ мѣстахъ пущи чорной, в долж. в. 3, в шир. $^1/_4$ в., а смоловой на $^1/_4$ в. вширь, от Чернѣгова—в. 50.

Владѣния монастира катедри Чернѣговской волости Вертецкой пущи разной з разними сябрами в урочищи Величковщинѣ в долж. в. 20, а в шир. в. 10.

В Клоновскомъ островѣ отрубной монастырской вширь и вдолжъ верстъ на $1^1/_2$ да в урочищи Калениковщинѣ отрубной-же вширь и вдолжъ в. на 4; от реки Днѣпра миль 3, а от Чернѣгова миль 4.

Владѣния монастиря Кіево-Печерской лаври, волости Покулской, соснового бору от урочища Нералви (?) за деревню Сивки, повз Днѣпръ реку, верстъ на 20, да от села Пакулѣ до реки Днѣпра врочищи Пустинки того жъ бору в шир. в. 10; от Чернѣгова—6 миль.

Владѣния бунчукового товариша Петра Лизогуба пущи разной, з разними сябрами, в урочищи Грабовомъ повз болото, прозиваемое Глинище, долж. и шир. на 10 верстъ; от Чернѣгова миль 3.

Владѣния бунчукового товариша Михайла Буркувского пущи разной з сябрами в урочищи Щодровѣ долж. в. 6., шир. 1/2 в., повз болото, прозиваемое Великое; от Чернѣгова верстъ 60.

Козаковъ сотнѣ Любецкой Ивана и Омеляна Манковъ разного лѣсу в разныхъ урочищахъ, з сябрами оной деревнѣ Манковъ, в долж. в. 2, в шир. в. 1; от Чернѣгова 6 миль, а от реки Днепра—в. 8.

Владѣния войскового канцеляриста Якима Ренчицкого разной пущи в разныхъ урочищахъ долж. в. 20, шир. в. 10; от Чернѣгова миль 6, а отъ реки Днепра в. 4.

Владѣния монастиря Троецкого Чернѣговского пущи разной в урочищахъ повз болото Кротинское, прозиваемое Кобилевъ, в долж. в. 3, в шир. в. 2, з сябрами; да отрубного монастирского соснового лесу в урочищи Новой Зимници в долж. 1 1/2 в., в шир. 1 в.; от Чернѣгова миль 6, а от Днепра в. 6.

Попа чернѣговского Андрея Сѣбирского чорного лесу в урочищи Плоскомъ в долж. 1 в., в шир. 1/2 в.; от Чернѣгова в. 40.

Бунчукового товариша Івана Миклашевского чорного лесу в долж. 1 в., в шир. 1/2 в., в урочищи Сѣножатяхъ; от Чернѣгова в. 35.

Владѣния удовствующой Анастасіи Полуботковой волостн Довжицкой пущи смоловой долж. и шир. на 30 в., в урочищи повз реку, прозиваемую Вертечу; а чорного лѣсу в разныхъ урочищахъ в долж. 2 в., в шир. 1/2 в.; от Чернѣгова миль 8.

Козака сотнѣ Любецкой Павла Тарасевича соснового лесу в долж. 3 в., в шир. 2 в., повз болото, прозиваемое Вертечъ; от Чернѣгова миль 5.

Жителей неданчицкихъ Стефана Дѣдовца, Ларка Купрѣенка и козака Карпа Набока пущи разной, з сябрами разними, в урочищи Даничевѣ, повз болото Рудное, в долж. 10 в., в шир. 4 в.; от Чернѣгова миль 8.

Владѣнія бунчукового товарища Іліи Ливогуба пущи разной, з сябрами, в долж. 30 в., в шир. 3 в., повз болото Зелѣзо в урочищи Величковщинѣ; от Чернѣгова миль 4.

Владѣния сотника полкового чернѣговского Федора Посудевского пущи разной в долж. 10 в., в шир. 3 в., повз болото Зелѣзо, в урочищи вишеписаномъ Величковщинѣ, разстояниемъ отъ города Чернѣгова миль в 4.

Писаръ сотнѣ Любецкой Корнѣй Лукяновскій. Любецкого правления канцеляристъ Стефанъ Зеленскій.

Сообщилъ *В. Модзалевскій.*

Отдѣлъ IV.

Библіографія.

Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

13.

А Крыловскаго. Львовское ставропигіальное братство. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (съ тремя рисунками). Кіевъ. 1904 г. стр. XXII + 314 + 230.

Книга г. Крыловскаго, содержащая въ себѣ исторію Львовскаго ставропигіальнаго братства, состоитъ изъ 2-хъ половинъ. Вторая, нѣсколько меньшая первой, половина книги занята приложеніями. Въ качествѣ такихъ приложеній здѣсь напечатано 89 документовъ, частію имѣющихъ отношеніе къ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства, частію же не имѣющихъ таковаго отношенія къ исторіи Львовскаго братства (напр., №№ 2, 4, 8—10, 12, 21—22, 39—40, 50, 73—74 и 76—89), что сознаетъ и самъ авторъ (стр. 309 прим. 1). Замѣчательно, что авторъ въ своей книгѣ ни одного раза не ссылается на „приложенные“ документы, хотя и пользуется ими, цитируя ихъ однакоже по другимъ источникамъ (см. на стр. 100 прим. 1—ср. докум. № XXXV, стр. 76—79).

Первая половина книги содержитъ въ себѣ собственно „опытъ церковно-историческаго изслѣдованія“ о Львовскомъ

ставропигіальномъ братствѣ. Она состоитъ изъ введенія и шести главъ.

Во *введеніи* (стр. I—XXII) авторъ говоритъ о происхожденіи братствъ, старается разъяснить сущность ихъ, изображаетъ устройство и задачи братствъ въ первое время ихъ существованія. Здѣсь авторъ ведетъ рѣчь о причинахъ возникновенія западно русскихъ братствъ, ихъ особеннаго развитія въ концѣ XVI в. и о существенныхъ задачахъ ихъ дѣятельности въ это время, каковыми онъ признаетъ религіозно-просвѣтительную и національную. Разсужденіями о причинахъ упадка западно-русскихъ братствъ заканчивается введеніе.

Справедливость требуетъ сказать, что авторъ въ краткомъ введеніи къ своей книгѣ рѣшаетъ всѣ вышеозначенные важные, сложные и капитальные вопросы, касающіеся самаго существа братскаго института, слишкомъ поверхностно, бѣгло и какъ-то механически. Такъ, напр., характеристика дѣятельности южно русскихъ братствъ (стр. VII—XVIII) далеко не охватываетъ своего предмета во всемъ его объемѣ. Авторъ здѣсь почти совсѣмъ не касается уясненія главнаго стимула и нерва дѣятельности западно-русскихъ братствъ—ихъ значенія для культурно національнаго пробужденія южной и западной Руси. Отсюда и заключительныя слова авторской характеристики заслугъ братствъ, что послѣднія принимали участіе *въ развитіи и охраненіи началъ народной жизни*, являются совершенно немотивированными и неожиданными.

Рѣшеніе авторомъ вопроса о причинахъ и условіяхъ происхожденія западно-русскихъ братствъ (авторъ „присоединяется“, по его собственнымъ словамъ, къ тому мнѣнію, что институтъ братствъ развился, будто-бы, на основѣ права патронатства такъ наз. коллективнаго) возбуждаетъ противъ себя много серьезныхъ возраженій. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія возраженія, не упоминая даже и о томъ, что авторъ не использовалъ здѣсь надлежащимъ образомъ всей печатной (особенно новѣйшей) литературы по данному вопросу, мы ограничимся только слѣдующимъ замѣчані

емъ. Свое „присоединеніе" къ мнѣнію о происхожденіи западно-русскихъ братствъ на почвѣ права патронатства т. н. коллективнаго авторъ мотивируетъ тѣмъ, что это мнѣніе, какъ онъ говоритъ, *наиболѣе оправдывается исторіею западно русскихъ братствъ, пережившихъ нѣсколько фазъ своего бытія* (стр. IV—V). А между тѣмъ авторъ ни здѣсь, ни позже и вообще нигдѣ въ своей книгѣ не приводитъ рѣшительно ни одного доказательства въ пользу этого мнѣнія изъ исторіи Львовскаго ставропигіальнаго братства, о которомъ онъ самъ говоритъ, что „оно было старѣйшимъ и первымъ между всѣми православными братствами, съ постановленіями котораго эти послѣднія должны были сообразоваться, при самомъ живомъ участіи котораго совершались важнѣйшія дѣянія въ западно-русской церкви и уставъ котораго служилъ образцомъ для другихъ братствъ" (стр. 308). Вмѣсто того онъ, къ удивленію внимательнаго читателя, „оправданія" своего мнѣнія ищетъ въ исторіи и порядкахъ, существовавшихъ на православномъ Востокѣ, въ единовѣрной Греціи и имѣвшихъ, какъ думаетъ авторъ, „вліяніе хотя бы то и незначительное" на устройство западно-русскихъ братствъ.

Установленіе кульминаціоннаго пункта исторической дѣятельности западно-русскихъ братствъ (30-е годы XVII в., см. стр. XVIII) страдаетъ неточностью и бездоказательностью. Послѣ 30 хъ годовъ XVII в. ни одно братство, прежде всего, не прекратило своего существованія на протяженіи весьма продолжительнаго періода времени. Дѣятельность братствъ съ этого времени, правда малоизвѣстная въ литературѣ, отличалась еще большею продуктивностію, чѣмъ прежде. Показателемъ этой дѣятельности служатъ особенно постановленія Новодворскаго собранія депутатовъ западно-русскихъ братствъ, обнаруживающія попытку организаціи объединенной, энергичной и широкой дѣятельности всѣхъ западно русскихъ братствъ,—попытку, рѣшительно не имѣющую прецедента во всей предыдущей дѣятельности западно-русскихъ братствъ. Съ этой точки зрѣнія слова автора объ ослабленіи единоду-

шія въ братствахъ послѣ Петра Могилы (стр. XXII) звучатъ злою ироніей надъ дѣйствительною исторіей. Постановленія сейма 1676 года, подтвержденныя на послѣдующихъ сеймахъ и направленныя противъ западно-русскихъ братствъ, краснорѣчивѣе всего говорятъ о томъ, какую великую силу представляли западно русскія братства въ исторіи борьбы Западной Руси за вѣру и народность послѣ 30-хъ годовъ XVII в.

Въ *первой главѣ* своего изслѣдованія, которую авторъ называетъ вступительною (стр. 1—27), излагаются имъ общія историческія судьбы Галицкой, или Червонной, Руси, со времени ея появленія на исторической сценѣ въ видѣ опредѣленной величины и до конца XVI в., т. е. до времени происхожденія Львовскаго ставропигіальнаго братства. Здѣсь, въ частности, авторъ излагаетъ исторію Галиціи до подчиненія ея Польшѣ, говоритъ о начавшейся послѣ этого присоединенія борьбѣ въ ней между представителями православно русской и латино-польской культуры, о репрессивныхъ мѣрахъ польскихъ королей въ отношеніи къ православнымъ жителямъ Галиціи, о закрытіи королемъ Ягайломъ Галицкой православной епископіи, учрежденіи въ Галиціи римско-католической архіепископіи, подчиненіи православнаго намѣстника католическому архіепископу, о возникшей вслѣдствіе этого борьбѣ православныхъ галичанъ съ католиками, о возстановленіи въ Галиціи православной епископіи и услугахъ, оказанныхъ при этомъ православнымъ галичанамъ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ. Глава заканчивается краткими замѣчаніями автора о положеніи православія въ Галиціи послѣ возстановленія здѣсь православной епископіи до конца XVI в.

Относительно первой главы изслѣдованія должно, прежде всего, замѣтить, что остается неясною основная идея ея, равно какъ непонятно и то, какое отношеніе имѣетъ эта вступительная глава къ послѣдующему изложенію исторіи Львовскаго братства. Благодаря отсутствію плана и общей предварительной схемы сочиненія въ начал[illegible]

книги, читатель самъ рѣшительно не можетъ отвѣтить на эти вопросы... Въ самомъ дѣлѣ, если только идея и цѣль этой главы заключается въ томъ, чтобы объяснить условія и обстоятельства *происхожденія* Львовскаго братства, то въ такомъ случаѣ глава эта совершенно излишня и ненужна, потому что, съ одной стороны, въ этой главѣ захватывается слишкомъ далекая перспектива, до конца XVI в., между тѣмъ какъ Львовское братство, съ другой стороны, впервые упоминается въ 1439 г., слѣдовательно, оно произошло гораздо раньше, такъ какъ, безъ сомнѣнія, должно было пройти довольно долгое время, прежде чѣмъ братство могло организоваться и сдѣлаться извѣстнымъ. Къ этому заключенію насъ приводитъ еще и то соображеніе, что братства въ Volumina legum упоминаются, какъ уже обычное явленіе, гораздо раньше, еще въ 1420 г. Слѣдовательно, опять-таки братства, fraternitates, для того, чтобы дождаться законодательной регламентаціи, должны были уже существовать въ теченіе давняго времени, а произойти еще раньше, въ то время, когда объ уніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, о преслѣдованіи православія и даже о самой зависимости Галиціи отъ польскаго владычества не могло быть и рѣчи...

Если же идея и цѣль вступительной главы заключается въ томъ, чтобы показать историческія условія, вызвавшія и опредѣлившія такую, а не иную дѣятельность Львовскаго братства съ конца XVI в., то никакъ нельзя согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы необходимость борьбы за православіе была такимъ именно условіемъ. Вѣдь, еслибы было такъ на самомъ дѣлѣ, то, съ одной стороны, почему же Львовское братство, по сдѣланной раньше авторомъ характеристикѣ дѣятельности западно-русскихъ братствъ, съ 1632 года совершенно ослабѣло? А, съ другой стороны, почему Львовское братство, какъ показываетъ уже дѣйствительная его исторія, не только не прекратило совсѣмъ, но даже и не сократило своей дѣятельности на первыхъ порахъ послѣ 1708 г., когда оно само приняло унію, и даже съ конца XVIII в. и начала XIX в., когда о православіи и о

борьбѣ его съ уніей въ Галиціи не могло быть и рѣчи? Да и теперь Львовское братство живетъ, проявляетъ по временамъ энергичную дѣятельность, хотя борьбы православія съ уніей въ Галиціи нѣтъ. Слѣдовательно, борьба православія съ уніей была не единственнымъ и, быть можетъ, даже не главнымъ условіемъ возникновенія и исторической дѣятельности Львовскаго братства въ XVI и XVII в. в., какъ думаетъ авторъ?

Нѣкоторыя частныя положенія вступительной главы возбуждаютъ большія недоумѣнія. Для примѣра разсмотримъ утвержденіе автора, что при Казимірѣ Великомъ „была сдѣлана энергичная попытка къ подрыву православія и русской народности возобновленіемъ существовавшей прежде непродолжительное время Галицкой (подразумѣвай: православной) митрополіи"... (стр. 7). Во 1-хъ, это положеніе, прежде всего, само по себѣ непонятно. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ возстановленіе въ Галиціи православной митрополіи, т. е. важнѣйшаго центра православно-русской культуры, *могло содѣйствовать подрыву православія здѣсь?* Во 2-хъ, это утвержденіе находится въ рѣшительномъ и безусловномъ противорѣчіи съ положеніями автора, высказываемыми въ другихъ мѣстахъ той же главы (см., напр., стр. 10—11, 14 и 27).

Наконецъ, въ 3-хъ, утверждать, что Казиміръ Великій „возвелъ прежнія мѣры къ совращенію православныхъ въ католицизмъ въ систему" (стр. 7), значитъ, по нашему мнѣнію, рѣшительно и безусловно противорѣчить дѣйствительнымъ и подлиннымъ историческимъ свидѣтельствамъ о политической дѣятельности Казиміра Великаго (см. у Бобжинскаго М.: Очеркъ исторіи Польши. Переводъ съ третьяго польскаго изданія подъ редакціей проф. Н. И. Карѣева, Спб. 1891 г., т. 1, стр. 183 и 191).

Во второй главѣ (стр. 29—74) авторъ начинаетъ рѣчь собственно о Львовскомъ братствѣ. Разсказавъ весьма кратко объ обстоятельствахъ происхожденія Львовскаго братства, авторъ затѣмъ излагаетъ братскій уставъ, сравниваетъ уставъ

ставропигіальнаго Успенскаго братства съ уставомъ другихъ галицкихъ братствъ (Львовскаго Благовѣщенскаго и Вишенскаго Троицкаго), говоритъ о вліяніи Львовскаго ставропигіальнаго братства на другія западно-русскія церковныя братства, въ особенности на Виленское Св.-духовское. Покончивъ рѣчь съ исторіею происхожденія и окончательной организаціи Львовскаго ставропигіальнаго братства, авторъ затѣмъ описываетъ черты устройства Успенскаго братства во Львовѣ. Онъ говоритъ, въ частности, о составѣ братства, правилахъ при вступленіи въ члены братства, отступленіяхъ отъ этихъ правилъ, дѣлавшихся (отступленіяхъ) для лицъ иногородныхъ и занимавшихъ высокое общественное положеніе, о такъ наз. „вступныхъ", выборахъ старшихъ братчиковъ, времени выборовъ, распредѣленіи должностей, отчетахъ старшихъ братчиковъ и ихъ помощниковъ, о братскихъ собраніяхъ (сходкахъ), о братскомъ знамени (рисунокъ котораго напечатанъ здѣсь же), о порядкѣ и правилахъ, соблюдавшихся во время братскихъ собраній, о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на братскихъ собраніяхъ, о братскихъ постановленіяхъ, способахъ ихъ примѣненія къ дѣлу, о наказаніяхъ, употреблявшихся братствомъ, и, наконецъ, о матеріальныхъ средствахъ братства.

Вторая глава сочиненія можетъ быть, по справедливости, признана лучшею среди другихъ и весьма цѣнною. Она составлена почти исключительно на основаніи первоисточниковъ и потому изобилуетъ новизною фактовъ. Всѣ факты, сообщаемые въ ней, и всѣ основныя положенія ея авторъ обильно и умѣло иллюстрируетъ разсказами и примѣрами изъ жизни Львовскаго братства. Главный недостатокъ этой главы состоитъ въ томъ, что авторъ обращаетъ исключительное вниманіе на внѣшнюю сторону жизни и дѣятельности братства, игнорируя внутреннюю, идейную сторону, для изображенія которой онъ имѣлъ вполнѣ достаточно цѣннаго матеріала. Къ сожалѣнію, размѣръ критико библіографической замѣтки не позволяетъ намъ болѣе подробно сказать какъ

объ этомъ, такъ и о нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ недостаткахъ главы.

Третья (стр. 75—135) и *четвертая* (стр. 136—186) *главы* сочиненія неразрывно связаны между собою. Въ нихъ авторъ излагаетъ исторію борьбы, какую должно было вести Львовское братство, съ одной стороны, съ латино-уніатскою партіею и вообще съ внѣшними своими врагами и препятствіями (глава третья), а съ другой стороны, съ своими православными епископами (особенно Гедеономъ Балабаномъ, Іосифомъ Шумлянскимъ и отчасти м. Петромъ Могилою), о чемъ говорится въ четвертой главѣ. Та и другая главы одинаково заканчиваются рѣчью автора объ изнеможеніи Львовскаго братства въ борьбѣ съ своими противниками и препятствіями, внѣшними и внутренними, и о переходѣ его въ унію. Авторъ склоненъ, между прочимъ, признать главною и даже почти единственною причиною перехода Львовскаго братства въ унію оскудѣніе его матеріальныхъ средствъ, съ чѣмъ рѣшительно нельзя согласиться.

Въ *главѣ пятой* (стр. 187—227) авторъ сначала весьма подробно и обстоятельно излагаетъ исторію построенія Львовскимъ братствомъ Успенской каменной церкви, рисунокъ которой здѣсь-же напечатанъ, ея украшенія и освященія, а затѣмъ говоритъ о средствахъ религіозно-нравственнаго вліянія братствъ какъ на своихъ членовъ, такъ и на всѣхъ вообще православно-русскихъ жителей Галиціи и даже всей Западной Руси.

Въ *шестой главѣ* (стр. 228—307) авторъ съ такою же обстоятельностію и весьма подробно говоритъ о просвѣтительной дѣятельности Львовскаго братства и органахъ ея въ видѣ школы и типографіи.

Относительно пятой и шестой главъ монографіи должно замѣтить то же самое, что мы раньше говорили о второй главѣ. Пятая и шестая главы сочиненія составлены на основаніи первоисточниковъ, отличаются новизною свѣдѣній и даютъ полное и ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, какіе въ нихъ трактуются.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и въ этихъ главахъ есть ошибки и неточности. Не можемъ здѣсь умолчать особенно объ одной ошибкѣ на стр. 276, гдѣ авторъ рѣшительно безъ всякихъ основаній говоритъ о прекращеніи книгопечатанія въ Кіево Печерской типографіи во время казацкихъ войнъ. Перечень книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Львовскаго братства, требуетъ значительныхъ поправокъ и дополненій.

Вся книга заканчивается краткою общею характеристикою дѣятельности Львовскаго братства на пользу православія и русской народности (стр. 308—309).

Таковы содержаніе и характеръ разсмотрѣннаго нами сочиненія. Послѣднее составилось собственно изъ предисловій, напечатанныхъ авторомъ раньше въ X, XI и XII томахъ первой части Архива Юго-Западной Россіи. Акты этихъ томовъ, собранные и редактированные авторомъ, представляютъ весьма крупную научную цѣнность. Вообще трудъ г. Крыловскаго займетъ безъ сомнѣнія, видное мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ изученію столь виднаго въ исторіи западно-русской церкви института, какъ братства, а для ученыхъ, интересующихся исторіею собственно Львовскаго братства, онъ вмѣстѣ съ документами, изданными авторомъ, долженъ сдѣлаться даже настольною книгою.

14.

Отъ мрака къ свѣту, или папство и славянскій міръ. Части I и II. Стр. XII+XIV+336+460. К. О. Де-Скроховскаго (Непогрѣшимаго). СПБ. 1900 г.

Одно изъ существенныхъ различій между греко-восточною (православною) и западно-латинскою (римско-католическою) половинами христіанской церкви выражается въ отношеніи той и другой изъ нихъ къ идеѣ національности.

Восточная, или православная церковь не только не тормозитъ и не убиваетъ, но, наоборотъ, всячески содѣйствуетъ и покровительствуетъ своеобразному развитію каж-

дой націи, принимающей православіе. Были, правда, и извѣстны въ исторіи попытки греческой (Константинопольской) церкви подчинить національныя церкви своему вліянію, эллинизировать ихъ. Но, во 1-хъ эти попытки были плодомъ автократическихъ стремленій отдѣльныхъ личностей, или партій (напр. фанаріотская), но отнюдь не выраженіемъ или слѣдствіемъ самаго духа восточной церкви; а во 2-хъ, эти автократическія стремленія ограничивались почти исключительно желаніемъ удержать въ своихъ рукахъ высшее управленіе національными церквами, но никогда не простирались на всю сферу культурнаго развитія того или другаго народа, принимавшаго православіе, при посредствѣ греческой церкви.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ исторіи западно-латинской, или римско-католической церкви. Здѣсь весьма выразительно выступаютъ стремленія безграничной власти и господства романо-католической культуры надъ всѣми племенами и народами, въ различное время принимавшими римско-католическую вѣру. Съ наибольшею рельефностію эта особенность латинства выразилась въ идеѣ единоязычія и папской власти.

Давно уже, съ среднихъ вѣковъ пробудилось стремленіе различныхъ народовъ къ освобожденію изъ-подъ гнета латинскаго и папскаго всевластія. Съ особенною силою начало заявлять о себѣ это движеніе съ начала XIX вѣка, когда въ Запад. Европѣ вообще пробуждалось сильное національное стремленіе. Въ послѣдніе годы движеніе это не только не ослабѣло, но еще болѣе продолжаетъ прогрессировать. Выраженіе: *„прочь отъ Рима“* сдѣлалось для многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и даже цѣлыхъ политическихъ партій дивизомъ всей ихъ дѣятельности и стремленій. Съ особенною энергіею движеніе въ *сторону отъ Рима, папства и католичества* сказывается въ соединенной Габсбургской монархіи, въ составъ которой входятъ многія славянскія народности, принадлежащія къ римско-католической церкви. Собственнымъ опытомъ на самихъ себѣ по-

знавъ всю тяжесть системы папскаго всевластія, латинизаціи и культурнаго обезличенія народностей, видя въ католической религіи величайшій тормозъ для свободнаго развитія національнаго самосознанія и сознавая, что духовная зависимость отъ Рима служитъ основою для политической зависимости отъ австрійскаго католическо-нѣмецкаго правительства, эти народы, въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей и общественныхъ группъ, всѣми силами стремятся сбросить съ себя тяжелое иго католицизма.

Чешская нація, оказавшая въ послѣднее время поразительные успѣхи національнаго культурнаго развитія, является передовымъ бойцомъ въ этой замѣчательной борьбѣ славянскихъ католическихъ народовъ съ латинскимъ Римомъ.

К. О. Де-Скроховскій принадлежитъ къ кружку именно выдающихся, убѣжденныхъ и энергичныхъ представителей современнаго движенія, руководящагося девизомъ: *„прочь отъ Рима“* или: *„отъ мрака къ свѣту“*. Въ цѣломъ рядѣ своихъ научно-публицистическихъ трудовъ онъ стремится раскрыть глаза славянскимъ народамъ и показать историческія отношенія католическаго Рима и папства къ нимъ въ истинномъ, неподдѣльномъ видѣ.

Та же общая цѣль преслѣдуется имъ и въ разсматриваемомъ нами трудѣ его, особенно въ первыхъ 14 главахъ первой части книги.

Но съ этою общею задачею авторъ преслѣдуетъ въ разсматриваемомъ нами трудѣ его и спеціальную частную цѣль, а именно: пагубное вліяніе римско католической религіи на судьбы польскаго народа. А разъясненіемъ этого пагубнаго вліянія римско католичества на исторію и культуру польскаго народа авторъ желаетъ, въ частности, съ одной стороны, предостеречь русскихъ уніатовъ отъ упорства ихъ къ возсоединенію съ православно-русскою церковью, и, съ другой стороны, содѣйствовать возможному примиренію и сближенію русскаго и польскаго народовъ, родственныхъ по племенному происхожденію, но чуждыхъ по вѣрѣ.

„Прежде всего, я посвящаю свой трудъ",—говоритъ авторъ,—„тѣмъ изъ бывшихъ уніатовъ, которые, хотя и возвратились послѣ польскаго мятежа шестидесятыхъ годовъ въ лоно православной церкви, но тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ остаются податливымъ орудіемъ въ рукахъ неукротимыхъ насадителей римскаго фанатизма. На этихъ-то людей и обращено въ настоящее время вниманіе неукротимыхъ борцовъ воинствующаго Рима"... (Изъ предисловія къ польскому изданію книги). „Поработивъ въ X вѣкѣ польское славянское племя, оторвавъ его отъ православнаго славянства, лишивъ его, такимъ образомъ, драгоцѣннѣйшаго достоянія—національнаго самосознанія—папство сдѣлало изъ поляковъ послушныхъ, безотвѣтныхъ, раболѣпныхъ служителей гордыни престола св. Петра. Такимъ образомъ, поляки начали роковую для нихъ борьбу съ Россіей,—борьбу, окончившуюся паденіемъ Польши. Растлѣвающее вліяніе папства не сразу надломило могучій нѣкогда организмъ славянопольскаго племени, и долгое время оно успѣшно вело борьбу съ Россіею за папскіе интересы; полная неразборчивость въ средствахъ содѣйствовала успѣхамъ воинствующаго римско-польскаго католицизма. Одною изъ такихъ побѣдъ, одержанныхъ папой и поляками надъ славянствомъ и православіемъ, была унія; путемъ всевозможныхъ насилій, преслѣдованій, обмана, угрозъ, подкупа, поляки заставили беззащитное православное населеніе подпавшихъ подъ власть Польши русскихъ земель признать главенство римскаго первосвященника—сдѣлать важнѣйшій шагъ къ утратѣ своего народнаго самознанія, къ обезличенію ad majorem Romae gloriam"... (Изъ предисловія къ русскому изданію).

„Я старался",—говоритъ авторъ въ предисловіи къ польскому изданію своей книги,—„достигнуть цѣли своего труда путемъ подбора фактовъ, заимствованныхъ изъ исторіи римской церкви, папства и польскаго народа. Изображая въ дѣйствительныхъ краскахъ отношеніе Польши къ Риму и плоды, принесенные полякамъ этими отношеніями, сопоставляя съ этимъ изображеніемъ отношеніе Рима къ право-

славной церкви, я старался извлечь изъ этихъ историческихъ данныхъ практическіе выводы относительно того, *какимъ путемъ польскій народъ, принадлежащій къ славянскому племени, можетъ вступить въ дружескія, сердечныя отношенія съ русскимъ народомъ и правительствомъ*" (стр. IX—X).

XV—XXI главы первой части и вся вторая часть книги посвящены изображенію отношеній папства къ польскому народу, къ русскому населенію Польши, и отношеній между русскимъ и польскимъ народами.

Книга, какъ можно видѣть и изъ сказаннаго нами выше, имѣетъ полемическій характеръ. Трудъ автора изобилуетъ новыми фактами и еще болѣе новыми своеобразными воззрѣніями на извѣстные историческіе факты, которыми авторъ пользуется для освѣщенія и доказательства своихъ основныхъ положеній. Книга чрезвычайно интересна, какъ живой показатель современнаго отношенія извѣстныхъ круговъ западно-европейскаго общества къ русскому народу и къ русской православной церкви, а также и общаго религіозно-нравственнаго настроенія ихъ. Любопытна эта книга еще какъ противовѣсъ фанатически-полемическимъ польскимъ сочиненіямъ (въ родѣ трудовъ извѣстнаго прелата Ликовскаго по исторіи западно-русской уніи), касающимся исторіи русской церкви и, въ особенности, исторіи уніи въ Западной Россіи.

15.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждевеніе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества подъ редакціею П. А. Сырку. Т. 1 (годы 1841 - 1844), СПБ. 1894 г., стр. IV+748; т II (1844—1845 гг.), СПБ. 1895 г., стр. 548; т. III (1846—1850), СПБ. 1896 г., стр. 718; т. IV (1850—1853 гг.), СПБ. 1896 г., стр. 470; т. V (1853—1854 гг.), СПБ. 1899 г., стр. 536; т. VI (часть 1854 г.), СПБ. 1900 г., стр. 428; т. VII (1854—1861 гг.), СПБ. 1901 г., стр. 446, и т. VIII (1861—1885 г.), СПБ. 1902 г. стр. X+608.

Въ настоящее время уже изданъ восьмой и послѣдній томъ „Книги бытія моего", или дневниковъ и автобіографическихъ записокъ извѣстнаго нашего путешественника

на православный Востокъ, епископа Порфирія Успенскаго. Первые семь томовъ были изданы Академіею Наукъ на средства Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, а послѣдній — самою Академіею и на ея собственныя средства. Дневникъ и записки преосв. Порфирія Успенскаго даютъ богатый матеріалъ для знакомства съ православнымъ Востокомъ и съ исторіею нашихъ сношеній съ нимъ въ половинѣ XIX вѣка. Матеріалъ этотъ не вездѣ и не во всемъ имѣетъ одинаковую цѣнность и значеніе. Какъ и всякій вообще дневникъ, записки преосв. Порфирія Успенскаго носятъ субъективный характеръ. Относительно „Книги моего бытія“ должно даже замѣтить, что она имѣетъ чрезвычайно субъективный характеръ. Это безусловно необходимо имѣть въ виду при чтеніи „Книги моего бытія“.

Кромѣ того, авторъ „Книги бытія моего“ обладаетъ склонностію къ преувеличеніямъ. Увлекшись личными симпатіями или антипатіями, возникшими подъ вліяніемъ минутнаго впечатлѣнія, или же, по крайней мѣрѣ, временнаго, случайнаго знакомства, онъ даетъ полный просторъ и свободу своему перу, которое создаетъ то слишкомъ хорошій, то чрезмѣрно дурной отзывъ объ извѣстномъ лицѣ, учрежденіи, обществѣ и т. п.

Впрочемъ, самая форма и способъ происхожденія „Книги моего бытія“ облегчаютъ положеніе читателя, желающаго освѣжиться отъ субъективизма писателя. Авторъ нерѣдко объ одномъ и томъ же отзывается совершенно различно, иногда даже рѣзко противоположно, въ различныхъ мѣстахъ своего дневника, писанныхъ въ разное время. Какъ на самый рельефный примѣръ такого субъективизма, можемъ указать на отзывъ преосв. Порфирія о греческой церкви и духовенствѣ: сначала слишкомъ порицательный, а потомъ хвалебный до того, что готовъ обвинить русскую церковь въ отступленіи отъ вселенской истины за то, что она не во всемъ согласна съ греческою церковью.

Въ дневникѣ Порфирія Успенскаго есть немало матеріала, имѣющаго прямое отношеніе и къ исторіи русской церкви.

Есть здѣсь и мѣста, посвященныя спеціально Кіеву, а именно: во-1-хъ) въ 4 й части „Книги моего бытія", гдѣ на стр. 227—260 описано пребываніе его въ Кіевѣ въ началѣ 1852 г., и во-2-хъ) большая часть 8-й книги, гдѣ описываются годы епископства его въ Кіевѣ 1865—1878 гг. Здѣсь любопытно и, разумѣется, субъективно охарактеризованы: духовенство, свѣтское общество, представители администраціи, академія и университетъ, равно какъ и многіе отдѣльные представители Кіевскаго общества...

16.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, Томъ первый. Книга 1-я. Молодые годы, общественная и научно-историческая дѣятельность Хомякова. Книга 2-я Труды Хомякова въ области богословія. Проф. В. З. Завитневича. Кіевъ. 1902 г. стр. XVI+1422+VIII.

Настоящій богословско-церковно-историческій трудъ посвященъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ корифеевъ русскаго славянофильства. Славянофильство, представляющее важный и любопытный моментъ въ сложномъ историческомъ процессѣ развитія не только русскаго, но и общеевропейскаго самосознанія, доселѣ еще не уяснено и не оцѣнено надлежащимъ образомъ въ нашей богословской церковно-исторической литературѣ. Истинно научное сужденіе о славянофильствѣ, по убѣжденію автора разсматриваемаго сочиненія, станетъ возможнымъ только тогда, когда будетъ приведена въ извѣстность и отчетливо сознана вся сумма философскихъ, богословскихъ, историческихъ и соціальныхъ понятій, выдвинутыхъ корифеями славянофильства, и когда будетъ точно установлено, что въ ученіи славянофиловъ, какъ представителей извѣстнаго направленія жизни и мысли нашего общества, принадлежитъ цѣлой школѣ, и что порождено субъективизмомъ каждаго отдѣльнаго мыслителя—славянофила.

Самымъ выдающимся и замѣчательнымъ представителемъ нашего славянофильства былъ несомнѣнно *А. С. Хомяковъ*. Обладая глубокимъ умомъ и многостороннимъ развитіемъ, онъ, при своемъ живомъ характерѣ, отзывался, можно сказать, почти на всѣ области человѣческой жизни и знанія. Онъ былъ замѣчательно оригинальнымъ хозяиномъ, агрономомъ, техникомъ, историкомъ, философомъ, богословомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ оставилъ по себѣ цѣлое оригинальное, въ высшей степени своеобразное міровоззрѣніе.

Само собою разумѣется, что уясненіе духовной личности такого человѣка, съ одной стороны, должно содѣйствовать правильному пониманію всего славянофильскаго направленія, лучшимъ представителемъ котораго онъ служитъ, но, съ другой стороны, сопряжено съ большими трудностями.

Профессоръ Завитневичъ, самъ являющійся однимъ изъ историковъ съ философскимъ направленіемъ, въ послѣдніе годы сосредоточилъ свои занятія на славянофильствѣ и, въ частности, на замѣчательнѣйшемъ корифеѣ этого направленія—А. С. Хомяковѣ, результатами каковыхъ занятій своихъ онъ неоднократно дѣлился и съ членами нашего общества. Въ части задуманнаго имъ обширнаго труда, явившейся въ печати, Хомяковъ изображается пока только въ его жизни (біографическія свѣдѣнія, заимствуемыя главнымъ образомъ изъ сочиненій Хомякова, имѣющихъ значительный автобіографическій характеръ) и богословско-ученой дѣятельности; систематизація и критическая оцѣнка философско-богословскаго міровоззрѣнія Хомякова должны составить содержаніе втораго тома.

Въ двухъ вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ перваго тома наибольшее отношеніе къ русской исторіи вообще и, въ частности, къ русской церковной исторіи имѣютъ *въ первой книгѣ* 4 и 5 главы, гдѣ на основаніи сочиненій Хомякова и часто его собственными словами выясняются условія распространенія и степень и характеръ усвоенія христіанскихъ началъ культуры славянами вообще и, въ частности, русскимъ на-

родомъ; а *во второй* книгѣ—6-я глава, гдѣ производится авторомъ анализъ и оцѣнка историческаго міровоззрѣнія Хомякова, въ частности и по тому вопросу, который обсуждался въ 4 и 5 главахъ первой книги, и особенно глава 8-я, гдѣ анализируется переписка Хомякова съ Пальмеромъ, касающаяся любопытнаго вопроса о сношеніяхъ Англиканской церкви съ православнымъ Востокомъ при посредствѣ Россіи.

Къ сожалѣнію, въ краткомъ библіографическомъ отзывѣ мы не можемъ болѣе подробно изложить содержаніе труда проф. Завитневича, отсылая къ нему самихъ читателей.

17.

С. Г. Рункевича. Исторія русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода. Томъ первый. Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1725 г.). Спб. 1900 г Стр. 429 + II.

Авторъ настоящаго изслѣдованія извѣстенъ въ русской церковно-исторической наукѣ многими трудами, изъ коихъ виднѣйшіе и капитальнѣйшіе *(Исторія Минской архіепископіи, Спб. 1893 г., и Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ*, т. I (1470—1700 г.г.) посвящены исторіи западно-русской церкви.

Въ послѣднее время авторъ сосредоточился на изученіи исторіи русской церкви за время синодальнаго періода.

Разсматриваемая книга представляетъ первый изъ шести томовъ, въ которыхъ авторъ предполагаетъ дать исторію русской церкви за время отъ учрежденія св. синода до кончины Императора Петра I.

Книга состоитъ изъ 9 главъ, изъ коихъ въ 1-й изображаются преобразованія Петра I въ сферѣ государственной и состояніе церковной жизни въ Россіи наканунѣ учрежденія Св. Синода (стр. 1—21); во 2-й преобразованія Петра I въ строѣ церковной жизни за время до учрежденія Св. Синода (стр. 22—91); въ 3-й учрежденіе Св. Синода (стр. 91—163); въ 4-й составъ Св. Синода (стр. 164—230); въ 5-й исполнительные органы Св. Синода и оберъ-прокуроръ (стр. 231—

290); въ 6-й дѣла и власть Св. Синода (стр. 291—333); въ 7-й дѣлопроизводство Св. Синода (стр. 333—391); въ 8-й переѣзды Св. Синода въ Москву и Петербургское и Московское синодальныя правленія (стр. 391—407) и въ 9 й хозяйственная часть въ Св. Синодѣ.

Авторъ принадлежитъ къ числу историковъ, любящихъ твердо держаться строго фактической, документальной почвы въ своихъ изслѣдованіяхъ и неохотно сходящихъ съ этой надежной почвы для широкихъ обобщеній и выводовъ. Настоящее изслѣдованіе основано преимущественно на первоисточныхъ данныхъ, добытыхъ авторомъ въ Петербургскихъ архивахъ, особенно синодальномъ, государственномъ, Петербургской консисторіи, Александро невской лавры и др. Впрочемъ, авторъ знаетъ и умѣло пользуется и печатными матеріалами. Сочиненіе его, составленное на основаніи широкаго знакомства съ литературою предмета, даетъ много новаго для исторіи русской церкви. Можно пожалѣть, что оно не снабжено указателемъ, такъ какъ, при громадномъ множествѣ лицъ, упоминаемыхъ въ сочиненіи, пользованіе имъ особенно для неспеціалистовъ будетъ затруднительно.

Ѳ. Титовъ.

„Черниговскій Историко-археологическій Отрывной Календарь на 1906 г.“.

Несомнѣнно, Черниговскій Календарь есть явленіе единичное какъ по количеству, такъ и по качеству собраннаго въ немъ историческаго матеріала. Само собой разумѣется, что произвести фактическую провѣрку всего введеннаго въ Календарь матеріала я не имѣю ни времени, ни достаточнаго досуга. Могу сказать только, что нѣкоторыя замѣченныя мною фактическія и хронологическія неточности и немногочисленны, и не имѣютъ особой важности.

Конечно, выполнить всю работу на основаніи первоисточниковъ для составителей не было возможности по обширности матеріала, да и являлось совершенно излишнимъ. Такой трудъ, какъ отрывочный Календарь, можетъ быть трудомъ компилятивнымъ: цѣль его дать публикѣ, въ возможной полнотѣ, всѣ относящіяся къ данной территоріи историческія свѣдѣнія, а не производить изслѣдованія по отдѣльнымъ вопросамъ. Поэтому, вполнѣ естественно, что при 34 (приблизительно) пособіяхъ, составители воспользовались только

17 первоисточниками. Но бываютъ случаи, когда при стремленіи къ большей полнотѣ свѣдѣній, приходится расширять кругъ пользованія первоисточниками. Составители Календаря не упустили изъ вида этого обстоятельства, но, къ сожалѣнію, и подборъ первоисточниковъ и пользованіе ими носятъ какой-то случайный характеръ.

Такъ, есть нѣсколько сообщеній изъ Воскресенской лѣтописи, свода, какъ извѣстно, позднѣйшаго, а между тѣмъ совсѣмъ нѣтъ извѣстій изъ самой важной для исторіи Черниговщины лѣтописи, Ипатьевской: составители Календаря совершенно ею не пользовались. Только во второй половинѣ Календаря встрѣчаются извлеченія и изъ лѣтописи Лаврентьевской. Сводъ Воскресенскій доминируетъ, а двѣ самыхъ древнихъ лѣтописи, Ипатьевская (совсѣмъ) и Лаврентьевская (почти), оставлены безъ вниманія.

Точно также странно отношеніе составителей Календаря и къ актовому матеріалу. Встрѣчаются извлеченія изъ Актовъ Историческихъ, Актовъ Ю. и З. Россіи, но совершенно игнорировано Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Я не говорю уже объ Archivum Sanguszków, гдѣ изданъ, какъ извѣстно, знаменитый актъ 1366 года.

Совершенно игнорированы матеріалы по исторіи Смутнаго времени, напр., дневники и записки современныхъ дѣятелей, изданные Императорской Археографической Коммиссіей частью отдѣльно, частью въ I томѣ Русской Исторической Библіотеки. Я не говорю, что для составителей Календаря было обязательно привлекать къ своей работѣ первоисточники, но разъ они уже вводятъ ихъ въ дѣло, то необходимо было использовать главнѣйшіе изъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ это было, пожалуй, и необходимо.

При пользованіи пособіями слѣдовало, кажется мнѣ, пользоваться такими трудами, которые не утратили своего значенія и при современномъ положеніи науки. Эпоха Смутнаго времени представлена въ Календарѣ извѣстнымъ сочиненіемъ Костомарова; но, послѣ выхода въ свѣтъ этого, несомнѣнно, капитальнаго труда, разработка исторіи Смуты

подвинулась значительно впередъ. Необходимо было воспользоваться не только трудомъ Костомарова, но привлечь и матеріалы, изданные въ позднѣйшее время. Затѣмъ опять является вопросъ, почему составители Календаря не воспользовались трудами Костомарова по исторіи Малороссіи, а ссылаются иногда на давнія, устарѣвшія сочиненія, хотя среди ссылокъ встрѣчаются и труды новѣйшіе. Литовскій и даже татарскій періоды отсутствуютъ вполнѣ, а между тѣмъ нѣкоторыя свѣдѣнія можно было получить въ лѣтописяхъ и въ изслѣдованіяхъ по исторіи Русско-Литовскаго государства.

Что касается названія Календаря „историко-археологическимъ", то оно кажется мнѣ и неточнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Чтобы быть археологическимъ, Календарь долженъ былъ-бы заключать гораздо болѣе археологическихъ данныхъ. Для этого пришлось-бы собрать огромный археологическій матеріалъ, разсыпанный въ изданіяхъ Археологическихъ Обществъ, въ Трудахъ Археологическихъ Съѣздовъ и спеціальныхъ работахъ по Археологіи. Въ большинствѣ случаевъ получились-бы свѣдѣнія: „такого-то года, мѣсяца и числа тамъ-то была произведена раскопка и найдено то-то", и такими замѣтками пришлось-бы занять въ Календарѣ массу мѣста. Съ нѣкоторой неточностью можно было-бы дать Календарю и названіе „археологическій", но въ такомъ случаѣ непремѣнно слѣдовало бы помѣстить въ немъ свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся археологическихъ открытіяхъ на территоріи Черниговской губерніи и притомъ сообщить о нихъ подробно. Къ сожалѣнію, мы не находимъ и этого въ Календарѣ. Даже объ археологи ческихъ открытіяхъ въ Черниговѣ упомянуто далеко не о всѣхъ, или упомянуто вскользь, а потому совершенно безъ всякой пользы, а между тѣмъ была полная возможность дать интересныя сообщенія хотя-бы о монументальныхъ памятникахъ Чернигова на основаніи работъ Павлинова и Лашкарева.

Несмотря на нѣкоторую случайность въ подборѣ источниковъ и пособій и какую-то (можетъ быть, кажущуюся)

неустойчивость метода веденія дѣла, нельзя не признать Черниговскій Историко Археологическій Календарь почтеннымъ трудомъ, весьма полезнымъ, которому слѣдуетъ пожелать дальнѣйшаго развитія.

П. Голубовскій.

А. Л. ПЕТРОВЪ: О подложности грамоты князя Ѳеодора Коріатовича 1360 г. („Статьи по славяновѣдѣнію", изд. Императорской Академіи Наукъ).

Уже заглавіе статьи показываетъ, что авторъ считаетъ подложною грамоту Ѳеодора Коріатовича 1360 г., которою этотъ князь назначилъ основанному имъ близъ Мукачева, въ сѣверо-восточной Угріи, монастырю св. Николая нѣкоторые доходы. У автора на это два доказательства.

Первое — письмо. Грамота, какъ извѣстно, — на латинскомъ языкѣ. Письмо, по мнѣнію профессора И. И. Холодняка, приведенному цѣликомъ въ статьѣ А. Л. Петрова, не XIV вѣка, а XIII, т. е., болѣе архаическое, чѣмъ бы слѣдовало. И. И. Холоднякъ говоритъ: „писецъ копировалъ рукопись минускульнаго типа XIII вѣка"; „не имѣя подъ руками хорошихъ образцовъ письма надлежащей эпохи (т. е. XIV вѣка), писецъ взялъ scripturam antiquiorem ближайшей (эпохи), но до нѣкоторой степени невольно приблизилъ ее къ XIV-му вѣку"; „рука его, прибавляетъ И. И. Холоднякъ, неопытной въ ars scribendi названа быть не можетъ".

Дѣйствительно, приложенные къ статьѣ снимки показываютъ, что обычное письмо латинскихъ грамотъ XIV вѣка Польши и Трансильваніи по типу отличается отъ письма

грамоты Ѳеодора Коріатовича. Но ни И. И. Холоднякъ, ни А. Л. Петровъ не указываютъ въ письмѣ грамоты признаковъ подложности или чего-нибудь, свидѣтельствующаго о зломъ намѣреніи писца грамоты. Можно думать, что, живя въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ Мукачевъ, гдѣ старина сохраняется дольше, чѣмъ въ болѣе бойкихъ мѣстахъ по сосѣдству, и, можетъ быть, будучи старикомъ, писецъ конца вѣка или даже начала XV-го слѣдовалъ старымъ образцамъ.

Другое доказательство—дата: 1360 годъ; въ это время Ѳедора Коріатовича не могло быть въ Мукачевѣ; онъ могъ явиться владѣтелемъ этого замка только въ 90-хъ годахъ XIV вѣка. Но изъ этого слѣдуетъ вовсе не тотъ выводъ, что грамота подложна, а тотъ, что дата невѣрна.

Разсмотримъ текстъ грамоты повнимательнѣе.

Ея оригиналъ составленъ на русскомъ языкѣ; писецъ переписалъ плохой латинскій переводъ съ ошибками подъ вліяніемъ русскаго языка. А. Л. Петровъ отмѣчаетъ: monasterium—quem (*монастырь*—муж. р.); ad eundem (monasterium); claustro—*quem*; de monte, *que* vocatur (*гора*—женск. р.); quatuor vasa *vina* (русское окончаніе!). Очевидно, дата оригинала была—обычная, славянскими цифрами, можетъ быть, по счету отъ сотворенія міра; при переводѣ на латинскія цифры легко могла возникнуть ошибка.

Наши наблюденія надъ русскими рукописями-книгами показываютъ, что архаическіе почерки, не вполнѣ соотвѣтствующіе своему времени,—не очень большая рѣдкость. Извѣстная рукопись Паренесиса Ефрема Сирина Имп. Публичной Библіотеки—одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ. Ея дата—7000 годъ, т. е. 1492, а письмо таково, что не будь даты, мы бы отнесли рукопись къ началу XV вѣка (Срезневскій относилъ ее даже къ концу XIII в.). Условія жизни писцовъ и ихъ личные вкусы, несомнѣнно, имѣютъ свое значеніе.

Въ области датъ русскихъ книгъ и грамотъ можно указать значительныя ошибки. Славянскія цифры покрупнѣе, свыше 50, были и мало употребительны, и мало извѣстны.

Здѣсь именно и встрѣчаются ошибки. Чтобъ не ходить далеко, мы можемъ остановиться на грамотѣ Русскаго старосты (въ Галиціи) Оты пану Вятславу Дмитровскому, датированной „державою великого короля Краковьского Казимира“ и 1371 годомъ. Между тѣмъ Казиміръ умеръ въ 1370 году. Редакторы „Актовъ Западной Россіи“ (I, стр. 20) почему-то поставили дату 1351 годъ, а редакторы „Akta grodskie i ziemskie“ (VII, 13) исправили ее на 1370 годъ.

Погрѣшность даты находится, повидимому, въ цифрѣ десятковъ. Подлинникъ имѣетъ: „а писана грамота тысяча лѣтъ по Божьемъ рожествѣ Т лѣтъ *о* лѣтъ и одно лѣто“; здѣсь *о* едвали поставлено не вмѣсто ξ, такъ что вѣроятнѣйшая, по нашему мнѣнію, дата—1361 годъ.

Ошибка писца грамоты Ѳеодора Коріатовича не заключается ли въ постановкѣ L вмѣсто C?

А. Л. Петровъ упоминаетъ о другой грамотѣ того же Ѳедора Коріатовича, назначавшей тому же монастырю св. Николая однородные доходы, подтвержденной по-сербски „великимъ деспотомъ“, т. е. или Стефаномъ Лазаревичемъ или Юріемъ Бранковичемъ, которые владѣли послѣ Ѳедора одинъ за другимъ короткое время Мукачевскимъ замкомъ; эту грамоту, до насъ не дошедшую, призналъ подложною въ 1493 году Іоаннъ Корвинъ Гуньядъ. Для А. Л. Петрова эта грамота была дѣйствительно подложная. Но внимательное чтеніе ея показываетъ, что истинною причиною нападенія на нее Іоанна Корвина было назначеніе ею православному монастырю доходовъ съ католическаго населенія: indignum et ss. patrum sancitis contrarium foret, ut christiani (католики) suas decimas schismaticis (православнымъ) dare debeant“.

А. Соболевскій.

J. T. Lubomirski: Adam Kisiel, wojewoda Kijowski. Warszawa, 1905 r.

Подъ такимъ широкимъ заглавіемъ мы предполагали встрѣтить всеисчерпывающее изслѣдованіе объ Адамѣ Киселѣ, о которомъ до сихъ поръ имѣются лишь небольшіе работы; оказалось же, что и трудъ г. Любомірскаго также небольшая брошюра, имѣющая объемъ всего въ одинъ печатный листъ. Характеристика Киселя дана авторомъ общая, поверхностная, безъ всесторонняго изученія фактовъ жизни и дѣятельности Киселя. Повидимому, автору не знакомы, кромѣ трудовъ Кулиша и Костомарова, другія работы въ русской исторической литературѣ о Киселѣ; онъ не упоминаетъ, напр., ни о работѣ И. Новицкаго (Адамъ Кисель, воевода Кіевскій), ни о работѣ проф. С. Т. Голубева (Петръ Могила митрополитъ Кіевскій); по крайней мѣрѣ взгляды и факты, заключающіеся въ этихъ работахъ, не отразились на брошюрѣ г. Любомірскаго. Послѣдній ставитъ себѣ одну цѣль—показать, что Кисель былъ преданнымъ Польшѣ человѣкомъ; но ставить себѣ такую цѣль было совершенно безполезно, потому что преданность Киселя Польшѣ никто не заподазриваетъ въ настоящее время, не считая развѣ нѣкоторыхъ изъ его современниковъ, видѣвшихъ въ немъ измѣнника. Брошюра г. Любомірскаго не имѣла бы никакой научной цѣнности сама по себѣ,если бы въ ней не заключались два очень важныхъ документа: „завѣщаніе Киселя отъ 11 іюня 1621 г., составленное имъ предъ отправленіемъ на войну съ турками подъ Хотинъ и записанное въ замковыхъ Владиміро-Волынскихъ актахъ, хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, и 2, завѣщаніе Киселя, предсмертное, отъ 1-го мая

1653 года, записанное въ Брестъ-литовскихъ актовыхъ книгахъ; но это послѣднее завѣщаніе приводится не цѣликомъ, а только конечною своею частью, такъ какъ начальная часть была напечатана раньше г. Р. Оттманомъ въ его работѣ о Киселѣ. Едва-ли нужно говорить, какъ такое дробленіе при изданіи одного и того же акта неудобно. Къ сожалѣнію, авторъ не указываетъ при этомъ номеровъ актовыхъ книгъ, не сообщаетъ нумераціи листовъ и актовъ въ этихъ книгахъ, опускаетъ начальныя и заключительныя слова самихъ актовъ, чѣмъ и затрудняетъ провѣрку завѣщаній; исправляемъ этотъ недостатокъ относительно завѣщанія 1621 г.: оно находится въ книгѣ № 985, л. 293, актъ 294. Есть извѣстіе, что и завѣщаніе 1653 г. также было записано въ замковыхъ Владимірскихъ книгахъ Центральнаго Архива въ Кіевѣ 24 іюля 1653 года, но подъ этой датой мы его тамъ не нашли. Приведенныя завѣщанія важны тѣмъ, что пополняютъ біографію Киселя новыми точными данными, которыми авторъ не съумѣлъ или не захотѣлъ воспользоваться.

Брошюра г. Любомірскаго заканчивается описаніемъ гербовъ и памятника Киселя, съ находящейся на немъ латинской надписью. Подробная надпись указываетъ точно годъ рожденія Киселя, до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ, говоря, что онъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду 3-го мая 1653 г. Къ брошюрѣ приложены снимки гробницы и памятника Киселя; снимки эти малы и неотчетливы. Но и они для русскаго читателя не новость [1]). Такимъ образомъ то, что въ брошюрѣ г. Любомірскаго самое важное, что составляетъ всю ея цѣну, исполнено ненаучно и не даетъ основанія быть увѣрену въ точности передачи подлинниковъ.

Не касаемся оцѣнки авторомъ другихъ современниковъ Киселя, сдѣланной имъ мимоходомъ, очевидно, безъ изученія матеріаловъ эпохи Киселя.

И. Каманинъ.

---

[1]) Въ „Кіев. Старинѣ“ за апрѣль 1886 г. (стр. 827) они подробно описаны г. Е. Д—мъ и приведены всѣ надписи на нихъ.

Замѣтки о новыхъ книгахъ.

I.

Казиміръ Пуласкій давно уже извѣстенъ въ польской исторической наукѣ, какъ авторъ, посвящающій свои труды преимущественно вопросамъ, связаннымъ съ исторіей Южной Руси. Еще съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія мы помнимъ его статьи о Кіевскихъ воеводахъ XV и XVI вв. и о князьяхъ Вишневецкихъ. Въ 1881 г. вышла его книга: Отношенія польско-литовскаго государства къ Менгли-Гераю, хану Перекопскихъ татаръ,—гдѣ изложеніе сопровождается обширнымъ собраніемъ оправдательныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ Литовской Метрики. Двадцать лѣтъ назадъ начали появляться сборники статей г. Пуласкаго, помѣщавшихся предварительно въ разныхъ историческихъ журналахъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Историческіе очерки и изслѣдованія"; въ 1887 г. вышла въ Краковѣ первая серія, въ 1898 г. въ С.-Петербургѣ—вторая и, наконецъ, въ 1906 г. опять въ Краковѣ—третья.

Третій сборникъ распадается на двѣ части; въ первой помѣщены три статьи: 1) старыя поселенія Каменецкой земли и наслѣдственно-владѣвшіе ими роды подольской историче-

ской шляхты; 2) родъ подольскихъ Кирдеевъ; 3) дѣло объ уплатѣ задержаннаго жалованія наемнымъ ротамъ при Сигизмундѣ-Августѣ. Во второй части напечатанъ рядъ подлинныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Барской конфедераціи. Наиболѣе интереса для южно-русскаго историка можетъ представить первая статья сборника, излагающая по архивнымъ документамъ ходъ заселенія мѣстности, орошаемой рр. Збручемъ, Жванчикомъ и Смотричемъ. Ряды шляхетскихъ поколѣній проходятъ передъ нами, въ кропотливомъ изложеніи автора,—воинственныхъ, отважныхъ, грудью отстаивавшихъ противъ татаръ, молдаванъ и турокъ занятые ими тучные подольскіе черноземы. Особенно привлекла насъ исторія рода Свѣрчей или Свѣрчовскихъ, о которыхъ доселѣ не было собрано никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно къ этому роду принадлежалъ тотъ соратникъ Ивони, Янъ Свѣрчовскій, котораго плохо освѣдомленные историки, по недоразумѣнію, сдѣлали малороссійскимъ козацкимъ гетманомъ. Онъ былъ однимъ изъ совладѣльцевъ имѣнія „Свѣрчковцы“ на р. Жванчикѣ, но, по обычаю многихъ подольскихъ пановъ типа Бернарда Претвича, козаковалъ, т. е. собиралъ въ степяхъ шайки разноплеменнаго сброда и во главѣ ихъ чинилъ набѣги на татарскіе, турецкіе и молдавскіе предѣлы, дабы обогатиться военною добычею. Когда, послѣ катастрофы съ Ивонею, Янъ Свѣрчовскій съ товарищами попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, то они искренно и правдиво объяснили послѣднимъ мотивы своей дѣятельности: „Мы были на родинѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ“. Изъ разсказа Горецкаго мы знаемъ, что Янъ Свѣрчовскій былъ выкупленъ родственниками изъ турецкаго плѣна. Въ 1581—1590 гг. онъ упоминается въ галицкихъ актахъ, какъ подстароста, а потомъ какъ войскій галицкій. Послѣ него осталась дочь Катерина.

Нѣкоторые историки какъ будто досадуютъ на Горецкаго, зачѣмъ онъ называетъ участниковъ предпріятія Ивони козаками, а Свѣрчовскаго—ихъ гетманомъ, между тѣмъ какъ они были не украинскими хлопами, а польскими шляхтичами. Довольно странное неудовольствіе. Въ эпоху Горецкаго козацкимъ промысломъ въ южно-русскихъ степяхъ занимались и шляхтичи, и хлопы, и мѣщане, и бояре, и даже пришельцы изъ краевъ Московскихъ, Сербскихъ и Венгерскихъ. Развѣ могъ Горецкій предвидѣть, что когда-то явится Богданъ Хмельницкій, что козачество сольется съ крестьянствомъ, подниметъ русское знамя и сдѣлается смертельнымъ врагомъ польскихъ и туземныхъ пановъ?

Любопытно, что въ числѣ соратниковъ Яна Свѣрчовскаго въ 1574 г. находился и вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ турецкую неволю тотъ самый Янчи Бегеръ, который 16 сентября 1578 г. былъ назначенъ писаремъ сформированнаго Стефаномъ Баторіемъ козацкаго полка (notarius Nizoviorum), а лѣтомъ 1583 года былъ однимъ изъ видныхъ предводителей въ козацкомъ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь, за что и былъ казненъ, по требованію турецкаго чауша.

Главный запасъ фактовъ дали г. Пуласкому книги Кіевскаго Центральнаго Архива, на которыя онъ и дѣлаетъ неоднократныя ссылки.

II.

Молодой польскій историкъ Вацлавъ Собѣскій, редакторъ „Архива Яна Замойскаго“, умѣетъ очень удачно выбирать темы для своихъ ученыхъ изслѣдованій. Его двѣ книги: „Вѣроисповѣдная ненависть скопищъ черни въ правленіе Сигизмунда III“ (1902 г.) и „Трибунъ шляхетскаго народа“ (1905 г.)—чрезвычайно поучительны; онѣ могли бы предостерегать вдумчивыхъ читателей отъ опасностей какъ привлеченія черни къ разрѣшенію религіозныхъ и политическихъ распрей, такъ и всеобщаго голосованія, если бы теперь

продолжали смотрѣть на исторію, какъ на учительницу народовъ, а не превратили ея въ одно изъ орудій революціонной пропаганды. Способъ изложенія у г. Собѣскаго—строго научный, выработанный въ хорошей нѣмецкой школѣ. Сборникъ „Историческихъ очерковъ“ (Szkice historyczne. Warsz. 1904) обратилъ на себя особое наше вниманіе статьею: „Первый покровитель Самозванца“ (стр. 49—103), гдѣ на основаніи неизданныхъ архивныхъ матеріаловъ рисуются первые шаги Лжедмитрія осенью 1603 г. при Брагинскомъ дворѣ князя Адама Александровича Вишневецкаго. Чтобы придать болѣе полноты своей картинѣ, авторъ изображаетъ жизненную обстановку князя Адама, мастерски чертитъ его портретъ и объясняетъ причины, почему князь Адамъ, оставаясь православнымъ, враждебно относился къ единовѣрному Борису Годунову и его правительству. Оказывается, что при заключеніи въ 1601 г. мира между Польшею и Москвою граница обоихъ государствъ отъ Чернигова до Путивля не была точно обозначена. Князья Вишневецкіе основали на спорной территоріи два городка: Прилуку на р. Удаѣ и Снѣтинъ на р. Сулѣ. Когда Борисъ Годуновъ узналъ, что князь Адамъ Александровичъ пріютилъ у себя Лжедмитрія, то онъ приказалъ воеводамъ Черниговскому и Путивльскому въ наказаніе князю за покровительство царскому врагу разорить городки подъ предлогомъ, что они поселены на Московской землѣ. Лѣтомъ 1604 г. приказаніе Годунова было исполнено, Прилука и Снѣтинъ были сожжены, а жители ихъ были умерщвлены до послѣдняго человѣка. Тогда князь Адамъ Александровичъ принялъ уже горячее участіе въ дѣлѣ Самозванца, какъ лично обиженный Годуновымъ человѣкъ. Статья г. Собѣскаго очень помогаетъ выясненію причинъ первоначальнаго успѣха Лжедмитрія у князей Вишневецкихъ и среди Днѣпровскаго козачества, но безусловно опровергаетъ возможность подготовки этого человѣка въ Польшѣ, какъ орудія польской политики.

На стр. 52—53 г. Собѣскій допускаетъ ошибку въ генеалогіи князей Вишневецкихъ: онъ смѣшиваетъ дядю Алек-

сандра Александровича съ племянникомъ Александромъ Михайловичемъ. Преемникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго († 1584) на Черкасскомъ старостве былъ сынъ его Александръ Михайловичъ († 1593), а не братъ Александръ Александровичъ, умершій въ 1577 г. на тридцать пятомъ году жизни и не занимавшій никакого уряда. Послѣдній былъ женатъ на княжнѣ Капуста и оставилъ отъ нея единственнаго сына, упомянутаго выше князя Адама, „перваго покровителя Самозванца“, какъ называетъ его г. Собѣскій.

III.

Въ курсахъ и сочиненіяхъ по исторіи Днѣпровскаго козачества въ число первоисточниковъ этой исторіи включается обыкновенно „Польская Хроника Мартина Бѣльскаго“. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ чистымъ недоразумѣніемъ. По всей справедливости въ рядъ важныхъ источниковъ для исторіи козачества должна быть поставлена книга: „Descriptio veteris et novae Poloniae“, 1585, составленная Сарницкимъ по матеріаламъ, собраннымъ Сѣннинскимъ. Іоакимъ Бѣльскій, сынъ Мартина Бѣльскаго, перевелъ нѣкоторые отдѣлы этой книги съ латинскаго языка на польскій, сшилъ въ одно цѣлое и въ видѣ особой главы, слѣдующей за разсказомъ о походѣ Ивони съ Свѣрчовскимъ въ Молдавію, помѣстилъ въ изданіе „Польской Хроники“ 1597 г. Хроника эта вовсе не является трудомъ Мартина Бѣльскаго. Послѣдній, издавши въ 1564 г. въ третій разъ свою „Хронику Свѣта“, по старости лѣтъ, отказался отъ занятій исторіей и въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни († 18 декабря 1575 г.) посвящалъ перо только сатирамъ. Іоакимъ Бѣльскій, унаслѣдовавшій историографическіе вкусы отца, воспользовался восьмой книгой „Хроники Свѣта“, какъ канвой, и составилъ совершенно новое сочиненіе, но приписалъ его авторство отцу и выпустилъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Ioachima Bielskiego, syna iego, wydana“. Это было сдѣ-

лано не безъ цѣли, и смыслъ поступка Іоакима Бѣльскаго теперь выясненъ. Мартинъ Бѣльскій былъ реформаторъ, и въ его „Хронику Свѣта“ проникло много мыслей и выраженій вольнодумныхъ съ точки зрѣнія правовѣрнаго католика. Іоакимъ Бѣльскій былъ искреннимъ приверженцемъ католической церкви и ревниво охранялъ ея вѣроученіе. Ему, какъ почтительному сыну, было прискорбно, что его отецъ можетъ остаться въ памяти людей еретикомъ. И вотъ, чтобы очистить имя отца отъ возможнаго обвиненія въ ереси, онъ написалъ свою „Польскую Хронику“ въ строго-католическомъ духѣ, а отца выставилъ ея авторомъ, чтобы новыя поколѣнія читателей, незнакомыя уже съ „Хроникой Свѣта“ изданія 1564 г., по новой книгѣ могли представлять себѣ Мартина Бѣльскаго добрымъ католикомъ, а не вольнодумнымъ послѣдователемъ реформаціи. Такимъ образомъ, между сказаніемъ о козакахъ въ „Польской Хроникѣ“ и личностью Мартина Бѣльскаго нѣтъ рѣшительно никакой связи; однако же имя его, какъ мы указали выше, постоянно поминается въ числѣ авторовъ, писавшихъ яко-бы о Днѣпровскомъ козачествѣ. Такое недоразумѣніе оправдывалось отчасти слабымъ изученіемъ Мартина Бѣльскаго, какъ человѣка и писателя. Теперь оно не должно болѣе имѣть мѣста, послѣ того, какъ появилось изслѣдованіе г. Игнатія Хржановскаго: „Marcin Bielski. Studyum literackie. Warszawa 1906“, въ которомъ открылась намъ полная картина жизни и литературной дѣятельности Мартина Бѣльскаго, составленная на основаніи тщательно собранныхъ и критически провѣренныхъ данныхъ. Появленіемъ этой книги мы обязаны тому возбужденію среди польскихъ ученыхъ интереса къ литературѣ XVI вѣка, которое было вызвано празднованіемъ четырехсотлѣтняго юбилея со дня рожденія Николая Рея. Для исторіи Днѣпровскаго козачества важно было бы, если бы такія же превосходныя изслѣдованія посвящены были оцѣнкѣ „Лѣтописныхъ ступеней“ Коховскаго и „Исторіи козацко-польской войны“ Грондскаго.

IV.

Кстати о Грондскомъ. До сихъ поръ біографія этого автора была темна и загадочна. Теперь г. Антонію Прохаскѣ удалось извлечь изъ архивовъ нѣкоторыя точныя о немъ свѣдѣнія (Kwartalnik historyczny 1906, стр. 498—502). Они значительно измѣняютъ то представленіе о Грондскомъ, которое сложилось подъ вліяніемъ изслѣдованія о немъ издателя его „Исторіи“ (1789), Пештскаго профессора Коппи. Оказывается, что онъ родился около 1617 г., а умеръ послѣ 1672 г., въ которомъ писалъ еще послѣднія страницы „Исторіи“; что онъ былъ не зажиточнымъ, а бѣднымъ шляхтичемъ изъ Саноцкой земли, гдѣ отецъ его Войцѣхъ (Альбертъ) Грондскій держалъ аренды, а потомъ пріобрѣлъ собственность въ с. Фалѣевкѣ, верстахъ въ 7 отъ г. Санока; что наслѣдство, полученное имъ отъ отца, имѣвшаго и другихъ дѣтей, было совершенно ничтожно; что онъ былъ женатъ на Софіи Мостовской и исповѣдовалъ лютеранскую вѣру; что, задумавъ переселиться въ Семиградье, онъ продалъ свою долю въ с. Фалѣевкѣ нѣкоему Свейковскому. Эти данныя пригодятся будущему изслѣдователю Грондскаго.

А. С.

Къ вопросу о народности македонскихъ славянъ.

1. *Проф. Іованъ Цвиичъ*, Македонскіе Славяне. Этнографическія изслѣдованія Спб. 1906. Славянская библіотека доктора философіи Ст. Шайковича. Выпускъ первый. Петроградъ 1906. Переводъ съ сербскаго изданія: Проматранья о етнографии Македонских Словена. Београд 1906.

2. *А. Иширковъ*, Цвиичовитѣ възгледи върху етнографията на Македония. София. 1906 51. (Периодическо Списание на Българското книжовно дружтво, кн. LXVII).

Въ ряду спорныхъ, непорѣшенныхъ вопросовъ славянской этнографіи, весьма видное мѣсто занимаетъ вопросъ о народности македонскихъ славянъ. Обширная литература о Македоніи, особенно умножившаяся за послѣднія десять лѣтъ со времени обостренія политическаго македонскаго вопроса, къ сожалѣнію, представляетъ очень мало трудовъ, которыя способствовали бы разрѣшенію данной этнографической проблемы. Трудность самого выясненія вопроса во всемъ его объемѣ, во всѣхъ подробностяхъ, обусловливается главнѣйше двумя обстоятельствами: во-первыхъ, недоступностью многихъ частей Македоніи для систе-

матическаго ихъ изслѣдованія иностранными этнографами и филологами, вслѣдствіе общаго анархическаго состоянія области подъ турецкимъ управленіемъ; во-вторыхъ, вліяніемъ разнородной политической агитаціи на доброкачественность этнографическихъ данныхъ, попадающихъ въ труды мѣстныхъ и иностранныхъ ученыхъ. Отсутствіе государственнаго порядка и безопасности въ Македоніи, вслѣдствіе распущенности администраціи и хроническихъ народныхъ возстаній и организованныхъ нападеній и грабежей, дѣлаетъ невозможнымъ для ученыхъ путешествіе по странѣ для производства непосредственныхъ наблюденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то же ненормальное положеніе Македоніи въ составѣ Турецкой имперіи превращаетъ эту область, имѣющую очень пестрое населеніе, въ предметъ пламенныхъ политическихъ вожделѣній разныхъ народовъ Балканскаго полуострова, стремящихся къ усиленію своего политическаго значенія и могущества. Если болгаре не могутъ разстаться съ мыслью о присоединеніи этой области, согласно постановленію Санстефанскаго договора, къ своему новооснованному княжеству, то и греки, и сербы въ силу стараго историческаго права стали заявлять свои претензіи на обладаніе ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явились мѣстные патріоты, мечтающіе о возможности для Македоніи самостоятельнаго политическаго бытія, помимо присоединенія къ одному изъ существующихъ балканскихъ государствъ. Всѣ эти политическія тенденціи въ большей или меньшей степени отражаются и въ литературѣ, посвященной изученію Македоніи въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Въ ней оказываются ученые и quasi-ученые труды, которые не только не разъясняютъ сложный и мудреный македонскій вопросъ, но вносятъ еще большую путаницу въ этнографію Македоніи. Такъ, въ однихъ изъ нихъ доказывается, что Македонія населена преимущественно греческою народностью, что наглядно иллюстрируется этнографически картами, на которыхъ славянскія поселенія изображены лишь въ видѣ небольшихъ островковъ среди сплошной массы греческаго насе-

ленія (E. Stanford, 1877). Въ другихъ настойчиво проводится мысль, что въ Македоніи нѣтъ никакихъ болгаръ и что живущіе тамъ славяне по языку, быту, народнымъ обычаямъ и историческимъ традиціямъ—настоящіе сербы, при чемъ это утвержденіе также доказывается составленіемъ этнографическихъ картъ въ духѣ пансербизма (напр., карта Гопчевича, сербской великошкольской омладины, 1891, и др.). Въ третьихъ, Македонія изображается преимущественно или исключительно болгарской страной. Наконецъ, нѣкоторые этнографы видятъ въ македонскихъ славянахъ особую самостоятельную разновидность славянства, стоящую отдѣльно отъ сербовъ и болгаръ. Какъ же разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ, взаимно исключающихъ мнѣніяхъ и утвержденіяхъ? Очевидно, что правильное рѣшеніе спорнаго этнографическаго вопроса возможно только при условіи устраненія изъ него какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Какъ при опредѣленіи территоріи, занимаемой македонскими славянами, такъ и при выясненіи особенностей ихъ языка, какъ главнаго критерія для рѣшенія вопроса объ ихъ народности, необходимо пользоваться учеными изслѣдованіями, этнографическими матеріалами и существующими этнографическими картами съ большой осторожностью, послѣ тщательной критической ихъ провѣрки. Такой методъ и примѣненъ мною при составленіи приготовляемой нынѣ къ печати подробной этнографической карты Южнаго Славянства. Къ сожалѣнію, точныхъ, надежныхъ этнографическихъ данныхъ въ обширной литературѣ о Македоніи оказывается очень мало, и вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе принятой мной на себя задачи станетъ возможно только въ будущемъ. Пока же приходится довольствоваться приблизительно вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительнаго положенія дѣла. Всестороннее обстоятельное и объективное изученіе этнографіи Македоніи на мѣстѣ не только желательно, но и необходимо. Лучше всего оно могло бы быть осуществлено посредствомъ снаряженія

ученой экспедиціи изъ выдающихся славянскихъ филологовъ и этнографовъ въ эту, все еще столь загадочную для ученаго свѣта, страну.

Доказательствомъ необходимости именно такого способа, какъ наиболѣе надежнаго, для рѣшенія вопроса о народности македонскихъ славянъ служитъ появленіе въ концѣ прошлаго года двухъ полемическихъ сочиненій по этому вопросу, отмѣченныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи.

Авторы ихъ—серьезные ученые люди, имѣющіе право на компетентность въ обсужденіи спорнаго этнографическаго вопроса. Д-ръ Іованъ Цвиичъ, профессоръ географіи въ Бѣлградскомъ университетѣ, извѣстный цѣлымъ рядомъ капитальныхъ трудовъ по геологіи и географіи Балканскаго полуострова, между прочимъ Старой Сербіи и Македоніи,—представляетъ собой крупное имя въ наукѣ. Г. А. Ширкову, оппоненту проф. Цвиича, также принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ критическихъ работъ по антропологіи, географіи и этнографіи балканскихъ земель, особенно Болгаріи. И между тѣмъ, оба этихъ ученыхъ держатся рѣзкоразличныхъ взглядовъ на предметъ. Мнѣнія проф. Цвиича встрѣтили самую рѣзкую критику со стороны г. А. Ширкова. Въ виду авторитетности спорящихъ ученыхъ и высокой важности вопроса въ его новѣйшемъ фазисѣ не лишне отмѣтить главные пункты этого разногласія и вытекающіе изъ него выводы.

Въ 1906 г. появилось въ Бѣлградѣ вторымъ изданіемъ изслѣдованіе проф. Цвиича „Проматрања о етнографији Македонских Словена“, напечатанное раньше въ журналѣ „Дело“ (год. X, кн. 38). Оно сразу обратило на себя вниманіе серьезностью тона и новизной взглядовъ автора и вскорѣ было переведено на французскій, англійскій и нѣмецкій языки. Въ томъ же 1906 г. оно было издано и по-русски г. Ив. Ст. Шайковичемъ съ разными дополненіями, между прочимъ, взятыми изъ другого сочиненія проф. Цвиича „Географски положај Македоније и Старе Србије“. Изу-

чивъ македонскій вопросъ не только по книгамъ и этнографическимъ картамъ, но и непосредственно на мѣстѣ во время своихъ путешествій по Македоніи, авторъ пришелъ къ слѣдующимъ любопытнымъ выводамъ:

1. Распространенное теперь представленіе о территоріи Македоніи не точно: Скопская и Тетовская области принадлежатъ Старой Сербіи.

2. Народная масса македонскихъ славянъ не имѣетъ опредѣленной національной окраски и чувства народнаго самосознанія ни сербскаго, ни болгарскаго, хотя и считаетъ себя близкой къ тому и другому народу.

3. Имя „болгаринъ“ (бугаринъ), которымъ македонскіе славяне почти всегда себя называютъ—не національное имя и этнически не обозначаетъ болгарина.

4. Иностранныя—нѣмецкія, французскія, англійскія и другія этнографическія карты Македоніи разцвѣчены не на основаніи этнографическихъ, діалектологическихъ и лингвистическихъ (Sprachkarte) данныхъ, а исключительно на основаніи ошибочно понятаго имени „болгаринъ“, которымъ такъ часто называютъ себя македонскіе славяне.

5. Всѣ извѣстныя статистическія таблицы, представляющія распредѣленіе живущихъ въ Македоніи народностей—или не точны, или же совершенно не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Разбирая эти положенія, которыя проф. Цвиичъ развиваетъ и обосновываетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и остроуміемъ, не трудно замѣтить, что они направлены главнѣйше на разрушеніе нѣкоторыхъ распространенныхъ представленій объ этнографическихъ отношеніяхъ въ Македоніи, но отнюдь не даютъ сколько-нибудь яснаго рѣшенія спорной этнографической проблемы. Авторъ ограничивается утвержденіемъ, что македонскіе славяне сами по себѣ ни сербы, ни болгаре: они очень близки къ тѣмъ и другимъ, но не имѣютъ врожденнаго національнаго самосознанія и особаго народнаго имени. Отсюда можно было бы заключать, что

сербскій ученый считаетъ македонскихъ славянъ за особую самостоятельную разновидность славянства, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ (Драгановъ, Мисирковъ); но такой мысли въ своемъ сочиненіи онъ не развиваетъ и даже относится несочувственно къ попыткѣ обозначить на одной изъ картъ, изданныхъ С.-Петербургскимъ Славянскимъ Обществомъ, славянское населеніе Македоніи особой краской, не сербской и не болгарской; читателю предоставляется самому сдѣлать общій выводъ изъ всей аргументаціи проф. Цвиича. Повидимому, онъ таковъ: въ македонскихъ славянахъ нельзя видѣть исключительно разновидность болгарскаго народа; часть ихъ, обитающая въ Скопской и Тетовской областяхъ, можетъ быть правильнѣе причислена къ сербской народности.

А. Иширковъ съ неменьшей эрудиціей и острой критикой оспариваетъ всѣ эти положенія и выводы проф. Цвиича. Онъ утверждаетъ, что нѣтъ основанія относить Скопскую и Тетовскую области къ Старой Сербіи, такъ какъ и раньше XIX в., вопреки мнѣнію Цвиича, эти земли входили въ объемъ географическаго термина Македоніи. Затѣмъ онъ стоитъ на томъ, что большей части македонскихъ славянъ ясно присуще болгарское народное сознаніе, и что употребляемое въ Македоніи имя „болгаринъ“ (бугаринъ) имѣетъ національное, этнографическое значеніе, усвоенное македонскими славянами съ эпохи царя Симеона. Наконецъ, онъ категорически заявляетъ, что въ македонскихъ славянахъ слѣдуетъ видѣть представителей только болгарской народности и толкуетъ изложенныя мнѣнія проф. Цвиича, какъ отраженіе распространеннаго въ новѣйшее время въ политическихъ кругахъ Сербіи и въ части сербской политической печати взгляда на необходимость соглашенія съ Болгаріей въ вопросѣ о раздѣлѣ политическаго вліянія въ Македоніи.

Спрашивается, гдѣ же болѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе спорнаго вопроса: въ изслѣдованіи ли сербскаго профессора, или въ критической статьѣ его противника, болгар-

скаго ученаго. На это можно сказать, на мой взглядъ, одно: въ той и другой работѣ находятся болѣе или менѣе цѣнные факты, мысли и замѣчанія; но въ цѣломъ ни одна не даетъ отвѣта, на которомъ можно было бы успокоиться: въ каждой изъ нихъ въ извѣстной степени проглядываетъ та или иная политическая тенденція. Г. Ширковъ старается угадать и выяснить ее въ работѣ проф. Цвиича и въ то же время самъ обнаруживаетъ свои политическія симпатіи, набрасывающія нѣкоторую тѣнь на объективность его изложенія. Для существа дѣла, по-моему, не имѣетъ никакого значенія споръ о томъ, входили ли когда-нибудь и должны ли входить теперь Скопская и Тетовская области въ географическій терминъ Старой Сербіи, или же эти земли всегда составляли часть Македоніи, такъ какъ оба эти географическихъ названія въ разное время въ разныхъ источникахъ несомнѣнно имѣли различную растяжимость и во всякомъ случаѣ не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ этнографическому разграниченію славянскихъ народовъ. Мудрено, мнѣ кажется, говорить и о безспорно-болгарскомъ національномъ сознаніи у всей массы славянскаго населенія Македоніи. Но, съ другой стороны, едвали можно умалять значеніе факта широкаго распространенія въ Македоніи имени „болгаръ“ (бугаръ). Центръ тяжести, при рѣшеніи вопроса, все-таки заключается въ языкѣ македонскихъ славянъ, или точнѣе въ ихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ говорахъ. Но изслѣдованіе этой стороны дѣла далеко еще не точно и не закончено. Существующія данныя позволяютъ, повидимому, сдѣлать заключеніе, что славянскіе обитатели Скопской и Тетовской областей говорятъ языкомъ, болѣе близкимъ къ сербскому, хотя и представляющимъ не мало болгаризмовъ. Не слѣдуетъ ли ихъ отнести къ сербской народности? Славянское населеніе средней и южной Македоніи, на мой взглядъ, какъ и многихъ другихъ ученыхъ, можно относить только къ болгарской народности. Существованіе какой-то третьей народности, не сербской и не болгарской, представляется мнѣ невѣроятнымъ. Все это можетъ

окончательно выяснить и установить спеціальная ученая экспедиція, снаряженіе которой представляется дѣломъ неотложнымъ не только въ интересахъ науки, но и самихъ соперничающихъ между собой южно-славянскихъ народовъ.

Т. Флоринскій.

Отдѣлъ V.

СМѢСЬ.

Библіографическій вопросъ.

А. С. Крыловскій въ числѣ документовъ Львовскаго братства издалъ опись имущества Успенской церкви этого братства 1637 г. (*Архивъ Юго-Западной Россіи,* ч. I, т. X, № 76). Здѣсь, между книгами, значится двѣ такихъ, которыя пока неизвѣстны въ библіографіи. Это:

1) Учительное Евангеліе *Стрятинской печати* („Евангеліе Учительное. Евангеліе Учительное Крылоское. Евангеліе Учительное друку Стрятинскаго. Евангеліе учительное другое друкованое. Евангеліе Учительное Виленскаго друку. Евангеліе Учительное Кириловаго прекладаня"), стр. 159, и

2) Служебникъ *Стрятинской печати* въ 8⁰ („два служебники друку Стрятинскаго, in quarto, а другій in octavo"), стр. 161.

Стрятинская типографія Ѳедора Балабана начала дѣйствовать ок. 1604 г., когда вышелъ въ свѣтъ ея Служебникъ in 4⁰ (*Каратаевъ*, № 175). Ея дѣятельность закончилась около 1616 г., когда умеръ Балабанъ и типографскія принадлежности были куплены Кіево-Печерской Лаврой (*Голубевъ*, Петръ Могила, I, стр. 387). Библіографія знаетъ лишь двѣ книги несомнѣнно Стрятинской печати (*Каратаевъ*, № 175, Служебникъ 1604 г., № 182, Молитвенникъ въ 4⁰, 1606 г.).

Сопиковъ указываетъ на двѣ книги, напечатанныя въ *Могилевѣ*: 1) Учительное Евангеліе, 1619 г., въ листъ (*Кара-*

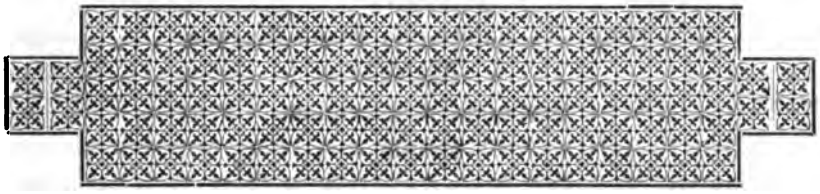
таевъ, № 250), и 2) Служебникъ, 1616 г., въ 4⁰ (*Каратаевъ*, № 227), до сихъ поръ въ подлинникахъ никѣмъ невидѣнныя [1]). Существованіе въ Могилевѣ въ началѣ XVII в. типографіи—фактъ болѣе чѣмъ подозрительный. Неточность показаній Сопикова хорошо извѣстна.

Не эти ли книги имѣются въ виду Львовской описью?

А. Соболевскій.

---

[1]) Хлудовскій каталогъ, № 63, имѣетъ „Служебникъ безъ выхода",— по *предположенію* А. Н. Попова, Могилевской печати.



Грамматика І. Ужевича.

Парижская Національная Библіотека между латинскими рукописями имѣетъ небольшую, въ 71 листъ, тетрадь (№ 7568 in 4 [1]), представляющую для насъ нѣкоторый интересъ [2]).

Это — грамматика юго-западно-русскаго литературнаго языка XVII вѣка, той смѣси бѣлорусскаго и польскаго языковъ, на которой писались въ XVI вѣкѣ въ литовско-русскомъ государствѣ документы, а въ XVII въ Южной Руси литературныя произведенія. Старая Москва знала этотъ языкъ подъ именемъ „бѣлорусскаго". Авторъ грамматики — *Іоаннъ Ужевичъ*, студентъ Парижской Сорбонны, родомъ, повидимому, изъ Галиціи.

Заглавіе ея таково:

Граматыка
Словенская
написáна

презъ Іоанна Ужевича словянина, славной Академіи Парискои в теологіи студента

---

[1]) Эта рукопись описана *Мартыновымъ* въ его „Les manuscrits slaves de la Bibliothèque imperiale de Paris (Paris, 1858), стр. 36—38. Здѣсь упомянуто, что Копитаръ и Добровскій знали эту грамматику; здѣсь же напечатана цѣликомъ и приводимая нами ниже латинская „эпиграмма" автора.

[2]) Извлеченіями изъ рукописи мы обязаны *А. Т. Малеину*.

в Парижу,
року отъ нарожéнія Сына Божого
АХМГ
Grammatica sclavonica
scripta
per Ioannem Usevtcium Sclavonum celeberrimae Academiae Parisiensis studiosum teologum
Parisiis
Anno a Navitate Filii Dei 1643.

Слѣдуетъ Alphabetum sclavonicum, сначала большія буквы, съ замѣчаніемъ: Talibus characteribus Sclavonum Typographi in imprimendis libris utuntur; alius est apud eos amanuensinm character, quo solent epistolas chirographos, privilegia aliaque complurima ex tempore manuscribere, quem characterem taliter infra expressum habes,—затѣмъ малыя буквы.

На листахъ 3—4 склады и образцы чтенія безъ титлъ и съ титлами, взятые изъ молитвъ и богослужебныхъ возгласовъ.

На листѣ 5 названія буквъ: азъ, буки и т. д.

На листахъ 5 об.—8 Commentarius litterarum, гдѣ авторъ останавливается на различіи *и* и *й* и на придыханіяхъ, если слово начинается гласною буквой. Буквы *ъ* и *ь* онъ считаетъ гласными звуками.

Далѣе начинается глава о согласныхъ, съ такимъ замѣчаніемъ: Plurimi grammaticorum longas solent de consonantibus (ut in unaquaque lingua pronunciationis varietas requirit) texere commentationes, dum hanc consonantem ore aperto, illa allisa palato lingua vel parum déductis dentibus proferendam docent; quod sane cum sit docentibus operosum, ego dispendium temporis et laboris in sclavonica literarnm pronunciatione plane frustranei *studiosis* nolens facessere, omnes consonantes et vocales ut in eorum charasteristica delineatione videre licet, partim denique gallicarum prolatione syllabarum, quantnm fieri potuit, expressi. Commodum tamen esset cum aliquo recte pronuntiationem sclavonicam callente huius rei gratia conversari.

Склоненія начинаются склоненіемъ прилагательныхъ именъ. Образцы *небесный* и *сладкій*. Указываются также *паньскій* dominicus, *пекелный* infernalis и др.

Изъ склоненій существительныхъ въ первомъ склоненіи склоняется *староста*, съ замѣчаніемъ объ род. мн. словъ на *нна, мка, тка, пха, ска, шка, рка*, (*влошка* itala, *панна* virgo) и объ дат. ед. словъ на *ка* (*звлока* procrastinatio).

Во второмъ склоненіи склоняются *панъ* и *боз'ство, хвописко* crassus vir и *кіиско* baculus magnus; множ. ч. *телячка*, съ замѣчаніями о формахъ словъ на *къ, хъ, жъ*, о вин. п. словъ, означающихъ неодушевленные предметы, о зват. словъ на *ецъ*, о множ. ч. словъ *охо* и *ухо*, о род. ед. словъ на *енъ ецъ, елъ, екъ, окъ*, пропускающихъ *е, о* (исключенія; *рокъ, смокъ, жадлокъ, чловѣкъ, мрокъ* и др.)

Въ третьемъ склоненіи имѣются въ виду слова на *ь* и *и* contractum муж. р. и на *е* и *я* средн. р.: *камень, густай, збавене, теля*. Между исключеніями приводится нѣсколько словъ, пропускающихъ *е*: *пень, день*. Рекомендуется замѣтить множ. ч. отъ словъ *теля* и т. п. Къ этому склоненію не принадлежатъ слова женск. р., какъ *кухня, стайня, воловня* и слова средняго рода на *ое: мостовое* telonium.

Къ четвертому склоненію существительныхъ отнесены слова женск. р. въ родѣ *пѣснь* и *лазня* и тѣ слова на *ъ*, которыя женск. р.: *моцъ, пѣчъ, тваръ* и др.

Слѣдуетъ глава de comparatione. Какъ примѣръ правильныхъ степеней сравненія приводится *зацный, зацнейшій, найзнацнейшій*. Въ tabula irregularis значатся: *добрый, лѣпший, наилѣпший; злый, горший, найгорший; великій, болшій, наиболший*.

Затѣмъ рѣчь идетъ de casibus nominum vagabundis. Sclavonica lingua, говоритъ авторъ, casus quosdam habet vagabundos, idest ad nullum ex 6 consuetis pertinentes, qui casus cum per se solitarie nunquam in oratione vim habeant (quia scilicet nec voce, nec significatione tenus perfecti essent), cum praepositionibus istis *при* penes, *на* supra, *в* in, positi plenam sortiuntur significationem. Porro recordandum vagabundos ha-

bere locum in substantivis nominibus tantum. Adjectiva illos non agnoscunt, verum cum praedictis praepositionibus ablativums ingularem et genitivum pluralem adhibent: *в зацнымъ* in honesto. Изъ этихъ словъ можно видѣть, что Ужевичъ не сумѣлъ справитьсѧ съ мѣстнымъ пад. и какъ филологъ оказался много ниже своего современника Мелетія Смотрицкаго.

Приведеннаго достаточно, кажется, для того, чтобы имѣть понятіе о трудѣ Ужевича. Можно добавить, что авторъ говоритъ о всѣхъ частяхъ рѣчи (между прочимъ объ ихъ синтаксическомъ употребленіи), часто имѣетъ въ виду тѣ слова юго-западно-русскаго литературнаго языка XVII в., которыя перешли въ него изъ польскаго, въ родѣ *ктоколвекъ, жаденъ* nullus, *пановати*.

Но едва ли лишнее привести нѣсколько мелкихъ подробностей, въ томъ или другомъ отношеніи интересныхъ.

Мѣстоимѣніе quid имѣетъ у автора двѣ формы: *що* и *што*. Существительный глаголъ sum звучитъ *естемъ*. Прошедшее время Poloni cum Ruthenis habent idem ut *писалемъ*: nonnuli tamen Rutheni parum variant, dum dicunt *писавъемъ*, *писавемъ*. Форма 3 л. ед. существительнаго глагола иногда является въ видѣ *ести*: Генрикъ четвертый *ести* кролемъ во Франціи, панъ *ести* въ соболяхъ (л. 60). Одинъ разъ авторъ указываетъ, какъ произносятъ Bohaemi et Moravi (л. 43 об.). Не разъ онъ отличаетъ собственно литературный языкъ отъ sacra lingua.

Въ заключеніе (л. 70) помѣщается

Epigramma ad librum.

Qui nnnquam patriis tali conspectus in oris
Ordine, clausisti sclavica verba, liber;
Lutetiae prodis calamo cum partus in auras,
Patroniqne sinum gratificantis adis.
Ubere quem Pallas sacro lactavit abunde
Pyeridumque chori censuit esse decus,
Non autore magis quam tu laetare patrono.
Fautor erat, speres hunc fore praesidium.

Ioannes Ugevicius Sclavonus, sacrae
theolo. studioso.

Рукопись оканчивается (л. 71) нѣсколькими славянскими церковными пѣснями въ обычномъ текстѣ.

А. Соболевскій.

Конецъ Кіевскихъ календарей.

Въ XV-мъ томѣ „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Правительствующаго Синода“, изложено содержаніе дѣла, рѣшеннаго 6 октября 1735 года (стр. 490); лицо, возбудившее его, не указано; но трудно сомнѣваться, что имъ былъ старшій членъ Синода Ѳеофанъ Прокоповичъ, не любившій и вообще духовенство, и въ особенности Кіевское.

Синодъ имѣлъ разсужденіе о календаряхъ, или мѣсяцесловахъ, каковые Кіево-Печерская обитель, переводя „съ польскихъ календаришковъ, издаетъ типомъ на россійскомъ діалектѣ съ прогностики или примѣчаніями о полезныхъ и неполезныхъ ко всякому начинанію и дѣланію дняхъ и о прочемъ чрезъ червленые и черные аспекты изображаемыми“. Онъ нашелъ, что отъ этой „непристойной публики“ (т. е. публикаціи, изданія) „конечное происходитъ нареканіе и безславіе“, и приказалъ въ календаряхъ „непристойныхъ весьма суетныхъ астрологическихъ примѣчаній, такоже безбожныхъ и богопротивныхъ прогностиковъ отнюдь не печатать“, подъ угрозой нещаднаго штрафованія.

Архимандритъ Кіево-Печерской обители Романъ оправдывался, во 1-хъ, обычаемъ: „издавна увелося въ обычай

печатать календари, переводя съ польскаго діалекта на русскій", и, во 2-хъ,—слабымъ распространеніемъ календарей: „они мало въ продажѣ, а больше въ гостинецъ расходятся"; почему бывшій архимандритъ даже хотѣлъ прекратить ихъ изданіе; „но губернаторы кіевскіе и гетманы таковыхъ переводныхъ календарей домогалися, чего ради печатаніе и не оставлялось".

Синодъ вытребовалъ изъ Кіева оригиналъ календаря на 1735 г.; имъ оказался польскій календарь Невескаго.

Такъ кончились Кіевскіе календари. Когда вышелъ первый изъ нихъ, мы не знаемъ. Едва-ли это было еще не въ XVII в. Первый извѣстный библіографамъ Кіевскій календарь—на 1714 г. (*Пекарскій*, № 232). Пекарскій говоритъ, что онъ—„сколокъ съ Московскихъ изданій подобнаго рода"; но скорѣе наоборотъ—Московскіе календари воспользовались какъ образцомъ своими Кіевскими собратьями. Далѣе указываются Кіевскіе календари на 1717, 1721, 1722, 1728, 1729, 1730, 1733, 1734 и 1735 г.г. Ясно, что Печерская лавра смотрѣла на изданіе календарей, какъ на доходную статью (о распространеніи Московскихъ календарей въ началѣ XVII в. см. *Пекарскаго*, II, стр. 648), и, повторяя лучшій польскій календарь, не вникала въ смыслъ и значеніе астрологическихъ предсказаній и т. п. завѣдомаго вздора.

А. Соболевскій.

ПРИХОДО-РАСХОДНАЯ КНИГА АЗОВСКАГО ПРЕДТЕЧЕВА МОНАСТЫРЯ, 1699—1701 ГГ.

(Къ характеристикѣ монастырскаго быта).

Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи хранятся приходо-расходныя книги мужскаго Предтечева монастыря вь г. Азовѣ, за 1699—1701 гг. (*Разряднаго* приказа *Денежнаго* стола книга (вязка) 87, лл. 300—428). Сухія и скучныя на первый взглядъ цифровыя данныя этихъ книгъ, при нѣкоторомъ сопоставленіи и группировкѣ очень наглядно и фактически рисуютъ многія стороны тогдашняго и монастырскаго, и мірского быта. Главный предметъ этихъ документовъ—отчеты какъ о тѣхъ средствахъ къ жизни, какія добывалъ монастырь отъ своей церковной, хозяйственной и торговой дѣятельности, такъ и о расходованіи этихъ средствъ на разныя монастырскія потребы. Но, помимо этого предмета, книги даютъ свѣдѣнія о количествѣ и составѣ братіи, о положеніи монастырскихъ работныхъ людей, о монастырскихъ вотчинахъ, разныхъ оброчныхъ статьяхъ и проч. Важны указанія цѣнъ различныхъ предметовъ, стоимости нѣкоторыхъ работъ и т. п. Любопытны расходы на поѣздки

монастырскихъ властей въ Москву, въ Царицынъ за солью и др.

Всѣ эти свѣдѣнія, рисующія бытъ южно-русскаго монастыря и отчасти населенія въ эпоху Петра Великаго, тѣмъ цѣнны, что касаются небольшаго городка и незначительной окраинной обители, просуществовавшей недолго. Какъ извѣстно [1]), Азовскій Предтечевъ монастырь основанъ въ 1696 г., въ память найденнаго въ Азовѣ, при взятіи его русскими войсками въ томъ же году, образа Ивана Предтечи. Монастырь просуществовалъ до 1719 г., когда по Прутскому договору Азовъ возвращенъ туркамъ. Тогда монастырь переведенъ въ Донецкую станицу, въ упраздненную Пронинскую пустынь, и сталъ называться *Донецкимъ Предтечевскимъ* монастыремъ (въ 25 в. отъ г. Богучара, Воронежской губ.).

I.

Отношенія монастыря къ Разрядному приказу.—Кормленіе воеводъ.—„Книги приходныя“ и „книги расходныя“.—Казначеи.—Монастырская „казна“ и ревизіи ея.—Расходы на „письмо“.

Приходо-расходныя книги Азовскаго монастыря очутились въ архивѣ Разряднаго приказа, такъ какъ послѣдній, какъ извѣстно [2]), спеціально завѣдывалъ Азовомъ и другими новозавоеванными мѣстностями. Зависимость монастыря отъ Разряда подтверждается и нѣкоторыми данными разсматриваемыхъ книгъ, которыя обязательно представлялись казначеями въ приказную палату Азовскихъ воеводъ, какъ говоритъ заглавіе одной книги: „Тетрадь записная Предтечева монастыря приходу и расходу, учинена послѣ взятья прежнихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ, что тѣ книги взяты въ приказную полату декабря въ 3-мъ числѣ нынѣшнего 1701 году“ (л. 422). О той же зависимости сви-

[1]) См. у *Амвросія:* „Ист. Росс. Іерархіи“, III, 71—73; IV, 52—55; у *Раушина:* „Полн. собр. ист. свѣд. о монаст. и церквахъ“, 90, 92

[2]) *П. И. Иванова:* „Опис. Госуд. Разр. Архива“, 11.

дѣтельствуютъ и такіе факты, какъ полученіе монастыремъ государева жалованья изъ той же воеводской приказной палаты; напр.: 7 октября 1699 г. принято „изъ приказныя палаты жалованныхъ денегъ на братью", на 208 годъ, 30 рублей (л. 331) и т. д., или выдача палатою денегъ на ремонтъ монастырскихъ зданій, напр.: получено изъ палаты 8 р. 10 алтынъ на покупку стеколъ, и „на обойку церковныхъ и трапезныхъ дверей и оконъ, на покупку полстей и волоковъ, и ремней, и гвоздей" (л. 339 обор.) и т. п.

О томъ же, наконецъ, говорятъ многочисленныя записи о расходахъ на „кормленіе" воеводъ и другихъ свѣтскихъ властей, ихъ прислуги и проч.; напр. съ сентября 1699 г. встрѣчаемъ слѣдующіе расходы по этому предмету: „дано боярскимъ поваромъ" 6 алтынъ 4 деньги (л. 344 об.); на 4 алтына куплено меду „про боярина" (л. 350); 1 рубль за 3 бѣлуги и 2 севрюги, купленныя для подносу новому воеводѣ съ товарищи" (л. 359); за 12 алт. 2 деньги „куплена бѣлуга въ подношеніе къ думному" (дворянину, воеводѣ), 3 декабря 1700 г. (л. 361), а 26 декабря „куплено въ подносъ думному" же 3 стерляди за 3 алтына (л. 362 об.). Въ январѣ 1701 г. на 8 денегъ куплено „про воеводъ яблокъ" (л. 397 об.). Въ февралѣ куплена за 1 р. кипарисная доска для иконы „въ подносъ думному дворянину и воеводѣ Стефану Богдановичу" (л. 401). Въ апрѣлѣ „рыбы куплено для готовленья про воеводу, *къ званію* (т. е. къ зову, приглашенію) покушать, на 40 алтынъ" (л. 406 об.) и т. д.

Всего за $2^1/_3$ года сохранилось 5 приходныхъ книгъ, 7 расходныхъ и 1 приходо-расходная. Первыя носятъ такія заглавія: „208 году, сентября съ 2 числа, книга приходная монастыря Іоанна Предтечи казначея..." (л. 330), „города Азова Предтечева монастыря казначея старца Герасима книга приходная" (л. 332) и т. д. (лл. 371 об., 375 и 383). Заглавія вторыхъ; „208 году, сентября съ 1-го числа, книги росходныя (л. 344) и т. д. (лл. 347, 360, 364, 368 об., 372 и 396). Приходо расходная книга называется—„Тетрадь приходу и росходу деньгамъ" (л. 421), 1701.

Въ концѣ каждой книги приводятся книги прихода или расхода, или того и другого вмѣстѣ, за извѣстный періодъ времени; напр. во 2-й приходной книгѣ находимъ итоги прихода и расхода, хотя записей послѣдняго и нѣтъ въ самой книгѣ, именно, съ 25 октября 1699 г. до 1 генваря 1701 г. было въ приходѣ 700 р. 25 алтынъ, да 19 золотыхъ, 25 ефимковъ. 1 талеръ. Въ расходѣ за то же время: 427 р. 13 алт., 2 золотыхъ, 10 ефимковъ (л. 343). Итогъ расхода взятъ изъ соотвѣтствующей расходной книги (л. 363 об.).

Монастырскою казною завѣдывалъ въ описываемое время казначей старецъ Герасимъ *Ясаковъ* (лл. 332, 396 и др.). Кромѣ того, нѣкоторыя книги (лл. 368 об., 371 об., 372) составлены чернымъ попомъ *Павломъ*, исполнявшимъ спеціальныя финансовыя порученія монастыря.

Въ началѣ приходной книги 1701 г. находимъ любопытный перечень наличной монастырской „казны", которую составляли не одни деньги (русскія и иностранныя), но и разныя цѣнныя вещи (лл. 383—384). Къ 1 генваря состояло въ казнѣ: остатокъ отъ 1700 г.—272 р., *„золоченыхъ копѣекъ"* на 3 алтына 4 деньги, 17 „червонныхъ золотыхъ", 15 ефимковъ, 10 талеровъ, 1 *„двугрошевикъ съ личиною"*, 1 чехъ, турецкихъ денегъ на 4 алт. 2 деньги. Вещи въ казнѣ: 9 крестовъ, кокошникъ и „ожерелейцо" жемчужные, серебряныя серьги „лапчатыя" съ жемчугомъ, серебряный разный ломъ, „ползерна жемчюжные большой руки", *„костикъ* шолковой съ золотомъ", 1 бобръ, „двои копканы", 2 пуда воска. Кромѣ того, на мѣстной иконѣ Ивана Предтечи 3 червонныхъ золотыхъ и 2 креста, а на другой иконѣ его же, въ трапезной, 1 крестъ и 15 алтынъ денегъ. Все это были вклады жертвователей. Въ монастырской же казнѣ хранились—„великого государя жалованная грамота, и всякія крѣпости, и письма" (л. 384 об.).

Ревизія монастырской казны производилась очень часто, вѣроятно архимандритомъ съ старшей братіей, и съ казначея взыскивались всѣ недочеты. Такъ, въ вышеупомянутой 2-й приходной книгѣ, въ итогахъ ея замѣчено: „и противъ

приходу въ расходѣ у него казначея не явилось денегъ по счоту налицо рубль 12 алтынъ, и тѣ начотные деньги велѣно у него вычесть изъ зажилого жалованья" (л. 343). Точно также происходила ревизія по финансовымъ операціямъ (покупка соли, товаровъ и проч.) чернаго попа Павла, напр.: „книги приходные и росходные, каковы подалъ черной попъ Павелъ, руки своей, къ счотному дѣлу, и противъ сихъ книгъ о всемъ учинена счотная выписка" (л. 368). За разными расходами у Павла оказался недочетъ въ 10 р. 13 алт., кои велѣно „доправить" на немъ (л. 377), а по другому недочету его—удержать въ казнѣ заслуженное его жалованье (л. 378 об.).

На веденіе казначейскихъ книгъ и вообще „на письмо", т. е. на монастырское дѣлопроизводство, покупалась бумага и велись другіе расходы. О покупкѣ бумаги чаще встрѣчаются такія неопредѣленныя записи: за бумагу дано 10 денегъ, куплено бумаги на 4 деньги и т. п. Но иногда опредѣляется и количество купленной бумаги, напр.: за десть дано 2 алтына (л. 349 об.) и т. д.

Были расходы и на гербовую бумагу: куплено „бумаги ербовой" на 6 ден. (л. 355), „бумаги за орломъ, на челобитныя и на выписки, что о жалованью денежномъ и хлѣбномъ, на 2 алтына" (л. 396 обор.) и т. п.

„Письмо" („писма") вели какъ братія (казначей Герасимъ, черной попъ Павелъ и др.) и монастырскіе „трудники" (см. II главу), такъ и вольнонаемныя лица, работавшія издѣльно, напр.: „дано отъ писма, что писалъ (кто именно—не сказано) списки, 4 деньги" (л. 348). Но болѣе важные монастырскіе акты составлялись подьячими Азовскаго воеводскаго управленія, за что имъ полагалась плата, напр.: „дано подьячему отъ дѣла 18 алт. 2 ден." (л. 351). По случаю покупки бумаги на какую-то „выпись" замѣчено, что прежняя бумага у подьячаго утерялась" (л. 361 об.).

II.

Братія: настоятель, уставщикъ, черные попы и дьяконы, старцы.—Пѣвчіе, дьячки, пономари.—Жалованье братіи.—Монастырскіе дѣловые и работные люди: „стряпчій", „слуги", повара, „трудники, работники и робята".— „Трудницы".—Жалованье и содержаніе рабочихъ.

По количеству братіи Азовскій Предтечевъ монастырь былъ очень незначителенъ: въ 1699—1701 гг. число ея не доходило и до 20 человѣкъ. За этотъ періодъ настоятелемъ его былъ архимандритъ *Іоасафъ*. Вторыми послѣ него лицами были—*уставщикъ* изъ черныхъ поповъ и казначей изъ старцовъ (рядовыхъ монаховъ). Объ уставщикѣ читаемъ въ одной записи расходной книги 1701 г.: 17 декабря „дано по приказу архимандрита Іоасафа *и по совѣту братіи* священноіеромонаху *Герману,* къ прежнему заслуженному жалованью къ 6 рублямъ еще въ прибавокъ рубль, для того что онъ нынѣ одинъ священникъ, да онъ же уставщикъ" (л. 426 об.). Другой іеромонахъ былъ отправленъ по дѣламъ въ Москву (л. 424).

Раньше, въ 1699 и 1700 гг., въ монастырѣ было по 3 черныхъ попа. Черныхъ дьяконовъ все время было по 2 человѣка. Всего больше было старцовъ, и число ихъ понемногу росло: въ 1699 г. 7, въ 1700 г. 8, въ 1701 г. 9 человѣкъ. Кромѣ казначея, изъ старцовъ было двое *крылошанъ:* одинъ завѣдывалъ часовнею въ Азовѣ, другой—часовнею въ Таганрогѣ, третій ходилъ тамъ по сбору денегъ, нѣкоторые вѣдали разныя отрасли монастырскаго хозяйства и исполняли разныя временныя послушанія.

Упоминаемые въ книгахъ церковнослужители—*пѣвчіе, дьячки* и *пономарь*—не принадлежали къ старцамъ, т. е. были не монахами, а по современной терминологіи „послушниками". Объ особыхъ пѣвчихъ довольно глухо говоритъ одна запись 1701 г.: въ апрѣлѣ, въ г. Черкасскомъ куплены „двое сапоги пѣвчимъ", за 22 алт. 4 ден., да имъ же 20 аршинъ 6 вершковъ „2 суконца тонинькихъ сѣрыхъ", за 27 алтынъ (л. 405 об.).

Дьякамъ же и пономарю выдавалось жалованье: въ августѣ 1701 г. выдано дьячку Никитѣ Иванову 25 алт. за 3 мѣсяца, а другому, принятому съ іюля, ничего не дано. Тогда же дано по 1 рублю 2 *„робятамъ“*—„за то что они трудятся въ церкви обще съ дьячками, да онижъ посылаются во всякіе посылки“ (л. 413). Въ декабрѣ выдано жалованья одному дьячку 1½ р., другому полтина, пономарю 1 р. (л. 425), о „робятахъ“ же не упоминается болѣе.

Жалованье получала и вся братія. Такъ, 22 октября 1699 г. выдано за этотъ годъ „государева жалованья“: архимандриту Іоасафу за годъ 6 р., черному попу за полгода 1½ р., казначею старцу Герасиму за годъ 3 р., другому черному попу за 5 мѣсяцевъ 40 алт. 10 денегъ, третьему за 4 мѣсяца 1 р., черному дьякону за полгода 1½ р., 2 старцамъ за годъ по 3 р., 2 старцамъ за полгода по 1½ р., одному старцу за полгода 1 р. и 2 старцамъ за годъ по 1½ р. (лл. 345 об.—346).

Позже жалованье было значительно увеличено: въ августѣ 1701 г. выдано архимандриту за 1-е полугодіе 6 р., іеромонаху 3 р., другому за 3 мѣсяца 1½ р., казначею за полгода 3½ р., одному старцу 3 р., 2 іеродіаконамъ по 2½ р., 3 старцамъ по 2 р. (л. 412).

Старцу Іоанну не было дачи, „для того что онъ удержалъ у себя сборныхъ часовенныхъ денегъ 17 алтынъ, а въ казну не отдалъ, и тѣ деньги ему зачтены въ то заслуженное жалованье“. Не было дачи и старцу Филарету, потому что онъ находился на сборѣ денегъ въ Таганрогѣ (ibid.). Въ декабрьской выдачѣ жалованья отмѣчено, что тому же старцу Іоанну жалованье не выдано, „а велѣно ему давать казенное платье, потому что онъ въ службу ни въ какую не годится“ (л. 425 об.).

Подобные случаи удержанія жалованья бывали нерѣдко; напр., въ генварѣ 1701 г. не дано жалованье іеродіакону Алексѣю, „для того что онъ во время посылки своей (въ монастырскія вотчины) исхарчилъ то свое заслуженное жалованье изъ вотчинныхъ денегъ“ (л. 397 об.). Въ 1700 г. изъ

заслуженнаго жалованья умершаго іеродіакона Іоны 1 р. выданъ въ уплату его долга кому-то, „полтина дана ему на Москвѣ, а рухледь его взята въ казну“ (л. 358), очевидно монастырскую.

Гораздо многочисленнѣе братіи былъ состáвъ монастырскихъ дѣловыхъ и работныхъ людей, доходившихъ до 50 человѣкъ, съ „бабами и робятами“ (также работавшими на монастырь) вмѣстѣ.

Во главѣ ихъ стоялъ „монастырской *стряпчій*“ Кононъ *Шустовъ,* который въ 1699 г. получалъ 1½ рубля годоваго жалованья (л. 346), а въ 1701 г. оно увеличено до 4 р. (л. 425). Кромѣ того, онъ получалъ особыя деньги въ разныхъ случаяхъ, напр.: однажды ему выдано 5 алтынъ на сапоги; „Кононовой женѣ дано 2 гривны на родины и на кстины“ (крестины) (л. 405); уплачена гривна за придѣлку сѣней „у куреня, что подлѣ Кононовой избы“ (л. 417 об.) и проч.

Замѣстителемъ и помощникомъ Конона былъ трудникъ Левонъ, о которомъ читаемъ въ одной записи 1701 г.: „Левону за труды его, что онъ *ходилъ за дѣломъ*, что взято съ калмыкъ за посѣченой лѣсъ, также и для всякихъ дѣлъ, (что) *вмѣсто стряпчего* Конона онъ ходилъ, и ему за тѣ его труды, и впредь чтобъ трудился неложно, даны ему кафтанъ и 2 рубли, а дано ему изъ тѣхъ же колмыцкихъ денегъ, которые онъ выходилъ“ (л. 401 об.). Около того же времени записана выдача Левону 4 алтынъ на починку 2 паръ его старыхъ сапоговъ (ibid.).

Еще обстоятельнѣе указаны обязанности Левона въ болѣе ранней записи, 1700 г.: „Лву за его работу, что онъ посылается вмѣсто Конона *для приказного дѣла* и монастырскихъ всякихъ нуждъ, и что онъ *записываетъ* расходъ, и иныя *писма пишетъ,* куплена ему подпояска, дано 18 алтынъ, да отъ дѣла 2 его ковтановъ (кафтановъ) 9 алтынъ“ (л. 362).

Въ записяхъ выдачи жалованья за 1701 г. стряпчему Конону Шустову онъ называется „слугою“ (лл. 413, 425). Но были и другіе монастырскіе „*слуги*“, точная профессія которыхъ не опредѣлена, но которые выдѣлены изъ общаго со-

става „трудниковъ“ монастыря. Эти слуги, вѣроятно, были прислужниками въ кельяхъ архимандрита и братіи, дворниками и т. п. Ихъ было 2—3 человѣка.

Отдѣльно отъ слугъ значатся 2 *повара*. Объ одномъ изъ нихъ встрѣчаемъ такую запись: „труднику Васькѣ повару дана въ зачотъ жалованья“ полтина, а жалованье онъ сталъ получать, „*по приговору* архимандрита Іоасафа *съ братьею*“, съ іюля 1701 г., а раньше ему давали одно „казенное платье“ (л. 414).

Остальная масса монастырскихъ рабочихъ носила такое названіе—„*трудники, работники* и *робята*“. Названіе послѣднихъ понятно: это были малолѣтніе рабочіе, въ родѣ тѣхъ вышеупомянутыхъ 2 „робятъ, кои „трудятся въ церкви“ и проч. (л. 413). Но какая разница была между „трудниками“ и „работниками“—это не ясно. А между тѣмъ, въ записяхъ книгъ тѣ и другіе несомнѣнно различаются; напр.: въ іюнѣ 1701 г., „трудникамъ“ и „работникамъ“, которые „изъ Черкасскаго пригнали дрова“, дано на мясо гривна и „на перевозъ“ 2 деньги (л. 409). Тѣ и другіе одинаково участвовали въ одной и той же работѣ,—въ чемъ же разница между ними? Можетъ быть, трудники были постоянными, годовыми рабочими, а работники временными, издѣльными.

Работа трудниковъ была разнообразная, благодаря довольно обширному монастырскому хозяйству, съ которымъ познакомимся ниже, при обозрѣніи разныхъ статей хозяйства.

Любопытны слѣд. записи, свидѣтельствующія, что трудники являлись кандидатами въ монашество: „дано труднику Семену *для постриженья* и покупки монашескаго платья“ 1 р,. въ зачетъ будущаго жалованья (л. 420); ему же дана „изъ казны мантія“, по оцѣнкѣ на 26 алт. 4 ден., тоже въ зачетъ жалованья (л. 420 об.).

Изъ нѣкоторыхъ записей видно, что на монастырской службѣ находились и женщины: „трудникамъ, и *бабамъ*, и робятомъ дано на баню по 2 деньги человѣку, всего дано имъ 7 алтынъ“ (л. 400 об.), „умерла *трудника* Ивана Бол-

дырева жена; на похороны дано 4 алтына, да на 4 деньги свѣчь" (л. 359 об.) и др.

Постоянное жалованье получали немногіе изъ рабочихъ, именно,—всѣ „слуги" и повара, и нѣкоторые, очевидно, старшіе изъ трудниковъ. Такъ, въ 1699 г. 2 слугъ получило за годъ по 1½ р., а поварамъ дано за годъ по 3 р., а третьему за 6 мѣсяцевъ 1 р. 8 а. 2 д. (л. 425). Въ 1700 г., полугодовое жалованье нѣкоторыхъ трудниковъ составляло 1 р. 16 а. 4 д. (л. 370), а въ 1701 г. одному труднику дано за полгода 1½ р. (л. 413), объ остальныхъ же замѣчено (въ другой выдачѣ): „а достальнымъ всѣмъ трудникамъ и робятамъ дается казенное платье" (л. 425).

Но вмѣсто жалованья нерѣдко практиковались единовременныя денежныя выдачи трудникамъ на разныя ихъ нужды, иногда опредѣленно не указанныя, напр.: слугѣ Афанасью дано 20 алтынъ; дано труднику 21 алт., пастуху 6 алт. и т. д. Другія же выдачи точно мотивируются, напр. на свадьбы: „работнику" дано „на свадьбу" 3 р. 1 а. 2 д.; другому дана „на свадьбу гривна" и пр. На похороны: дано 4 плотникамъ по 2 деньги человѣку, „что дѣлали *домовище* умершему Василью" (л. 357); другому труднику Василью выдано 10 денегъ „для поминовенія сына его"; столько же дано одному труднику для погребенія его дочери и проч.

Затѣмъ, все содержаніе трудниковъ лежало, конечно, на монастырѣ, и всѣ, приводимые въ слѣд. главахъ расходы его на пищу, платье и т. д., касались главнымъ образомъ именно трудниковъ съ братіей. Здѣсь же отмѣчаю только нѣкоторыя записи, гдѣ прямо указывается расходованіе денегъ на разныя нужды однихъ трудниковъ.

Расходы на пищу: 4 алтына „дано трудникомъ на заговѣйной" день (5 февраля); 4 алт. 2 деньги дано всѣмъ трудникамъ „на мяса, для дней заговѣнныхъ" (въ февралѣ); имъ же дано 3 алт. „къ заговѣйну, на мясо" (14 ноября) и т. д.

Расходы на платье, бѣлье и т. п.: труднику Алешкѣ дано 8 алт. на „рубашку и портки" и 5 алт. на шапку и кушакъ; за шитье шубы труднику дано 6 алтынъ безъ ко-

пѣйки; Мих. Афанасьеву даны 4 деньги на „новые анучи“ и т. д.

Расходы на обувь: „Мишкѣ на „лапти“ дано 6 денегъ; Михею на починку сапоговъ 2 алт. 2 деньги и пр.

Нерѣдки расходы на баню трудникамъ, такъ какъ монастырской бани для нихъ не было: „трудникамъ дано въ баню 2 алт.“, имъ же на баню 8 денегъ и т. д.

III.

Духовная жизнь монастыря. — Благотворительность. - Развлеченія братіи: „славленье“ братіи, праздничные пиры и проч.

Разсматриваемыя книги не даютъ въ сущности никакихъ фактовъ для обрисовки тѣхъ или другихъ сторонъ духовной жизни монастыря, если не считать многочисленныхъ указаній на расходы по отправленію богослуженія. Но послѣднее относится къ показной сторонѣ внутренней монастырской жизни и сущности ея не касается. Впрочемъ, два-три намека на проявленіе этой сущности можно найти въ книгахъ.

Едва-ли не самымъ крупнымъ фактомъ изъ этой области явленій слѣдуетъ признать очень слабые слѣды монастырской благотворительности. За два съ третью года Азовскій монастырь оказалъ благотворительную помощь всего двумъ лицамъ: „дано Юрію греку на дорогу 10 рублевъ“ (л. 342 об.), да какому-то „Ивану бѣдному“, очевидно, изъ мѣстныхъ жителей, посчастливилось обратить на свое бѣдственное положеніе вниманіе монастыря и нѣсколько разъ воспользоваться его поддержкою, правда, не особенно щедрою, именно: „Ивану бѣдному на перевозъ и на лечьбу лошади 10 денегъ“ (л. 355 об.), ему же дано на сапоги 15 алтынъ, на чулки 3 алт. 2 деньги и на шапку 9 алтынъ.

Вотъ и весь, очень маленькій активъ, какой можно вписать въ счетъ монастыря... Все остальное говоритъ единственно о личной внѣшней жизни монаховъ и о стремленіи монастыря удовлетворить ихъ житейскія потребности, ставящія ихъ рядомъ со всѣми „мірянами“.

Изъ области развлеченія братіи слѣдуетъ прежде всего указать на рождественскій обрядъ „*славленія*“, когда монастырь принималъ и расходовался какъ на своихъ, такъ и на городскихъ славельщиковъ. Такъ, 25 декабря 1699 г. дано за славленье 16 алтынъ протопопу Ѳеодору съ причтомъ (л. 349).

Въ декабрѣ же 1700 г. „въ разныхъ числахъ дано славельщикамъ“: черному попу Діонисію, дьяконамъ и дьячкамъ монастырскимъ 8 алт. 2 деньги, соборному протопопу Ѳедору съ причтомъ столько же, „*крестовому* отъ думнаго“ (т. е. попу крестовой церкви у воеводы) 1 гривна, „крестовому отъ стольника“ (т. е. изъ церкви воеводскаго товарища) столько же, черному попу Дорофѣю съ дьячкомъ 2 алтына (л. 362 об.). Тогда же „изъ разныхъ домовъ славельщикамъ, да изъ воеводскихъ домовъ слугамъ, и соборнымъ пономарямъ, и Варламу, всего тѣхъ розныхъ дачь 12 алт. 2 деньги“ (ib.); 28 декабря дано „славельщикамъ, которые славили въ кельѣ у казначея: попу Діонисью (вѣроятно, уставщику) съ товарищи гривна, да изъ разныхъ мѣстъ робятамъ гривна“ (л. 363).

Это было все же духовное развлеченіе, но гораздо чаще встрѣчаются записи о чисто мірскихъ развлеченіяхъ братіи, напр., о праздничныхъ пиршествахъ въ монастырѣ. Они происходили по разнымъ поводамъ: по случаю поминокъ какого-нибудь богатаго покойника, пріѣзда въ монастырь воеводъ и другихъ свѣтскихъ властей, престольныхъ праздниковъ монастыря и проч. О пирахъ, входившихъ въ „кормленіе“ воеводъ и др., упомянуто выше (см. I главу). Здѣсь же приведу другіе случаи монастырскихъ пировъ.

12 апрѣля 1699 г. „издержано на поминовеніе князя Василія (?): на рыбу (и) на калачи 17 алтынъ, *вина ведро, пива 6 ведръ* про братію“ (л. 352). Цѣна вина и пива здѣсь не указана, такъ какъ, очевидно, то и другое взято изъ монастырскихъ запасовъ, купленныхъ раньше и тогда отнесенныхъ въ расходныя книги.

Но въ сохранившихся книгахъ этихъ записей не встрѣчаемъ, кромѣ нижеприводимаго случая и слѣдующей покупки меда: за 5 ведеръ „переварнаго“ меда уплачено 1½ рубля безъ гривны. Рѣдкость подобныхъ записей указываетъ на то, что сдѣланные раньше запасы „виннаго зелья“ и т. п. „великаго утѣшенія братіи“ были очень значительны, такъ что и въ два года монастырь не успѣлъ ихъ израсходовать, не смотря на все усердіе братіи, и къ новымъ закупкамъ не прибѣгалъ, кромѣ экстренныхъ случаевъ. Съ другой стороны, является вопросъ: не занимался-ли самъ монастырь домашнимъ винокуреніемъ и, потому, былъ избавленъ отъ частыхъ покупокъ вина и проч.?...

Но въ экстренныхъ случаяхъ своихъ запасовъ не хватало: такъ, въ іюнѣ 1701 г., „къ праздникамъ, къ Предтечеву дню и къ Петрову дню“, куплено 11 осмухъ „двойнаго вина“, за которое въ г. Черкасскомъ уплачено по 5 алт. 2 деньги за осмуху. Тамъ же куплено „простаго вина“ 16 осмухъ, по 3 алт. 2 ден. за осмуху, да 2 пуда меду за 1 р. 20 алт., осетровъ, севрюги, стерляди и „иной рыбы“ на 1 р. 30 алт., „всякихъ *закусокъ* и *ягодъ*, и пшена, и всякой мелочи, и *збитню*“ на 10 алтынъ. Кромѣ того, на рыбу и мясо для трудниковъ истрачено 10 алт. (л. 409); 2 алтына дано „поварамъ, которые трудились во время праздниковъ“ (л. 409 об.).

Къ этой же области насыщенія братіи относятся многочисленныя записи расходовъ (см. IX главу) на покупку различныхъ съѣстныхъ припасовъ.

IV.

Монастырскія „вотчины“: деревни Орловка и Титова. Оброки крестьянъ и проч.—Рязанскія „пустыя земли“.—Котюрминскій островъ.— Монастырскіе лѣса и сѣнокосы.

Молодой Азовскій монастырь былъ щедро надѣленъ землями. Главную его вотчину составляли двѣ деревни—

Орловка и *Титова*. Монастырскія книги точно не опредѣляютъ мѣстонахожденія этихъ деревень, но по нѣкоторымъ косвеннымъ даннымъ (лл. 364—365) можно предположить, что Орловка находилась въ Данковскомъ уѣздѣ, а Титова въ Зарайскомъ. Впрочемъ, по другимъ намекамъ возможно еще предположеніе, что обѣ деревни лежали въ Острогожскомъ у. (лл. 368 об.—371). Были ли это „вкладныя" деревни, или пожалованныя монастырю, или иначе имъ пріобрѣтенныя—изъ книгъ не видно.

Точно также въ книгахъ нѣтъ указанія ни на количество земли и крестьянъ въ обѣихъ деревняхъ, ни на монастырскія оброчныя статьи въ нихъ и проч. Но изъ записей о продажѣ собраннаго въ деревняхъ монастырскаго хлѣба можно получить приблизительное понятіе о количествѣ земель, принадлежавшихъ здѣсь монастырю, а изъ записей сбора оброковъ съ крестьянъ—такое же косвенное указаніе на количество крестьянъ.

Изъ этихъ же записей видно, что монастырь здѣсь велъ свое хозяйство—имѣлъ пашни и скотъ. „Посельскихъ старцовъ" онъ тамъ постоянно не держалъ, но осенью командировалъ туда для сборовъ кого-нибудь изъ монаховъ. Въ деревняхъ же завѣдывали хозяйствомъ старосты. Кромѣ того, въ Орловкѣ жилъ *„дѣловой человѣкъ"*, т. е. „человѣкъ, который за дѣлы ходитъ", монастырскій „стряпчій", отдѣльный отъ того, который жилъ въ Азовѣ. Въ Титовѣ, повидимому, была монастырская усадьба: одна запись говоритъ, что въ пріѣздъ архимандрита Іоасафа въ дер. Титову онъ далъ „дворовой жонкѣ" 3 алтына 2 деньги.

Въ 1699 г. монастырь посылалъ для сборовъ въ деревни чернаго попа Павла, который составилъ особый отчетъ о своей командировкѣ, подъ такимъ заголовкомъ: „1700 году, генваря въ 25 день, книга приходная города Азова Предтечева монастыря чернаго попа Павла, что велѣно мнѣ собрать, по благословенію о. архимандрита Іоасафа съ братіею, на крестьянахъ за хлѣбъ, и что съ нихъ взято, съ 2 деревень, и то писано будетъ въ сей книгѣ ниже сего" (л. 371 об.):

„Съ Титовой деревни взято денегъ: за 60 чети муки 36 к., за овесъ за 20 чети 5 к.“, за 3 чети гороха 1 р. 13 алт. 2 деньги, за 6 пудовъ мяса 1 р. 13 алт. 2 деньги.

Съ крестьянъ той же деревни собрано *оброку:* 30 аршинъ сукна, 58 аршинъ холста, 20 четей овса, 4 ч. гороху, 4 ч. гречневыхъ крупъ, 6 ч. овсяныхъ, 6 четей „битового (?) овса“ и 3 ч. толокна.

Кромѣ этого оброка, тѣ же крестьяне, очевидно, обрабатывали всѣ монастырскія пашни и вели все хозяйство, такъ какъ въ книгахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на нахожденіе въ деревняхъ какихъ-либо монастырскихъ работныхъ людей, кромѣ одного „дѣловаго человѣка“ и одной „дворовой жонки“.

Съ дер. Орловки собрано деньгами за проданный монастырскій хлѣбъ: за 60 четей муки 36 р., за 14 ч. ржи 6 р., за 30 ч. овса 6 р.

Съ Орловскихъ крестьянъ собранъ *оброкъ:* 10 пудовъ мяса, 60 аршинъ холста, 40 арш. сукна и 13 овчинъ.

Въ другой своей книгѣ (л. 375), представляющей отчетъ о разныхъ торговыхъ операціяхъ іеромонаха Павла, онъ снова повторяетъ тѣ же цифры дохода „за монастырской проданной хлѣбъ“ и сбора оброка съ крестьянъ Орловки и Титова (лл. 377 об.—378). Вышеупомянутый „битовой овесъ“ здѣсь названъ „битымъ овсомъ“.

Встрѣчается еще одна запись о монастырскомъ скотоводствѣ въ деревняхъ: посѣтившій ихъ, въ 1701 г., архимандритъ Іоасафъ получилъ „за проданные за 2 коровы дер. Орловки 2 р., да дер. Титовой за баранью тушу гривна“ (л. 423).

Кромѣ этихъ 2 деревень, монастырю принадлежали „*пустыя* земли“, т. е. не населенныя, въ *Рязанскомъ* уѣздѣ. Въ декабрѣ 1701 г. „отдалъ архимандритъ наемныхъ денегъ за земли пустые, что отдавалъ онъ, архимандритъ, тѣ земли въ прошломъ 1700 году: за *Паклинскую*, на *Ѳ. Ступинѣ* (вѣроятно—сосѣднемъ помѣщикѣ) рубль, да за *Ряховскую*, на р. Ступинѣ полтина“ (л. 422 об.).

Повидимому, о третьемъ участкѣ этихъ „пустыхъ земель“ говоритъ слѣд. запись: въ сентябрѣ 1701 г. „взято наемныхъ денегъ за Рязанскую землю дер. Панкиной и *Веселкиной* и *Моржовой*, за 3 года (т. е. съ 1 января 1702 г. на 3 года впередъ) 2 рубли, на Львѣ Ступинѣ“ (л. 391).

Остальныя монастырскія земли находились въ окрестностяхъ монастыря, вблизи Азова. Такъ, монастырю принадлежалъ если не весь *Котюрминскій островъ*, то часть его: за отдачу въ наемъ бакчи на этомъ островѣ полученъ 1 рубль (л. 423).

Затѣмъ, монастырь владѣлъ здѣсь лѣсами и лугами. Точное мѣстонахожденіе всѣхъ этихъ земельныхъ владѣній, размѣры ихъ, происхожденіе и проч.—ничего этого изъ книгъ не видно и приходится довольствоваться тутъ одними намеками.

О монастырскомъ лѣсѣ упоминалось выше (см. II главу) по поводу выдачи наградныхъ денегъ труднику Левону, товарищу монастырскаго стряпчаго, за его хожденіе по дѣлу о „посѣченномъ“ калмыками лѣсѣ. Къ этому же дѣлу относятся слѣд. записи: „дано калмыкамъ-толмачамъ“ за ихъ работу, и что они ѣздили осматривать лѣсу, и въ договорѣ чинили всякое споможеніе—рубль“ (л. 400 об.): „взято съ калмыкъ за посѣченой и потравленой лѣсъ, что они калмыки *тернь* и *халину* и иной лѣсъ потравили *велблюдами*—денегъ 83 рубли“ (л. 427 об.).

О принадлежности монастырю луговъ, очевидно въ томъ же сосѣднемъ лѣсу, говорятъ слѣд. записи: съ тѣхъ же калмыковъ, испортившихъ лѣсъ, взято 2 рубля за потравленное сѣно (л. 428); куплено 50 лаптей „на покосъ“, за 10 алтынъ 2 деньги; куплено на 8 денегъ калачей „къ косцамъ“ (л. 409 об.) и др. расходы на покосъ 1701 г. (л. 410); взято съ калмыковъ за потравленное сѣно 1 р. (л. 394 об.) и т. д.

V.

Монастырскія оброчныя статьи: сборы „наемныхъ денегъ“ съ избъ, лавокъ, „куреней“, „скамей“ и лодокъ.—Рыбныя ловли.—Рыболовныя снасти.

Сборъ „наемныхъ (арендныхъ) денегъ“ съ разныхъ оброчныхъ статей, принадлежавшихъ монастырю въ г. Азовѣ и окрестностяхъ, и полученныхъ имъ, главнымъ образомъ въ качествѣ „вкладовъ“, отъ разныхъ жертвователей „на поминъ души“, не приносилъ монастырю большихъ доходовъ, такъ какъ вклады были мелкіе.

Доходнѣе всего были *избы*, сдаваемыя въ наемъ. Одна изъ нихъ лежала „за Дономъ“ и всего чаще сдавалась. Въ мартѣ 1699 г. получено 43 алтына 2 деньги „найму на зиму“ (т. е. прошлую) съ этой избы. Въ іюнѣ взято „найму“ съ нея полтина, въ октябрѣ 1 р. 5 алт. Въ ноябрѣ сдана она на годъ, съ 1 числа, за 6 рублей, задатку взято 2½ р. Изъ этой записи видно, что эта изба получена монастыремъ „за долговыя деньги“ (л. 340). Въ августѣ 1701 г. получено наемныхъ денегъ съ избы, „что за Дономъ“, съ апрѣля по іюль включительно, 18 алт. 2 ден. (л. 390 об.). Въ октябрѣ взято 1½ р. за 3 мѣсяпа и осталось дополучить 1 р., но „наемшикъ Антошка калачникъ сказалъ, что онъ тотъ рубль отдалъ, а кому, о томъ вѣдаетъ казначей Герасимъ“ (л. 393).

Было еще нѣсколько избъ, сдававшихся монастыремъ: за одну получено 1½ р. (срокъ найма не указанъ), за другую взято задатка 16 алт. 4 ден., за третью съ „табачнаго головы“ Ивана Тимофѣева получено 16 алтынъ и т. д.

Нѣсколько избъ продано: получены „достальныя деньги“ 3 р. за проданную матросу избу, „что стоитъ на часовенномъ мѣстѣ“, за проданную избу въ *Козацкой* слободѣ, „съ сѣньми и съ городьбою“, взято 10 р. (л. 389 об.); столько же взято за избу съ сѣнями, „что во *Алексѣевскомъ*“ (л. 887 об.) и пр.

Затѣмъ, монастырю принадлежало нѣсколько лавокъ: съ одной получено 30 алт.; съ 2 лавокъ 9 алт., съ нихъ же

1 р., тоже 10 алт., и еще 10 алт. (въ разные сроки); съ одной взято „оброчныхъ лавочныхъ денегъ съ торговаго человѣка П. Данилова 10 алт.“; съ другой 1 р. 10 денегъ и т. д. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ записяхъ не указывается сроковъ аренды.

Было у монастыря еще нѣсколько *куреней* (особенности этихъ строеній изъ записей не ясны): за наемъ монастырскаго „куреня, что въ Козацкой“ (слободѣ), за 2 мѣсяца полученъ 1 р. (л. 387 об.); взяты „достальныя деньги“ 1 рубль съ калачника, за наемъ „куреня, что въ *Олексѣевскомъ*“ (л. 388).

Третій курень сдавался вмѣстѣ со *скамьей* (полокъ?) на базарѣ: 25 ноября взятъ задатокъ 1 р. съ „гулящаго человѣка“ за нанятый имъ курень (полученный монастыремъ какъ „вкладъ“ одного лица) съ чуланомъ и погребомъ, „да скамья, что на рынку въ Азовѣ“. За наемщикомъ осталось, до понедѣльника Ѳоминой недѣли, 2 рубля (л. 340). Одинъ курень былъ проданъ, задатку получено 3 рубля.

Монастырь владѣлъ значительной флотиліей и сдавалъ суда въ аренду рыбакамъ и др.: взято „найму съ лотки“ 10 алтынъ; „взято съ лотокъ“ 15 алт.; получено „наемныхъ денегъ“ за монастырскую „*будару*“ 26 алт. 4 деньги и т. д. Одну будару монастырь купилъ за 10 р. (л. 417), другую продалъ за 20 р. (л. 333).

Монастырю, наконецъ, принадлежали *рыбныя ловли* въ окрестностяхъ Азова, которыя онъ частію сдавалъ рыбакамъ, а частію самъ занимался какъ для полученія рыбы на монастырскій столъ, такъ и для продажи избытка ея.

О сборѣ „*рыбныхъ* денегъ“ съ рыбаковъ, пользовавшихся монастырскими водами, говорятъ слѣд. записи: „взято съ *котюрмы*, съ 3 лотокъ“, 6 алтынъ; „взято съ котюрмы 3 рубля, съ крючковъ“; принято „рыбныхъ денегъ“ 1 р.; „наймъ“ съ „рыбника“ за ловлю съ 10 мая по 1 октября 1½ рубля; въ маѣ получено „рыбныхъ денегъ съ рыбаковъ, которые ловили *вентарями* и *сѣтками*“, 26 алт. 4 деньги; тогда же „взято съ рыбаковъ, съ 3 *хаюховъ*“, 13 алтынъ;

„взято за рыбныя ловли съ одного *невода*, съ М. Есаулова, 20 алтынъ".

Записи о продажѣ рыбы, пойманной монастырскими снастями и трудниками: въ ноябрѣ 1699 г. продано рыбы на 10 алтынъ, въ апрѣлѣ слѣдующаго года на 4 р. 11 алт., въ маѣ на 16 алт. 4 деньги, въ іюнѣ взято задатку 1 р. за проданную рыбу и т. д. Ниже увидимъ, что, продавая свою рыбу, монастырь въ то же время и покупалъ ее.

Монастырь имѣлъ свои рыболовныя снасти, о чемъ говорятъ записи расходовъ на починку ихъ и на покупку для нихъ разныхъ припасовъ: за 3 фунта *„пряжи"* на починку неводовъ дано 4 алтына; за 2 *бечевы* (размѣръ не указанъ) дано 3 алтына, за 3 бечевы 2 алт., за 4 бечевы 2 гривны и проч.; за 7 *веревокъ* дано 15 алт.; куплено въ г. Черкасскомъ $1^1/_2$ пуда *нитей* за 20 алт.; за 2 пуда нитей на неводъ дано 2 р. 4 гривны и проч.

VI.

Скотный дворъ.—Покупка и продажа коней.—Расходы на сбрую.—Скотоводство.—Расходы на коновала.—Птичникъ.—Пчельникъ.—Продажа хлѣба, огородныхъ овощей и сѣмянъ, дровъ.—Ростовщичество.

О существованіи при монастырѣ особаго скотнаго двора говоритъ запись о покупкѣ за 2 алтына 2 „окончинъ" въ „большую избу на скоцкой дворъ" (л. 401 об.). Монастырь имѣлъ довольно значительное количество коней, рогатаго скота, свиней и проч. Любопытны цѣны того времени на скотъ.

Очень часто онъ покупалъ *коней:* за 5 мериновъ дано 30 р. 18 алт. 2 деньги, за 3 коней 10 р. 35 алт., за одну лошадь 5 р. и т. д.

Цѣны проданныхъ монастыремъ своихъ коней: за одного коня получено 5 р., за другого столько же, за третьяго $5^1/_2$ р. и т. п.

Многочисленны записи о покупкѣ верховой и ѣздовой *сбруи*: за 3 *сѣдла* дано 1 р. 19 алт.. *арканъ* 2 алт., 2 *узды*

2 алт. 4 деньги, 2 *плети* 2 алт. 4 ден.; за *стремена*, 4 пряжки, плеть и 3 ремня—7 алт. 4 ден.; за 2 *шлеи* 6 алт. 4 ден., арканъ и *чунбуры* 3 алт. 2 ден., сѣдло 10 алт. 8 ден., шлея ременная 6 алт., 2 *хомутины* 6 алт., за черную кожу „на сѣдельныя крышки" 26 алт. 4 ден.; за починку 3 хомутовъ и 2 сѣделъ 19 алтынъ и т. д.

Записи о покупкѣ скота: куплено 5 *коровъ* за 17 р. 21 алт., причемъ каждая въ отдѣльности стоила: 3 р. 30 алт., 2 р. 32 алт. 2 ден., 3 р. 7 алт. 4 ден., 4 р. 6 ден., и 3½ р. (л. 402). Въ другой разъ куплено также 5 коровъ, обошедшихся немного дороже—17 р. 31 алт. 4 деньги (л. 409).

Съ другой стороны, монастырь продавалъ свой скотъ, не брезгая даже продажей больного скота на мясо, которое покупали сосѣдніе калмыки, какъ говоритъ слѣд. запись: получено съ калмыковъ 13 алт. 2 деньги „за мяса, что *больна* была телица" (л. 336). Но продавался и живой скотъ: за бычка взяли 30 алт., за „боровка" полтину и проч.

Хотя у монастыря были свои земли около Азова, но, повидимому, выгона не было и приходилось платить за него, какъ говорятъ слѣд. записи: „за паству коровъ" дано 6 алт., „дано отъ травы найму" 5 алт., „отъ травы найму дано" 8 денегъ и проч. Эти записи относятся къ октябрю 1699 года (л. 344).

За чужой скотъ, ходившій въ монастырскомъ стадѣ, взималась особая плата: въ мартѣ получено 4 алтына „найма" съ чужой скотины, „что стояла на дворѣ".

Любопытны записи о ветеринарныхъ расходахъ, напр.: за леченіе лошадей уплочено *коновалу* 10 денегъ (л. 362), коновалу на леченіе коровъ дано 6 денегъ (л. 403), коновалу „что лечилъ лошадей 8 *копьекъ*" (л. 354 об.) и др. Сюда же относятся расходы на ковку лошадей: *кузнецу* дано 20 алт., ему же 3 алт. и т. д.

Былъ у монастыря и свой *птичникъ*: въ ноябрѣ продано 2 *гуся* за 6 алтынъ, тогда же за 6 гусей взято 20 алтынъ и пр.

О монастырскомъ *пчельникѣ* говорятъ двѣ записи 1701 года: въ маѣ куплѳнъ 31 *улей*, по 1 алтыну за улей (л. 407 об.); въ іюнѣ въ г. Черкасскомъ куплено 23 улья за 24 алтына 4 деньги (л. 408 об.). Одна запись говоритъ о выдѣлкѣ *воска:* „били воскъ, дано 4 алтына".

Затѣмъ монастырь имѣлъ немалые доходы отъ продажи разныхъ продуктовъ своего хозяйства, главнымъ образомъ хлѣба: продано 2 четверти *овса* на 30 алт. 10 ден., четверть *сухарей* на 20 алт., кулекъ *пшена* и кулекъ *овсяныхъ крупъ* на 23 алт. 2 ден., 2 четверика тѣхъ же крупъ на 2 р. 2 гривны, четверть ихъ же на $1^1/_2$ р., четверть овса на 13 алт. 2 деньги и т. д.

Нерѣдко продавались огородныя овощи и сѣмена; принято 2 р. „у монастырскаго трудника у Ивана, что продавалъ монастырскую *капусту*" (л. 330); продано капусты же на 40 алтынъ; продано „всякаго сѣмя" на 49 алт.; продано *огуречныхъ* сѣменъ на 6 денегъ съ гривной и „*росады*" на 6 алт. (л. 389) и проч. Но, какъ увидимъ ниже, огородина и покупалась монастыремъ.

Продавались *дрова* изъ монастырскаго лѣса: взято за дрова 1 р. 30 алт., въ другой разъ 20 алт. и пр. Въ тоже время монастырь и покупалъ дрова: дано за дрова 15 р., за пилку ихъ 20 алт. 4 деньги.

Были и другіе доходы, напр., оставшееся отъ умершихъ монаховъ имущество шло въ пользу монастыря: „взято на попѣ Діонисіѣ за кумачной зеленой кофтанъ умершаго старца Іоны рубль" (л. 386 об.) и др.

Не чуждался монастырь и *ростовщичества*, напр.: получена полтина „за *закладныя* серьги, что Ивана кузнеца" (л. 342 об.) и др.

VII.

Монастырскія торговыя операціи съ солью и другими товарами.—Торговая экспедиція чернаго попа Павла въ Царицынъ.

Любопытныя свѣдѣнія о торговлѣ монастыря *солью*, „*хрещомъ*" (матерія) и *сапогами*, и о поѣздкѣ въ 1700 году

іеромонаха *Павла* за солью въ Царицынъ сообщаютъ двѣ отдѣльныя книги, составленныя Павломъ—„книга расходная" (л.л. 372—374) и „книга приходная" (л.л. 375--377).

Первая носитъ такое заглавіе: 1700 г., августа въ 11 день, книга расходная г. Азова Предтечева монастыря черного попа Павла, которые деньги даны изъ казны изъ монастырской на покупку соли, и на работныхъ людей, и на всякой расходъ" (л. 372).

Маршрутъ Павла былъ такой: Маничи, Сергѣнево, Семикаракоры, Тролево, Коргалы, Курмояръ, Кобылино, Чиры и *Царицынъ*.

Съ нимъ было 2 монаха и 3 трудника, не считая временно нанятыхъ рабочихъ. Книга содержитъ записи всѣхъ расходовъ въ пути—покупка рыбы, мяса, молока и друг. съѣстныхъ припасовъ (въ одномъ пунктѣ была куплена „*ботвинія* на 4 деньги") и проч.

Въ Чирахъ нанято 6 подводъ „на Царицынъ и до Панщины, для *лубія* (т. е. лубяные короба подъ соль), дано подводѣ по 9 алтынъ по 2 деньги, и положено по 25 лубовъ на подводу".

Соли куплено 1536 пудовъ, на 39 р. 10 алт. Пошлины за соль уплачено 32 алт. 2 деньги. Соль уложена въ луба, подъ которые нанята 71 подвода (вышеупомянутыя 6 подводъ везли еще пустые короба) до р. Дона.

Въ Панщинѣ куплено рабочимъ 3 осмухи вина на 10 алт., „какъ *будару* крыли, и конопатили, и грузили" (л. 373).

На обратномъ пути маршрутъ Павла былъ такой: Григорьевской городокъ, Кремлянной городокъ, Роспопинъ, Усть-Копра, Вешенской городокъ, Рѣшетово, Мигулино, Донецкой городокъ (гдѣ „отъ печенія хлѣбовъ дано 6 денегъ"), Богучарской, Колитвянской юртъ, Мишенской и Битюцкой юрты, *Рыбной* городокъ.

Въ послѣднемъ „отъ 3 подводъ дано, отъ Рыбного до будары (съ солью) къ Карбузину затону, 40 алт.". Отъ Рыбнаго же до Сыроватого „нането 2 человѣка съ лодкой" за

5 алт. „Отъ Рыбного жъ для перегрузки съ будары нането до Лысой горы 3 человѣка“, по 4 алтына каждому.

21 ноября, когда продана часть соли, „нането къ ней на выгрузку 2 человѣка, дано имъ 10 денегъ“. Подъ остальную соль, на провозъ ея отъ Сыроватаго, нанято 19 подводъ за 40 алтынъ (5 декабря). Въ г. *Острогожскѣ* уплачено за эту соль пошлины 3 р.

7 декабря Павелъ выдалъ полугодовое жалованье себѣ и своимъ спутникамъ; кромѣ того, одному монаху и 3 трудникамъ дано „въ прибавку“ по рублю и меньше, согласно „приказу“ архимандрита съ братіей объ этой выдачѣ, „какъ будару выгонетъ на Рыбной“. На этихъ же сотрудниковъ Павла вышло дорожныхъ расходовъ 12 р.

„Книга приходная“ Павла (л. 375) говоритъ, что 25 ноября 1700 г. продано 1536 пудовъ соли, по 2 алт. 2 деньги за пудъ, всего на 105 р. Отъ покупателей получено деньгами 51 р., да товарами на 54 р., именно—„1000 (аршинъ) *хрещу*, да 190 *сапоговъ* всякихъ“. Тогда же продано „18 аршинъ хрещу“ на 9 алтынъ, да 6 (паръ) сапоговъ на 46 алтынъ.

Кромѣ того, Павелъ учинилъ монастырю прибыль, беря деньги за провозъ чужихъ товаровъ на монастырской бударѣ, именно: „взято изъ Черкасского до Панщины на сплавку съ товару 2 рубля; изъ Тройлова взято съ казака до Усть-Хопра 10 алтынъ“; отъ Острогожска взято за товаръ съ казака 16 алт. 4 деньги.

„Всего въ приходѣ 109 р. 15 алт., въ томъ числѣ наемныхъ, что товаръ посторонній положенъ былъ на монастырскую будару—2 р. 26 алт. 4 деньги“ (л. 375 об.).

На покупку соли Павелъ получилъ отъ монастыря 100 руб. и на „прибыльныя деньги“ отъ продажи соли велѣно ему купить „хрещу“ (л. 376). Повидимому, на покупку сапоговъ не было „приказа“ отъ архимандрита съ братіей, и Павелъ тутъ распорядился самостоятельно, и кажется въ убытокъ монастырю, который не особенно бойко торговалъ сапогами. Такъ, единственная запись о продажѣ значительной партіи „Острогожскихъ сапоговъ“ относится къ ноябрю

1701 г., т. е. ровно черезъ годъ послѣ покупки ихъ: продана 101 пара сапоговъ, по 6 алтынъ пара, всего на 18 р. 6 алт. (л. 394 об.). Другихъ подобныхъ записей нѣтъ и, вѣроятно, остальные сапоги разошлись для братіи и трудовиковъ, хотя, какъ увидимъ ниже, монастырь нерѣдко и покупалъ обувь.

VIII.

Церковные доходы монастыря: сборъ денегъ „вкладныхъ", „синодичныхъ", свѣчныхъ, молебенныхъ, часовенныхъ, „сборныхъ".

Перехожу къ доходамъ монастыря отъ его прямой спеціальности—отъ богослуженія и др. церковныхъ отправленій.

Главный доходъ здѣсь давали такъ называемые *„вклады"* деньгами и имуществомъ за погребеніе разныхъ лицъ на монастырскомъ кладбищѣ, за поминовеніе ихъ и проч. Многочисленны записи о сборѣ вкладныхъ денегъ, и напр.: „принято вкладныхъ денегъ у дворянина (имя не приведено) 1 р. 16 алтынъ 4 деньги"; вкладъ по стрѣльцѣ 1 р., по салдатѣ 1 р.; принято „съ Богородичнаго образа" 2 р. безъ полугривны; вкладъ подьячаго ефимокъ; вкладъ подполковника Корякина 10 р.; вкладъ по попѣ 10 р., по черномъ попѣ 8 р.; „по иноземцѣ" поручикѣ Дмитріѣ Шкодѣ 5 р., по прапорщикѣ 4 р.; „по купецкомъ человѣкѣ что онъ положенъ въ монастырѣ" 5 р.; вкладъ подьячаго за погребеніе 5 р.; за мѣста на кладбищѣ 10 р., 5 р. (всего чаще), 4 р. и проч.; вкладъ по торговомъ человѣкѣ „на свѣчи и на ладонъ" 1 р., взято по умершемъ „за свѣчи гривна, да за *конунъ* гривна" и т. д. Особый случай вклада: принято вкладныхъ, что *постриженъ* монахъ Іоаннъ, наличныхъ 4 р., да еще онъ же отдалъ *кабалу* въ 11 рублевъ" (л. 388).

Записи о пріемѣ вкладовъ разнымъ имуществомъ: вкладъ казачьяго пятидесятника 2 р., „да на торгу лавка"; продана „вкладная изба съ сѣньми" за 12 р.; принятъ вкладъ солдата—меринъ; вкладъ по полковничемъ сынѣ—*„камки алимонной* съ аршинъ" (л. 338 об.); „принесъ *изъ тюрмы* малолѣтной Иванъ Тихой по умершемъ денегъ турецкихъ 4 алт.

2 деньги, да лому серебра золотника съ три, да складни, не въ окладѣ учинены, за слюдою, въ ящику" (л. 339); „снято съ мѣстныхъ иконъ" 7 крестовъ, изъ нихъ 3 съ финифтью, *„золоченыхъ копѣекъ"* на 3 алт. 4 ден., ефимокъ, *„двугрошевикъ съ личиною,* да чехъ, да пол-зерна жемчужного большой руки" (л. 339 об.); вкладъ за мѣсто на кладбищѣ—3 р. и лошадь съ тѣлегою и хомутомъ; принято „вкладное платье" по А. Всеволожскомъ: заячья суконная шуба, зеленый холодный кафтанъ и др. платье, частью проданное и частью розданное монастырскимъ трудникамъ, а одну „шупку отдалъ архимандритъ, а кому, того не вѣдомо" (л. 392 об.) и т. д.

Иногда записи „вкладныхъ" денегъ соединяются съ *„синодичными"*, напр.: вкладъ по кузнецѣ, за вписаніе въ синодикъ и за поминовеніе въ великій постъ—„ожерелейцо" и „кокошникъ, низаные" (л. 337 об.); вкладъ 2 солдатъ за вписаніе въ синодикъ—лошадь, да „попу съ церковники для поминовенья рубль данъ" (л. 340 об.); вкладъ „за мѣсто" 5 р. и за синодикъ (запись одного лица) 1 р., за мѣсто 5 р. и за вписаніе въ синодикъ 2 лицъ 2 р.; за запись въ синодикъ „и за сорокоустъ, и за *говореніе псалтыри"* взята по солдатѣ кобыла съ тѣлегою, хомутомъ и уздою (л. 337).

Отдѣльныя записи синодичныхъ денегъ: съ 4 лицъ взято 4 р.; „принето синодичныхъ денегъ 30 алтынъ", 20 алтынъ и т. д.; за запись въ синодикъ родителей 2 р., „а что онъ же далъ на моленье и братіи на милостыню, и то особо, опричь вышеписанныхъ" (л. 340); съ 3 лицъ взято синодичныхъ 2 р. и т. п.

Записи *свѣчныхъ* денегъ: „принето восковыхъ свѣчныхъ денегъ 2 р.", въ другой разъ 11 р., затѣмъ—11 р. 1 алт. 2 деньги, 1 р., 15 алт., 1 р. и т. д. Особая запись: „принято у пономаря свѣчь разныхъ рукъ (т. е. сортовъ) по счету, цѣною на 6 рублевъ" (л. 338 об.).

Записи *„молебенныхъ* денегъ", собиравшихся въ кружку: въ сентябрѣ 1699 г. вынуто „изъ крушки молебенныхъ денегъ" 30 р., въ мартѣ 1700 г. 4 р. 16 алт. 4 ден., въ сентябрѣ 24 р. и т. д.

Доходы отъ монастырскихъ *часовень:* изъ Азовской часовни „Ивана Воинственника" 28 алт. 2 ден., 9 алт., огарочнаго воску на 16 алт. и т. д. Изъ той же часовни взято 7 алт. 2 ден., „да отъ *Спаса,* что у башни (образъ на одной изъ башень Азовской крѣпости ?), 4 деньги" (л. 440 об).

Доходы Таганрогской часовни: „съ Таганрогу прислалъ изъ часовни монахъ Антоній 8 рублевъ" (л. 393) и т. д.

Въ Таганрогъ же былъ посланъ отдѣльный сборщикъ „*сборныхъ* денегъ": получено отъ монаха Филарета „сборныхъ денегъ, что онъ сбиралъ въ *Троецкомъ* что на Таганрогу, во время приходу разныхъ людей"—60 алтынъ, „да снятожъ у него съ иконы Предтечевой 20 алт.", да у него же свѣчныхъ денегъ 20 алт., да „сборныхъ чеховъ" на 5 алт. (л. 389 об.). Въ другой разъ Филаретъ прислалъ оттуда же довольно крупную сумму сбора—25 р. (л. 390 об.).

IX.

Расходы на кормленіе братіи и трудниковъ: покупка рыбы, хлѣба, соли, огородины, пряностей и проч.—Расходы на платье, сапоги, лапти, чулки, онучи, шапки, голицы, вареги, посуду и разныя мелочи.—Перевозъ.—Расходы на ризницу.

Перехожу къ расходамъ монастыря на разныя нужды братіи и трудниковъ. Едва ли не самою крупною статьею расхода было кормленіе ихъ. Хотя монастырь велъ свое хозяйство и имѣлъ запасы хлѣба (глава IV), соли (гл. VII), рыбы (гл. V), огородины (гл. VI) и проч., однако всего этого не хватало для монастырскаго стола и приходилось еще дѣлать закупки по всѣмъ этимъ статьямъ.

Всего чаще встрѣчаются записи о покупкѣ *рыбы,* хотя у монастыря были свои рыбныя ловли: куплено рыбы на 10 денегъ, на 3 алтына, на 4 деньги и т. п.; или; куплено *щукъ* на 10 ден., „*осетръ* про братію" 10 алт., за 2 *севрюги* 6 алт. и т. д.; или: куплено рыбы „про братію" на 19 алт., на рыбу „къ празднику" (24 іюня) 2 р., къ Рождеству рыбы „про

братію" на 1 р., „для соленья провѣсной рыбы куплена *бѣлужка*" за 2 гривны и проч.

Любопытная запись о разведеніи рыбы въ монастырскомъ пруду: въ августѣ 1701 г. куплено *въ Частаровской прудъ* рыбы 4 осетра, да 3 севрюги, да 2 *сазана*", всего на 60 алт., 4 ден., „да въ той посилкѣ (за живою рыбою) издержано на харчь 2 алтына" (л. 407).

Записи о покупкѣ печенаго хлѣба (очень рѣдкія): за *калачи* дано 4 деньги, хлѣба куплено на 2 алт. 8 ден., калачей на 6 денегъ и т. п.

Покупка соли въ 1699 г.: за 15 пудовъ соли дано 35 алтынъ, за 4 пуда 9 алт. 2 деньги и т. д.

Записи о покупкѣ *огородины: луку* на 7 алт., *гороху* на 6 ден., луку на 10 ден. и пр. Особыя записи: за „3 кулька сѣмя" (какого-то огороднаго) дано 24 алт. (л. 347 об.); монаху Макарью выдано 2 алт. 2 деньги на соль для *соленья огурцовъ* (л. 411) и ему же отпущено 4 алт. 4 ден. на починку „*кадей* огуречныхъ" (л. 411 об.); дано 6 алт. работникамъ, „которые *капусту сѣкли*" и за „новыя *сѣчки*" уплочено 10 алт. 4 деньги (л. 416 об.).

Разные расходы на столъ: *сыру* куплено на 5 алт., *перцу* на 2 алт.; 15 апрѣля 1701 г. „куплено *сандалу*, яйца красить", на 1 алт. (л. 406); на 4 деньги куплено мыла „для мытья *скатертей*" (л. 397).

Второю статьею расходовъ была закупка платья, обуви, шапокъ и т. п. Записи о расходахъ на *платье* для монаховъ и рабочихъ: „дано Конону (Шустову, монастырскому стряпчему) на *кафтанъ* 1 р. 23 алт.; за „сѣрой кафтанъ" дано 10 алтынъ, за другой такой же 8 гривенъ; за починку *шубъ* 3 алт., въ другой разъ за починку одной шубы 6 денегъ; на покупку *епанчи* 26 алт. 4 ден.; за *бурку*, взятую „изъ ряду (торговыхъ рядовъ) въ Озовѣ", 13 алт. 2 ден.; за монашескую *мантію* 40 алтынъ и проч.

Расходы на обувь: а) на *сапоги:* за 6 паръ сапоговъ дано 2 р. 8 алт. 2 ден., за 3 пары „сапоговъ ветчаныхъ" 16 алт. 4 ден., за пару (новыхъ) 5 алт., за другую 7 алт., за 2

пары 15 алт. и т. д.; б) на *лапти:* куплено лаптей на 3 алт. 2 д., за десятокъ паръ лаптей дано 5 алт. 2 ден., за другой десятокъ 3 алтына и проч.

Разные расходы: а) за *чулки* дано 3 алт. 2 ден.; б) за 11 аршинъ сукна на *окучи* 10 алт.; в) за *шапку* 2 алт. 4 ден.. за 2 шапки 6 алт.; г) за „*голицы* съ *вареги*" 2 алт. 4 ден., „2 голицы съ вареги" 8 алт., за 4 вареги 8 алт., за 3 голицы 8 алт., за голицы 2 алт. и т. д.

Записи о покупкѣ посуды и проч.: куплено *горшковъ* на 4 алт.; за *рѣшето* и 2 „*ставьца*" 8 денегъ; за 15 *ложекъ* 10 ден., за 10 *ножей* 9 алт. 4 ден.; за 2 *ведра*, *ставецъ* и *коромысло* 3 алт. 4 ден.; за 4 ведра 5 алт. 2 ден.; горшокъ 3 алт.; *фонарь* 8 ден., 6 *замковъ* 12 алт., 300 „*скобъ* лотошныхъ" 8 алт.; куплено *пороху* на 10 ден.; *сальныхъ свѣчей* на 6 денегъ; за 2 рѣшета 6 ден. и пр.

Плата за *перевозъ* черезъ р. Донъ: „перевозу 4 деньги", „отъ перевозу дано 8 денегъ", „перевозчику" дано 6 денегъ и т. д.

Расходы на *ризницу* и проч.: за 30 аршинъ „*крашанины* на ризы" дано 30 алт.; „отъ дѣла (за работу) *камчатаго* стихаря 8 ден."; 1 гривна дана кузнецу, что „дѣлалъ къ ризницѣ петли"; „*золото* куплено, на золоченье Казанской Богородицы, 20 алтынъ" (л. 418). Вѣроятно, къ ризницѣ же относится покупка крашенины—одинъ разъ на 13 алтынъ, затѣмъ на 14 гривенъ и проч.

X.

Расходы на постройку и ремонтъ монастырскихъ зданій.—Разныя починки.—Печныя, стекольныя и др. работы.—Покупка матеріаловъ и инструментовъ.—Дѣловыя поѣздки.

О расходахъ по строенію и ремонту зданій говорятъ нѣкоторыя записи, напр.: дано рабочимъ, которые „переставливали *келью*", 1 р. 13 алт. 2 ден. (л. 344); дано 3 гривны плотникамъ, работавшимъ „архимандричьи *сѣни*, да дьяконамъ же сѣни, да подлѣ бакчи *баню*" (л. 399 об.); 3 плот-

никамъ, „которые совершали баню и сѣни", дано 5 алт. 2 ден. (л. 403 об.); плотникамъ, кои дѣлали „келью, что на скотскомъ (дворѣ), да за Дономъ въ большой избѣ дѣлали *опечикъ* и иные мелкіе дѣла, и надъ *погребомъ* перекрыли *кровлю*", за все дано 2 гривны (л. 404) и др.

Записи о разныхъ починкахъ: за починку *котла* дано 2 алт. 2 ден.; „дано отъ дѣла отъ 2 *пищалей* 5 алт." (л. 349), „дано отъ дѣла отъ пищалей 3 алт." (л. 350 об.).

Расходы на разныя подѣлки: а) за кладку *печей* дано 6 алт. 4 ден.; за кладку „*каѳлѣной* печи въ новыхъ кельяхъ, что живутъ діаконы", 1½ р.; за починку печи въ „хлѣбнѣ" 2 алт.; б) за вставку 6 „*слюденыхъ окончинъ*" 3 гривны, 3 окончинъ 4 алтына; в) „*свѣчнику* за работу" 10 алт., ему же 9 алтынъ.

Покупка разныхъ матеріаловъ: куплено *досокъ* на 3 р.; за 4 „*стекляныя* окончины" дано 4 алтына, за 2 „*пузырныя* окончины" 2 алтына и проч.

Покупка инструментовъ: за *топоръ* дано 2 алт.; за отдѣлку топора и *бурава* 3 алт.; купленъ топоръ за 3 алт.; за отдѣлку 3 топоровъ 6 алт.; за топоръ дано 2 алт. 2 ден. и т. д.

Расходы на разныя дѣловыя поѣздки, чаще всего въ ближайшій г. *Черкасской,* напр.: въ январѣ 1700 г. „въ той ѣздѣ (за разными покупками въ Черкасскомъ) издержано на всякой *харчь* 4 алтына" (л. 350); въ мартовской поѣздкѣ на харчи истрачено" столько же (л. 351); въ февралѣ 1701 г. казначей Герасимъ истратилъ на поѣздку туда, именно на харчи, 3 алтына (л. 400) и др.

Въ апрѣлѣ 1700 г. 3 трудника посланы въ *Бабій* городокъ за дровами, причемъ истратили на харчи 10 алтынъ (л. 352 об.).

О посылкѣ чернаго попа Павла (см. VII главу) въ *Острогожскъ*, въ декабрѣ 1700 г., сохранилась отдѣльная „книга расходная" (лл. 368 об.—371), имъ составленная. Сюда внесены всѣ дорожные расходы, напр.: куплено капусты на 6 денегъ, конопляного масла на 4 ден., рыбы на 10 ден. и

т. д., или огульныя записи: 24 декабря „поѣхали до деревни Орловки и до Титовой (монастырскія вотчины), издержано на харчь лошади и себѣ 20 алтынъ"; 23 генваря, „какъ поѣхалъ (Павелъ) съ Москвы до Острогожского, издержано" 10 алтынъ и т. д.

Въ Острогожскъ онъ былъ посланъ, повидимому, за покупкою хлѣба, о чемъ говорятъ многія записи о закупкѣ ржи, пшена, пшеничной и гречневой муки и проч. Тамъ же гдѣ-то рожь была смолота: 24 февраля, „какъ стали на мельницѣ молоть, куплено трудникамъ рыбы" на 3 алт. 2 деньги. 27 марта, „какъ *будару* грузили" купленною и смолотою мукою, на харчи издержано 5 алт.; 30 марта записано: „въ сей день бударa пошла" (л. 370 об.).

Въ Острогожскѣ зачѣмъ-то были сняты 2 лавки и дворъ: 31 марта „дано архимандриту *Дивногорскому* (т. е. Дивногорскаго монастыря) отъ найму лавки 30 алтынъ"; „дано отъ найму двора 2 гривны"; „отъ лавки найму (дано) Василію 14 гривенъ".

Особыя записи: „умре монахъ Анофрей" и на его погребеніе истрачено 20 алт.; 28 февраля, въ Острогожскѣ „издержано съ бурмистромъ, да съ головой, да съ ларечнымъ", т. е. съ таможенными и кабацкими властями, 2 гривны (л. 369 об.).

Тотъ же іеромонахъ Павелъ былъ командированъ въ *Москву*, въ декабрѣ 1701 г., повидимому для какихъ-то дѣловыхъ сношеній съ центральной администраціей, о чемъ говоритъ запись расхода на покупку *кипарисной доски*, длиною 3 аршина безъ четверти, за 10 алтынъ, для написанія на ней нѣсколькихъ образовъ, подносимыхъ Павломъ Московскимъ *подьячимъ*. Другая кипарисная доска, въ 2 аршина безъ четверти, но вѣроятно болѣе толстая и вообще высшаго достоинства, обошлась много дороже—въ 4 рубля. Еще было куплено, для поднесенія кому-то въ Москвѣ, 2 пуда „ягодъ" (винныхъ?) и изюма", за 2 р. Для поѣздки куплена *телѣга* за 4 алтына. Сопровождавшимъ Павла двумъ слугамъ куплены шубы, штаны и проч. (л. 426).

XI.

Поѣздки архимандрита Іоасафа въ Москву въ 1699-1700 и 1701 гг.—Путевая расходная книга 1700—1701 гг.—Вторая поѣздка 1700 г.

Любопытны въ бытовомъ отношеніи записи расходовъ архимандрита Іоасафа во время трехъ его поѣздокъ въ Москву по дѣламъ монастыря—въ 1699 и въ 1700—1701 гг. Особенно цѣнны данныя о третьей поѣздкѣ, содержащія довольно обстоятельный отчетъ о путевыхъ расходахъ до Москвы и обратно, въ Азовъ, а также записи Московскихъ расходовъ на разные „подносы“ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, на харчи, закупки и проч.

О первой же поѣздкѣ, 1699 г., свѣдѣнія очень кратки, именно: 25 октября выдано архимандриту Іоасафу изъ монастырской казны, на поѣздку въ Москву, на разныя покупки и на всякіе дорожные расходы—100 р., 10 ефимковъ, 2 золотыхъ (взяты „съ иконъ“ эти „прикладныя деньги“) и еще 12 р., да сопровождавшему его черному попу выдано 1 р. 16 алт. 4 деньги (л. 347). 28 октября за 10 алт. купленъ „осетръ архимандриту на дорогу“ (л. 347 об.). Самая поѣздка состоялась въ ноябрѣ, но свѣдѣній о ней нѣтъ, какъ и отчета архимандрита въ израсходованныхъ деньгахъ. Отсутствіе послѣдняго тѣмъ удивительнѣе, что отчетъ о расходахъ 3-й поѣздки сохранился, хотя на эту поѣздку была отнущена болѣе скромная сумма.

О приготовленіяхъ къ 3-й [1]) поѣздкѣ, 1700—1701 гг., говорятъ слѣдующія записи: 21 сентября выдано архимандриту на дорогу 30 р. (л. 355 об.); за *пищаль,* которую архимандритъ взялъ „съ собою къ Москвѣ“, уплочено кузнецу 20 алтынъ; ему же за оковку колесъ въ телѣгѣ и другія подѣлки дано 10 алтынъ 8 денегъ; сопровождавшему архимандрита труднику куплена шапка за 8 денегъ; куплена бурка за 10 алтынъ для *„казака* Ивана“, взятаго въ Москву.

[1]) О 2-й поѣздкѣ см. ниже.

О самой поѣздкѣ говоритъ „расходная книга“ (лл. 364—367), представляющая отчетъ архимандрита объ израсходованіи въ дорогѣ и Москвѣ 30 р., полученныхъ отъ монастыря.

Въ концѣ сентября о. Іосафъ „поѣхалъ къ Москвѣ для монастырского дѣла“. На первой остановкѣ въ городкѣ *Адарю*, за деготь уплочено 8 денегъ, на слѣдующемъ ночлегѣ данъ 1 алтынъ за харчь. Въ городѣ *Острогожскѣ* „куплено харчю“ на 3 алтына 2 деньги.

Въ *Воронежѣ*, „въ подносъ“ архіерею куплено яблокъ на 4 алтына, да для себя калачей на 3 алтына 2 деньги, да за „вощаныя и сальныя свѣчи“ дано 3 алтына 2 деньги.

На *Ржавцу* куплено вина 1/2 ведра за 10 алт. 2 деньги. Въ *Лебедяни* на харчь истрачено 8 денегъ. „Въ *Данковѣ* дано проводнику, что довелъ до вотчины (монастырской) до деревни *Орловки*, 2 алтына“. Въ городѣ *Михайловѣ* израсходовано 3 алтына 4 деньги на яблоки, квасъ, калачи и сѣно.

Въ дер. Орловкѣ куплено кулей на 6 алтынъ, старостѣ дано 10 алтынъ и „дѣловому человѣку“ 2 алтына.

„У Николы Зарайскаго“ (городъ *Зарайскъ*) заплачено за 1/2 ведра вина 10 алтынъ 10 денегъ, 1/2 пуда соли 3 алтына, калачи 10 денегъ, сальныя свѣчи 6 денегъ, яблоки 6 денегъ, ковка лошадей 6 денегъ.

Въ дер. *Титовой* (монастырская вотчина) пожаловано „дворовой жонкѣ“ 3 алтына 2 деньги, на харчь вышло 4 деньги, на сѣно 6 денегъ.

Расходы *въ Москвѣ:* а) „*подносы*“ разнымъ лицамъ: „*за писмо*“ 5 *иконъ*, подносимыхъ отъ монастыря духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, уплочено иконописцу 2 рубля 3 алтына 2 деньги; куплено „хлѣба въ подносъ“ (кому именно—не сказано) на 2 алтына 2 деньги; купленъ хлѣбъ „въ подносъ *Рязанскому* митрополиту“ въ 2 алтына; куплено 6 хлѣбовъ, каждый въ 2 алтына, „въ подносъ“ слѣдующимъ лицамъ: *Крутицкому* митрополиту, князю Гаврилѣ Ивановичу (?), „духовнику (царскому) Петру Васильевичу“, боярынѣ *Шеиной,*

боярынѣ *Протасьевой* и *Іерусалимскому* архимандриту; Никитѣ Моисеевичу *(Зотову)* поднесенъ хлѣбъ въ 8 денегъ.

б) Рождественскіе расходы на *славельщиковъ*: „да отъ славленья дано *государевымъ пѣвчимъ*“ 16 алтынъ 4 деньги, „*патріаршимъ* пѣвчимъ“ 2 деньги, „архіерейскимъ дьяконамъ“ 3 алтына 2 деньги.

в) Покупки для монастыря: „на *евангелія* дано 20 рублевъ да 6 золотыхъ“; за *икону* Тихвинской Богородицы 3 рубля 16 алтынъ 4 деньги, за икону св. Николая 3 рубля, за *книгу „Сборникъ“* 4 рубля (единственная покупка книги за $2^1/_8$ года).

г) Разныя закупки: за „голову *сахара*“ 16 алтынъ (л. 366 об.), гвоздика и корица 12 алтынъ, *хомутъ* 16 алтынъ 4 деньги, шафранъ 12 алтынъ, *дуга* и *оглобли* 5 алтынъ.

д) Расходы на харчи и проч.: сѣно на 2 алтына, сальныя свѣчи 6 денегъ, харчей на 2 алтына, да еще „на всякую харчь разошлось на Москвѣ 5 алтынъ“—такъ мало потому, очевидно, что архимандритъ останавливался въ какомъ нибудь монастырѣ, на даровыхъ хлѣбахъ.

По монастырскимъ дѣламъ архимандритъ вызвалъ въ Москву изъ Азова монастырскаго стряпчаго Конона Шустова, которому изъ монастырской казны дано *на дорогу двѣ гривны* (sic). По возвращеніи Шустову выдали еще 3 рубля, но они зачтены въ жалованье (л. 399).

На обратномъ пути, уже въ 1701 г., отъ Москвы до Острогожска (изъ той же „расходной книги“ архимандрита Іоасафа) израсходовано: въ *Тулѣ* куплена *винтовка* за *2* рубля и *„желѣзы“* (арестантскіе) за 6 алтынъ 4 деньги. Отъ Тулы до Острогожска истрачено на харчь 3 алтына 2 деньги.

Расходы въ Острогожскѣ: за 2 фунта свинцу и 2 фунта пороху дано 14 алтынъ, *„тяжи на коляску“* 8 денегъ, за ковку коней 10 алтынъ, дегтю на 4 алтына, харчи и другіе расходы 16 алтынъ 4 деньги.

Кромѣ монастырскихъ 30 рублей, архимандритъ еще издержалъ „своихъ денегъ“ 13 рублей 9 алтынъ 2 деньги, да 6 „золотыхъ“ (л. 367).

Ранѣе этой третьей поѣздки 1700—1701 г., происходила въ началѣ 1700 г. вторая поѣзда архимандрита въ Москву, вѣроятно, въ январѣ или февралѣ, о чемъ говоритъ отдѣльный документъ: „1700 году, тетрать записная, что въ расходѣ денегъ монастырскихъ *отъ Москвы до Азова*... взялъ на тотъ расходъ архимандритъ Іоасафъ 30 рублей 10 алтынъ у монаха Петра на Москвѣ“ (л. 379).

Отнести этотъ документъ къ предыдущей поѣздкѣ нельзя, такъ какъ здѣсь совсѣмъ другой маршрутъ обратнаго пути архимандрита (именно: чрезъ Ефремовъ, Елецъ и Воронежъ, которыхъ нѣтъ въ „росходной книгѣ“ 1700—1701 гг., какъ въ „тетрати записной“ 1700 г. нѣтъ Острогожска), другіе расходы и разныя путевыя обстоятельства. Напр.: по „книгѣ расходной“ архимандритъ возвращался въ коляскѣ, а по „зап. тетради“—въ *саняхъ*, за кои уплочено, кажется въ Москвѣ, 13 алт. 2 деньги, или: по 1-й книгѣ въ Тулѣ куплена винтовка, а по 2-й—куплены тамъ 2 *бердыша* и 2 топора за 16 алт. 4 деньги, да *копье* за 10 денегъ и проч.

Записи „тетрати записной“ говорятъ, главнымъ образомъ, о расходахъ на путевыя харчи, о покупкѣ разныхъ хозяйственныхъ предметовъ и проч.

Н. Оглоблинъ.

Цѣна 1 руб 25 коп., съ пересылкой.

Цѣна IV-й и V-й книгъ „Чтеній“ по			2 р.	50 к	
„ VI-й	„	„	3 „	50 „	
„ II, VII, IX, XIII	„	„	3 „		
„ VIII, X, XI	„	„	2 „		
„ XII	„	„	4 „		
„ XIV, вып. 1	„	„	1 „	25 „	каждая съ пересылкой.
„ — „ 2 и 3	„	„	1 „	40 „	
„ XV, „ 1, 2, 3 и 4	„	„	1 „	50 „	
„ XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		„	4 „	50 „	
„ „ „ 4	„	„	1 „	50 „	
„ XVII „ 1		„	1 „	50 „	
„ „ „ 2, 3 и 4	„	„	1 „	25 „	
„ XVIII „ 1 и 2	„	„	1 „	25 „	
„ „ „ 3 и 4	„	„	2 „		
„ XIX „ 1—3	„	„	1 „	25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологич. Съѣзда“, 2 тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. К., 1878 г. Ц. 15 р. (вм. 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

„25-лѣтіе Истор. Общества Нестора-лѣт.“ (Рѣчь и историч. записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Ц. 75 коп., съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому. К. 1904. Ц. 2. р. съ пересылкой.

Eranos. Сборникъ статей по литературѣ и исторіи въ честь Н. П. Дашкевича. К. 1906. Ц. 2 р. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора-лѣт.“ съ 1907 г. выходятъ томами въ 3 выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 3 выпуска,—**3 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*